Паула Гальего - Все Темные Создания

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜
http://vk.com/club43447162
Оригинальное название: Todas las criaturas oscuras
Автор: Paula Gallego / Паула Гальего
Серии: Gaueko #1 / Гауэко #1
Перевод: nasya29
Редактор: nasya29

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras

Аннотация

Много лет Лира носит маску. Как и другие Вороны из ордена, она обладает даром, способным принимать любой облик, даже облик принцессы. Её тренировали до тех пор, пока от её собственной личности ничего не осталось, и теперь она действует, говорит и мыслит, как настоящая наследница, которую она должна убить и заменить.

Лира вынуждена внедриться во дворец, который, как оказалось, она знает не так хорошо, как предполагала, и столкнуться с капитаном Кирианом.

Дерзкий, опасный и дикий, он тот человек, от которого принцесса должна была держаться подальше, и к которому Лира не должна даже приближаться. Однако вскоре она поймет, что украденная жизнь таит в себе темные секреты, которые приведут её к неожиданным союзам. В мире, где власть означит всё, Лире предстоит понять, что существуют силы, неподвластные контролю.

«Погрузись в эту ослепительную, захватывающую и полную сюрпризов историю. Не доверяй ни Пауле, ни её персонажам — они возьмут тебя за руку и не отпустят, пока не убедятся, что ты остался без дыхания».

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras

Оглавление

Пролог 5
Глава 1 7
Вороны 17
Глава 2 18
Глава 3 29
Глава 4 42
Любовница короля и знахарка 46
Глава 5 48
Глава 6 55
Глава 7 63
Мальчик, который перестал бояться гроз 74
Глава 8 76
Глава 9 81
Глава 10 89
Соргинак 93
Глава 11 94
Глава 12 101
Глава 13 108
Иларги 113
Глава 14 114
Глава 15 116
Глава 16 124
Месяц волка 130
Глава 17 132
Глава 18 143
Глава 19 154
Гребень Ламии 165
Глава 20 166
Глава 21 172
Глава 22 188
Ингума 198
Глава 23 200
Глава 24 207
Глава 25 212
Гауэко 218
Глава 26 220
Глава 27 227
Глава 28 231
Майтеминду 235

Глава 29 236
Глава 30 243
Глава 31 249
Гуарги 257
Глава 32 258
Глава 33 267
Глава 34 272
Вороны и волки 278
Глава 35 279
Глава 36 285
Глава 37 291
Дочь Мари..... 294
Глава 38 296
Глава 39 302
Эпилог..... 307
Глоссарий..... 309

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Пролог

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Сегодня ночью я умру.

Это произойдёт, когда часы пробьют три. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Я знала это уже давно, но страх всё ещё сковывает мои пальцы, пока я продвигаюсь по слабо освещённому коридору.

В тени за углом меня ждёт фигура. Это служанка, с руками, сложенными на коленях. Она одна из наших. Проникнув во дворец много лет назад, она, возможно, провела здесь больше времени, чем у себя дома. Она подаёт мне знак: это сигнал. Следующий коридор тоже будет пуст, терпеливо ожидая, пока я пройду последние метры до своей цели.

Я считаю шаги и дыхания. Я не могу замедляться, но и не должна идти быстрее.

Когда я подхожу к высоким двустворчатым дверям, величественным и изящным, два стражника, стоящие на страже, отступают, потому что тоже меня ждали. Один из них протягивает руку и мягко открывает дверь, показывая мне тёмный интерьер.

Задержав дыхание, я без промедления вхожу внутрь. Комната просторна, даже приёмная, где окна распахнуты настежь. Она оставила их открытыми, потому что хотела слышать бурю.

Я иду тихо. Мои шаги — лишь легкий шорох по сравнению с ревом ветра.

Оставив приёмную позади, я пересекаю порог спальни. Неясная фигура беспокойно ворочается во сне. Возможно, какой-то дух послал ей сон-предупреждение, который ей не поможет.

Она ничего не замечает, пока я забираюсь на кровать, пока матрас не прогибается под моими коленями, и я не подбираюсь к ней. Она не просыпается, когда я оказываюсь рядом, даже когда мои дрожащие пальцы хватаются за кинжал у моего бока.

Я оглядываюсь на часы на туалетном столике, которые показывают час моей смерти.

Затем я сажусь верхом на неё и крепко сжимаю оружие. Она просыпается с криком, который я тут же заглушаю одной рукой.

Это момент, к которому я готовилась всю свою жизнь. Каждое испытание, каждая рана, каждая капля крови… всё имеет смысл только в этот миг.

И в одном ужасе взгляда я вижу, что она узнаёт меня; она узнаёт себя в этом лице.

Две капли воды. Два крыла одной вороны.

Чёрные, волнистые и блестящие волосы растрёпаны на её обнажённых плечах. Широко раскрытые зелёные глаза.

Она боится. В свои последние мгновения принцесса Лира, никогда не проявлявшая слабости или страха, паникует. И она боится меня.

В этот смутный миг, когда кошмары врываются в реальность, у меня есть секунда, чтобы тоже внимательно её рассмотреть.

Это второй раз за всю мою жизнь, когда я вижу её лицом к лицу, хотя я видела её каждый день по ту сторону зеркала с тех пор, как мне исполнилось девять лет.

Воздух проходит сквозь мои пальцы, когда она пытается вдохнуть, чтобы закричать, но я сжимаю руку крепче и не позволяю ей.

Настал момент.

Я поднимаю руку и одним движением пронзаю её сердце.

Её умоляющая рука цепляется за мой локоть и вонзает ногти в кожу. На мгновение она напрягается, а в следующий момент становится мягкой и вялой. Её глаза закрываются; энергия покидает её. И в тот же момент, когда умирает Лира, умираю и я; потому что я никогда больше не смогу быть той, кем была до того, как стать ею.

Я поднимаюсь, словно во сне. Двое солдат, ожидавших снаружи, врываются в комнату вместе со служанкой, которая быстро забирает у меня кинжал. Один из мужчин снимает с меня тёмную накидку. Другой расстёгивает мои ремни и освобождает меня от остальных оружий. Как в хорошо отрепетированном спектакле, трое из них быстро и безмолвно движутся по комнате, нарушая тишину только шумом бури.

Стражники поднимают тело той, кто была Лирой все эти годы, и заворачивают его в простыню, испачканную её кровью. Женщина собирает мою одежду, которую я снимаю по частям, и протягивает мне ночную рубашку, идентичную той, что была на покойной, прежде чем перестелить постель.

Никто не произносит ни слова, пока они выносят тело, и я занимаю место, где Лира видела свои сны. Они покидают комнату, оставляя меня одну, с ночью и штормом.

Моё сердце всё ещё бешено стучит, когда утром приходят за принцессой и находят меня, не замечая подмены.

И никогда не заметят, потому что теперь я — Лира.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 1

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Я делаю вид, что просыпаюсь от двух легких ударов в дверь моих покоев, и Дана входит, чтобы отдернуть тяжелые золотые шторы и остановиться перед кроватью.

—Доброе утро, принцесса, — приветствует меня.

Я отвечаю ей кивком головы.

С тех пор, как меня завербовали до моего девятилетия, я принимала множество форм, тренировалась, обучалась и даже участвовала в незначительных миссиях. Всё, чего я добилась, мои навыки и природные данные сделали меня подходящей для самой крупной, амбициозной и сложной миссии, которую когда-либо готовил Орден Воронов.

В девять лет избранные новобранцы приняли форму, к которой их будут готовить с этого момента: форму Лиры.

В рамках любой миссии готовят несколько кандидатов на одну роль из-за высокой вероятности неудачи. Когда приходит время замены, одного из новобранцев выбирают, а остальных переназначают.

Мы начали с двадцати одной.

Все остальные провалились, отказались или погибли, и теперь единственная оставшаяся Лира — это я. Три месяца назад я стала ею и с тех пор тщательно соблюдаю её распорядок, не вызывая ни у кого подозрений.

—Что вы хотите надеть этим вечером?

Дана нервно складывает руки на коленях и ждёт.

Я изучала её на втором году обучения и, возможно, знаю её лучше, чем она сама.

Настоящая Лира включила её в свой маленький круг приближенных после того, как та потеряла свою семью. Это был не акт сострадания, а инвестиция. К тому времени уже было два покушения с использованием яда, и единственный способ защитить себя, который знала Лира, — создать крепкую, маленькую и надёжную сеть. Она снова и снова проверяла Дану, пока не начала доверять ей. На левой щеке служанки до сих пор есть шрам, напоминающий, что служение Лире имеет свою цену.

—Зелёное платье, — отвечаю я. Во мне просыпается актриса, поэтому я не останавливаюсь на этом, — Сегодня мы встречаем наших солдат. Пусть оно будет цвета лесов, в которых они сражались.

Дана кивает. Ей больше не нужно задавать вопросы, и она направляется к двери, ведущей в большую гардеробную, слегка замаскированную в стене, и возвращается с тремя платьями, которые аккуратно раскладывает на кровати.

Я встаю, чтобы осмотреть их с притворным вниманием, и в итоге выбираю самое тёмное: платье с шелковым узором, тканое серебряными и золотыми нитями и украшенное шнурами, кисточками, галунами... Всё это проявление роскоши и богатства, что кажется идеальным выбором для вечера, когда главной целью Лиры будет произвести впечатление.

— Это отличный выбор, — говорит Дана, спешащая убрать остальные два платья. — Я выглажу его и подготовлю, чтобы оно было готово к вечеру.

— Спасибо, Дана. Теперь принеси мне тренировочный костюм.

Дана бросает на меня быстрый взгляд, но тут же отводит глаза. У неё большие карие глаза, в которых мерцает сомнение, когда она слышит, как я её благодарю. Это не ошибка; я знаю, что настоящая Лира не сделала бы этого, но есть небольшие, тонкие изменения, которые я могу вносить, если буду делать это постепенно. Прекратить мучить свою личную служанку — одно из таких изменений.

Я собираюсь сделать то же самое с моими тренировками, которые, возможно, являются одними из самых трудных моих задач. Дело не в том, чтобы продемонстрировать такие же техники, как у Лиры, такое же владение оружием или такие же рефлексы. Настоящая сложность — подавить ту часть меня, которая знает больше, сражается лучше, действует иначе.

Пока что я должна тренироваться, как Лира: с теми же движениями, теми же привычками и манерами; и с теми же ошибками. Однако, постепенно я начну улучшаться. Я никогда не смогу полностью показать свои настоящие способности, но, по крайней мере, смогу перестать так сильно сдерживаться во время самых базовых тренировок.

Все новобранцы следовали строгому распорядку, в котором мы должны были изучать и переживать всё, что переживала Лира. Так что у нас было две тренировки: та, которую выполняла Лира, и настоящая.

Так обстоит дело со всем. Есть политика, которая интересует Лиру, и вся остальная политика. Есть спектакли, которые она знает, и все те, которые мы изучали, чтобы хорошо знать Львов.

Когда я заканчиваю, я больше утомлена от сдерживания себя, чем от ударов, которые получила. Один из членов стражи, тренировавшийся в той же зале, осмеливается меня похвалить. Разговор с ним дается мне невероятно легко. Я всю жизнь готовилась к этому моменту, и каждое слово выходит из моих уст, не требуя размышлений. Я изучила каждого человека, с кем могла бы пересечься, и отношения, которые их связывают с Лирой.

Её окружение состоит из трёх групп. В первой, на которую я потратила больше всего времени, находятся самые важные люди: её покойные родители, монархи, которым она служит, брат, которого она не видела много лет, и все любовники, имевшие удовольствие делить с ней постель.

Во второй группе сосредоточены второстепенные персонажи: Дана, её служанка, тренеры, которые её готовят, капитаны армии, с которыми она поддерживает что-то похожее на дружбу…

В последней группе находятся вспомогательное окружение: любовники на одну ночь, дворяне, с которыми она вынуждена общаться из вежливости, капитаны, которых она едва знает, и все те люди из обслуживающего персонала, с которыми она общается едва ли значимо.

Вороны, внедренные в двор, более десяти лет собирали информацию, обновляли её и передавали Ордену. Поэтому я знаю, что это не первый раз, когда этот солдат набирается смелости поговорить с Лирой, что однажды она дала ему надежду, так как он её привлекал.

Однако, она никогда не пошла бы дальше; потому что если Лира что-то и заботило, так это её репутация, и она никогда не позволила бы, чтобы её застали в постели с простым стражем.

Лира предназначена быть королевой. Она стала целью, когда ей исполнилось девять лет и всю её семью убили. Она должна была унаследовать трон своих родителей и править всеми северными королевствами, но затем началась война, Львы начали

завоевывать земли Волков и убили всю королевскую семью, кроме Лиры и её брата, которых захватили.

Тогда кто-то решил, что эта украденная принцесса, удерживаемая во дворе Львов, может когда-нибудь стать важной фигурой на шахматной доске.

И они не ошиблись.

А если ошиблись, то сделали всё возможное, чтобы это исправить.

Теперь Лира тоже будет править, когда выйдет замуж за наследника трона, чтобы укрепить власть Львов на севере: брак между сыном завоевателей и украденной принцессой северных земель, территорий Волков.

Каждая деталь жизни Лиры — это подробность, которую я изучила, знаю как свою собственную, и, если не помню, если это что-то столь незначительное, личное или неловкое, что до сих пор никто не знал об этом, я достаточно хорошо её знаю, чтобы понять, как она отреагировала бы на комментарий, напоминание или упоминание.

Поэтому я знаю, что Лира никогда не завела бы роман со стражем.

Остальная часть дня проходит легко. Я следую своему распорядку, принимаю долгую ванну, посещаю заседания совета, в котором состою, прогуливаюсь на своём коне и провожу неприлично много времени, позволяя Дане помогать мне готовиться к сегодняшнему банкету.

Я прихожу в Лунный зал в сопровождении двух стражей; ещё один момент, который мне нужно постепенно изменить, чтобы получить немного уединения. Там собрались капитаны армии, а также самые важные дворянские семьи окрестностей, чтобы дождаться монархов. Офицеры более низкого ранга будут праздновать в Солнечном зале, куда мы отправимся позже, чтобы почтить их своим присутствием.

Мой приход объявляется так, как положено по моему положению: невеста Эриса, наследника Львов, и будущая королева.

Эрис — высокомерный, жестокий и поверхностный человек, с которым, к счастью, я ещё не пересекалась, так как его нет при дворе. Однако, я знаю, что моя судьба неизбежна и однажды мне придётся соединиться с ним, как это сделала бы Лира.

Капитаны оборачиваются, увидев меня входящей. Я не скрываю улыбки, когда замечаю, что платье производит именно то впечатление, которое я желала, но не останавливаюсь говорить ни с кем, пока не замечаю Натаниэля.

— Дорогой, я рада видеть тебя живым и здоровым.

Натаниэль — старый друг; один из немногих людей из детства Лиры, с кем она не разорвала все связи. Дружба объединяла их семьи, хотя семья Натаниэля заняла сторону Львов, убивших семью принцессы.

Она училась с ним, тренировалась вместе и сражалась бы под одним знаменем, если бы Лире было позволено идти на войну.

Два года назад они переспали всего один раз. Я помню этот эпизод отчёта с ясностью: «Рано утром Натаниэль покидает покои Лиры, и на следующий день они притворяются, что не помнят произошедшего, даже когда думают, что остались одни. Через шесть месяцев он пытается снова сблизиться с ней за ночь до возвращения на фронт, но она его отвергает. С тех пор их отношения остаются формально дружескими».

Лира редко спала с одним и тем же человеком более одного раза. Возможно, чтобы не завязывать близких связей. Возможно, чтобы не раздражать королевскую семью. Распутство членов двора не является секретом ни для кого, но она должна была выйти

замуж за наследника трона, и приличие требует, чтобы все отношения вне брака оставались в тайне в случае женщин.

— Я рад видеть, что ты всё так же ослепительна, как всегда.

Натаниэль протягивает мне руку, и я принимаю её, чтобы он сопроводил меня к моему месту. Он устраивается рядом.

Один за другим капитаны также входят в Зал. Их легко отличить от знати, так как они одеты для войны: лёгкие кожаные доспехи, толстые накидки и мечи из лунной стали, прикреплённые к бедру.

Многие из них родом с северных земель, где война всё ещё продолжается; это похищенные дети, привезённые ко двору в качестве заложников, предметов торга или гарантов. Все они в итоге присягнули на верность короне Льва и теперь, одинокие и без семьи, сражаются на землях, откуда были вырваны.

Некоторые королевства за пределами севера сопротивляются; другие же склонили свои знамена под флагом Льва.

Даже без этой одежды я бы узнала, кто они. В Ордене следили, чтобы мы все знали. Политические интриги важны, хрупкая верность тех, кто однажды может стать опасным, тщательно изучается. Лира должна была знать это, но всё равно не стремилась заводить дружбу с ними, потому что боялась. В конце концов, она была похищенной принцессой, которая постоянно должна была доказывать свою верность и не рисковала давать кому-либо повод для сплетен.

Сегодня я пытаюсь поговорить с ними. Я зову капитана Ниириду, когда она собирается сесть слишком далеко. Жестом руки и улыбкой я приглашаю её. Я вижу, как она слегка поднимает одну из своих элегантных светлых бровей, прежде чем сказать что-то одному из своих товарищей и подойти ко мне, чтобы сесть напротив.

Никто не может отказаться от приглашения Лиры. Технически могли бы, да; но это было бы невыгодно. Однажды я стану их королевой.

Хотя большая часть власти, которую я сейчас обладаю, носит символический характер, хотя мне не позволено сражаться или вернуться на север, я управляю всеми капитанами, и когда наследник короны взойдёт на трон, я буду рядом с ним. Выше меня будут только он и монархи, и это так, потому что баланс сил сложен, нестабилен и может измениться от одного государственного переворота… если бы у Лиры были союзники, если бы она захотела вернуть дальнему северу его земли.

Нирида выглядит так, как её описывали во всех докладах. Высокая и с крепкими плечами, стройная в талии и обладающая природной грацией, которую невозможно натренировать. Её длинные светлые волосы, такие же бледные, как отражение луны, собраны в высокий хвост и украшены кожаной лентой, типичной для её родины, и я удивлена, что она её сохранила.

Монархи опаздывают; значительно опаздывают.

Это не имеет значения, но посылает сигнал; намеренно или нет, я пока не знаю.

Все мы встаём, когда входят король и королева. Король одет в чёрное, но без кожаных деталей, характерных для капитанов. Единственный цвет в его наряде – серая волчья шкура, накинутая на спину. Королева, напротив, в синем, в пышном наряде с широкими кружевными рукавами и юбкой с тончайшей серебряной вышивкой.

— Дорогие друзья! — говорит королева, прежде чем сесть. — Спасибо, что удостоили наш стол своим присутствием и спасибо за вашу борьбу за Львов на освобождённых землях.

Освобождённых, а не завоёванных. Подбор слов был тщательным.

— Война долгая и утомительная, все устали, но вы, капитаны, продолжаете вести войска к победе, и сегодня мы здесь, чтобы отпраздновать новый триумф. Ешьте, пейте и наслаждайтесь всеми удовольствиями, которые может предложить этот двор.

Королева поднимает свой бокал, и король подражает ей. Дворяне аплодируют, некоторые капитаны издают громкие возгласы и ритмично стучат сапогами о пол. Нирида тоже.

Вскоре после этого королева зовёт одного из слуг, и тот просит меня подойти к монархам.

— Принцесса Лира, — обращается ко мне Моргана.

— Ваши Величества, — я кланяюсь с должной скромностью.

— Дорогая, — говорит король Аарон. — Вам нравится?

— Очень. Великолепный вечер, Ваше Величество.

— Спасибо, Лира. Эрис передаёт привет. Ему бы хотелось быть здесь на праздновании, но, боюсь, недавнее завоевание Ликаона требует его присутствия.

Я натягиваю очаровательную улыбку. Очень сомневаюсь, что Эрис хотел бы быть здесь. Его юность была полна скандалов, которые даже Моргана не смогла скрыть, и с тех пор, как он стал достаточно взрослым, чтобы уйти от ревнивого, но неэффективного контроля родителей, он не появляется при дворе, даже если его будущая невеста живёт здесь.

— Я с нетерпением жду встречи с ним, — отвечаю я.

— Уверен, он тоже, — добродушно отвечает Аарон. — Ухаживать за вами должно быть приятнее, чем управлять нестабильным королевством.

Он смеётся, и я киваю, соглашаясь, хотя это не так.

Когда завоёвывают новую территорию, короли назначают герцогов или других придворных с тесными связями, чтобы они правили от их имени. Когда пару лет назад завоевали Ликаон, Эрис отправился туда с радостью, чтобы навязать свою волю. По сведениям шпионов Воронов, проникших в его двор, народ страдает от суровой репрессии, а дворяне, живущие под его покровительством, боятся его настолько, что он чувствует себя комфортно.

Месяцы прошли с тех пор, как настоящая Лира видела его в последний раз, и, насколько я знаю, она была довольна этим.

Попрощавшись, я возвращаюсь к своему месту рядом с капитаном Ниридой. Остаток вечера я посвящаю укреплению возможных отношений с ней. Сегодня я больше слушаю, чем говорю, и иногда становлюсь центром внимания, ведь Лира не любила оставаться незамеченной.

Я слушаю разговоры Ниридy с другими капитанами и отмечаю для себя неосторожные слова Натаниэля, который после второй чаши усиливает личный контакт, незаметно касаясь моей руки и приближаясь больше, чем нужно, когда хочет что-то прошептать. Меня это не беспокоит. Если я не хочу, чтобы что-то произошло, этого не произойдёт. Лира уже однажды отвергла его, и никого не удивит, если она сделает это снова.

Прошло немало времени с тоста королевы, когда прибытие опоздавшего капитана привлекает всеобщее внимание.

Его зовут Кириан. Он тоже был украденным ребёнком; тем, кто доставлял много проблем. Вокруг него всегда крутились слухи, политические интриги и заговоры, которые привели к большему количеству смертей, чем хотелось бы монархам. Мы изучали его как часть политической структуры двора и армии, но он не был важен, так как принадлежал к периферийному кругу отношений Лиры:

«Капитан армии. Они едва обменялись парой любезных фраз на военных встречах и социальных мероприятиях. Лира не нравится ему, и он не нравится Лире; но отношения остаются вежливыми».

Кириан приближается с уверенной походкой, с широкими шагами, которые быстро преодолевают расстояние до монархов. Он также носит капитанский кожаный наряд и имеет слишком длинные для укладки назад чёрные волосы, но слишком короткие, чтобы завязать их кожаной лентой, как у его товарищей.

Он кланяется, когда оказывается перед ними.

— Ваши Величества, — приветствует он. — Должен извиниться за своё опоздание; надеюсь, я не оскорбил вас.

— Глупости, — отвечает король Аарон. — Садитесь, ешьте и наслаждайтесь. Все вы это заслужили.

Кириан выпрямляется и собирается повернуться, когда ледяной голос королевы прерывает его:

— Мне бы хотелось узнать, капитан, что задержало вас; что заставило вас опоздать. Мы не хотели бы, чтобы вы чувствовали себя обязанным одарить нас своим присутствием, если вас звало что-то более срочное в другом месте.

Кириан улыбается лукавой улыбкой.

Капитан известен не только трагедиями и интригами своей семейной истории, но и своим разгульным образом жизни: он стал причиной скандала в нескольких дворянских семьях и свёл с ума несколько дам и даже одного кавалера, которые так и не получили ответной взаимности; по крайней мере, дольше тех недель, когда он оставался на одном месте.

Говорят, что однажды он опоздал на войну из-за ночного приключения. Он не явился вовремя на сражение, которое сам должен был возглавить, но это не имело последствий, так как результат был безупречным.

— Нисколько, — отвечает он решительно. — Боюсь, это целиком моя вина. Прошу прощения за свою непунктуальность.

Ещё одна улыбка и лёгкий, услужливый поклон, пока королева продолжает хмуриться, а король улыбается успокаивающе.

— Мы рады знать, что ничего серьёзного, — заключает он, махнув рукой, чтобы снять напряжение. — Пожалуйста, развлекайтесь.

Кириан кивает и грациозно уходит. Королева продолжает смотреть ему вслед, потому что, несмотря на извинения, она всё ещё не знает, где был капитан, который, вероятно, безрассудно с кем-то праздновал победу.

Пока он уходит, я замечаю, как он слегка поворачивает голову и, кажется, смотрит на меня мгновение, всего одно, прежде чем сесть вдалеке от монархов и меня. Он действительно красив. Портреты, которые нам показывали, не передавали всей его привлекательности, а ведь это были хорошие портреты: чётко очерченная челюсть, выдающиеся скулы и глаза, холодные как лёд северного волка.

Некоторые из кандидаток на роль Лиры украли его портреты; и вовсе не для изучения.

Вечер продолжается, и я остаюсь до тех пор, пока не уйдёт королева. Король, всегда готовый почтить подданных своим присутствием, остаётся гораздо дольше; возможно, до самого конца в Зале Солнца. У него тоже есть определённая репутация, возможно, поэтому он проявляет симпатию к капитану Кириану.

Возвращаясь в свои покои, я отказываюсь от сопровождения охраны, но не могу попросить тех, кто охраняет мою дверь, уйти этой ночью.

Когда я прихожу, Дана уже здесь, но я отправляю её отдыхать и раздеваюсь сама.

Я разуваюсь в прихожей и подхожу к открытым окнам, чтобы позволить зимнему холоду освежить меня и освободить от духоты Зала Луны, которая до сих пор липнет к моей коже.

Закрываю глаза и на мгновение наслаждаюсь тишиной, пока не слышу что-то.

Медленно поворачиваюсь, напряжённая, и убеждаюсь, что входная дверь всё ещё закрыта, так же как и двери в ванную и кабинет. Вероятно, это был сквозняк. Тем не менее, я отхожу от окна и направляюсь в спальню, потому что иногда инстинкт важнее разума.

Дана не оставила включённым ни одного светильника, кроме свечи, горящей в прихожей, и я едва вижу, делая два шага внутрь. Я иду к канделябру, стоящему на тумбочке, когда внезапно ощущаю руку, обхватывающую мою талию, и другую, закрывающую рот.

Грубый голос щекочет ухо:

— Ш-ш-ш… не кричи. Не шуми.

Моментально. Часть меня, не подчиняющаяся никакому протоколу, никакой выученной роли, реагирует. Я освобождаюсь ударом в живот, но не позволяю ему отойти. Я делаю захват, и когда уверена, что сейчас всё изменится, мой нападавший останавливает меня. Он пресекает захват грубой силой и успевает поднять руку, чтобы остановить резкий удар в челюсть; один из тех ударов, которые Лира отрабатывает ежедневно. Пока я могу, я должна придерживаться её боевых навыков.

Я издаю стон разочарования, но не кричу; конечно, нет. Я не собираюсь никого в дворце оповещать, пока не узнаю, кто это, почему он хочет напасть на меня, и выясню, стоит ли делать эту информацию общественным достоянием или нет.

Я не останавливаюсь. Следующий удар, следующее движение, и он блокирует их все. Один за другим он отражает их, и я понимаю, что должна перестать играть по правилам Лиры.

Я ощущаю его как плотину, готовую прорваться.

Он способен защищаться до тех пор, пока я не перестану сдерживаться, и вдруг что-то высвобождается.

Следующий удар достигает цели, потому что он не ожидал его. Я бью его правым кулаком в скулу, и удивление даёт мне драгоценный момент, чтобы понять, кто это.

Вспышка освещает лицо Кириана.

Это капитан с дальнего севера, тот, кого преследуют трагедии, а теперь ещё и излишества и разрыв с реальностью. Он прижимает руку к скуле, потрясённый и… заинтригованный?

Пока я снова бросаюсь на него, чтобы вывести его из строя как можно скорее, я пытаюсь вспомнить нужную мне информацию.

Я что-то упустила. Должно быть что-то, что я забыла, и это опасно.

Я уклоняюсь от удара, который сбил бы с ног оригинальную Лиру, и замечаю, как насмешливая улыбка расцветает на его лице.

Должно быть что-то. Должна быть какая-то связь, какая-то причина для этой атаки. Не может быть, чтобы шпионы это упустили.

Я подавляю крик, когда моя спина ударяется о стену, уклоняюсь от удара коленом, и весь воздух вырывается из моих лёгких. Я замечаю, что он не использует возможность наброситься на меня. Он лишь оценивает мои движения и наклоняет голову. Он тоже пытается быть бесшумным; он тоже хочет убить меня, не поднимая тревоги у тех, кто ждёт снаружи.

Он должно быть планировал это давно. Он не вошёл через дверь, и это значит, что он знает о каком-то тайном входе, о котором я не знаю. Также я не думаю, что он один, и если я потрачу слишком много времени на то, чтобы разобраться с ним, и кто-то ещё войдёт в эти покои…

Я продолжаю сражаться, понимая, что всё гораздо серьёзнее, чем я ожидала, что эта ситуация оставляет меня гораздо более уязвимой, чем я рассчитывала. Удар за ударом я перебираю всё, что знаю о Кириане, и не нахожу ничего нового, ничего другого.

«Капитан. Непокорный. Дружеские отношения».

Впервые с тех пор, как я в этом дворце, я не имею ни малейшего представления, что происходит и что произойдёт дальше.

И это меня пугает.

Я говорю себе, что должна быть быстрой, что не должна позволить ему победить меня, что не могу позволить ему достичь своей цели… даже если он кажется только защищающимся, пока я его атакую. Возможно, он оценивает меня, возможно, измеряет мои силы, потому что не ожидал, что Лира окажет такое сопротивление. Поэтому я меняю стратегию.

Я наношу неловкий удар после правого хука, движение без силы и энергии, которое он ловит на лету. Он хватает меня за запястье, тянет, чтобы вывести из равновесия, и в мгновение ока я оказываюсь прижата к стене, а Кирин держит меня за горло.

Медленная улыбка скользит по его губам.

Но это не длится долго; я не даю этому продолжаться.

Спустя секунду у меня под его горлом уже блестит кинжал.

— Шшш… — произношу я, смакуя звук. — Не кричи. Не шуми.

Сердце бешено колотится о рёбра. Интересно, наслаждение от этих слов рождается из заученной роли или исходит из какого-то тёмного уголка, который всё ещё принадлежит мне.

Мышцы горят от схватки, пальцы, держащие оружие, дрожат, но мне это нравится. Я наслаждаюсь каждым словом, каждым слогом, каждым звуком… И наслаждаюсь той тёмной улыбкой, которая медленно тает, уступая место удивлению в его синих глазах.

Несмотря на угрозу, Кириан не убирает руку с моего горла. Я чувствую, как его пальцы то напрягаются, то расслабляются вокруг моей шеи, но он не прилагает настоящей силы. Я готова показать ему, что не дрогну, и делаю шаг вперёд, по прежнему прижата к стене и требуя объяснений, которые я вырву из него так или иначе, когда внезапно, в одно мгновение, любой контроль, который я думала, что у меня есть, исчезает.

— Хорошо, — мурлычет он. — Мы можем играть в это, если хочешь. Скажи мне, если я причиню тебе боль.

Его глаза на мгновение опускаются к моим губам, и это единственное предупреждение, которое у меня есть.

Кириан целует меня, и это так неожиданно, так резко и инстинктивно, что я не реагирую. Кинжал всё ещё под его горлом, но ему, похоже, всё равно… потому что он не боится. Его пальцы немного скользят по моему горлу, и я понимаю: это не угроза, это ласка любовника.

Хотя его пальцы нежны, в этом поцелуе нет нежности, он обрушивается на меня, пока я всё ещё прижата к стене и чувствую его тело рядом с моим.

Его рука поднимается по моей талии, а затем снова опускается, очерчивая изгибы моих бедер, пока он целует меня. Он отстраняется на мгновение, и я понимаю, что мой кинжал всё ещё был там, под его челюстью, оставляя едва заметный кровавый след.

— Ты должно быть очень зла, раз до сих пор не убрала кинжал.

Я машинально убираю его, но не отпускаю. Понятно, что Кириан пришёл в эти покои с совершенно иной целью, чем я думала, но попытка убийства была бы гораздо логичнее, чем… это.

У меня кружится голова.

Я всё ещё чувствую покалывание на губах, бедре, талии… на каждом сантиметре, который касался его, и я совершенно потеряна. Мне нужно выиграть время.

— Кириан… — шепчу я, размышляя, как бы отреагировала Лира, ожидала ли она этого, жаждала ли…

— Думал, ты никогда не выйдешь из зала, — бормочет он охрипшим голосом. — Ждал тебя раньше, но ты не появилась.

Вот почему он опоздал. Он ждал меня. Ждал Лиру.

Кирин кусает губы, не отрывая глаз от меня, и протягивает руку, чтобы его пальцы коснулись обнажённой кожи моих плеч. Я чувствую, как горю там, где он меня касается, и задерживаю дыхание, пока он скользит вниз. Я ощущаю прикосновение его мозолистых пальцев, привыкших к мечу, которые ласкают моё тело с изяществом и точностью опытного мастера.

Он ждёт ответа, и я понимаю, что если продолжу так, то подвергну всю миссию опасности.

Поэтому я делаю шаг вперёд и целую его.

Я роняю кинжал на пол, хватаю его за затылок и притягиваю к себе, как будто меня поглощает то же желание, та же грубая, необузданная потребность, что и его, издавая при этом стон, от которого по моей коже бегут мурашки.

О, Вороны…

Кириан поддаётся моменту и принимает это как ответ. Я готовлюсь притвориться, что теряю контроль, и обнаруживаю, что это легче, чем я думала. Он делает это ужасно простым, потому что я чувствую, как он отдаётся, как он вверяется каждой ласке и каждому движению, приближающему наши тела, пока инерция желания не захватывает меня.

Его руки скользят под мою одежду. Я ощущаю, как он поднимает платье и нащупывает что-то, в более медленном поцелуе, ожидая нового приглашения, и часть меня, опасная и склонная к хаосу, искушена тянуть за эту нить и посмотреть, куда она меня приведёт.

Но я сдерживаюсь.

Кладу руки ему на плечи и мягко отстраняю.

— Мы не можем, — говорю я, запыхавшись. Мне даже не нужно притворяться, что мне не хватает дыхания.

Кириан смотрит на меня, словно обдумывая, является ли это частью игры. Его губы покраснели от поцелуев, а взгляд полон дурных намерений.

— Ты неважно себя чувствуешь? — В его тоне слышится некая тревога, пока он меня оценивает. — Почему ты не пришла раньше?

Быстро. Быстро. Быстро. Придумай что-то.

— Королева подозревает, — говорю я уверенно.

Поцелуй послужил отвлечением, но не дал мне тех секунд, которые понадобились бы для разработки плана, и теперь я должна импровизировать.

Капитан наклоняет голову, всё ещё находясь слишком близко.

— И что? — спрашивает он, и я начинаю нервничать. — Какая разница? Пусть узнает, пусть все узнают.

Он снова приближается, чтобы быстро поцеловать меня в шею, и по его выражению лица и тону я понимаю, что это действительно имеет значение, что это должно иметь значение, и что он просто ведёт себя безрассудно.

Хорошо. Этого достаточно.

— Нет, — резко говорю я. — Я приложила много усилий, чтобы никто не узнал, и так должно продолжаться. — Я делаю паузу. — Кто-нибудь видел тебя? Через какой вход ты пришёл?

Кирин отходит с разочарованным вздохом. Он проводит рукой по голове с досадой, взъерошивая свои тёмные волосы. Ладно.

— Как всегда, — отвечает он к моему разочарованию, и мне хочется кричать. — Успокойся, никто ничего не заметил. К чему это сейчас?

Он делает шаг назад, два, и долго смотрит на меня.

— Мы не можем говорить здесь, — серьёзно говорю я, пытаясь выиграть время. — Это небезопасно.

Он хмурится. Его это не убеждает. Чёрт, он не верит.

— Твои покои небезопасны? С каких пор?

— Кириан, ты должен уйти. Сейчас же, — говорю я без колебаний. — Это приказ.

Возможно, я перегнула палку. Я задерживаю дыхание, пока он смотрит на меня и чувствую, как он оценивает меня, оценивает всю ситуацию. Он кусает губы, которые всего секунду назад были на моих, и я вижу, как он колеблется, оценивая свои возможности, пока наконец не ругается и не поворачивается ко мне спиной.

Я настолько потрясена, что снова облокачиваюсь о стену и запрокидываю голову, не осознавая, что должна была бы пойти за ним.

Я тоже ругаюсь, так же грубо, как и он, но когда захожу в гардероб, уже слишком поздно, и я не знаю, куда он исчез.

Прекрасно. Вдобавок ко всему этому большому хаусу есть способ проникнуть в эти покои, который мне неизвестен.

Пока я восстанавливаю дыхание и ощущаю на губах яростное воспоминание о его поцелуях, я понимаю, что есть важная часть жизни Лиры, о которой никто не знал.

Я понимаю, что Кириан опасен для меня; настолько, что, возможно, мне придётся его убить.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Вороны

В Ордене их называют Воронами, потому что не хотят признавать, то кем они являются на самом деле.

Они могут менять облик. Рожденные из магии и тьмы, они обладают одним из самых мощных даров, которые когда-либо даровала богиня Мари. Но им не упоминают о Мари; говорят только о зле, тенях и запретном.

Однажды люди, которые растили девочку, отбирают у неё имя, данное родителями, и называют её Лирой, как и других двадцать девочек её возраста.

Чтобы отличаться друг от друга, они начинают использовать имена своих наставников как фамилии: Лира Алая, Лира Тоуни... Она — Лира Бреннан.

Бреннан никогда не даст Лире ничего. Ничего, что нужно девочке, ничего, что нужно ей. Он не станет другом, уж тем более отцом. Никогда не полюбит её и не сделает ничего, что могло бы ей это показать.

Её миссия, как она знала с самого раннего возраста, — служить Ордену. Она примет имя, сделает его своим и станет тем, кем они хотят её видеть. Если повезёт, её выберут, чтобы подменить настоящую Лиру; если нет, её перенаправят на другую задачу, и когда её услуги больше не будут нужны... тогда её жизнь потеряет смысл. Ведь в ней есть магия, запретная магия, за которую Львы её казнили бы.

Поэтому она должна посвятить свою жизнь искуплению, расплате за грехи, что в её крови. Ей сказали, что способ расплаты — это делать Добро для Ордена, который поддерживает равновесие в мире.

Они забирают таких мальчиков и девочек, как она, и тренируют их, пока те не становятся чистыми холстами, податливыми и верными.

Им назначают миссию и готовят несколько человек для подмены одного из Львов. Когда приходит время, выбирают только одного, а остальные молятся, чтобы нашлась для них хоть какая-то задача в Ордене.

Ворон убивает и подменяет свою жертву, присваивая её жизнь, пока Орден не свяжется с ним и не попросит сделать что-то: задержать армию в битве, убедить любовника хозяйки дома подписать выгодный торговый договор, неправильно посоветовать могущественному дворянину...

Вороны верят, что это ради баланса, ради большего блага, которое понимают только руководители Ордена.

И поскольку у них нет никого в этом мире, потому что им всю жизнь твердили, что их семьи умерли, бросили их или продали... они не осмеливаются это оспаривать.

Они узнают, что магия опасна и вредоносна, что они сами опасны... и они также учатся бояться себя.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 2

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Когда Дана входит утром, она долго стоит перед тем, что осталось от гардеробной.

— Не знала, что надеть, — говорю я беззаботно и делаю жест, словно это не важно.

Я спокойно поднимаюсь и ухожу от беспорядка обратно в спальню. Настоящая принцесса была достаточно эгоистична, чтобы не беспокоиться о том, что всё разрушено.

Дана слегка хмурится, но не протестует и не задаёт вопросов, потому что знает, что ей это невыгодно. После того как находит подходящее платье среди тех, что я выбросила из шкафов на пол, она возвращается, чтобы навести порядок: сундуки сдвинуты, ящики вырваны, одежда разбросана по всем углам комнаты…

Вчера ночью я всё перевернула, не в силах найти проход, через который должен был войти Кирин, всё больше осознавая, что ничего не знаю о капитане и о ситуации в целом.

Ещё рано, когда я открываю двери своих покоев, направляясь на тренировку. Лира могла быть недисциплинированной в некоторых аспектах, но никогда не пропускала занятия. Это досадно, потому что пока что ничто из того, что я могу практиковать, не пригодится мне больше, чем для поддержания своей роли.

Проходя мимо Зала Солнца, я вижу, как многие гости продолжают веселье прошлой ночи. Музыка уже не играет, но я вижу солдат, собравшихся вокруг столов, полных карт и настольных игр, слышу их крики, смех и тосты, и замечаю пару капитанов, которые предпочли остаться со своими людьми, а не вернуться в постель после более скромного вечера в Зале Луны.

Меня бы не удивило найти там короля Аарона.

— Доброе утро, принцесса Лира.

Глубокий голос, в котором есть что-то нахальное, заставляет меня обернуться.

Кириан только что подошёл ко мне. Он выпрямляется и складывает руки за спиной с непринуждённой уверенностью.

Я напрягаюсь.

— Доброе утро, капитан Кириан, — заставляю себя ответить и продолжаю идти.

Я замечаю краем глаза, что он в той же одежде, что и вчера вечером: сначала на ужине, потом… Мурашки пробегают по коже.

Он, должно быть, провёл ночь в Зале Солнца.

— Нам нужно поговорить.

Я натягиваю улыбку для офицера, который проходит мимо нас.

— Здесь не место.

— Я знаю, — отвечает он решительно. — Увидимся на рассвете, как всегда.

О, чёрт.

Я смотрю на него. Его волосы зачёсаны назад, а щеки слегка раскраснелись.

— Предпочитаю другое место, — возражаю я.

— Почему? — Он поднимает бровь. У меня нет подходящего ответа. — Я буду там. До встречи, принцесса.

Он задерживается на мгновение, заставляя меня остановиться из вежливости, и слегка склоняет голову на прощание, прежде чем повернуться и пойти в противоположном направлении.

Неужели об этом шла речь в отчётах, когда говорилось о формальных встречах и любезностях? Я не понимаю, как они умудрялись видеться так, чтобы никто не заподозрил, чтобы ни один из шпионов Воронов не наткнулся на след.

Не первый раз они упускают что-то из жизни Лиры; но то, что это настолько важно, сильно усложняет мою задачу.

Сегодня мне не приходится притворяться, когда я ошибаюсь в техниках, которые Лира пыталась довести до совершенства. Я не перестаю думать о том, где, чёрт возьми, мы могли договориться встретиться, и это стоит мне пары ударов, прежде чем инструктор завершает неудачную тренировку, объясняя это празднованием прошлой ночи.

Перед тем как принять ванну, я прошу Дану принести завтрак в мои покои. Оставшись одна, я готовлю свою дозу яда: всегда в малых количествах, что делает меня более устойчивой, и я почти не чувствую его, если мне повезёт, или же он вызывает у меня рвоту и слабость, если нет.

Малая цена за то, чтобы стать сильнее.

Вскоре один из солдат напоминает мне, что сегодня я должна возглавить церемониальную процессию, которая отправится в лес.

На окрестных землях всё ещё остаются следы древней культуры: руины некоторых храмов, посвящённых в первую очередь Мари, матери всех языческих богов, и знаки на деревьях и камнях, предупреждающие об опасностях, которые больше миф, чем реальность. Сегодняшняя процессия отправляется туда, чтобы увезти оттуда последний камень храма, который был полностью разобран. Его удаление — символический акт, на котором Лира должна присутствовать.

Настоящая принцесса делала это раньше, когда ещё была жива, и я выполняла эту роль последние несколько недель. Для неё, учитывая её происхождение, было бы опасно отказаться. Приглашение на эти церемонии — способ доказать свою верность королям, отрекаясь от своей культуры.

Однако сегодня мне нужно найти оправдание, чтобы отказаться.

Неважно, что бы сделала Лира, если тем временем Кириан угрожает стабильности, которою я здесь достигла.

Поэтому я провожу остаток дня в кабинете, просматривая корреспонденцию, которую хранит принцесса, перелистывая книги и ища любые детали, не на своих местах, которые могли бы дать мне хоть какую-то зацепку, но не нахожу ничего значительного.

Среди писем, которые она хранила, я нахожу одно, написанное её любовником; неким дворянином, с которым она спала пару лет назад. Их отношения закончились, когда Лира увлеклась лейтенантом из армии Льва. Это письмо, полное обещаний, данных под простынями, должно было что-то значить для неё, раз она его сохранила.

Также я нахожу послание, адресованное подруге, написанное её рукой, которое она так и не отправила.

Третье письмо подписано Арланом, её братом. Оно не датировано, но, судя по содержанию, было написано несколько лет назад:

«…знай, что мне безумно больно от твоей утраты».

«Я понимаю твоё решение, потому что ты боишься, но я бы предпочёл, чтобы меня убили, чем показывать подобное малодушие».

«Я молю богов, которые охраняют нашу землю, чтобы ты одумалась и снова стала моей сестрой и наследницей, которую народ заслуживает и в которой нуждается».

«…я ужасно стыжусь».

Удивительно, что её брат нашёл способ передать ей это письмо после её дезертирства, и ещё более удивительно, что Лира рискнула его сохранить. Оба они были похищенными детьми. Их привезли ко двору Льва после того, как истребили всю королевскую семью Эрея. Хотя оба были важными политическими фигурами, Лира всегда была более значимой, потому что корона, как старшей, принадлежала ей. Однако, когда пришло время, брат Лиры сбежал, и до сих пор неизвестно куда. Она же решила остаться, верная тем, кто уничтожил всю её семью.

Одного лишь факта обладания этим письмом хватило бы, чтобы обвинить её в измене, даже если за все эти годы она только и делала, что доказывала свою преданность Льву.

Мне не удаётся найти ничего более значимого в кабинете: ни записок, ни писем, ни воспоминаний, связанных с капитаном Кирианом.

— Дана, — зову я, когда заканчиваю просматривать письма, — заходи, садись. Что ты знаешь о капитане Кириане?

Дана долго смотрит на меня, прежде чем сесть напротив стола в моём кабинете, держа спину прямо и скрестив руки на коленях.

Я знаю, что должна быть осторожной, но меня не беспокоит, что она может меня выдать. Дана никогда не предаст Лиру, даже в таком незначительном деле, как мой интерес к капитану. Что бы она ни сказала, Дана сохранит это в тайне.

— Знаю, что он капитан, родившийся на дальнем севере, — отвечает она осторожно. — Слышала, что он свиреп в бою и его люди его уважают. Остальное — сплетни, слухи, которые ходят по двору.

— Какие слухи?

Она немного нервничает.

— Говорят, что он прыгает из одной постели в другую, — объясняет она, пристально глядя на меня, — что он не делает различий между мужчинами и женщинами, и что однажды он был в королевских покоях.

Я поднимаю брови.

— С королём или с королевой?

Дана, кажется, удивлена моим интересом. Она слегка качает головой, при этом её каштановая коса остаётся неподвижной на плече.

— Я этого не знаю. Честно говоря, принцесса, я не думаю, что эта часть правдива.

— Почему?

Дана открывает рот, но перед тем, как ответить, задумывается.

— Потому что король и королева… Потому что они не… У капитана слишком много…

Она, вероятно, размышляет о том, будет ли намёк на то, что ни король, ни королева не могут быть во вкусе Кириана, считаться государственной изменой.

— Я понимаю, — прерываю я её, и она, похоже, чувствует глубокое облегчение от того, что ей не пришлось отвечать.

Я обдумываю новую информацию несколько секунд, в течение которых Дана, вероятно, раздумывает, остаться ей или уйти. Я медленно обвожу взглядом стены, покрытые книгами, этот обрамленный картой с территориями Земли Волков, словно они принадлежат Львам…

—Как ты думаешь, капитан Кириан когда-нибудь проявлял ко мне интерес?

Как я и подозреваю, Дана еще больше удивляется.

Она, вероятно, самый близкий человек к Лире, тоже этого не знала.

—Принцесса… Если это вас интересует, если вы хотите, я могу… —она колеблется.

Я останавливаю её жестом руки.

—Отвечай только на вопрос.

Дана облизывает пересохшие губы.

—Нет, —отвечает она, тоном значительно тише, чем обычно.— По тому, что я видела и слышала, у меня нет свидетельств того, что капитан когда-либо проявлял к вам интерес.

Я киваю.

—Хорошо. Спасибо, Дана. Ты можешь идти.

Дана слегка кивает и поднимается. Тем не менее, перед тем как уйти, она на секунду задерживается у двери.

—Вы хотите, чтобы я что-то сделала?

Она, конечно же, имеет в виду Кириана. Я знаю это по тому, как она говорит, по её взгляду.

—Нет. Не нужно. Не упоминай об этом разговоре никому.

—Конечно, —отвечает она, услужливо, и собирается уйти. Однако перед этим она снова задерживается на мгновение.— Принцесса, мне интересно, если…

—Говори, Дана. Продолжай, —побуждаю её, делая нетерпеливый жест рукой.

Дана выпрямляется и кусает губы.

—Спасибо за… за всё, —тихо бормочет она.— В последнее время вы стали более внимательной и… ох… я не хотела сказать, что раньше вы были недостаточно внимательной. Просто…

—Дана, —я прерываю её.— Всё в порядке. Я поняла.

Ради всех воронов… Неужели она думает, что это особая доброта? Я знала, что Лира была строга с прислугой, и с ней тоже. Поэтому я старалась оставаться отстраненной, холодной и резкой в приказах. Именно так я пыталась избавиться от любых признаков сочувствия. И она считает, что я веду себя хорошо.

—Простите за дерзость, но я благодарна за то, какая вы со мной.

Я снова делаю жест рукой, на этот раз более настойчиво.

—Иди. Занимайся своими обязанностями.

Дана усердно кивает и исчезает в прихожей моих покоев, оставляя меня одну перед кабинетом, в котором я не нашла ничего полезного.

Время близится, а я всё ещё не знаю, где мне встретиться с капитаном Кирианом.

Дворец старый и в нём много секретных комнат, укромных уголков для адюльтера и галерея коридоров, соединяющих самые интересные комнаты дворца. Однако ни одно из этих мест мне не подходит, потому что если бы Вороны знали о них, то значит, Кириан и Лира там не встречались.

Может быть, место встречи находится не внутри, а снаружи. Возможно, они виделись в лесу, в древнем храме или в одной из пещер, которые раньше использовались для языческих ритуалов; но вариантов слишком много, чтобы пытаться угадать.

Поэтому, после долгой прогулки, во время которой я молюсь, чтобы он сам нашёл меня, но безуспешно, я возвращаюсь в свои покои и принимаю решение, а также беру отравленный кинжал.

Затем я спускаюсь в королевские конюшни. Смотрители не удивляются моему появлению здесь, ведь Лира так любила своих лошадей, что это, возможно, была

единственная настоящая привязанность, которую она испытывала. Я отправляю их прочь, и они подчиняются, а я продолжаю прогуливаться между лошадьми, гладя их морды и расчёсывая их гривы, продолжая задумываться, где, чёрт возьми…

Шум за моей спиной заставляет меня резко обернуться с намерением вытащить один из ножей, спрятанных в складках моего платья. Однако мои пальцы вовремя останавливаются, чтобы не выдать, что я хожу вооружённой больше, чем ожидалось.

И вот передо мной стоит Кириан с поднятыми руками и удивлёнными глазами, осознавая, что я заметила его раньше, чем он…

—Ты меня услышала, —впечатлённо шепчет он.

Я напрягаюсь.

—Конечно, я тебя услышала. Ты создаешь больше шума, чем стая голодных псов, —бурчу я.

Смех вырывается из его горла, и я снова поворачиваюсь к нему спиной, продолжая расчёсывать белую гриву красивой кобылы.

—Ты не пришла, —говорит он с упрёком.

—Я сказала, что не приду.

—Нет. Ты не сказала, —возражает он, подходя ко мне, опираясь на дверь стойла и протягивая руку, чтобы погладить морду кобылы, которая вздыхает от внимания.— Ты меня немного беспокоишь. Всего чуть-чуть, —добавляет он с мягкой улыбкой.

Я на мгновение оцениваю его. В этих глазах, которые вблизи кажутся такими голубыми, действительно видна тревога. Невнимательные ласки не скрывают его беспокойства, настоящей тревоги из-за того, что могло произойти между нами.

А вдруг между капитаном и Лирой действительно было нечто большее, чем просто секс? А если причиной, по которой она так старалась сохранить это в секрете, было именно желание, чтобы это продлилось?

Я откладываю щётку и отхожу от лошади.

—Пойдём.

—Куда? —спрашивает он.

—Туда, где нас никто не услышит, —отвечаю я.— Нас видели входящими сюда вдвоём, наедине. Как думаешь, сколько времени пройдёт, прежде чем сюда кого-нибудь пошлют?

Кириан трёт подбородок, где уже начала появляться тень бороды. Он кивает, согласный, хотя беспокойство не покидает его лица.

—У Фонтана Слёз, через пятнадцать минут, —говорю я, взглянув на него через плечо.

Он кивает, не двигаясь с места, а я спешу выйти оттуда. Я очень осторожна, чтобы меня никто не увидел, даже охранники, патрулирующие территорию, и направляюсь к фонтану, делая ненужный крюк, всегда настороже, вдруг кто-то за мной следит.

Этот фонтан тоже должен был стать объектом уничтожения, которому подвергаются все следы языческой культуры. Если этого не произошло до сих пор, то только потому, что Львы не знают о его священном происхождении и считают его просто очередным декоративным элементом.

Тем не менее, каменные арки, деревья, скрывающие это место, и фонтан в центре были местом поклонения, где древние жители этих земель приходили молиться Мари.

Это место впечатляет. Оно хранит в себе что-то дикое и неукротимое, несмотря на прекрасные каменные постройки. Арки узкие, и хотя здесь нет купола, деревья, растущие вокруг, держат место в постоянной тени. Плющ захватил это место, и всё

покрыто фиолетовыми цветами. В центре находится не слишком большой фонтан. Камни покрыты мхом, в воде плавают водоросли, а из трёх вырезанных в камне фигур льётся вода. Все три фигуры представляют Мари, хотя Львы слишком невежественны, чтобы это понять.

Внезапно я его слышу.

—Мы не слишком далеко от дворца?

Я обхожу фонтан и следую за голосом, пока не нахожу фигуру Кириана, лениво облокотившегося о каменную арку. В его пальцах фиолетовый цветок, и он не смотрит мне в глаза.

—Лучше там, где нас не услышат.

—Я думал, тебе не нравится уединяться, —отвечает он.— Разве хиру больше не проблема для тебя?

—Хиру проблема для любого живого существа, —парирую я и стараюсь не оглядываться на тени между каменными колоннами или густую растительность леса, где может прятаться одно из тех созданий, которые убивают ради удовольствия.— Давай быстрее, —предлагаю я.

Он поднимает глаза на меня, но не отходит от арки, и я подхожу к нему. Я замечаю, как он следит за мной взглядом.

—Ты собираешься рассказать мне, что случилось?

—Почему ты думаешь, что что-то случилось? —спрашиваю я осторожно.

Мне нужно быть очень осторожной.

—Ты изменилась, —произносит он.

Часть меня, тренированная до изнеможения, до абсурда, вздрагивает при этих словах. Если хоть кто-то заметит, что что-то не так, миссия пойдёт к черту.

Мои пальцы касаются тонкого кожаного ремешка под рукавом платья, который удерживает отравленный нож ядом морного плюща. Мне нужно быть осторожной с движениями, так как одно неверное движение может быть фатальным. Это не убьёт меня, ведь я практикую имунитет к ядам с девяти лет, но последствия могут быть необратимыми.

—Я подстриглась с тех пор, как ты ушел, —отвечаю я спокойно.

Кириан отходит от арки, бросает цветок на землю и делает шаг ко мне. Я вижу, как он внимательно смотрит на меня, без малейшего стеснения. Его глаза изучают мои черты, мои скулы, губы... и он поднимает руку, чтобы взять между пальцами тёмный локон волос.

—Дело не в волосах. И не в этих дорогих платьях, которые ты заказала, —говорит он медленно, и я замечаю: он также заметил, что в её одежде есть что-то другое, даже если я старалась не менять её предпочтения.— Дело даже не в новых боевых навыках, которые ты освоила.

Чёрт.

Вот это действительно проблема.

—Ты думаешь, что если я побила тебя, будучи под влиянием вина, то со мной что-то не так?

Медленная улыбка появляется на его губах. Холод сделал их цвет более насыщенным, тёмным.

Он отпускает локон волос, но не отступает.

—Я уже сказал тебе, что дело не в этом.

—И что же тогда? Выглядит немного по-детски с твоей стороны получить отказ и тут же подумать, что со мной что-то не так. Складывается впечатление, что ты немного... высокомерен.

—Да, это так, — отвечает он с нахальной улыбкой. — И всё же я уверен в своём мнении.

Я сглатываю. Скрещиваю руки на груди, словно меня пронзил холод. Мой большой палец ласкает выпуклость, под которой скрывается маленький кинжал.

—Почему? Что изменилось? — настаиваю я, и мой голос звучит чуть тише.

Кириан внимательно смотрит на меня в течение нескольких секунд, пока я обдумываю все возможные сценарии, все варианты, в которых всё может пойти катастрофически неправильно. Он знает, что я искусна в бою, и, возможно, не рассчитывает на элемент внезапности, если я решу атаковать его. Поэтому я молю, чтобы его подозрения остались лишь подозрениями, чтобы я могла ранить его, прежде чем он что-либо поймёт. Один укол, один порез, и когда он осознает, что случилось, будет уже слишком поздно.

—Ты изменилась. Что-то... что-то другое в тебе.

Его глаза жадно изучают меня, как будто он пытается разгадать головоломку, в которой все части вдруг перестали совпадать.

Быстрое, незаметное движение — и кинжал уже у меня в руке, спрятанный под тяжёлой накидкой. Его цвет похож на фиалки, которые заполонили это место, но оттенок темнее, насыщеннее.

Я готовлю оружие, тщательно избегая прикосновения к отравленной стали. Даже если яд не попадёт в мою кровь, а просто коснётся кожи, через несколько часов я буду корчиться от боли из-за ожогов, волдырей и рвоты.

—Что это? — настаиваю я.

Мне нужно знать. Прежде чем убить его, я должна быть уверена, что не делаю чего-то неправильно, что никто другой не сможет это заметить.

—Ты, — отвечает он. — Ты изменилась. Вся ты. — Он качает головой, не отрывая от меня взгляда. — Я не знаю, что именно, но это что-то другое, и... мне это нравится.

Сердце замирает. Всего на мгновение, но я чувствую, как оно перестаёт биться. Мне следовало бы сделать это прямо сейчас. Я не смогу получить больше информации, потому что нет ничего конкретного, что вызывало бы у него подозрения. И всё же, его инстинкт явно его предупреждает, и этого достаточно, чтобы обеспечить ему быструю и незаметную смерть, которая облегчит мне задачу. И всё же...

Кириан хватает меня за запястье. Он действует так быстро, что у меня едва хватает времени сменить кинжал из одной руки в другую, и в этом переходе я боюсь, что могла коснуться стали. Сердце бешено колотится.

Неужели я это сделала? Коснулась его?

—Скажи мне только, что в моём последнем письме тебя обидело.

Его пальцы движутся, и большой палец нежно касается моих костяшек.

—Обещаю тебе, Кириан. В твоём поведении нет ничего, что бы заставило меня закончить это. Это решение я приняла одна, обдумав всё очень тщательно.

—И что именно ты имеешь в виду под этим? Тебе придётся уточнить. Ты говоришь о нашей дружбе? О том, что я делаю с тобой в постели?

Я делаю шаг назад. Ему приходится отпустить мою руку. Я спешу вернуть кинжал на место.

—Или ты имеешь в виду утренние прогулки летом на поле? Может быть, о длинном списке случаев, когда мы оскверняли священные места? Или же речь идёт о том, что произошло в тронном зале?

Во имя всех воронов.

—Кириан...

—Я храню очень яркие, очень счастливые воспоминания о виде твоих раздвинутых ног там, сзади. — Взгляд назад заставляет меня тоже обернуться.

Если они осмелились заняться любовью в тронном зале, что могло бы помешать им сделать это прямо здесь, где их мог бы увидеть любой?

Мне трудно осмыслить эту информацию; абсурдную и нелепую информацию, от которой у меня закипает кровь. Это не только доказательство некомпетентности Воронов, внедрённых во дворец, но и безрассудства Лиры, о стороне которой я не знала.

—А как это было зимой, — говорит он и делает шаг вперёд. Я делаю ещё один шаг назад. — Знаешь, почему я это помню? Я отморозил колени на снегу.

Щёки пылают, и я задаюсь вопросом, почему, если эти воспоминания мне не принадлежат, не по-настоящему. Но я выпрямляюсь, поднимаю голову и стою твёрдо, когда он продолжает приближаться.

—Тогда я облегчу тебе задачу. Больше не будет таких встреч.

—Таких встреч? — провоцирует он, и я понимаю, что рискую вновь оказаться в разговоре, в котором я буду совершенно безоружна.

—Всех интимных встреч, — уточняю я.

Кажется, он понимает, что я злюсь и что ситуация выходит у меня из-под контроля, потому что самодовольно улыбается.

— Ну что ж, значит, обойдемся без всех этих забавных моментов?

— Боюсь, это будет лучшим решением в сложившихся обстоятельствах.

— И нет никакой причины?

Я на мгновение замолкаю, обдумывая то, что он сказал ранее.

— Как давно мы друзья, Кириан?

Мой вопрос, похоже, застает его врасплох. На мгновение я сомневаюсь, не слишком ли рискнула. Затем он слегка вздыхает, и из его красных губ вырывается струйка пара.

— С самого детства.

Вот так сюрприз.

— И как думаешь, сможем ли мы сохранить то, что у нас было до всех этих... забавных моментов? — вынужденно спрашиваю я.

На его лице появляется злорадная улыбка, но он пытается сдержаться.

— Это будет сложно.

— Тогда мы обойдемся и без этого, — отвечаю я резко.

Кириан смеется. Это тот самый ответ, который дала бы настоящая Лира, независимо от их дружбы.

— Постараюсь вести себя прилично, — наконец говорит он.

— Хорошо. Лучше всего, если с этого момента мы будем ограничивать все наши встречи публичными мероприятиями.

— Публичными мероприятиями? — Его темные брови поднимаются. — Могу ли я подойти к тебе на каком-нибудь банкете?

Я хмурюсь.

—Можешь, если не будешь вести себя неподобающим образом.

—Могу ли я подойти поприветствовать тебя, если увижу во дворце?

В его тоне нет насмешки, но, тем не менее...

—Конечно, если...

Он не дает мне закончить.

—Можем ли мы гулять, как сейчас? И ночью тоже?

—Если продолжишь задавать глупые вопросы, я прикажу избить тебя, — предупреждаю его.

—Удивительно, что ты не делаешь это сама. В частном порядке, конечно. Боже упаси, чтобы кто-то увидел, как ты меня трогаешь.

—Хватит, — пресекаю я. — С этого момента мы будем держаться подальше друг от друга, и ты примешь это, если хочешь сохранить нашу дружбу.

В его голубых глазах появляется стальной отблеск, который вдруг кажется частью леса, плюща и холодной погоды.

—Конечно.

—Тогда, если позволите, капитан...

Кириан снова хватает меня за запястье. Разряд пробегает по моей спине, словно инстинкт предупреждает меня.

—Подари мне прощальный поцелуй, Лира, — шепчет он тише. — В последний раз, перед отъездом у нас не было такой возможности, и я думаю, что заслуживаю его.

Я задерживаю дыхание. Собираюсь ответить, но он снова заговорил.

—Поцелуй, — уточняет он. — Я прошу только поцелуй.

Я стою на скользкой тропе, на краю бесконечной пропасти, и все же...

—Только поцелуй?

Улыбка, которая заставляет каждую волосинку на моей коже встать дыбом, растягивается на его губах.

—Если сможешь сдержаться...

Я глубоко вздыхаю.

—Хорошо. Один поцелуй, и мы забудем обо всем этом.

Опять эта искорка загорается в его ледяных глазах, пока он кусает нижнюю губу, и я задаюсь вопросом, не сошла ли я с ума.

—Обещай мне, принцесса. Я знаю, что ты всегда держишь слово. Дай мне слово: я подарю тебе последний поцелуй в обмен на то, что забуду тебя.

—Ты подаришь мне последний поцелуй в обмен на то, что забудешь меня. Теперь у тебя есть мое обещание, — отвечаю я, чтобы как можно скорее избавиться от него.

Кириан медленно, почти лениво улыбается. Если мне и показалось, что в этой улыбке есть нотка печали, она исчезает, как только его глаза опускаются на мои губы, и все его выражение меняется, наполняясь ожиданием.

—Хорошо, — заключает он. — Пожалуйста, когда будешь готова.

Он делает жест рукой, приглашая меня, и что-то в кончиках моих пальцев вызывает легкое покалывание. Я делаю глубокий вдох, сосредотачиваюсь и очищаю свой разум, напоминая себе, что это всего лишь пустяк.

Делаю шаг вперед, но все равно остаюсь слишком далеко из-за его роста.

Кириан замечает это, но, похоже, решил, что я должна поцеловать его сама. Он поднимает руку и кладет ее на мою щеку. Я чувствую его теплую кожу, шероховатость ладони, которая всю жизнь тренировалась с мечом, и, тем не менее, в этом прикосновении нет ничего грубого. Его большой палец скользит по моему скуле, пока он смотрит мне в глаза, как будто хочет запомнить этот момент, запечатлеть каждый миг.

—Быстрее, — тороплю его. —Пока я не передумала.

—Прости, — шепчет он с легкой насмешкой и наклоняется вперед, пока его губы не остаются в нескольких сантиметрах от моих, и я чувствую его дыхание на своих губах. — Так лучше?

Что-то, чего там не должно быть, заставляет мое сердце биться быстрее, и это меня злит. Я задерживаю дыхание и решаю покончить с этим раз и навсегда.

Я его целую.

Сначала он не двигается. Продолжает позволять мне задавать ритм поцелуя, исследовать, пробовать границы, а потом его пальцы скользят к моей челюсти и удерживают ее, пока он обнимает меня за талию свободной рукой. Он прижимает меня к себе, пока мои руки не оказываются на его твердой груди, даже сквозь слои одежды, и отвечает на поцелуй.

Нет ни малейших колебаний, когда его губы захватывают мои и жадно поглощают их, не спрашивая разрешения.

Поцелуй полон страсти. Я чувствую, как из него вырывается желание, и все же его руки остаются на месте. Он не двигает своим телом. Желание остается сконцентрированным между нашими губами, не распространяясь дальше, и эта тонкая грань между самой грубой страстью и абсолютным контролем каким-то образом притягательна.

Я обнаруживаю, что сдерживаюсь, заставляю свои руки оставаться на месте, не продлевая прикосновение к его шее, не исследуя жесткие линии его тела, и это очень сложно, пока поцелуй удерживает в плену каждую часть моего сознания, его язык исследует мой рот, его губы требуют большего.

Не знаю, как долго мы целуемся, сдерживая почти насильственное желание. Я даже не ощущаю, что поцелуй закончился, когда Кириан отстраняется, смотрит на меня сверху вниз и проводит двумя пальцами по своим распухшим губам.

Холодок пробегает к центру моего тела, когда я вижу этот жест.

— Значит, у нас сделка, — шепчет он хриплым голосом. — Я тебе должен последний поцелуй.

Я хмурюсь. Его слова возвращают меня к реальности, разрывают туман чего-то темного и сладкого.

— Прости?

— Поцелуй, — повторяет он, не прочищая горло. — В какой-то момент я тебе его подарю и забуду тебя. Это то, что ты обещала, верно?

Я выпускаю короткий, недоверчивый, резкий смешок.

— Моя часть сделки выполнена, капитан, — напоминаю я угрожающе. — Теперь осталась только твоя.

Не отстраняясь, он нависает надо мной, снова опасно приближая свое лицо к моему.

— Думаю, твои точные слова были: «ты подаришь мне последний поцелуй в обмен на то, что забудешь меня», и, если я не ошибаюсь, это ты сейчас поцеловала меня, потому что сама этого захотела.

Гнев поднимается у меня в горле.

— Ты меня обманул.

Он громко смеется, и с этим смехом я чувствую, как мое лицо начинает пылать.

— Нет, ничего подобного. Это ты меня поцеловала, принцесса. Я почти чувствую себя использованным.

Он театрально прижимает руку к груди, и когда я делаю шаг к нему, Кириан отступает назад из-за предосторожности. И правильно делает, потому что сейчас я могла бы его убить.

Его лицо озаряется озорной улыбкой.

Я подавляю угрозу, которая была бы полностью моей, без капли того, что сказала бы настоящая Лира. Вместо этого я прикусываю язык и наблюдаю, как он делает два шага назад, а затем еще один, пока не поворачивается ко мне спиной.

— Не беспокойся. Я, наверное, скоро тебя поцелую. Не думаю, что смогу долго сдерживаться.

Кириан исчезает за одной из арок, снова направляясь к лесу, а я остаюсь одна возле Фонтана Слез, пытаясь успокоить нервы и вернуть контроль над своими эмоциями, которые стали почти неуправляемой бурей.

Перед тем как уйти, я закатываю рукав платья и с ужасом замечаю, что небольшая зона, там, где меня коснулась отравленная сталь, уже начала краснеть.

— Черт, — шепчу я.

Я наклоняюсь над фонтаном, погружаю запястье в воду и осторожно его тру.

Хотя я и не умру, если мне не повезет, кожа покроется волдырями, как при ожоге, и если я не смогу хорошо её очистить и токсин попадет в кровь, будет еще хуже. Появятся новые волдыри, рана будет кровоточить без остановки, и я закончу, блуждая в лихорадочных бреднях и рвоте. Поэтому я как можно лучше очищаю руку, практически бегу обратно в свои покои и закрываюсь там, чтобы приготовить противоядие как можно быстрее.

Потом я готовлюсь к очень долгой ночи.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 3

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Сегодня в моих покоях появился подарок: платье вместе с запиской, запечатанной красивой печатью с изображением ворона.

Я не знаю, кто оставил это здесь. Думаю, что это лишь способ защитить личность того Ворона, чтобы я не узнала, кто за мной следит.

Инструкции, которые могли бы показаться всего лишь дружеским подарком, если бы кто-то их нашёл, были ясны: я должна убедить её величество купить определённую ткань для пошива своих платьев; не важно, какой будет дизайн, отделка или швы. Главное – это ткань и человек, у которого её нужно купить.

Я не знаю, какое значение может иметь то, что королева введёт в моду определённую ткань, но не ставлю это под сомнение. Орден работает именно так. Я всего лишь маленькая пешка на огромной шахматной доске, и действие, которое на первый взгляд кажется незначительным, должно что-то изменить в равновесии мира; должно склонить чашу весов в сторону Добра.

Поэтому, даже если они не делятся со мной подробностями, я тщательно исполняю свою миссию.

Я наношу макияж, чтобы скрыть круги под глазами и бледность, оставленные ужасной ночью, и борюсь с тошнотой с помощью лекарства, которое едва её сдерживает.

Платье, нежно-лавандового цвета, достаточно роскошно, чтобы соответствовать моде при дворе Львов. Гипюр, выглядывающий спереди юбки, однако, необычен. На ткани вышиты красивые цветочные узоры, напоминающие плющ, из которого свисают изящные серебряные цветы, и корсет соответствует этим же узорам.

Лире бы оно понравилось; даже гипюр, который достаточно яркий, чтобы привлечь внимание других дам. Я так хорошо знаю двор, что, после небольшой прогулки по саду, уже получила приглашение на чай сегодня после обеда с их величествами.

Остальное — легко.

Я готова быть настойчивой, по крайней мере, несколько дней, но Моргана в хорошем настроении, когда я её посещаю, и после мимолетного комплимента, удовлетворяю её любопытство, объясняя, что ткань была подарком, что она эксклюзивна, и что великие дизайнеры работают с ней, потому что считают, что она станет хитом.

Как только она это слышит, вызывает своего стилиста.

— Кто знает, — говорит Аарон, пока мы ждём, — может быть, её свадебное платье будет из этой ткани.

Он берет одно из изысканных пирожных, которые нам подали, и крутит его в пальцах, прежде чем проглотить и закрыть глаза от удовольствия.

Моргана напрягается, складывает руки на коленях и поворачивается ко мне с натянутой улыбкой.

— Возможно, хотя мода меняется так быстро, что к тому времени, может быть, уже появится что-то новое. — Пауза. — Дорогая, вам не кажется, что ожидание затягивается?

Несмотря на тошноту, каждый раз, когда я пыталась что-то съесть, я выбираю сладость, чтобы использовать её как предлог и обдумать ответ, пока жую.

Истории, о характере наследника и его... наклонностях, были достаточно красочными, чтобы настоящая Лира не захотела выходить за него замуж. Однако, она также не могла проявлять нерешительность.

— А какой невесте нет? — Я делаю вид, что вздыхаю. — Однако, я не хочу отвлекать принца от его обязанностей и прекрасно понимаю, что война — это главное. — Я приглаживаю ткань платья. — Я очень счастлива, наслаждаясь удобствами при дворе Львов все это время.

Моргана довольная кивает. Аарон, более увлеченный закусками, улыбается с набитым ртом, не обращая на меня внимания.

— Он скоро прибудет, — заявляет Моргана, и я стараюсь, чтобы эта угроза не испортила моё приветливое выражение лица. — Не думайте, принцесса, что я не настаиваю на том, чтобы он привел свои дела в порядок и взял перерыв, чтобы завершить свои другие обязанности перед короной.

Способ, которым она произносит слово «обязанности», заставляет мой желудок сжаться.

Я знаю свою судьбу. Я знаю, что эти обязанности также касаются Лиры... касаются меня; моего тела, моего чрева...

Я думаю о том, какой могла бы быть Лира с ребёнком, какой мне придётся стать, чтобы сохранить свою роль. Когда придёт время, потому что я знаю, что оно придёт, я не буду единственной осуждённой. Я много работала над этим, меня готовили к тому, чтобы быть способной отодвигать на второй план приоритетные потребности для обычных людей; настоящих людей.

Эти дети получат лучшее образование, самую ревностную защиту королевства и самых компетентных нянь, всегда готовых к их услугам. Ментальное здоровье Лиры, в свою очередь...

Я решаю не думать об этом. С небольшой удачей, Эрис будет занят некоторое время в Ликаоне. Кто знает. Возможно, его убьют сразу после нашей свадьбы, и я стану вдовой, скорбящей до конца жизни; очень свободной вдовой.

— Принц очень благороден, помогая людям Ликаона в переходный период, — замечаю я. — Уверена, что он предпочел бы быть здесь, дома, поэтому моя обязанность как его будущей супруги — поддерживать его в это столь... напряженное время.

— Да, — соглашается королева. — Управление дикими землями требует постоянных жертв. В Эрэе герцоги тоже сталкиваются с проблемами регентства.

Я прочищаю горло, внимательно прислушиваясь к любой ценной информации.

— С регентством, ваше величество?

Моргана одаривает меня осторожным взглядом. Эрэа — это место, где родилась Лира, королевство, которым она должна была управлять, чтобы стать правительницей Земли Волков. Это принадлежало ей по праву, и, возможно, она интуитивно чувствует, что этот разговор может быть слегка колким, но королева настоль высокомерна и уверена в своей власти, что не колеблется, прежде чем продолжить.

— Герцоги, которые нас представляют, выполняют свою работу хорошо, ведь мы выбирали их с осторожностью.

— Конечно.

— Тем не менее, часто случаются восстания.

— Это всего лишь незначительные стычки, — добавляет король Аарон, пренебрежительно махнув рукой. — Крестьяне, не желающие платить налоги, деревни, слишком привязанные к языческим ритуалам, чтобы отказаться от суеверий, святилища, подожженные подстрекателями…

— Это ужасно, — говорю я, притворяясь возмущённой.

— Так и есть, — отвечает Моргана, выглядя более обеспокоенной, чем её муж. — Конечно, что это никогда не приведет ни к чему серьёзному. Всякая ересь будет вскоре уничтожена. Мы освободили Эрею, так же как освободим и остальные языческие территории. — Она тяжело вздыхает и трет глаза, прежде чем осознать, что делает это на людях, и снова поднимает подбородок. — Но сопротивление дикарей – это неприятность.

— Возможно, Эрис мог бы расширить свое регентство на Эрею, чтобы помочь герцогам, — предлагает Аарон.

— Может быть, когда у него закончатся проблемы в Ликаоне, — отвечает Моргана. Затем она поспешно улыбается мне. — Возможно, после того, как он создаст свой союз.

Я киваю с притворной скромностью и запоминаю всю информацию, полученную из этого разговора, прежде чем стилист входит, чтобы снять мерки с её величества, а король Аарон уходит по делам, которые не кажутся особо срочными.

Я же остаюсь. Я стою, пока художник зарисовывает платье, а Моргана даёт строгие указания стилисту, который, в свою очередь, инструктирует нервную девушку, исполняющую все его указания с завидным усердием.

Затем, сама Моргана записывает данные продавца ткани, и я считаю свою маленькую миссию выполненной.

Моргана продолжает беседовать со стилистом, когда девушка подходит ко мне и делает, возможно, чересчур глубокий реверанс.

— Принцесса, для нас большая честь, что вы выбрали нас для такого новаторского заказа.

— Благодарите за это королеву, — отвечаю я спокойно, готовясь попрощаться и уйти.

Перед тем как я успеваю это сделать, она хватает меня за руку с такой скоростью, что я не успеваю отреагировать. Она сжимает мою руку и смотрит мне в глаза.

— Позвольте вручить вам этот подарок.

Когда она меня отпускает, я обнаруживаю в руке изысканную игольницу; маленькое сокровище, которое Лира бы оценила, но…

—О, нет. Это надо передать королеве. Она же…

—Я настаиваю. —Девушка толкает мои руки к груди, жест настолько неуместный, что я замолкаю, шокированная.

—Хорошо. Спас…

Я не успеваю закончить, потому что девушка бросается собирать свои вещи и уходит, не дождавшись своего наставника.

—Простите её, —говорит стилист, обращаясь к королеве. —Она чрезвычайно трудолюбива, но в последнее время была немного… расстроена.

У меня нет места, куда можно положить маленький подарок, поэтому я сжимаю его в руках, скрещиваю их на коленях и жду, пока смогу уйти.

Вернувшись в свои покои, я рассматриваю изящный игольник на ладони. Верхняя часть покрыта губкой для булавок. Шкатулка внизу могла бы сойти за

миниатюрный ювелирный ящик: золотые обрамления, маленькие изогнутые ножки, красивые рисунки цветов и мелкие вставленные драгоценности. Отделка настолько качественная, а дизайн столь утончённый, что меня удивляет, как стилистка, даже работающая в королевской мастерской, может позволить себе что-то подобное.

Я открываю его с любопытством, чтобы заглянуть внутрь, и вдруг что-то выскакивает с такой силой, что я вскрикиваю.

Сердце бешено колотится, пока я наблюдаю, как пять маленьких существ начинают бегать вокруг моих ног, без передышки вопрошая: «Что делаем, что делаем, что делаем...?» Их тела человеческие, но такие крошечные, что умещаются в игольнике; все они одеты в красные штанишки, и тогда я с ужасом понимаю, что произошло.

—Принцесса? — зовёт один из стражников, охраняющих мои покои. — Мы входим, — предупреждают меня.

—Чёрт, — ругаюсь я.

—Прячьтесь, — быстро приказываю я им.

Лепреконы подчиняются, и в тот момент, когда я слышу, как открывается дверь в гостиную, они исчезают из виду. Но в следующее мгновение они снова передо мной, с визгливыми голосами: «Готово. Что делаем теперь, что делаем, что делаем...?».

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать.

—Со мной всё в порядке! — говорю, чтобы стражники меня услышали.

У меня нет времени на дальнейшие объяснения, потому что лепреконы продолжают кружить вокруг меня, и очевидно, что стражники слышат не только мой голос.

Так что я быстро соображаю.

—Сейчас по цветам, следуя порядку радуги, разложите все костюмы в моём гардеробе. И молча, — добавляю я самым тихим голосом, на который способна.

Лепреконы исчезают, оставляя меня одну в тот момент, когда стражник появляется в дверях.

Он осматривается, чтобы убедиться, что нет никакой угрозы, и хмурится, увидев меня одну.

Я стараюсь дать ему достаточно везкую причину, чтобы он забыл о том, что, как ему показалось, он слышал после моего крика.

Я выдаю лучшее исполнение роли Лиры.

Я сжимаю кулаки по бокам и поднимаю подбородок.

—Как вы смеете появляться в покоях принцессы без приглашения? — шиплю я. — Вы что, сошли с ума?

Он побледнел.

—Ваше высочество, я не хотел... Я думал, что услышал...

—Мне нужно объяснять вам, что заставило меня закричать? В моей собственной спальне? — Я делаю шаг вперед, молясь о том, чтобы мои новые жильцы были заняты гардеробом достаточно долго. — Я сказала, что со мной всё в порядке.

Его глаза широко раскрыты. Лицо побледнело, только щеки заливаются ярким румянцем.

—Я думал, что была угроза. Я услышал...

—Что? Что вы услышали, стражник? Вон! Вон сейчас же! Я прослежу, чтобы эта дерзость не осталась безнаказанной.

Слышны шаги на входе. Второй стражник, который, должно быть, ждал снаружи, вероятно, поспешил убраться, чтобы это не коснулось его.

—О, Боже мой... — бормочет стражник, удрученно. — Простите. Прошу прощения... Я...

—Вон! — кричу я.

Он покидает спальню, а затем и мои покои.

Сердце бешено колотится, когда я наконец остаюсь одна, и, не успев полностью отдышаться, маленькие эльфы снова появляются передо мной.

—Готово! — кричат они хором. — А теперь что делать, что делать, что делать...?

Я опираюсь на туалетный столик, чувствуя головокружение. Разбираться с этим именно сегодня, после такой ночи...

Я знаю, кто они. Мне никогда не приходилось видеть их вблизи, но в Ордене нам говорили о них.

Они похожи на людей, их называют галцагорри, что на магическом языке означает «красные штаны» потому что они на них надеты. Они кажутся безобидными, так как заклинания обязывают их выполнять любую задачу, которую им поручит хозяин. Однако легенды доказывают, что это злые духи, потому что, однажды попав к новому хозяину, они не могут прекратить выполнять задания для него... никогда.

У меня начинает болеть голова.

—Сосчитайте мазки краски на картине в прихожей, — приказываю я, чтобы выиграть время.

Гальцагорри вылетают из комнаты, пять крошечных существ, движущихся с невероятной скоростью, и я падаю на кровать, пытаясь решить, что делать дальше.

Стилистка, должно быть, попалась на их уловку. Она получила гальцагорри, которые, без сомнения, сшили множество платьев для этого двора, пока она больше не смогла это терпеть.

Лепреконы не отдыхают. Как только они заканчивают задание, они возвращаются к тебе, требуя новых поручений. Ты не можешь попросить их отдохнуть; не можешь попросить их оставить тебя в покое. Они невероятно быстры, и тёмная магия, заключённая в них, позволяет им завершать задачи с невозможной скоростью.

Единственный способ избавиться от них — убить их или передать новому хозяину.

—Чёрт возьми...

Я не успеваю закончить проклятие в адрес стилистки.

—Готово! На картине в прихожей 3578 мазков краски! Что делаем теперь, что делаем, что делаем...?

У меня кружится голова. Я тру лицо руками, чувствуя, что смазываю макияж.

Я не могу отправить их далеко, потому что кто-то может их увидеть, и если узнают, что гальцагорри теперь принадлежат мне, пусть даже непреднамеренно, я получу наказание, которое полагается всем, кто использует магию.

—Распустите покрывало с моей кровати по нитке и сотворите новое... с моим лицом, — приказываю я, надеясь, что так выиграю немного времени.

На самом деле стилистка оказалась очень хитрой. Если она осмелилась передать такое проклятие самой принцессе, то только потому, что знает: Лира ничего не скажет. Похищенная принцесса никогда не решится связаться с языческим миром.

Теперь мне нужно придумать, как избавиться от них, чтобы не быть разоблаченной. Я не могу передать их кому попало, ведь другой человек может не обладать достаточной выдержкой, чтобы не выдать меня.

Я беру игольницу, набрасываю накидку на плечи и направляюсь в сад, когда уже начало смеркаться. Я убеждаюсь, что никто не следит за мной, и иду к Фонтану слёз Мари, который при мягком уходящем свете выглядит ещё более мрачным.

Я уже набрала горсть мелких камешков, когда вдруг раздаются пронзительные голоса, заставляя меня вздрогнуть.

—Готово! Что делаем теперь, что делаем, что делаем…?

Я хватаюсь за грудь и оборачиваюсь, готовая увидеть гальцагорри, но не то, что они принесли с собой.

Я почти теряю сознание, когда вижу покрывало, которое они мне показывают, полностью развернутое; покрывало, которое прекрасно отображает мои черты, и они принесли его сюда, потому что я не сказала им оставить его в моих покоях.

—О, чёрт… Чёрт. Чёрт…

Неужели их видели? Видели покрывало с моим лицом, спускающееся по лестницам дворца?

Я слишком устала от действия яда. Мне нужно сесть хоть на мгновение. Я сажусь на край фонтана, в то время как они продолжают спрашивать, что делать дальше, действуя мне на нервы и лишая меня сил жить.

Возможно, при возвращении меня встретит напуганный двор. Может, они уже вызвали всех священников, чтобы те помогли справиться со Злом. Но с этим я разберусь позже. Сперва, если я не хочу быть сожженной на следующей охоте на ведьм, мне нужно избавиться от них.

Проблема в том, что я понятия не имею, как убить гальцагорри.

Методом проб и ошибок.

—Положите эти камни в игольницу и затем бросьте ее в фонтан Мари, пока не утонете.

Гальцагорри беспрекословно исполняют мой мрачный приказ, и у меня пробегает дрожь по спине, когда я наблюдаю, как они выполняют задание, и как шкатулка падает в воду.

Я наблюдаю, как она мягко тонет, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце, когда вдруг слышу шаги и вскакиваю на ноги.

Сначала я вижу его внушительную фигуру. Затем его лицо. Потом поднятую бровь, которая смотрит на покрывало, брошенное на землю, нарушая дикую эстетику места.

Ветер мягко колышет виноградные лозы, растущие на колоннах позади него, шум фонтана — единственное, что слышно, пока он не заговорил.

—Что за чертовщина у тебя тут? — спрашивает он.

Я открываю рот, готовая придумать любую ложь, когда вдруг раздаётся всплеск воды, и глаза Кириана устремляются на что-то за моей спиной. Как в кошмаре, гальцагорри начинают бегать передо мной, мокрые, повторяя свою бесконечную фразу.

Я смотрю на Кириана.

Он смотрит на меня.

—Я могу всё объяснить.

Капитан поднимает бровь, но его выражение лица не меняется, и я не могу понять, о чём он думает. Гальцагорри не останавливаются, не замолкают, и у меня появляется желание растоптать их.

Секунды, пока Кириан заговорил, кажутся вечностью.

—Попроси их срезать все фиалки в лесу неподалёку от дворца и оставить их на месте.

Их пронзительные голоса не дают мне времени на раздумья. Я отдаю этот приказ, и они оставляют нас одних, с покрывалом и игольницей, который теперь покоится на краю фонтана.

—Ты что, собиралась утопить бедных существ? — спрашивает он, с ухмылкой на губах.

—Они вовсе не бедные существа, — возражаю я. — Это…

—Гальцагорри, — заканчивает он за меня. Конечно, он знает. Поэтому знал, как их занять на время. — Только вот что я не могу понять: что ты с ними делаешь?

—Мне их подарили.

—Глупышка, — шепчет он, произнося каждую букву словно мурлыканье.

Я глубоко вдыхаю.

—Меня обманули. Ты же знаешь, что я никогда…

—Глупышка, — повторяет он и наклоняется, чтобы поднять покрывало. — Пойдем, следуй за мной.

Часть меня хочет послать его куда подальше, но я настолько отчаялась, что Кириан понимает: я не буду возражать. Сейчас я схватилась бы даже за горящую спичку.

—Куда мы идем? — спрашиваю я, пряча игольницу в корсет и подбирая подол платья, чтобы идти быстрее.

Кириан игнорирует мой вопрос.

—Кто тебя обманул?

—Не волнуйся, я позабочусь, чтобы он понес наказание.

—Правда? Ты так и сделаешь? — Он оборачивается, держа покрывало, которое теперь кажется не таким уж большим в его руках. — И как ты собираешься это сделать? Рассказав, что ты владеешь очаровательными темными существами?

Черт. Он слишком хорошо знает Лиру.

—Как я разберусь с проблемой — это мое дело.

Кириан останавливается, и я тоже, несмотря на то, что мы шли не так уж быстро, я запыхалась.

Мы все еще далеко от дворца, но здесь сад ухожен лучше, чем несколько метров назад. Вокруг нас цветочные клумбы разных форм и размеров, все аккуратно спланированы, круглые вечнозеленые деревца и кустарники с цветами, чей аромат доносится до нас.

—Да, правда? Ты сама разберешься? — Он протягивает мне покрывало.

Я прикусываю губу и сдерживаю протест.

Кириану, похоже, нравится мое выражение лица, потому что он смеется, что злит меня еще больше, и продолжает путь к конюшням.

К счастью, здесь никого нет. В это время конюхи, вероятно, ужинают в служебной столовой. Кириан зажигает фонарь, заходит внутрь и бросает покрывало в ведро.

—Я не спрашивал, хочешь ли ты его сохранить, — говорит он с ухмылкой.

—Уничтожь его, — с нетерпением прошу я.

Боюсь, что гальцагорри слишком быстро выполнят приказ и снова начнут нас преследовать.

Это просто катастрофа.

Кириан берет горсть соломы, подносит её к факелу, чтобы поджечь, и, когда она начинает гореть, бросает её в ведро с покрывалом, которое тоже начинает полыхать.

Он смотрит на меня.

—Что?

—Я думаю…

—О гальцагорри?

Кириан потирает подбородок.

—Я думаю, что я попрошу…

—Ты не можешь их о чем-то просить, Кириан. От них нужно избавиться…

—Что я попрошу у тебя в обмен на свою помощь. — Он улыбается очаровательной, добродушной улыбкой, которую я не ожидала увидеть на его лице.

Я сжимаю губы, позволяя осознанию всех последствий постепенно проникнуть в меня. Кириан подходит ближе, смотрит на меня с ног до головы с нескрываемой дерзостью, не переставая улыбаться той чертовски красивой улыбкой, и я понимаю, что у него все преимущества.

—Ты должен мне помочь, — шепчу я.

—Должен?

Я хмурюсь.

—Если ты когда-либо ценил меня, конечно, должен, — настаиваю я.

Улыбка немного сползает с его лица, но он продолжает смотреть на меня с тем же насмешливым выражением. Затем он поворачивается, берет ещё одно ведро и тушит огонь. Заглядывает внутрь, удостоверяясь, что от покрывала не осталось ничего, кроме кучи вопросов, которые завтра зададут конюхи.

Он снова трогается с места, не сказав ни слова, и мне приходится следовать за ним. Он рыскает в сарае возле конюшен, пока я осматриваюсь и убеждаюсь, что нас никто не видит. Если нас заметят, это будет крайне сложно объяснить, но не так трудно, как волшебных карликов, которые меня преследуют.

Кириан достает что-то из сарая, похоже на какое-то сито. Затем он продолжает идти, и я радуюсь, что мы можем удалиться от дворца.

—Ты знаешь, как их убить?

Кириан хмурится. Даже в темноте его черты выглядят прекрасно, когда улыбка касается уголков его губ, и он говорит:

—Жестокое и безжалостное создание, ну как можно хотеть убить этих бедных существ…

—Если тебе не хочется получить в подарок игольницу, я не вижу другого способа избавиться от них, кроме как убить.

Кириан не отвечает. Я чувствую, как мои нервы напряжены до предела.

—Кирян, куда…

—Доверься мне, — просит он, и я задаюсь вопросом, сколько раз он говорил это настоящей Лире.

Интересно, доверяла ли она ему на самом деле, но всё, что окружает Кириана, — это загадка.

Ночь полностью охватывает нас, пока мы пересекаем сад, оставляем позади фонтан и углубляемся в лес, который растет внутри дворцовых стен.

Хотя небо чистое, а луна почти полная, мне трудно разглядеть дорогу, и каждый раз спотыкаясь я отпускаю по паре ругательств.

Затем я чувствую лёгкое давление внизу спины и обнаруживаю, что Кириан положил туда руку, как будто делал это тысячи раз раньше.

—Мы почти пришли, — говорит он, заметив, что я смотрю на него.

Я вздыхаю, даже не осознавая этого.

—Ты такая из-за гальцагорри? — спрашивает он вдруг.

—Такая это какая?

—Бледная, уставшая…

Он заметил.

Я прочищаю горло.

—Да, это из-за них, — лгу я, думая, как бы ему понравилось узнать, что на самом деле я так выгляжу из-за того, что приняла яд, предназначенный для него.

—Понятно.

Там, вдали, есть каменный мост между деревьями. Мост, покрытый мхом, который, должно быть, давно забыли. Кириан убирает руку с моей спины только для того, чтобы протянуть мне руку, и я хватаюсь за неё, чтобы подняться по скользким ступеням моста.

Наверху он, наконец, останавливается.

Несмотря на тревогу и учащенное сердцебиение, которое испытало слишком много нагрузок с тех пор, как было отравлено, я не могу не забыть на секунду, всего на одну, о гальцагорри.

Свет в этом уголке леса имеет что-то особенное, где ручей отражает его более ярким и голубым. Деревья не слишком высокие, а листья широкие и ярко-зеленые. Земля покрыта опавшими от холода и морозов листьями, и маленькие золотистые блики сверкают там, где отдыхают светлячки.

Сова ухает, и цикады, которые не испугались нашего появления, продолжают петь, пока я опираюсь на холодный и влажный на ощупь камень. И аромат воздуха… пахнет лесом, влажностью, землей и…

Кириан наклоняется, чтобы положить на землю сито, и подходит сзади. Я чувствую, как он заполняет всё своим присутствием, даже воздух, который теперь пахнет немного им, кожей его легкой брони, мылом, которым он, должно быть, пользуется, и чем-то ещё, тёмным и сладким одновременно, чему я не могу дать название.

—Когда мы в последний раз были здесь? — спрашивает он тихо.

Я почти чувствую его грудь у себя на спине, пока он не двигается и не касается моего плеча, чтобы встать рядом. Он должен сильно наклониться, чтобы опереться на предплечья.

Не знаю, ожидает ли он настоящего ответа, но я не могу его дать.

—Кириан, гальцагорри.

—Не переживай, у нас есть время, пока они не закончат.

—Кириан… — настаиваю я.

Он вздыхает, выпрямляется и смотрит на меня, пока я не отхожу от камня и не оказываюсь лицом к лицу с ним.

—Ладно. Когда они появятся, тебе нужно просто… — Он замолкает. Его глаза покидают мои и опускаются ниже, затем еще ниже… — Что черт возьми за розовое чудовище ты на себя надела?

Он осмеливается ухватить пальцами кусок гепюра и потянуть за него, а я отдергиваю ткань.

—Это сиреневый, — отвечаю я, слишком уставшая, чтобы подобрать фразу лучше.

—Сиреневое чудовище. — Он улыбается в темноте и делает шаг ко мне.

Он обхватывает мою талию, прижимая меня к себе, чтобы я не двигалась, и другой рукой поднимается к моей груди. Прежде чем я успеваю понять, что он делает, его пальцы проникают между моими грудями, и его костяшки касаются моей кожи чуть дольше, чем нужно, прежде чем он находит игольницу.

Он кладет ее в мою ладонь.

—Думаю, я могла бы справиться с этим сама.

—Да. Но тебе так понравилось больше, — без колебаний отвечает он .

Пронзительные голоса нарушают ночную тишину и не дают мне ответить.

—Готово! — кричат они у моих ног; лишь хаотично движущиеся тени. — Что теперь делать, что делать, что делать...?

Я готова разрыдаться.

—Попроси их принести тебе воду из ручья этим ситом, — говорит он, перекрикивая их вопли.

Я моргаю, сбитая с толку, но не сомневаюсь и делаю, как он говорит.

Гальцагорри берут сито впятером. Оно кажется движущимся само по себе, когда они спускаются по каменным ступеням с приличной скоростью, и мы видим, как они бегут к ручью, наполняют его водой и возвращаются обратно.

И тут начинаются крики.

Пронзительные, истеричные... ужасающие крики, когда гальцагорри остаются без воды на полпути.

Они спускаются с единственной ступени, на которую успели подняться, и снова пытаются. На этот раз они наполняют сито больше, но снова сталкиваются с той же проблемой, и мы видим, как маленькие существа сходят с ума, ругаются и проклинают все на свете.

Они пытаются снова и снова, на пятый раз они пытаются закрыть некоторые отверстия сита своими маленькими ручками, но это бесполезно.

Я поворачиваюсь к Кириану.

—Они не смогут, — говорю я с надеждой.

—Нет. Они не смогут, — улыбается он. — И нам не пришлось их топить.

Я глубоко вздыхаю.

—Все? Это все?

—Да, это все, — отвечает он.

В тишине слышны только крики маленьких существ, которые настолько напугали остальных животных, что те замолчали.

—А если они все-таки смогут? Если однажды я буду на королевском пиру, они взберутся на индейку и начнут кричать на меня?

Кириан хмурится.

—Почему индейка?

—Кириан.

—Они этого не сделают, — наконец отвечает он. — Потому что не смогут выполнить своё задание. Они будут пытаться до рассвета, а когда взойдет солнце, заберутся в эту коробочку и останутся там, пока кто-то другой не откроет её.

Он берет игольницу из моей руки, осторожно открывает её и кладет на мостик.

По какой-то причине, вероятно, из-за усталости, я не могу оторвать глаз от его длинных, сильных пальцев, которые двигаются с такой нежностью.

Я крепко зажмуриваюсь.

—Спасибо.

—Прости? Что? Что ты сказала?

Когда я снова открываю глаза и вижу его абсолютно дерзкое выражение лица, мне хочется сбросить его с моста, но поскольку я обязана ему за своё спокойствие, решаю не обращать внимания.

Я отворачиваюсь и начинаю спускаться.

—Так, если мы уже закончили…

Я иду, не зная точно, куда направляюсь, надеясь, что Кириан последует за мной и проведет меня обратно, но этого не происходит. Я вынуждена остановиться, поднять запачканные подолы и искать его в темноте.

—Неужели тебе нужна моя помощь второй раз за день, принцесса?

Мне это не нравится. Мне не нравится, что он обращается ко мне так фамильярно, когда я ничего о нём не знаю. Мне не нравится, что он знает так много о наших отношениях, которые ускользнули от контроля Воронов.

Кириан для меня… опасен. Я чувствую, что ступаю на скользкую дорожку, и поэтому решаю идти одна, не дожидаясь его. На самом деле, он мне не нужен. Я потрачу больше времени, но в конце концов выйду из леса. Кому какое дело до усталости, тошноты или…

В одно мгновение он оказывается рядом. Я чувствую его ладонь на своих лопатках, слегка корректирующую направление, прежде чем он склоняется к моему уху.

—На самом деле, я тебе не нужен.

—Конечно, нет, — отвечаю я. — Но мы оба быстрее вернёмся в свои постели, если ты перестанешь вести себя как негодяй.

Кириан смеётся сквозь зубы.

—Говорю же, ты на самом деле не нуждаешься в моей помощи. —Продолжает вести меня в темноте. —Смотри. Разве ты не заметила?

Я следую за его взглядом, указывающим куда-то вглубь леса. Останавливаюсь на мгновение, прислушиваясь к любому движению, но вижу лишь деревья, их ветви и корни, и папоротники, растущие по углам. В тишине леса единственное, что нарушает спокойствие, — это отдаленный шум от гальцагорри.

—Чего именно? Я ничего не вижу.

—Посмотри внимательнее.

Я снова пытаюсь всмотреться, и мы вновь погружаемся в молчание. Чувствую дыхание Кириана на своей шее.

—Разве ты их не видишь?

Мурашки пробегают по моей спине.

—Их?

Его мягкий смех вырывается из горла, когда он улавливает страх в моем голосе.

—Гауарги, — наконец говорит он. — Обрати внимание на землю, кору деревьев, ветви, поверхность ручья…

Я ищу глазами указанные места и нахожу только огоньки. Десятки ярких, крошечных огоньков. Светлячки. Раньше я думала, что это просто светлячки.

—Что такое гауарги?

—Ты знаешь, — отвечает он и снова кладет руку мне на спину, продолжая путь. Теперь я гораздо внимательнее к этим огонькам, которые, оказывается, движутся. О, черт… — Возможно, ты так сильно старалась, что в конце концов все забыла, но… ты знала.

Огоньки движутся вместе с нами. Я замечаю, что они образуют четко обозначенную дорожку. В темноте я могу видеть ее границы, пределы, в которых мы движемся.

Я пытаюсь замедлить шаг, наклониться к одному из огоньков на ближайшем стволе, и он отскакивает; прыгает.

—Что это такое? — спрашиваю, с восхищением.

Я даже не пытаюсь скрывать свое удивление, притворяться, что действительно все забыла и мне нужно только освежить память, или что я вру из-за чего-то такого волшебного, такого языческого. Мне нужно знать. Я хочу, чтобы он рассказал.

—Это добрые духи.

—Добрые духи? — переспрашиваю я.

Я не могу удержаться, наклоняюсь. Протягиваю руку и... один из огоньков убегает.

Ясно, что это не светлячки.

—Не тревожь их, — укоряет меня он, но я слышу в его голосе мягкость, которой там не было раньше. — Они помогают заблудившимся путешественникам. Они показывают тебе дорогу домой.

—Почему?

—Они пожалели тебя. Возможно, из-за всего этого жалкого представления с гальцагорри или из-за этой розовой мерзости, что на тебе надета.

—Лаванда, — поправляю я его, слишком отвлеченная огоньками, чтобы ответить как следует.

Я не смотрю на него, но, тем не менее, могу представить его улыбку в темноте.

—Гауарги? —спрашиваю я.

—Гауарги, —подтверждает он.

И я продолжаю идти, позволяя этим существам вести нас обратно к садам, пока, среди деревьев, не замечаю очертания дворца.

Они привели нас гораздо быстрее, чем это сделал до этого Кириан.

Духи выходят из темноты леса и устремляются в сады. Огни дворца приносят мне облегчение, которое, однако, длится недолго, когда я понимаю, что сильно отклонилась от главной миссии, что моя личность оказалась под угрозой, и что Лира не приняла бы помощь духов и не оставила бы это просто так, какими бы добрыми они ни были.

Какими бы особенными они ни были.

Я сглатываю.

Отстраняюсь от Кириана и начинаю идти с решимостью, игнорируя огоньки.

—Предполагаю, что ты сообщил властям о духах леса.

Кириан фыркает у меня за спиной.

—Лира...

—Языческая магия, в нашем дворце...

—Языческая магия есть везде.

—Но не так, не так близко, так... безнаказанно.

—Безнаказанно? —Он выпускает презрительный смешок.— За какие преступления, по-твоему, должны ответить гауарги, которые привели тебя домой?

Я провожу языком по губам. Не знаю, понимают ли существа, что я говорю. Надеюсь, что нет.

—Нужно сжечь весь лес, —фыркаю я.

Кириан не отвечает. Он держит при себе то, что хочет сказать, но идет за мной следом. Хорошо. Мне нужно, чтобы он был зол.

Я поворачиваюсь к нему.

—И перестань меня преследовать.

—Что?

—Откуда ты знал, что я была у Фонтана Слез? Перестань следить за мной, капитан. Думаю, я ясно дала понять, какими будут наши отношения с этого момента.

Кириан смотрит на меня с серьезным выражением, без тени улыбки или провокации.

—Ясно, —отвечает он.

И, на этот раз, когда я иду вперёд, он больше не следует за мной.

Сначала я ищу Дану и убеждаюсь, что во дворце не произошло ничего странного. «Какого рода странности?», — спрашивает она. Как, например, покрывало с моим лицом, самостоятельно спускающееся по лестнице, думаю я.

Мне повезло, что гальцагорри были осторожны.

Я возвращаюсь в свои покои, к постели без покрывала, готовая сдаться сну и как можно скорее всё забыть.

Однако, когда я выключаю свет, что-то яркое привлекает моё внимание из окна.

Там, на краю леса, несколько огоньков прокладывают путь, который теряется в темноте; путь на север.

И я задаюсь вопросом, почему.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 4

Кириан

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

— Перестань так на нее смотреть, — огрызается на меня Нирида.

Мои глаза устремлены на Лиру, но вовсе не по той причине, которую она может себе представить. Сегодня она опоздала, и по-прежнему бледна, с тёмными кругами под глазами, словно больна. Я отвожу взгляд и обращаюсь к капитану.

Нирида оделась по случаю. Она поправляет корсет, в котором я, кажется, ни разу не видел её раньше, и морщится, заметив мою улыбку.

— Ненавижу эту одежду.

— Ты даже не закончила одеваться, — замечаю я.

Хотя на ней корсет с изящной и элегантной отделкой, характерной для моды Королевства Львов, она не надела юбку, которая должна была идти в комплекте. Вместо этого она продолжает носить мужские брюки. Полагаю, полный наряд оказался для неё слишком.

— Закрой рот, — отвечает она и указывает на угол, где Лира беседует с Морганой. — Твоя принцесса сделала тебе одолжение, отвергнув твои ухаживания. Наслаждайся вечером. Выбери кого-нибудь, кто не знает твоей репутации, какого-нибудь незадачливого солдата или наивную девушку, и уведи её в те роскошные покои, которые нам предоставили их величества.

Короли вновь устроили праздник для капитанов, вернувшихся с войны, хотя с прошлого праздника прошло всего несколько дней. На этот раз мы собрались в другом, меньшем зале, который из-за своих размеров кажется ещё более перегруженным: картины на каждой стене, позолоченные панели, сложные изогнутые лепные украшения, огромные и помпезные зеркала, бюсты и статуи в каждом углу… Всё здесь старается показать богатство Львов.

— А какую наивную девушку выберешь ты, Нирида? — отвечаю я с поднятой бровью. — Чтобы для нас не было сюрпризов.

Она толкает меня локтем, сильнее, чем обычно, почти на грани агрессии. Тем не менее, она смеется и ждёт, пока официант с подносом, полным булочек и сыров, уйдет.

— Младшая дочь герцогов, ныне правящих в Лиобе, приехала, чтобы познакомиться с их величествами. Я беседовала с ней в Зале Солнца прошлой ночью. Кажется, она чрезвычайно увлечена солдатами и их военными историями.

— Как удачно для тебя, — отвечаю я.

Нирида снова улыбается. На этот раз, когда мимо проходит официант с подносом, она берет бокал игристого вина.

— И какая удача для неё, — добавляет она, вновь становясь серьёзной. — Забудь её, Кириан. По какой-то причине она устала; вероятно, нашла новую игрушку, которая забавляет её достаточно, чтобы не скучать по тебе, и это, вместо того чтобы ранить твою гордость, должно принести тебе покой.

— Я думал, что покой тебе кажется скучным.

Нирида делает глоток вина и хмурится. Мне тоже не нравится его вкус при дворе Львов. Я предпочитаю наше северное пиво или даже фруктовый сидр.

— Покой обеспечивает тебе сохранность головы на плечах, — быстро отвечает она . — Как думаешь, что сделает Морган, когда узнает, что невеста её сына завела роман с похищенным мальчишкой, капитаном севера?

— Невеста её сына заводит романы со многими при дворе, — отвечаю я, стараясь скрыть горечь в голосе.

— Да, но это мимолетные связи, как и подобает будущей королеве; не отношения, которые длятся годами и могут продолжиться даже после свадьбы. Ты думаешь, они рискнут, чтобы наследники трона родились с твоими чёрными волосами или голубыми глазами? — Она качает головой без колебаний. — О нет. Прежде они отделят твою прекрасную, но безмозглую головку от тела.

— Вот это действительно было бы проблемой.

— Забудь её. Не только потому, что вся эта история с унижением Эриса, будущего короля Львов, опасна; сама Лира тоже представляет угрозу. Прими её равнодушие как подарок.

Я собираюсь ответить, когда вдруг неподобающий шум на мгновение нарушает праздничную атмосферу. Двое солдат бегут к капитану королевской стражи. Хотя они стараются действовать незаметно, все смотрят на них, включая их величества и Лиру.

Нирида отходит от меня, чтобы спросить, что случилось. Король поднимает голос, когда стражники уходят, и говорит гостям продолжать пить и танцевать, и праздник возвращается в своё русло. Нирида возвращается ко мне, едва закончив разговор.

— Хиру поблизости. Говорят, он направляется в город.

Я улыбаюсь, видя её усталое выражение лица.

— Дочь герцогов сегодня ночью останется без твоих историй о сражениях, да?

Нирида глубоко вздыхает. Снова раздражённо дёргает за корсет.

— Пойду, сниму это. Увидимся в конюшнях.

Она покидает зал, не теряя больше времени, а я направляюсь прямо в конюшни, чтобы оседлать наших лошадей и быть готовым, когда она вернётся.

Это будет длинная ночь.

На самом деле, мы надеемся не столкнуться с хиру. Наша задача будет лишь его преследовать, показать ему угрозу, чтобы он повернул назад и ушёл подальше от населённых пунктов.

Мы не намерены вступать с ним в бой, так как никто не выжил после последнего прямого столкновения. Эти существа непредсказуемы, ослеплены голодом и жаждой крови, и, похоже, не испытывают ни страха, ни боли. Поэтому мы ограничиваемся тем, что скачем по лесу, шумим, с факелами и оружием, кричим, пока следы не показывают, что он удалился.

Вернувшись во дворец, я обнаруживаю, что празднества уже закончились, хотя некоторые знатные особы и солдаты всё ещё пытаются выжать из ночи последние мгновения.

Нирида одаривает меня осуждающим взглядом, видя, что я направляюсь не к своим покоям, но не решается ничего сказать; не вслух, не при остальных офицерах.

Я прохожу через одну из скрытых дверей в этих холодных каменных коридорах, беру факел и пробираюсь через проходы, ведущие в комнату, смежную с покоями Лиры. Это необходимо, потому что солдаты, охраняющие вход, заметили бы меня, если бы я вошёл в комнату, где, как полагается, нет ничего интересного, кроме давно не использовавшегося камина и уютных кресел для чтения, которые уже давно никто не трогал.

Внутри я открываю двери на балкон, убеждаюсь, что патрульные снаружи не смотрят вверх, и осторожно пробираюсь к окнам, выходящим на гардеробную Лиры.

В её комнате горит свет, но она спит, словно забыв его выключить. Она ворочается в беспокойном сне, взволнованная. Её лоб покрыт каплями пота, а на тумбочке стоит наполовину выпитый кувшин с водой.

Я прохожу по комнате, ожидая, что она проснётся, почувствовав моё присутствие. Обращаю внимание на туалетный столик, на котором лежит её привычный флакон с духами, скромная косметика, которую она предпочитает, и шкатулка с украшениями, которую она хранит с тех пор, как её привезли сюда.

Всё на своих местах, и тем не менее, кажется, что что-то важное изменилось.

Я стою, наблюдая за ней несколько мгновений, раздумывая, стоит ли её разбудить.

Вспоминаю слова, которые Нирида сказала мне всего несколько часов назад. Мне не нужно долго думать, чтобы понять, откуда исходит эта её забота обо мне, о том, что я всегда чувствовал к Лире. Её равнодушие и жестокость, её вспышки гнева, а порой и насилие... Любое из этих проявлений стало бы достаточной причиной, чтобы я отошёл от неё, но я был неспособен на это; ведь я всё ещё помню ту принцессу, которая когда-то могла бы править всеми королевствами Земли Волков.

Убийство её родителей, похищение, вынужденная помолвка с наследником Львов... Все эти события стали камнем на её плечах, камнем, сделавшим её сильнее, но и холоднее, жестче, жестокосерднее.

Я задаюсь вопросом, не права ли Нирида, может быть, это возможность установить между нами здоровую дистанцию. Я протягиваю руку, и мои пальцы колеблются над её лицом, раздумывая, стоит ли разбудить её, спровоцировать и вытянуть из неё признание в том, что она больше не хочет меня рядом.

Но я не делаю этого.

Опускаю руку, отступаю на шаг назад и гашу свечи, которые она забыла выключить, прежде чем вернуться к окну.

Я уже почти собираюсь уйти, когда в темноте сада замечаю тень. Я застываю, не двигаясь, пытаясь понять, не заметил ли кто меня. Однако тень едва шевелится, и через несколько секунд я понимаю, что это не кто-то из обитателей дворца; по крайней мере, не живой.

Я удивлён, увидев темное существо так близко к дворцу Львов. Легенды говорят, что они обитают в местах, где магия всё ещё жива, в самых глубоких лесах не завоёванных земель.

Все существа, рождённые магией, когда-то жили среди смертных, но сотни лет назад скрылись в лесах, и с тех пор их присутствие становится всё более редким, особенно после того, как Львы начали свой крестовый поход против всей магии и уничтожили земли Волков. Их здесь почти не встречают.

Возможно, это заблудший дух, одна из душ, не сумевших найти покой, возможно, после одной из тех казней ведьм, которые с такой радостью отмечают на главной площади города.

Я поднимаю глаза, пытаясь разглядеть Илларги, луну, ведь именно она должна вести души мёртвых своим светом, но вижу, что облака её скрыли.

— Завтра распогодится, и ты сможешь уйти, — говорю я духу, и звук шелестящих простыней за моей спиной напоминает мне, что я здесь не один и мне пора уходить.

Я вылезаю через окно и возвращаюсь в соседнюю комнату. Когда я снова выглядываю, призрак уже исчез.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Любовница короля и знахарка

Война между Волками и Львами началась в Год Ведьмы.

Королева Морганы приказывает быстро избавиться от любовницы короля Аарона, к которой её муж в последнее время проявляет слишком много внимания. Она не подозревает, что те, кто выполняет убийство, используют яд, купленный у придворной знахарки.

Сначала, после похорон, жизнь при дворе продолжается как обычно. Король Аарон снова навещает покои её величества Морганы, а маленького Эриса балует целая свита нянек, всё больше обеспокоенных странными наклонностями наследника трона. Однако через несколько недель кто-то снова заказывает смерть, подобную той, что постигла любимицу короля, и яд снова продаётся.

В течение нескольких месяцев при дворе Львов неожиданно умирают придворные. Балы прекращаются, никто не осмеливается покидать свои покои, и начинают практиковаться всевозможные странные ритуалы, чтобы отогнать Зло.

Они считают, что я к этому причастна.

Между тем, в городе начинается болезнь из-за урожая, заражённого спорыньей, но люди не знают, что именно грибок вызывает галлюцинации, дрожь и даже четкие голова на незнакомых языках.

Люди осознают лишь то, что при королевском дворе придворные умирают, плача кровавыми слезами или выплевывая кишки, а простой люд словно одержим тёмной силой.

Эти два события вместе приводят к охоте на ведьм. Львы уже приняли новую религию, отвернувшись от того, что теперь называют язычеством, но старые традиции продолжали существовать среди стариков, крестьян, живущих вдали от двора, и тех, кто всегда был увлечён оккультным и неизвестным. Год Ведьмы разрывает все связи Львов с магией, и делает это через кровь.

Короли подписывают новый указ вместе с важнейшими религиозными лидерами королевства, и договариваются о наказании всех, кто практикует языческие обряды, сжиганием на костре.

Выясняется, что знахарка продавала яды при дворе, и хотя она никогда не обладала даром магии, она не только признаётся, что является ведьмой, но и утверждает, что она соргина — могущественная ведьма из Земли Волков. Под пытками она называет имена всех, с кем когда-либо сотрудничала, и становится известно, что половина двора пользовалась её услугами, хотя имя Морганы ни разу не произносится за пределами комнаты для допросов.

Короли приказывают сжечь её на костре, а всех, кто когда-либо сотрудничал с ней, также казнить, даже новую любовницу короля, которая на протяжении многих лет принимала безобидное средство от мигрени, приготовленное ведьмой.

В течение трёх долгих лет преследование было неустанным, и Львы уничтожили всё, что внушало им страх. Ложные доносы сыпались каждый день, и дым костров заволакивал воздух на площадях.

Вскоре появились хиру, и Львы рассказали всем, что это ведьмы, которые злоупотребили самой тёмной магией.

Львы всегда умели придумывать истории.

Однажды король Аарон пережил озарение. Он никогда не узнает, было ли это божественное откровение или же главный священник дворца в Сирии, который уже

несколько месяцев шептал ему на ухо коварные речи, нашёл правильные слова в нужный момент; но он цепляется за мысль, что идея принадлежит ему (или, по крайней мере, его богу), и решает искоренить магию раз и навсегда.

Запрет магии в Королевстве Львов оказался недостаточным, и он начинает борьбу против всех, кто поддерживает древние традиции и поклоняется языческим богам: он устраивает резню в лесу Нирии, где обитают тысячи магических существ, и объявляет войну Земле Волков.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 5

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия.

Я просыпаюсь от того что мое сердце готово выскочить из груди, ужаснувшись от сна, который на этот раз был слишком реалистичным. Я подозреваю, что это из-за яда морного плюща, который всё ещё находится в моём организме.

Сон, который я вижу с детства, снова повторился: маленький домик в лесу, роды на закате, когда солнце уже садится. Несколько женщин стоят вокруг колыбели, и у меня возникает необъяснимое чувство, что это соргинак, ведьмы с севера. Среди них, прямо перед колыбелью, стоит пара, чьи лица всегда остаются размытыми в тумане сна: высокий мужчина и женщина с длинными волосами, которая, кажется, улыбается.

Этот сон всегда приносит с собой странное ощущение, которое беспокоит меня и оставляет нервной и тревожной. С годами я изменила свою интерпретацию этого сна. Теперь я почти уверена, что женщина, улыбающаяся колыбели, — моя мать, а мужчина, который её обнимает, — мой отец. А ведьмы, вероятно, были повитухами. Кто знает.

Каждый раз, когда я вижу этот сон, я пытаюсь разглядеть их лица. Я попала в Орден Воронов, когда была всего лишь младенцем, и знаю, что невозможно помнить своих родителей. Но когда я сплю, я не могу придерживаться логики и всегда просыпаюсь с той же тревогой, тем же чувством беспомощности перед двумя лицами, которых никогда не видно. Я вижу лишь отрывки, вспышки жизни, которая мне не принадлежит: добрая улыбка, защитное объятие, волосы цвета заката...

Сегодня, несмотря на мучительное чувство, которое оставил мне сон, и несмотря на то, что я всё ещё страдаю от последствий прикосновения к концентрированной дозе яда морного плюща, я не могу отказаться сопровождать свиту, отправляющуюся в лес для празднования уничтожения языческих символов. Хотя ожог исчез благодаря мазям, я всё ещё чувствую себя слабой. Но больше я не могу находить оправдания, чтобы уклоняться от выполнения своего долга.

После двухчасовой поездки на север, в глубь леса, мы, наконец, достигли цели нашего утомительного пути: храма, от которого остались лишь несколько камней.

Священник облачён в чёрную церемониальную мантию, вышитую золотом, на которой изображена двуглавая змея — символ религии Львов. Он громко читает отрывок из священных писаний, стих о том, как очистить землю и избавить её от злых существ, начиная с храмов, где им поклоняются, а затем символически поджигает гримуар, который, как утверждают, содержит тёмные искусства какой-то ведьмы.

Судя по виду обложек и цвету бумаги, я думаю, что жаль избавляться от чего-то столь древнего... и такого интересного. Но я идеально играю свою роль: скрещиваю руки на коленях, скромно киваю, когда священник возвышает голос и тон своей речи, и торжественно аплодирую в конце.

Церемония длится долго, потому что мы остаёмся до тех пор, пока не уничтожают последний стоящий камень храма. Но не настолько долго, чтобы поездка сюда стоила того.

Священник проводит церемонию с должным уважением. Это не главный священник Сирии, а младший, из местных, который, вероятно, пытается заслужить

хорошее положение на тот случай, если его старший умрёт и нужно будет выбрать нового священника на его место.

Герцоги, маркизы, графы и другие дворяне с меньшими титулами были сюда привезены, как и несколько капитанов армии и солдаты их личной охраны. Все с уважением относятся к церемонии, но потом используют возможность, чтобы поближе подойти, поговорить и зондировать почву для возможных сделок. Среди всех них нет никого, чьё влияние мне было бы важно, но я стараюсь всегда оставаться рядом с кем-то, потому что среди них есть и он.

Кириан присоединился к свите. Ничего в его одежде не напоминает вычурную моду Львов, даже сегодня, когда многие из них заменили шёлковые чулки и туфли на брюки для верховой езды и высокие сапоги. Во всём его виде кричит, что он принадлежит северу и что изначально был частью Волков, даже если сейчас сражается против них.

Облегающие брюки с высокой талией, кожаный жилет, так отличающийся от изысканных жилетов с цветочными узорами Львов, и толстая чёрная куртка заявляют о том, что он готов к бою в любой момент, как будто никогда не покидал войну.

Кроме того, он вооружён до зубов: меч на бедре, перевязь через грудь, на которой висит как минимум один кинжал и два маленькие ножи, и едва заметная выпуклость в правом сапоге.

Несмотря на грубый наряд, в его брутальном и дикарском облике есть что-то элегантное или в том, как он его носит.

Дамы, сопровождающие нас сегодня, только подтверждают мои впечатления. То, что его внешний вид является абсолютно неуместным, не кажется отталкивающим женщин этого двора, которые едва ли скрывают свой откровенный интерес к капитану.

Мы меняем маршрут, чтобы избежать большой впадины в лесу, когда Кириан ловит мой взгляд и улыбается мне.

Чёрт.

Копыта его лошади разгоняют низкий туман, сопровождающий нас уже какое-то время, когда он направляется в мою сторону.

Я понукаю свою лошадь, чтобы приблизиться к маркизу, который лишь утомляет своих собеседников подробным анализом урожая винограда в этом году, но Кириан успевает оказаться рядом со мной раньше.

— Доброе утро, принцесса.

Я убеждаюсь, что другие достаточно далеко, прежде чем ответить.

— Продолжайте ехать, капитан, — предлагаю я с вежливой улыбкой.

Кириан приподнимает брови, скорее развеселившись, чем разозлившись.

— Это я и делаю.

— Подальше от меня, — уточняю я.

Кириан театрально прижимает руку к груди, делая вид, что его обидели. Я замечаю, что некоторые, особенно женщины, которые уже наблюдали за ним, теперь следят за нами, и я мысленно ругаюсь.

— Но ведь я веду себя хорошо. Ни неприличных вопросов, ни недостойных предложений, ни комментариев о том, как этот корсет подчёркивает твои... утончённые черты.

Я краснею. Если кто-то это услышит, если поймут, что он смеет говорить со мной таким образом, связь между Лирой и им станет более чем очевидной, и это может быть

фатальным для моей репутации. Все романы Лиры всегда оставались в строгой тайне, и никогда с кем-то столь проблемным.

— Прошу тебя, прекрати это немедленно. — Всё труднее и труднее заставлять себя улыбаться так, чтобы это казалось дружелюбным со стороны, и, кажется, ему это доставляет огромное удовольствие.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал прямо сейчас? Это то, чего ты желаешь?

— Я хочу, чтобы ты свалился с лошади и сломал себе ноги, Кириан.

Он выпускает низкий, грубый смешок. Приближает свою лошадь к моей и наклоняется ко мне, в жесте близости, который наверняка вызывает зависть у тех, кто за нами наблюдает.

— Давай сделаем это, — предлагает он. — Отстань нарочно, и я позабочусь, чтобы никто не увидел, как я тоже отстаю. Один поцелуй, и всё закончится, если это то, чего ты хочешь.

Я продолжаю смотреть на него, пока мы пересекаем лес. Свита движется на восток, чтобы обойти большую впадину с обрывом, который слишком крутой, чтобы приблизиться к нему. Мы едем медленно. Не слышно птиц, ни звуков других животных, только хруст веток и стук копыт наших лошадей, которые уже некоторое время ведут себя беспокойно, под неумолкающий трёп своих всадников.

Может, это и хорошая идея. Он больше не сможет меня обмануть. Я прекрасно понимаю условия нашей сделки: один поцелуй, и он забудет меня. Если я добьюсь этого, если попрошу, и Кириан поцелует меня, всё будет кончено. И что может быть лучше этого момента? Никто не заметит, если нас не будет пару минут. К тому времени, как мы вернёмся в Сирию, этот поцелуй станет лишь неприятным воспоминанием, которое я постараюсь забыть... как стараюсь забыть тот, что он украл у меня в прошлый раз.

— Хорошо, — решаю я.

Кириан выпрямляется, удивлённый. Его лошадь нервно ржёт. Моя тоже беспокойна с тех пор, как туман стал гуще.

— Хорошо?

— Поцелуй. Давай сделаем это. — Я слегка натягиваю поводья своей лошади, заставляя её замедлиться. Кобыла сопротивляется, словно её раздражает необходимость сбавить шаг. — Никто не должен видеть.

— Никто не увидит, — обещает он с озорной улыбкой.

Пара дворян проезжает мимо нас, отдаляясь от обрыва. Отсюда, сквозь густой и плотный туман, едва виден пустырь.

— Чего же ты ждёшь? — спрашиваю я, ожидая, пока он полностью остановится.

— Жду, когда ты попросишь меня об этом.

— Что ты сказал?

Его лошадь тоже ржёт от изменения темпа. Что-то явно их тревожит: возможно, холодная атмосфера, ветер или неестественная тишина леса.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал, принцесса. Чтобы не было никаких сомнений. Я не хочу украсть у тебя то, что ты не готова отдать.

Да уж. Конечно. Мне хочется схватить одно из его собственных оружий и проткнуть его насквозь.

— Поцелуй меня, — шиплю я. — Останови свою лошадь, подожди, пока остальные уйдут, и поцелуй меня.

Кириан улыбается, не останавливаясь до конца. Я вижу, как его взгляд скользит по моему лицу, по моим губам, а затем по корсету, и тёмные желания, скрытые в этом взгляде, заставляют моё сердце биться чуть быстрее, несмотря на моё сопротивление.

Чёрт побери.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя? — спрашивает он снова.

Он точно наслаждается этим, вот наглец.

— Да.

— В губы? — уточняет он, приподнимая брови.

Он вынужден крепко держать поводья, когда его лошадь пытается воспротивиться.

— Предпочтительно, — вынуждена ответить я.

Я выдерживаю его взгляд, полный дурных намерений и зловещих обещаний, и тогда Кириан отвечает:

— Нет.

И направляет свою лошадь вперёд.

Замешательство сменяется гневом.

— Как это «нет»?

— Я не собираюсь тебя целовать, — отвечает он, полон достоинства, не удостоив меня взглядом. — Какой дерзостью нужно обладать, чтобы просить меня о таком, принцесса.

Теперь мы отстали от остальных, но всё ещё достаточно близко, чтобы я помнила, что не могу кричать.

Я с трудом сдерживаю проклятие, недостойное Лиры, сжимаю кулаки на поводьях и еду дальше. Вижу, как он улыбается, развеселившись, и жалею, что не смогла его отравить.

Я сверлю его взглядом, представляя себе тысячу способов убить его, когда вдруг новая мысль озаряет меня — идея, родившаяся из внезапного ржания его лошади, подпитываемая гневом и жаждой мести.

Я подъезжаю ближе, убеждаюсь, что на нас никто не смотрит, поднимаю руку и резко хлопаю её о круп лошади.

Животное так напряжено, что это именно то, что нужно, чтобы оно вскочило на задние ноги и помчалось вперёд.

Я сдерживаю смех, наблюдая, как лошадь, совершенно обезумев, уносит Кириана с собой, и изображаю испуг, когда остальные всадники начинают паниковать, видя, как он несётся сквозь лес.

Может, я и не решусь его убить, но неприятное падение с лошади могло бы поубавить его самоуверенности на какое-то время.

Я прикрываю рот рукой, как будто тоже шокирована, и прячу улыбку, пока вдруг не замечаю, что лошадь меняет направление.

О, чёрт.

Она поворачивает влево, сталкивается с другими всадниками, которые поспешно уворачиваются, и ещё больше пугается, так что Кириан уже не в силах вернуть контроль над ней. И вот его ноги соскальзывают по рыхлой земле, и он вместе с лошадью падает в овраг.

Лошадь исчезает, и Кириан вместе с ней.

Ржание животного разносится жутким воплем, разрывая тишину и нависая над лесом как зловещее предзнаменование.

Мгновение никто не двигается. Затем один из капитанов подгоняет своего коня к месту падения. Слышны отрывистые команды, крики паники, и через несколько секунд я тоже подъезжаю к краю оврага и спешиваюсь.

Падение крутое, но не настолько вертикальное, чтобы они рухнули вниз. Рыхлая земля раскрывает путь, по которому животное и всадник скользили вниз, и я следую по этому следу, пока не замечаю две фигуры среди тумана.

Туман мешает мне разглядеть, что происходит внизу. Противоположная стена оврага покрыта скалами, усеянными множеством отверстий и огромных трещин, а из земли, кажется, повсюду виднеются расщелины.

Я чувствую, как сердце замирает в ожидании.

«Там, внизу!» — кричит кто-то.

«Сделайте что-нибудь!» — восклицает священник.

Никто не знает, как реагировать, пока, внезапно, лошадь не ржет и не поднимается на ноги с заметной неуклюжестью.

Слава Воронам, я не убила это животное.

А Кириан… Я с шумом втягиваю воздух, когда вижу, что он двигается.

Глубокое чувство облегчения накрывает меня при мысли, что он жив.

— Не волнуйтесь, мы его поднимем, — говорит один из капитанов.

Понимаю, что это обращение ко мне, и замечаю, что дала волю своим эмоциям — на моем лице явственно отразилось облегчение. Я оглядываюсь и вижу только обеспокоенные лица: рыцари побледнели, дамы на грани обморока. Пожалуй, нет ничего страшного в том, что я выгляжу потрясенной. Кто бы не был на моем месте?

Несколько солдат готовятся спуститься вниз. Один из них уже карабкается на скалу у края, когда вдруг одна лошадь ржет и, вырвавшись из-под контроля, начинает нестись прочь, а остальные начинают беспокойно переступать ногами, протестуя. Вторая лошадь тоже вырывается и убегает.

— Что, черт возьми, происходит…? — начинает кто-то, но не успевает закончить.

Ужасный звук, словно сама земля разрывается пополам, разносится по всему лесу. Стая птиц вырывается из деревьев, и внезапно тишина поглощает все, пока два ритмичных удара не разрывают её.

Бум. Бум.

Тишина.

Бум. Бум.

Тишина.

Бум. Бум.

Из тени на другой стороне оврага, там, где виднеется тёмный вход в пещеру, начинает проступать силуэт. Мои глаза напрягаются, пытаясь примирить увиденное с реальностью, избавиться от ощущений, будто я в кошмаре, и сосредоточиться на правде… но это невозможно.

Там, внизу, есть пещера, и из этой пещеры вырывается чудовищная рука, почти размером с лошадь, с обломанными и грязными ногтями.

Мое лицо бледнеет, когда я с ужасом наблюдаю, как из пещеры появляется остальное тело, и великан с одним серым глазом поднимается, его голова оказывается почти на уровне края оврага.

Этого не может быть. Этого просто не может быть…

Тартало. Это он: одноглазый великан.

Никто не говорит.

Никто не шевелится.

В Ордене нас учили, что он когда-то жил на континенте, но его видели в последний раз много десятилетий назад. Считалось, что он спит, спрятавшись в лесу, как и другие древние создания.

Похоже, они ошибались.

Тартало делает шаг к лошади, которая тут же бросается в бегство. Кто угодно поклялся бы, что с его размерами, огромными конечностями и массивным телом циклоп должен быть медлительным. Это было очень далеко от правды.

Гигантское существо поворачивается к животному, протягивает руку и одним движением хватает его в свои когти. Циклоп поднимает лошадь двумя руками, держит её перед собой и в одно мгновение разрывает пополам.

Буквально разрывает.

Как тонкую веточку. Лошадь ломается с той же лёгкостью: ткань, мышцы и кости, всё разрывается и ломается. Но звук при этом совершенно иной. Над ужасным влажным хрустом слышен только крик абсолютного ужаса животного, который вскоре прекращается.

Тартало подносит одну половину ко рту и откусывает, словно это закуска.

Мне кажется, что я сейчас потеряю сознание.

Он поворачивается, отворачиваясь от нас, и снова наклоняется, чтобы вернуться в одну из пещер.

Кто-то кричит.

Это словно плотина, которая прорвалась. Этот крик дает начало другому и ещё одному, и в считанные секунды разражается хаос. Люди бегут, стремятся к своим лошадям или убегают без них. Они толкают друг друга, вопят в ужасе и теряют рассудок.

Я оглядываюсь по сторонам.

Солдаты отступают, капитаны тоже. Я поворачиваюсь к ближайшему.

— Вы собираетесь его там оставить? — спрашиваю.

— Капитан уже мёртв, — отвечает он, не глядя на меня, и вскакивает на своего коня, чтобы убежать как можно скорее.

Паника захлестывает меня, истерия захватывает, как в кошмаре, и я позволяю себе вести меня к моей лошади, прежде чем приказать ей уноситься прочь. Все лошади мчатся со всей скоростью. Ни одна не готова задерживаться здесь ни на секунду дольше.

И никто ни разу не оглянулся.

Никто, кроме меня.

Бег и ветер в лицо освежают меня, и вместо того, чтобы развеять сырой и первобытный ужас, они лишь усиливают его.

Кириан был жив, когда упал, и Тартало его не заметил, но, когда великан снова выйдет наружу, он увидит его там, беспомощного, и Кириана ждет та же участь, что и лошадь.

О, черт…

Я натягиваю поводья, и моя лошадь недовольно фыркает.

Все бегут в страхе.

Я немного отстаю от остальных.

Никто не колеблется ни на мгновение, и это приговаривает Кириана к смерти, мы обрекли его, с каждым нашим шагом мы оставляем его на произвол судьбы, на участь хуже смерти.

Я ругаюсь, останавливаюсь и жду, чтобы убедиться, что никто не видит, как я отстаю. Затем я поворачиваю свою кобылу назад.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 6

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия.

Я уже знаю, что пожалею об этом, едва оставляю свою лошадь, привязанную к дереву, и возвращаюсь назад.

Стараюсь не думать об этом слишком много, и, к счастью, это не так уж сложно, потому что каждый раз, когда закрываю глаза, передо мной всплывает образ лошади, разорванной пополам, как пирожок, прежде чем она оказалась в пасти циклопа.

Последние шаги к краю оврага я делаю настолько медленно, что на мгновение боюсь, будто вообще не двигаюсь. Мои ноги дрожат, когда я заглядываю вниз и вижу лужу крови и внутренностей среди тумана. Последние следы крови ведут в пещеру, расположенную в скале напротив.

А Кириан всё ещё там, без сознания на земле; жив, если его состояние не изменилось с тех пор, как мы видели, как он двигался.

Я сбрасываю с себя тяжёлую накидку, укрывавшую моё платье, и оставляю ее на краю. Одежда Львов роскошна, богато украшена и… тяжела. Невероятно тяжела.

Даже в этом тщательно подобранном для верховой езды платье я не смогла бы спуститься вниз, не запутавшись в бесконечных кружевных рукавах и подъюбниках. Поэтому я снимаю его тоже. Быстро расстёгиваю корсет и сбрасываю платье, оставшись лишь в рубашке и нижней юбке.

Затем начинаю спуск.

Как только я ставлю ногу на склоне и начинаю скользить, понимаю, что не смогу двигаться так бесшумно, как хотелось бы. Тихо выругавшись, продолжаю спуск, стараясь не позволять рыхлой земле слишком сильно увлекать меня, не сводя глаз с пещеры, куда скрылся Тартало.

Никто не видел его уже целый век. Счастье, если лошади ему хватит, чтобы не выходить наружу какое-то время.

Но на всякий случай я тороплюсь.

Как только достигаю дна, нахожу Кириана и опускаюсь на колени рядом с ним. Кладу пальцы ему на шею, проверяя пульс. Облегчённо вздыхаю.

Несколько раз легко хлопаю его по лицу.

—Кириан, — шепчу. — Кириан, ты должен проснуться.

Он не двигается. Всё ещё дышит, но, возможно, слишком слаб, чтобы долго оставаться в таком состоянии. Я не могу проверить, есть ли у него травмы.

—Кириан, — повторяю шёпотом и ударяю его сильнее, но он всё равно не просыпается.

Чёрт. Мне придётся тащить его наверх самой.

Я хватаю его за руки, напрягаясь при каждом звуке, при каждом движении, и начинаю тащить его назад, волоча по земле к скале, по которой только что спустилась. Это будет сложно, но я справлюсь. Нужно только крепче ухватиться, и…

Что-то меняется в воздухе. Птицы умолкают, шелест ветра замирает; словно что-то рвется в этом мире.

А затем — шаги.

Я слышу их с тем же парализующим ужасом, который испытала, впервые увидев эту гигантскую руку.

Пам. Пам.

Пам. Пам.

Я сжимаю рукоять кинжала на бедре так сильно, что тупая боль поднимается по руке; но мне всё равно. Я даже рада боли, этому острому ощущению, которое удерживает меня в реальности, помогает осознавать, что всё это происходит на самом деле.

Шаги всё ближе.

Пам. Пам.

Пам. Пам.

Земля под моими ногами дрожит, и эхо пещеры, находящейся перед нами, усиливает звук этого страшного марша.

Тень мелькает в темноте, и в следующее мгновение из пещеры выходит ужас, трудно поддающийся осознанию.

Сгорбленное существо, выпрямляется передо мной, разгоняя туман своими тяжёлыми движениями. Я вижу, как оно становится всё больше и больше; одни мышцы, шерсть и крепкие кости.

Рыцари, дамы и остальные капитаны тоже не в безопасности. С такими размерами оно может в любой момент прыгнуть и схватить их.

Ужасное и пугающее, оно открывает свой единственный глаз, и на его огромном лице появляется улыбка, полная острых зубов.

Инстинкт берёт верх, и я выхватываю кинжал, который ношу на бедре. Я застываю на месте, мои пальцы сжимаются вокруг рукояти оружия так крепко, что костяшки белеют. На фоне этого гиганта мой кинжал выглядит нелепо. Я вынуждена запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Затем Тартало открывает рот, и я едва не теряю сознание, когда его низкий и хриплый голос, казалось бы, дремавший веками, начинает греметь от стен, сложенных из земли и камня:

—Кто осмелился украсть у меня? Этот смертный теперь принадлежит мне.

Во имя Воронов, у меня подкашиваются ноги, но я не отступаю.

Я не знала, что он умеет говорить. Я даже не знала, что…

Я собираюсь с мужеством или, быть может, с безрассудством — кто знает. Часто это одно и то же.

—Этот смертный ничего тебе не сделал. Отпусти нас, пока кровь не пролилась, — предупреждаю я, сжимая своё оружие.

Тартало смеётся. Возможно, я бы тоже рассмеялась, если бы мне не хотелось плакать. Он запрокидывает свою огромную голову, кладёт руки на обнажённый живот и разражается смехом, который словно доносится из другой эпохи, из другого мира.

—Ты тоже не сможешь причинить мне вреда, дочь Мари. Если хочешь, можешь сражаться, и убедишься, что я прав.

Дочь Мари? Потому что я женщина? В языческих легендах говорится, что первые ведьмы были дочерьми матери всех богов — Мари, а народные предания склонны связывать злую магию с женщинами. Возможно, поэтому он так меня называет.

Я крепче сжимаю своё оружие и направляю его на чудовище, всё больше осознавая страшную разницу в росте, силе… Это монстр, древнее создание, которое живёт в этих лесах задолго до того, как первый человек ступил на эту землю.

—Я буду сражаться, — обещаю я. — Я не отступлю. Не дам тебе его.

Я могла бы убежать прямо сейчас. Могла бы бежать и молиться, чтобы Кириан стал для него достаточной добычей, чтобы он позволил мне сбежать.

Часть меня хочет так поступить, но затем я вспоминаю о лошади.

—Если ты того желаешь, дочь Мари… — бормочет он хриплым голосом и протягивает ко мне руку.

Отступать уже некуда.

Тартало не нужно двигаться; ему даже не нужно делать шаг вперёд, потому что он может достать меня одним движением руки.

Воздух дрожит, когда он его разрезает. Я чувствую скорость и движение, и тревога вспыхивает в моей груди, крича мне, чтобы я отступила.

Я успеваю вовремя, чтобы избежать удара, который мог бы впечатать меня в стену.

Я падаю на землю и перекатываюсь, а затем неуклюже поднимаюсь на ноги.

Я бросаю взгляд на Кириана, который всё ещё лежит на земле, без сознания. Тартало, кажется, не собирается причинять ему вред; по крайней мере, пока.

Существо издаёт низкое рычание, которое отдается эхом от стен и распространяется вверх, в лес.

Мне интересно, услышат ли это остальные, поторопят ли своих лошадей, чтобы быстрее уехать.

Надеюсь, что так. Если кто-то вернётся, если кто-то увидит меня среди тумана, который Тартало разгоняет своими мощными движениями, и мне придётся сражаться как Лира, я столкнусь с выбором: подвергнуть миссию опасности или позволить себе погибнуть.

И теперь я знаю, насколько ужасной может быть смерть в его пасти.

Прежде чем я успеваю подумать о чём-то ещё, он снова поднимает руку и пытается задеть меня ею, но я успеваю отскочить в сторону. Он делает шаг в мою сторону. Одна его когтистая лапа могла бы раздавить меня и переломать каждую из моих костей, превратив меня в кровавое месиво.

Я бегу прочь, понимая, что у меня почти нет шансов на побег, и меня охватывает леденящий ужас, когда я замечаю краем глаза, что одна из его рук вот-вот достанет меня.

Я кричу от боли, чувствуя, как коготь рассекает мне руку, и мгновенно реагирую. Я разворачиваюсь и взмахиваю кинжалом, разрывая всё, что попадается мне под руку.

Тартало шипит от ярости и отдёргивает руку, затем замахивается ею и с силой ударяет по стене. Несколько камней осыпаются на землю. Некоторые из них падают опасно близко к Кириану. Стая птиц взмывает в воздух из ближайших деревьев.

—Мне надоела эта игра, — рычит он и бросается на меня.

Теперь его движения ужасающим образом становятся грациозными. Я кричу, когда его руки почти хватают меня, и вновь бросаюсь на землю, перекатываясь, чтобы как можно дальше от него откатиться. Но на этот раз, прежде чем я успеваю полностью подняться, я чувствую, как меня захватывает невыносимо сильная рука, которая обхватывает мой локоть, а затем и запястье.

Я слышу хруст и чувствую сильный рывок, напоминающий мне, насколько мощно его волшебное тело и насколько хрупко моё смертное.

Мои ноги отрываются от земли, и давление на предплечье усиливается, когда я повисаю в его руке. Он сжимает меня так сильно, что один из его когтей впивается в

плоть, и багровая струя начинает сочиться из-под его пальцев, растекаясь по коже моего предплечья. Кровь стекает по моей шее, плечам, груди…

Ужас охватывает меня.

Тартало поднимает меня и приближает к своему лицу. Гнилостный запах разлагающейся плоти пронизывает меня, но боль в левой руке столь сильна, что я даже не обращаю на это внимания.

—Дочь Мари, ты могла бы сбежать. Я позволил бы тебе, — бормочет он.

—Слишком поздно? — осмеливаюсь спросить я, с мышцами, сведёнными судорогой, и холодом смерти, пробирающимся к моим рёбрам.

—Без смертного?

Я смотрю вниз, на лицо Кириана, которое кажется таким юным и беспомощным.

—Заключим сделку, — говорю я, в отчаянии. — Сделку ради него. Скажи, что ты хочешь. Легенды гласят, что когда-то ты был пастухом. Возможно, тебе нужны земли для твоего стада? Я предоставлю тебе всё, что ты пожелаешь.

Я пытаюсь вспомнить всё, что узнала о нём в Ордене Воронов, и жалею, что это были всего лишь легенды и сказки, которыми пугают детей.

Тартало снова смеётся, и меня сотрясает его смех. Резкая боль в руке заставляет меня прикусить губу, чтобы не закричать. Если он продолжит в том же духе, он вывихнет мне левое плечо.

—Ни сделки, ни законы, ни короли не смогут предоставить мне земли, потому что весь лес принадлежит мне.

—Не весь, — нервно импровизирую я . — Это не так. Раньше твои владения были больше, не правда ли? Люди возвели заборы, крепости и дворцы на земле, которую раньше не осмеливались топтать. Никто не верит, что лес принадлежит тебе.

—И ты не имеешь силы это изменить, — говорит он, приближаясь ко мне, а затем отступает. Я вижу, как он смотрит вверх, словно с тоской вспоминая о лучших временах. Это зрелище жутко. — Ты всерьёз решила заключить сделку? Дай мне обещание, дочь Мари. Пообещай, что ты и этот смертный вернётесь.

Сердце колотится так сильно, что кажется, вот-вот вырвется из груди. Острая боль вынуждает меня заговорить тоном гораздо более пронзительным, чем я собиралась.

—Зачем?

—Ты просто пообещай, и вы сможете уйти.

—Какой смысл давать обещание, если ты можешь заставить меня его исполнить через неделю, день или даже через несколько часов… и потом съесть нас обоих?

Тартало моргает. Вблизи его единственный глаз кажется живым существом, как будто он не совсем принадлежит ему. Его радужка серого цвета, как дым от костра, а зрачок то расширяется, то сужается, пристально изучая меня.

—Разве у тебя есть другой выбор?

Мои свободные пальцы едва заметно шевелятся. У меня всё ещё есть спрятанное оружие. Ещё остаётся шанс. Я могла бы сражаться, могла бы защищаться и попытаться сбежать.

Да, у меня есть другой выбор, но он не включает Кириана.

—Каковы условия, Тартало? Неужели ты хочешь, чтобы я обрекла себя на судьбу, не зная её?

—Ты и смертный уйдёте, пообещав вернуться в день, когда я вас позову. Это будет не сегодня, не завтра и не на следующей неделе. Пройдут многие луны, прежде чем это произойдёт. Это всё, что тебе нужно знать.

Мои пальцы снова шевелятся. У меня достаточно сил, чтобы вытащить оружие, вонзить его в его пальцы, которые сжимают мою раненую руку, и прыгнуть. Я даже не знаю, получится ли у меня выбраться из этой ямы, но это будет шанс.

Я смотрю на Кириана.

Колеблюсь.

—Ты получишь моё слово, — говорю я ему.

Тартало издаёт нечто похожее на удовлетворённый вздох, и воздух из его ноздрей растрепывает мне волосы. Он опускает руку, ставя меня на землю, и мои колени подгибаются, как только мои ботинки касаются её. Острая боль пронизывает плечо, и я крепко прижимаю его к телу.

—Мне всё равно на твоё слово. —Тартало начинает рыться в карманах своих брюк, изношенных и обветшалых, полных заплаток. — Мне нужна клятва, которую ты не сможешь нарушить.

Он показывает мне золотое кольцо, размером с его пальцы, и все страшные истории, которые я слышала, оживают в моём сознании.

Я слышала несколько из них о кольцах Тартало: как легкомысленные беглецы, которым удавалось сбежать, становились жертвами, когда существо находило их и целые деревни с помощью магии кольца.

Я наблюдаю, как он немного сгибается и своими огромными пальцами снимает с Кириана куртку, словно с куклы в руках маленькой девочки; девочки с ногтями, испачканными в крови.

Во имя всех Воронов...

Тартало резким движением срывает рубашку с капитана, и она легко разрывается. Я представляю, что он, должно быть, прикладывает немалые усилия, чтобы случайно не сломать ему какую-либо кость. Он надевает кольцо на бицепс Кириана, и оно плотно облегает его плоть, словно вторая кожа.

Затем он поворачивается ко мне с ещё одним кольцом.

Я слышала истории о том, как жертвы Тартало замечали кольцо перед побегом и, не сумев его снять, предпочитали отрезать себе палец, чтобы он не мог их выследить.

Но это кольцо на самом деле — браслет, который плотно облегает бицепс.

—Если ты наденешь это на меня, и я не смогу его снять, моя жизнь станет значительно сложнее. Возможно, другие убьют меня, прежде чем ты успеешь потребовать исполнения обещания.

Тартало хмурит брови, и его единственный глаз темнеет. Я отступаю на шаг, насколько это возможно. Возможно, потрясение заставляет меня слишком рисковать своей удачей.

—Всегда можешь оторвать себе руку.

—Сработает? — спрашиваю я.

Тартало улыбается, обнажая ряд острых зубов. Это всё, что он говорит. Затем он снова протягивает мне кольцо.

—Надень его, если хочешь уйти с этим смертным.

Я смотрю на него мгновение, глубоко вздыхаю и протягиваю раненую руку, всё ещё залитую кровью. Об этом я подумаю позже; придумаю, как избавиться от этого обещания. Я слышала легенды о путешественниках, которые сумели избежать своей судьбы, о героях и героинях, которые обходили его подношениями, сделками или ложью. А в этом я мастер.

Тартало берёт браслет, тонкое кольцо, и надевает его мне на руку, пока он не доходит до середины бицепса.

Я чувствую, как магия скользит по моей коже, по каждому сантиметру моей руки, словно она меня узнаёт, приветствует и говорит, что останется со мной, что будет следить за мной.

Холод пробегает по моей спине.

Я пытаюсь немного его сдвинуть, подвинуть, но он не поддаётся; остаётся плотно прилегающим к моей плоти.

Я поднимаю голову и смотрю на существо.

—Поможешь поднять смертного?

Он издаёт низкое рычание, но всё же нагибается, чтобы поднять Кириана с земли, маленького и беззащитного в его гигантских руках. Я задерживаю дыхание, когда его пальцы обхватывают тело Кириана, боясь, что он случайно что-нибудь сломает, и перестаю дышать, пока не вижу, как Тартало осторожно кладёт его на землю, у края обрыва.

Затем он опускает руку вниз, предлагая мне подняться.

Не верю, что собираюсь это сделать. Наверное, я сошла с ума, потому что вскарабкиваюсь на его руку и стараюсь не потерять равновесие, когда он поднимает меня и переносит на край.

Его лицо, его единственный серый глаз, который, кажется, видит всё, смотрит на меня снизу вверх. Вокруг него клочья рассеянного тумана пытаются снова соединиться.

—Теперь у нас сделка, дочь Мари.

Меня искушает спросить, почему он меня так называет, но я этого не делаю. Возможно, потому что я женщина, или, может быть, он способен уловить остатки магии, и считает меня ведьмой.

Сейчас это не имеет значения.

Не сказав больше ни слова, Тартало поворачивается и, согнувшись, направляется обратно в свою пещеру. Его шаги ещё некоторое время звучат в лесу, пока он уходит… пока я не перестаю их слышать, и тишина леса становится почти гнетущей.

Всё произошедшее вдруг обрушивается на меня с такой силой, что мне приходится на мгновение присесть на землю. Моё дыхание становится учащённым, и мне необходимо сосредоточиться, чтобы дышать нормально.

Кириан, лежащий рядом, по-прежнему без сознания, не ведает о том, что мы только что пообещали, и хотя я знаю, что это бесполезно, я вынимаю один из его кинжалов и подношу его к краю его браслета. Режу плоть, но не кольцо, которое плотно прилегает к коже благодаря магии, словно уже стало частью его тела.

Чёрт.

Кровь вокруг его браслета напоминает мне, что я тоже ранена, и что смогу скрыть боль, но не рану.

Режу клочок от его рубашки кинжалом. В конце концов, она уже изорвана, и вряд ли он будет скучать по ней. Затем тщательно вытираю пятна крови с шеи, рук и с ужасного пореза на предплечье, и надеваю юбку платья, замечая, что Кириан начинает приходить в себя.

Мне приходится прикусить губы, чтобы не закричать, когда я пытаюсь надеть корсет, а мое плечо протестует от боли. Но я кое-как справляюсь, набрасываю на себя накидку и опускаюсь на колени рядом с Кирианом.

Я встряхиваю его, и он морщится, недовольно двигаясь.

—Кириан… Кириан, проснись.

Тихий стон в ответ.

—Кириан. —Я мягко хлопаю его по щеке.— Кириан…

Наконец, он пытается открыть глаза. Его веки подергиваются, ресницы дрожат, и вот его взгляд находит меня. Он оглядывается, растерянный, прежде чем полностью прийти в себя, а потом снова смотрит на меня.

Его рука скользит по моей щеке.

—Лира, —хриплым голосом шепчет он с улыбкой.

Я нервно прочищаю горло, как будто пытаюсь избавиться от жара, внезапно нахлынувшего на меня.

Сглатываю.

—Ты можешь двигаться? Тебе больно?

Кириан моргает, всё ещё в замешательстве, и снова оглядывается, будто пытаясь понять, где он находится.

—Я в порядке, —говорит он.— Кажется, будто по мне проехалось десяток лошадей, но… я в порядке.

Его лошадь…

У меня скручивает живот от дурного предчувствия.

—Ты помнишь, что произошло?

Он снова крепко закрывает глаза, а потом, открыв их, устремляет взгляд на край обрыва.

—Лошадь испугалась, она была напугана, и я вдруг потерял контроль. Она сорвалась вниз, и… —Он поворачивается ко мне, его синие глаза встречаются с моими.— Ты вернулась за мной. Ты… ты вытащила меня оттуда.

Я беру его руку и осторожно кладу её на его грудь. Я собираюсь убрать свою, но он не позволяет мне этого сделать… и это… это я могу ему позволить. Я мягко сжимаю его руку.

—Это не так. Я бы не смогла этого сделать. Посмотри, какая высота у этого утёса. Как бы я смогла тебя поднять туда?

Кириан с трудом приподнимается и смотрит вниз, затем начинает осматривать окрестности.

— Но, как? …

Я задерживаю дыхание. То, что я скажу сейчас, станет основой для истории, которую Львы будут помнить ещё очень долго.

Пришло время лгать.

Я кладу руку на грудь, как будто в шоке.

—Ты правда ничего не помнишь? Не знаешь, что случилось там внизу?

Кириан проводит рукой по своим тёмным волосам, явно расстроенный, и качает головой. Его взгляд останавливается на луже крови в низине, и он хмурится ещё сильнее.

—Там внизу живёт Тартало.

—Что?

—Тартало был там. Он вышел, когда ты был ещё без сознания, съел твою… э-э… лошадь, и все мы бежали. Мы думали, что и ты погиб.

—И тогда… как…?

—Как ты сбежал от него? —Я решительно качаю головой.— Я только услышала рев чудовища, привязала лошадь подальше и прибежала как раз вовремя, чтобы увидеть, как ты выбежал из пещеры, поднялся наверх и потерял сознание.

Кириан внимательно смотрит на меня.

—А ты… ты вернулась, чтобы помочь мне?

Я задерживаю дыхание, стараясь удержать маску Лиры на месте.

—Нет. Конечно, нет. Что я могла бы сделать против такого создания? —шепчу я тихо.— Моя лошадь понеслась, и я вернулась за ней, когда услышала этот рев и подошла ближе. Ты сделал это сам, Кириан. Ты столкнулся с ним и смог убежать, но нам нужно уходить. Думаешь, сможешь встать?

То, как он смотрит на меня, смесь растерянности и разочарования, почти болезненно.

Он издаёт тихий стон, когда поднимается, а я проглатываю свой, когда поддерживаю его, обняв за спину.

Стоя, опираясь на меня, он смотрит на край обрыва и слегка качает головой, всё ещё в замешательстве.

—Я… я не помню.

—Не удивительно. —Я отхожу от него, убедившись, что он может стоять, и смотрю ему в глаза, не отводя взгляда.— Кто не захотел бы забыть такое? Ты сразился с чудовищем, взобрался на стену и упал без сознания. Возможно, через несколько дней, когда шок пройдёт, ты вспомнишь.

Кириан опускает взгляд на землю, которая ведёт ко дну обрыва, покрытому туманом.

—Я бежал?

—И нам тоже сейчас нужно бежать. Тартало, должно быть, снова спрятался в своей пещере, но он скоро придёт в себя.

Кириан с трудом двигает левую руку, поднимает её и смотрит на золотой браслет, который на нем надет.

Должно быть, он сильно ударился головой, потому что он даже не может задать вопрос.

—Я пыталась снять его, —объясняю я, когда его пальцы касаются крови.— Должно быть, он заколдован. Легенды говорят, что..

—Я знаю, что говорят, —перебивает он. Он пытается сдвинуть браслет, но не настаивает, когда понимает, что он не поддаётся.— Тартало призовёт меня, когда захочет, или начнёт охоту.

Я сглатываю.

—Тебе нужно найти ведьму, которая разбирается в древней магии.

Мне тоже придётся это сделать, думаю я, поправляя накидку на плечах, прежде чем мы уходим оттуда.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 7

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Когда мы прибыли во дворец верхом на моей лошади, никто не мог поверить своим глазам. Конюхи помогли Кириану, который едва не терял сознание, спуститься с коня. Кто-то, должно быть, поднял тревогу, потому что Натаниэль явилась тут же, требуя объяснений.

Я без устали повторяла одно и то же всем, кто спрашивал:

«Кириан, должно быть, сражался, но я успела лишь увидеть, как он карабкался по насыпи».

Я не вдавалась в подробности; я знаю, как рассказывать хорошую ложь, и никогда не стоит увлекаться. Сославшись на усталость и потрясение, я попросила свою горничную приготовить ванну.

Я снова стала Лирой, когда отошла от них, не заботясь о том, как чувствует себя Кириан, куда его увели и смотрит ли он мне вслед. Я полностью отстранилась от него, когда он слез с моего коня, и больше не оглядывалась.

Как только я закрыла дверь ванной, я сняла с себя одежду и попросила Дану вернуться позже, чтобы помочь мне одеться. Я сбросила испачканные вещи, и вода окрасилась моей кровью, когда я погрузилась в нее.

Если закрыть глаза, я все еще могу чувствовать дыхание Тартало у себя на лице; все еще слышу его каменный голос, который казался спящим веками.

Мои пальцы скользят по браслету. Я провожу по его краям и пытаюсь сдвинуть его, не питая особых надежд. Мне нужно найти способ избавиться от своего обещания, так же как и Кириану. Если повезет, у нас будет немного времени, прежде чем магия колец заставит нас вернуться. Что это будет? Рывок? Или что-то почти неосознанное?

Надеюсь, мне не придется это узнать.

Перед тем, как выйти из ванной, я слышу, как Дана стучит в дверь.

— Принцесса…

— Да?

— Король просит вашего присутствия в Зале Луны.

Я хмурюсь.

— В Зале Луны?

— Да. Они хотят отпраздновать, что один из их капитанов, Кириан, победил древнее существо.

— Он не победил. Тартало все еще… — Я тяжело вздыхаю. — Ладно.

Я поднимаюсь, игнорируя протесты измученного тела, и оборачиваюсь полотенцем. Выходя все еще мокрая, с волосами, как мантия тьмы, ниспадающими на спину, я стараюсь скрыть свою левую руку и золотой браслет, который теперь на ней.

— Что вы хотите надеть?

Я была готова сказать, что мне все равно, потому что я совершенно измотана, но приступ вины напомнил мне, что Лира никогда бы не оставила подобный выбор на волю случая.

— Одно из серых платьев, как глаз Тартало, в честь храбрости молодого капитана Кириана.

Я должна была сама избавиться от одежды, по крайней мере, от разорванной и окровавленной рубашки, но я этого не сделала. Я прошу Дану быть сдержанной, чтобы она никому не говорила о крови. Я знаю, что она послушается, и, в любом случае, не думаю, что она что-то заподозрит. Дана достаточно хорошо знает Лиру, чтобы удивиться только тому, что я вообще позаботилась о Кириане, когда он пришел в себя. Ей и в голову не придет, что я рискнула ради него своей жизнью. Она сочтет кровь следствием поездки на лошади с раненым капитаном.

Я одеваюсь, сушу волосы и надеваю платье с длинными кружевными рукавами, чтобы скрыть золотой браслет. Затем прошу Дану причесать меня. Даже если бы сегодня я захотела сделать это сама, боль в плече не позволила бы.

К моменту моего прихода празднование уже началось. Большой стол в глубине зала освобождает пространство для танцев, чтобы гости могли свободно ходить из конца в конец.

В суете слуг, которые заботятся о том, чтобы еды и напитков было вдоволь на главном столе, видно, что это мероприятие было организовано наспех. Некоторые из них предлагают бокалы прямо гостям.

Громкая группа людей собралась вокруг Кириана, и из-за толпы я не могу его разглядеть. Король и королева тоже здесь, и мне нужно подойти к ним с приветствием.

Я делаю реверанс, но жду, пока они первыми обратятся ко мне, как того требует этикет.

— Дорогая, — говорит королева, подавая знак.

— Ваши Величества, прошу прощения за опоздание.

— Мы вас ждали, — бормочет Моргана, не отводя своего пытливого взгляда от группы вокруг Кириана. — Говорят, вы видели, как капитан сбежал от чудовища.

Я бросаю взгляд туда, куда они все смотрят, но не могу разглядеть его среди толпы, полной восторга. Люди кричат, аплодируют и повышают голос, обсуждая, несомненно, куда более красочный рассказ, чем то, что могло бы произойти на самом деле, если бы ему пришлось столкнуться с существом лицом к лицу.

— Я едва успела заметить, как он карабкался по склону, — говорю я. — Боюсь, из-за тумана мне больше ничего не удалось увидеть.

— Он, должно быть, сражался храбро, если существо не стало его преследовать, — комментирует король. — Может быть, оно мертво?

Я пытаюсь изобразить улыбку.

— Не исключаю такой возможности, но сомневаюсь, ваше величество, — отвечаю я.

— Почему вы так думаете? — спрашивает он.

— Тартало обитает в этих лесах задолго до того, как первый человек заложил здесь первый камень королевства. Вряд ли обычный смертный смог бы его одолеть.

Король вздыхает, задумавшись, в то время как королева продолжает пристально наблюдать за тем, что происходит в дальнем конце зала, где Кириан.

— Возможно, вы правы, — соглашается он. — Может, стоит отправить патруль воинов, чтобы…

Королева раздраженно вздыхает, и это больше похоже на фырканье, но вскоре я понимаю, что её недовольство не связано с беседой.

— Взгляните на них, — говорит она. — Они превращают Лунный зал в военный шатёр.

Король громко смеется, как человек, который не воспринимает всерьёз услышанное.

— Не думаю, что это похоже на военный лагерь, — отвечает он.

Я никогда не была на войне, но тоже так не думаю. Тем не менее, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что так сильно возмущает королеву, и с удовольствием обнаруживаю причину её смущения.

Я сдерживаю улыбку.

Кириан стоит в центре круга гостей, которые засыпают его вопросами и комплиментами. На нём чистые штаны и пояс, на котором висит меч из лунной стали с красивой рукоятью. Лунная сталь — самый прочный металл на континенте, а также самый дорогой. Её тёмный оттенок и металлический блеск являются символом богатства и элегантности. Однако на Кириане нет ни жилета, ни рубашки.

Его грудь обнажена, и загорелая кожа покрыта татуировками, которые, вероятно, не нравятся многим дворянам, особенно Львиным.

Я краем глаза смотрю на королеву, но не задерживаю на ней взгляд. Вид открывшейся сцены не позволяет.

Татуировка на правой груди Кириана тянется по его телу, поднимается через грудь на плечо и спускается по руке. Это узоры из переплетённых цветов, извивающихся в сложных узорах, напоминающих о былых временах или далёких землях, возможно, по ту сторону границ Львов. В самом центре — волчья голова.

Казнили людей и за меньшее, и я не могу не думать, что за этим татуированным символом скрыта особая сила — смелость, позволяющая ему носить такую метку без страха перед возмездием.

Волк — символ Севера. Его образ был заимствован у Гауэко, языческого воплощения ночи, существа, повелевшего всеми злыми духами. Изначально это было злое и тёмное создание, которого боялись смертные, и часто оно являлось в облике волка. Однако в прошлом его образ использовали для войны, угрожая другим племенам. Гауэко перестал быть существом, которого боялись, и стал стражем и защитником своего народа. Спустя века его начали бояться Львы, видя в нём воплощение дьявола.

Предполагаю, что волк настолько прочно укоренился в воображении жителей Севера, что Кириан может носить его изображение, не опасаясь обвинений в язычестве, воплощающем антихриста.

Вероятно, у него было время привести себя в порядок, потому что ни грязи, ни следов крови, которую была по моей вине, пытаясь избавить его от проклятия браслета, уже не осталось.

Кто-то задаёт Кириану вопрос, и он показывает свою руку, демонстрируя, как напрягаются его мышцы, но обруч остаётся целым и невредимым, лишь приспосабливаясь к коже. Этот человек делает шаг вперёд, и капитан с усмешкой ждёт, пока тот попытается снять огромный браслет.

Когда, несмотря на все усилия, это не удаётся, зал взрывается смехом.

— У меня больше нет сил, — заявляет королева и жестом призывает одного из слуг. — Приведите музыкантов. Скажите, чтобы они начали играть. Немедленно.

Слуга поспешно уходит, испугавшись холодного тона и усталого выражения её лица.

— Они просто веселятся, Моргана, — примирительно замечает король. — Мальчик только что обманул смерть. Пусть развлечётся.

Королева не отвечает, но одного взгляда достаточно, чтобы понять — она не согласна. Я думала, что эта импровизированная вечеринка была её идеей, но, видимо, ошибалась. Это король хотел праздновать. Я должна была догадаться. Для королевы

ничто не заслуживает праздника, если ему не сопутствует необходимое достоинство, которое не может быть достигнуто за час подготовки.

Музыканты появляются так быстро, что сама Моргана удивляется, услышав первые звуки их мелодии. Нежная и ритмичная музыка, совершенно не соответствующая расслабленной атмосфере, начинает звучать, и что-то меняется: кто-то выходит на танцпол, кто-то направляется к дальнему столу, чтобы поесть и выпить. Король и королева извиняются передо мной и удаляются к своим тронам, откуда могут наблюдать за всем залом.

— Принцесса, — раздаётся голос у меня за спиной.

Я знаю, кто это, ещё до того, как оборачиваюсь.

— Капитан, — отвечаю я. — Рада видеть, что вы поправились.

— Я бы не сказал, что поправился, — честно признаётся он. — По крайней мере, стою на ногах, верно? Боюсь, эта штука высасывает из меня силы, — говорит он, с тяжестью поднимая левую руку.

— Я так не думаю, — отвечаю я почти машинально, закрывая глаза на мгновение. — Легенды не упоминают об этом.

— Легенды не всегда правы.

— Не всегда, — соглашаюсь я. — Возможно, вам стоит посетить кого-то, кто сможет пролить свет на это.

— Я так и сделаю, — отвечает он, становясь передо мной и протягивая руку. Он предлагает танец. — Давай, не отказывайся. Ты была там, когда я спасся, и ты бы осталась, если бы я умер. Люди поймут, если ты подаришь мне пару танцев, а также если станешь обращаться ко мне на «ты».

Я хмурюсь.

— Один танец, — поправляю его.

— Один для начала, а дальше посмотрим, — быстро возражает он, улыбаясь так, что в этой улыбке — одновременно галантность и скрытые намерения.

Я беру его руку и позволяю увлечь себя на танцпол. Верно то, что никто не должен подумать, будто между нами было нечто большее, чем то событие, что нас объединило в этот вечер. Естественно, что он хочет танцевать со мной, и я с ним. Я могу позволить себе один танец, не опасаясь, что кто-то решит, будто моё безразличие к нему изменилось.

Я мягко опираюсь на Кириана, игнорируя предупреждающую боль в плече, которая даёт о себе знать при каждом движении.

Как только мы начинаем двигаться в такт музыке, я замечаю, что глаза королевы следят за нами безжалостно.

— Если ты продолжишь в том же духе, — замечаю я, опуская взгляд на его тело, — она прикажет казнить тебя за подстрекательство к бунту.

Кириан громко смеётся, и я уверена, что этот смех ещё больше раздражает Моргану.

— Мне уже делали комплименты за моё телосложение, принцесса, но никогда так дерзко. Тебя впечатляет то, что ты видишь?

Я улыбаюсь и намеренно опускаю взгляд. Помимо татуировок и хорошо сложенных мышц, на его теле множество шрамов — следы выигранных сражений, навечно запечатлённые на его коже.

— Меня впечатляет то, что ты носишь северные татуировки без страха, при дворе, будучи капитаном… капитаном, который был украденным ребёнком.

— Волк — не только символ наших врагов. Некоторые из нас не захотели забывать землю, с которой пришли, — утверждает он, не сводя с меня взгляда, и понижает голос, наклоняясь ближе. — Ты тоже могла бы сделать их себе, но, полагаю, такая смелость не каждому под силу.

Я не упускаю изменений в его интонациях и ту интимную близость, что он создаёт. Я также не могу проигнорировать новую информацию, о которой раньше не знала: когда-то Лира была соблазнена идеей сделать татуировку, чтобы помнить о земле, которую покидала, но в итоге отступила.

И, возможно, это всё ещё ранит Кириана. Каким-то образом он может чувствовать себя преданным.

Я не могу её себе представить — зная всё, что знаю о ней, мне трудно поверить, что что-то подобное, столь дерзкое, могло быть для неё даже вариантом.

— Это смелость или показная дерзость? А если это показное… можно ли это назвать настоящим мужеством?

Кириан поднимает лицо, не скрывая того, что этот разговор его развлекает. Его пальцы нежно касаются моей талии, слегка передвигаясь, притягивая меня ещё ближе к нему так, что наши бёдра соприкасаются совсем не подобающим образом.

Тёплая волна прокатывается по моему телу, окутывая позвоночник.

— Ты ведь многое знаешь о храбрости, не так ли?

Я собираюсь отстраниться, но Кириан делает это первым. Я не заметила, как он незаметно подвёл нас к краю танцпола. Мы всё ещё на виду, но теперь стоим вдали от остальных танцоров. Некоторые продолжают за нами следить, особенно за Кирианом, который стал звездой этого вечера: человек, сразившийся с Тартало, человек с браслетом как символом победы.

Он отпускает мою руку и поднимает свои руки к голове. Я внимательно слежу за каждым его движением, когда он развязывает кожаный ремешок, стягивающий его волосы, и распускает их так, что они свободно ниспадают вдоль его лица, придавая ему ещё более дикий вид.

Моё горло слегка пересыхает.

— В знак храбрости за сегодняшний день.

Я настолько отвлеклась, что даже не сразу замечаю, что он что-то мне протягивает, пока это уже не оказывается в моей ладони, и у меня появляется соблазн отступить назад.

Танец, лёгкость в словах и провокации заставили меня потерять бдительность, но я не должна забывать, что существуют определённые границы, которые Лира никогда бы не пересекла на публике, а то, что предлагает Кириан с этой лентой…

— Я не возьму это, — серьёзно говорю я. — Я знаю, что ты хочешь, чтобы нас заметили, ты хочешь что-то доказать… но сейчас не время.

Кириан опускает глаза и тихо откашливается, как будто раздражён. Затем он хватает меня за запястье и не отпускает, когда я мягко тяну, пытаясь высвободить руку.

— Ты можешь принять этот дар, а можешь рискнуть тем, что кто-то узнает, какая ты храбрая.

Я не понимаю, о чём он предупреждает, пока не вижу, как его пальцы начинают обвивать ткань вокруг моего запястья и предплечья. Его ловкие пальцы, воина, бережно, словно перьями, оборачивают ткань, закрывая рану.

Меня охватывает дрожь.

Я не заметила.

Я была осторожна с браслетом, даже с кровью, и с этой историей; но плечо болело настолько, что я совсем забыла о ране на руке, а эти кружевные рукава слишком широкие и лёгкие.

Я глубоко вдыхаю. Кириан не отводит взгляда, мягко удерживая мою руку на своей — нежность, которая трудно сочетается с его образом, особенно сейчас: без рубашки, с видимыми татуировками, распущенными волосами и тёмным взглядом.

Волк с земель за пределами Севера.

Я сглатываю.

Знает ли он? Каким-то образом… удалось ли ему что-то вспомнить?

У меня нет возможности поблагодарить его, потому что Кириан заканчивает перевязывать рану, его большой палец мягко скользит по моей коже, а затем он берёт меня за руку и, как любой рыцарь, склоняется, чтобы поцеловать её, стараясь угодить даме.

Второго танца не было. Он отпускает меня, и я благодарна, что он не натягивает дальше струну, которая уже на грани разрыва.

Я убеждаю себя, что и танец, и поцелуй — не более чем пустые жесты. Никто не удивится, если капитан, который едва не погиб от лап чудовища, почувствует желание искать внимания принцессы, которая видела его бой и оставалась рядом с ним.

Тем не менее, Кириан больше не обращает на меня внимания за весь вечер. Он развлекает всех желающих, описывая Тартало, рассказывая о схватке, которую не помнит, и показывая руку с браслетом, идентичным моему. Лишь под конец он надевает рубашку, к явному облегчению королевы.

Вернувшись в свои покои, я остаюсь одна перед зеркалом и, готовясь ко сну, внимательно разглядываю свою руку, понимая, что скоро придётся заняться этим. Иначе в один прекрасный день Тартало может потребовать исполнить обещание, и тогда кто знает, что может произойти.

Поэтому я выбираю самую неприметную накидку, которую нахожу, закрываю голову и лицо капюшоном и выхожу в коридор, ведущий в дворцовую библиотеку.

Библиотекари всё ещё бродят среди книг. Они напоминают шафрановые огоньки, которые движутся, словно блуждающие огни, по огромному залу библиотеки. Один из них замечает меня с лампой в руке, но ничего не говорит, лишь слегка склоняет голову и продолжает свою работу.

Лира не любила читать. Несомненно, их удивит, что я здесь в такой час; но мне нужны ответы.

Я не беру ни одной книги, потому что если возьму, завтра все узнают, что я изучала. Я стою и молча просматриваю их одну за другой, пытаясь запомнить каждый важный абзац, даже если их немного.

Грань между языческой магией и реальностью порой настолько тонка, что многие тома, содержащие историю этих земель, были сожжены, и я едва нахожу упоминания о Тартало и других древних существах, которые всё ещё обитают среди нас.

Как я и думала, почти нет записей о случаях, когда смертные выживали после встречи с ним. Те, кто выжил, по письменным источникам, сделали это обманом или жертвами.

Но я не намерена терять левую руку.

Когда я заканчиваю, не ухожу сразу. Я продолжаю просматривать тома, не имеющие отношения к делу, чтобы оставить ложные следы о том, что могла бы изучать этой ночью, и лишь когда завершаю, возвращаюсь в свои покои с той же осторожностью, с которой пришла сюда.

Я не зажигаю свет. Ставлю лампу на туалетный столик и сначала снимаю накидку, а затем начинаю снимать платье. Мода Львиных земель стала более вычурной в последние годы, и процесс раздевания занимает немало времени. Я расстёгиваю корсет, игнорируя болезненное предупреждение от раненого плеча, и снимаю тяжёлую серую юбку, расшитую серебром и золотом.

Кружевная рубашка настолько лёгкая, что не оставляет места воображению. Я аккуратно стаскиваю её, медленно, и мягкое прикосновение шёлка к моей коже заставляет задуматься о том, сколько раз Кириан с таким же вниманием раздевал Лиру, возможно, даже медленнее и с большим наслаждением.

Я трясу головой, заставляя себя перестать о нём думать, пока продолжаю раздеваться. Но, глядя на своё отражение в зеркале, не могу не отметить, что у Лиры было красивое тело… и что Кириан наверняка не оставлял это без внимания.

Я провожу рукой по пышной груди, затем подношу пальцы к узкой талии. У Лиры был родинка на уровне рёбер, которые с одной стороны выделялись чуть больше, чем с другой, и кожа настолько гладкая, что будто создана для прикосновений.

Моё тело почти такое же, как у Лиры.

Ворон с моим даром может менять форму тела и лица, но не структуру. Нас, двадцать одну претендентку на замену принцессы, выбрали, потому что наша физиология в детстве была схожа с её, и ожидалось, что мы будем расти одинаково; но кто-то из нас был более узким или широким, с более сильными плечами или чуть более длинными ногами… Мы также двигались по-разному. Когда я училась в Ордене, старалась, чтобы ни моя осанка, ни поведение не выдавали меня. Чем лучше мы становились, тем труднее было определить, кто скрывается за маской. Хуже всех были те, кого легко узнавали по странным манерам, словам или особому способу, которым они собирали волосы.

Я научилась подавлять любую свою черту, которая могла меня выдать; это была одна из причин, почему выбрали именно меня, а не кого-то другого. Тем не менее, на моей коже остался след от тех дней в Ордене.

Мои пальцы поднимаются к шее, находя шрам, который тянется дугой за ухом.

Неважно, какую форму ты примешь, твои шрамы всегда остаются с тобой.

Мне повезло, что удар ногой, который я получила во время тренировки от своей самой худшей соперницы, Али, пришёлся именно сюда, в место, которое легко скрыть; других же курсанток исключали за меньшее.

Золотой отблеск браслета на моей коже достаточно пугает, чтобы вернуть меня к настоящему и заставить надеть ночную рубашку.

Когда я убираю покрывало с кровати и почти готова погрузиться в него, тень в углу, ведущем к гардеробу, заставляет меня вскочить, с сердцем, подступившим к горлу, и сжатые кулаки готовы защищаться.

— Это я, — говорит голос, который я уже начинаю хорошо узнавать. — Не бойся.

Кириан делает шаг вперёд, но я не расслабляюсь. Вместо этого бросаю взгляд в сторону, где под подушкой прячу кинжал.

— Не беспокойся, — предупреждает он тихо и показывает мне этот кинжал, теперь зажатый в его пальцах. — Когда я увидел, что тебя нет, я убрал его, чтобы ты случайно не ударила меня. Не хотел напугать тебя.

Он делает шаг вперёд. Я остаюсь на месте, не опуская рук.

— В таком случае тебе следовало уйти, когда увидел, что меня нет.

Он коротко, сухо смеётся.

— Я хотел увидеть тебя.

Я игнорирую его.

— Ты стоял здесь, пока я раздевалась? — обвиняю я его.

— Я ждал, что ты заметишь меня, когда вошла, а потом подумал, что будет хуже, если напугаю тебя. Я знаю о твоих кинжалах, которые ты прячешь в одежде.

— Значит, ты ждал, пока я разденусь.

—И я забрал кинжал из-под подушки, да, —отвечает он с полным равнодушием.

Я остаюсь на месте и просто смотрю на него. Пламя свечи на туалетном столике дрожит от сквозняка, отбрасывая причудливые тени на его лицо.

Понимаю, что на подбородке у него образуется синяк, а на шее виднеется ссадина. Несмотря на всё это, он выглядит на удивление невредимым, учитывая, что скатился по склону и был схвачен теми чудовищными руками. Мне до сих пор трудно поднять левую руку.

Рука.

—Что ты видел? —спрашиваю, чувствуя укол тревоги.

Темно. Очень темно. Может быть, браслет показался ему просто тенью. Может, он вообще не обратил внимания, но если заметил…

На его губах появляется лукавая улыбка.

—Ничего такого, чего бы я не видел раньше. Не переживай, принцесса. —Он бросает медленный взгляд, скользящий вниз по моему телу, и молчание между нами становится томительным—. Хотя я видел твой маленький спектакль перед зеркалом и чуть не предложил помочь.

Я стискиваю кулаки и чувствую, как краснею. Интересно, заметит ли он это, даже при таком слабом свете? Надеюсь, что нет.

По крайней мере, кажется, браслет не привлёк его внимания.

Я приподнимаю подбородок на пару сантиметров.

—Ты бы не смог помочь мне ни с чем, что я не делаю в сто раз лучше тебя.

—Сто раз, говоришь? —Он смеётся коротким, хриплым смехом, в котором слышится и дикость, и какая-то грустная нежность. Затем тон его становится глубже, и он делает шаг вперёд—. Ты великая лгунья, Лира, можешь обманывать в любом другом деле, но я слишком хорошо помню, как звучит моё имя на твоих губах, когда я на коленях между твоими ногами.

Чёрт.

Я сглатываю.

—Может быть, время и твоё самомнение заставили тебя преувеличивать воспоминания.

—Может быть, —удивительно спокойно соглашается он и улыбается так, что в этой улыбке сочетаются дерзость и нескрываемые намерения—. Но я готов разобраться в этом прямо сейчас.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Кириан кладёт руку мне на бедро, и тепло его кожи проникает сквозь слишком тонкую ткань. Эта наглая улыбка разрушает всё моё самообладание, и на мгновение я уверена, что он вот-вот опустится на колени передо мной.

Я представляю, как его руки скользят по моим коленям, потом по бёдрам. Пальцы касаются кружева моего нижнего белья, и вот он уже медленно стягивает его, не отводя взгляда от моих глаз.

Он продолжает смотреть мне прямо в глаза, когда его губы воплощают сладкую угрозу, безжалостно поглощая меня, а я хватаюсь за его волосы и произношу его имя так неприлично, что становится стыдно.

—Заблудилась в приятных воспоминаниях, принцесса?

Я почти ругаюсь вслух.

Даже не воспоминание. Глупо. Это просто глупая, навязчивая мысль.

Кириан движется так уверенно, что у меня нет времени отступить, и он проходит мимо, легко коснувшись моего плеча и руки. Холодок пробегает по спине, возвращая мне те ощущения, которых на самом деле никогда не было с ним.

К счастью, он этого не замечает, а если и замечает, то, чудом, кажется, устал от своих провокаций.

Он плюхается на кровать, вытягивает руку и бросает кинжал, который украл у меня, на прикроватный столик, вздыхая так глубоко, что его дыхание звучит слишком расслабленно, слишком привычно.

—Я не помню ничего о битве с Тартало, Лира, —говорит он.

В его голосе нет ни тени насмешки, ни той беспечной бравады, с которой он обычно относится ко всему.

Я делаю глубокий вдох, давая себе несколько секунд, чтобы вернуть опасные мысли под контроль, и смотрю на него сдержанно.

—Кириан. Мы говорили об этом. О таких встречах. Ты не можешь просто так приходить, не можешь…

—Я ещё даже не поцеловал тебя, —отвечает он всё так же серьёзно—. А этой ночью… этой ночью мне нужна моя подруга.

У меня пересыхает в горле. В его тоне нет ничего от того провокатора, которого я знаю, ни капли высокомерия или дерзости. Должно быть, правда, что они были друзьями, что за всеми теми встречами, которые Кириан упомянул, скрывалась настоящая дружба, которая для него, по крайней мере, была важна. А я не имею ни малейшего представления, как справиться с этим, не выдав себя.

Поэтому я медленно иду вперёд, измеряю каждый шаг, наблюдаю за каждой его реакцией, пока не подхожу к нему и сажусь рядом на кровать, выжидая.

Кириан не удивляется. Он рад, что я села, да, это видно в его глазах, но он не поражён. Хорошо.

—Что произошло у логова Тартало?

—Я же говорила тебе. Я успела только увидеть, как ты взбираешься по склону.

Его взгляд на мгновение отрывается от моих глаз, опускаясь на мой бок, на руку, которая всё ещё обмотана его лентой, использованной как повязка.

—Ты была ближе, чем сказала, да?

Я прикусываю губу.

—Возможно, да, —уступаю я.

—Спасибо.

Моё сердце начинает биться быстрее.

—За что?

—За то, что не хотела, чтобы я умирал в одиночестве.

Эти слова дают мне информацию. Я всё ещё в невыгодном положении, но начинаю собирать части головоломки.

Его голубые глаза кажутся темнее при слабом свете свечи, но в них есть что-то мягкое, почти нежное.

Он снова поднимает взгляд на меня. Проходит мгновение, ещё одно, и затем он осторожно двигается ко мне ближе. Я затаиваю дыхание, но он так медленно приближается, что мне приходится снова вдохнуть. И когда я это делаю, я вдыхаю его

запах — дикий аромат свежести, влажную землю, дождь... И маленькая часть меня, очень маленькая, вдруг жаждет поцелуя, который в конце концов так и не случается.

Кириан наклоняется ко мне, а затем неожиданно устраивается у меня на коленях, кладёт голову на мои бёдра, глядя на меня снизу вверх.

—Кириан...

—Дай мне остаться так на минуту, —прерывает он и закрывает глаза с таким видом, будто ему ничего не мешает—. Всего минуту, Лира.

И я позволяю ему. Потому что не знаю, как бы поступила настоящая Лира в такой ситуации. Я была уверена, что знаю всё о её романтических отношениях, даже о тех, которые она, возможно, только воображала, и ничего из этого не могло бы заставить меня представить её держащей голову любовника или друга у себя на коленях.

Так что я вдыхаю, наблюдаю, как его грудь плавно поднимается и опускается, и как его губы слегка приоткрываются, дыша всё медленнее.

Моя рука сама тянется к его волосам, и я аккуратно поправляю прядь, упавшую ему на лоб. Его волосы слишком длинные, чтобы оставаться распущенными.

Кириан вздрагивает от прикосновения, но не двигается. Он продолжает дышать спокойно, полностью доверившись мне, даже не подозревая, что, пока мои пальцы погружаются в его тёмные волосы, мой взгляд скользит к кинжалу, который он так беззаботно оставил на столике.

Теперь я не могу его убить; не после этой глупой сцены сегодня.

Я знаю, что, если бы Вороны узнали, они приказали бы мне оставить его умирать. Я также знаю, что они ожидали бы, чтобы я дала ему смерть, которую можно было бы быстро связать с местью врага или с обидой отвергнутого любовника, может быть, с тем самым ядом, с помощью которого я почти избавилась от него.

Но я уже приняла решение. Нравится мне это или нет, теперь, когда я смотрю на это с холодной головой, я должна принять его и действовать соответственно. Я решила не жертвовать жизнью, и, хотя моя судьба усложнилась, я могу обернуть это себе на пользу.

Я снова смотрю на него. На его выразительные скулы, прекрасные линии лица, на синяк, который начинает проступать на его челюсти.

Мои пальцы скользят по его виску, нежно касаясь чёткой линии подбородка.

Кириан открывает глаза.

—Я знаю, куда тебе нужно пойти, чтобы избавиться от проклятия Тартало.

—Куда? —тихо спрашивает он.

Кажется, он осознаёт каждый мой жест, каждое прикосновение. Его дыхание уже не такое ровное и спокойное.

—В завоёванные земли на севере, —шепчу я—. Если какая-то ведьма и сможет снять проклятие, то это будет одна из соргин Земли Волков,.

Мои пальцы медленно поднимаются вверх по его щеке.

—Какие у меня ещё есть варианты?

—Отрубить себе руку.

Он не улыбается.

—Тогда их величества должны будут дать мне разрешение вернуться на север.

Мои пальцы снова опускаются.

—Я поеду с тобой.

Внезапно его рука останавливает мою. Он крепко сжимает мои пальцы, не давая мне продолжить.

—Почему?

Он не доверяет. Несмотря ни на что, Кириан не доверяет Лире. Я улыбаюсь. С этим я могу работать.

—Потому что я хочу вернуться.

Я вижу, как он собирается подняться. Но вместо этого остаётся на месте, освобождая мою руку, которую я всё ещё держу на его щеке в непрерывной ласке.

На мгновение я боюсь, что он начнёт спрашивать, потребует ответы, которые я не могу дать. Боюсь, что он будет слишком подозрителен или что это покажется ему слишком странным. Но после длинной, тягостной паузы он тихо произносит:

—Ладно. Я отвезу тебя домой.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Мальчик, который перестал бояться гроз

Однажды ночью маленький Кириан не мог уснуть. Он казался совершенно другим ребёнком по сравнению с тем, каким был утром, таким хвастливым и решительным, готовым пойти с отцом на охоту. Но теперь ночь опустилась, и буря хлестала по ветвям деревьев, которые скреблись о окна его дома в Армире.

Он представлял, что ветви — это ужасные костлявые пальцы, когти, стучащие по стеклу.

Тук.

Тук.

Тук.

Ему казалось, что ветер шепчет его имя, зовёт его страшным голосом.

—Кириан, выходи играть. Кириан, иди к нам…

Он знал, что хиру, конечно, не умеют говорить. Знал, что если встретит одного из них, то не успеет даже увидеть его когтей, ведь трёх секунд достаточно, чтобы расправиться с любым, кто встретится им на пути.

Но Кириан не мог побороть свое воображение.

Он держался столько, сколько мог, ведь знал, что уже не младенец, и что отец рассердится, если он его разбудит. Но страх перед ночью оказался сильнее, и он победил храбрость, заставив Кириана искать мать.

—Я боюсь грозы, —признаётся он, сдерживая дрожь; ведь признаться, что он боится существ, на которых его отец отправился охотиться без тени сомнения, ему казалось слишком стыдно.

Но мать его не ругает. Она не укладывает его обратно и не баюкает мягкими словами, пока он не заснёт, как сделали бы другие матери в городе. Вместо этого она набрасывает ему на плечи накидку и ведёт в сад.

Кириан колеблется перед тем, как спуститься по ступеням крыльца, чувствуя, что слишком далеко отходит от безопасного дома; но его мать крепко берёт его за руку, и, словно заклинание, дарующее непоколебимую уверенность, его грудь наполняется смелостью, и ноги снова начинают двигаться.

Они оба останавливаются внизу лестницы. Между стеной, окружающей дом, и ними раскинулось просторное пространство, но расстояние до леса не мешало Кириану бояться темноты.

—Что ты знаешь о хиру? —спрашивает она так же мягко и спокойно, как всегда.

Кириан слышал это название уже несколько недель, с тех пор как Львы объявили войну Волкам: ведьмы, которые практиковали чёрную магию, чтобы победить захватчиков, и в итоге превратились в ужасных существ без разума, убивающих лишь ради удовольствия.

Другие матери выдумывали истории о том, что Зло не сможет потревожить их детей. Они наделяли магическими свойствами повседневные вещи: свечи, зеркала или даже кувшины с рисом… Некоторые из древнейших языческих ритуалов рождались из отчаянных сказок матерей, пытавшихся убаюкать своих малышей.

Но мать Кириана не была как все. Мать Кириана не придумывала сказок.

Она прижимает лицо к его лицу, указывает на тьму и спрашивает, чего же он боится на самом деле.

Она рассказывает ему о врагах, о Львах, которые хотят искоренить их магию и обычаи.

Она говорит о хиру, которые, возможно, не так страшны, как королева Моргана и король Аарон.

Затем, пока Кириан всё ещё смотрит в темноту, она обещает ему, что тьма не так уж и плоха, как её пытаются изобразить... и рассказывает ему обо мне.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 8

Лира

Территория Львов. Королевство Сирия. Королевский дворец.

Сегодня утром, во время тренировки Лиры, я наношу удар своему инструктору, который отбрасывает его на землю. Он смотрит на меня с удивлением и неверием, задаваясь вопросом, не его ли это заслуга — мое новое мастерство.

Я сдерживаю ругательство, удивленно гляжу на него и извиняюсь, прежде чем вновь вернуться к неловким, рутинным и неуклюжим движениям, разрушая все его надежды.

Я слишком рассеяна.

Мой наставник в Ордене сказал бы, что это не оправдание, и после уроков заставил бы меня тренироваться весь день, пока я не потеряю сознание.

Бреннан был жестким, непреклонным человеком, и за десять лет, что я была под его опекой, я редко видела его улыбающимся. Ему не был важен ни один из мальчишек, которых он готовил к другим заданиям, больше, чем я. Хотя мне кажется, что он испытывал особую симпатию к Элиану… Все мы ее ощущали.

Часть меня смягчается, когда я думаю о нем. Я чувствую себя более уязвимой и слабой, и мне приходится прилагать усилия, чтобы снова запереть его образ в памяти и сосредоточиться на том, что меня ждет.

Сегодня я должна убедить их величества позволить мне вернуться на север. В противном случае, я не знаю, что делать с браслетом, который сейчас ношу.

Сегодня Зал Солнца более оживлен, чем обычно. Заседания совета редко интересуют придворных. Присутствуют лишь те, кто имеет непосредственные конфликты, или те, кому слишком скучно, чтобы найти себе лучшее занятие.

Однако сегодня зал полон. Дворяне и офицеры собрались по обе стороны от стола, за которым восседают их величества, образуя коридор, по которому проходит каждый, кто должен представить свое предложение совету.

Должно быть, слухи о наших планах уже распространились.

Несомненно, просьба от Лиры – явление редкое, а еще более необычным является то, что она исходит в союзе с одним из капитанов.

Я оделась для этого случая так, как это сделала бы настоящая Лира. На этот раз мне не пришлось притворяться, что я долго обдумывала наряд: я потратила несколько часов на выбор идеального, зная, какое значение в этом дворе придают внешнему виду и символам.

Именно поэтому на мне платье теплого и мягкого синего оттенка. Корсет плотно облегает талию, подчеркивая мои формы, но вырез скромен, чтобы не выглядеть вызывающе. Ткань полностью украшена тесьмой, тонкими нитями, которые переплетаются в едва заметную, изящную золотую вышивку. Рукава рубашки широкие, кружевные. Сверху на мне легкая шелковая накидка, оттенок которой чуть темнее и совпадает с цветом обуви.

Я собрала волосы на одну сторону, а Дана завила концы, чтобы они мягко спадали на плечо. Мой образ сдержан, аккуратен и элегантен – идеальное воплощение послушания и преданности.

Я с нетерпением считаю минуты, пока все выходят со своими просьбами. Они подходят к монархам, опускаются на колени и излагают свое предложение, а я стою рядом с королевой в ожидании.

Я являюсь частью этого совета. Тем не менее, когда объявляют вход Кириана, мне приходится извиниться. Вся комната погружается в молчание, когда двери открываются, его пропускают, и я поднимаюсь, чтобы обойти стол, за которым сидела вместе с остальными членами.

Сдержанный шепот медленно разносится по залу, пока я спокойно продвигаюсь вперед, следя за каждым шагом капитана, чтобы оказаться перед трибуной одновременно с ним.

Я бросаю ему спокойный взгляд, который не должен выдавать мою нервозность, и слегка наклоняюсь, когда он делает то же самое.

— Принцесса Лира и капитан Кириан, их величества, — объявляют нас.

— Говорите, — побуждает нас Моргана, зная, что обязана предоставить нам слово.

— Ваши величества, — приветствую я их с уважением. — Мы пришли с совместной просьбой, которая удовлетворит не только наши интересы, но и интересы королевства.

На мгновение наступает тишина. Все ждут слова королей, особенно Морганы, которая оценивает нас с суровостью. Ее проницательный взгляд не отрывается от меня, пока я стою прямо перед ней, сложив руки в замок на бедрах.

— Это, конечно, необычно, Лира, — упрекает она меня.

В ее голосе слышится укор, даже почти недовольство.

Ей не нравится этот спектакль. Ей не нравится, что она не знает заранее, о чем я попрошу, как знают остальные.

— Мы осознаем это и благодарим за ваше время.

— Говорите, Лира, — подбадривает меня король, гораздо менее напряженный. Он делает жест рукой, приглашая продолжить, — Расскажите нам, чего хотите капитан Кириан и вы.

Возможно, его расположение к капитану сыграет нам на руку. Может, мне стоит позволить Кириану объяснить все, а самой лишь уточнить те детали, которые понадобятся для того, чтобы их величества дали согласие.

Я бросаю быстрый взгляд на Кириана, который понимает меня и делает шаг вперед.

— Я пришел попросить разрешения отправиться на север, чтобы найти средство против проклятия, наложенного на меня Тарталом.

Ему не нужно показывать свою руку, чтобы все, кто заполнил зал тихим шепотом, начали обсуждать браслет, который он носит на ней.

— Неужели вы не можете найти эту магию в наших землях, капитан? — спрашивает Моргана.

— На самом деле, я не покину завоеванных территорий, — отвечает он. — Я останусь в пределах наших земель, но мне нужно отправиться на недавно занятые территории, потому что здесь нет тех древних знаний, которые могли бы мне помочь.

— Языческие знания, — замечает она.

— Именно языческая магия его заколдовала, ваше величество, — мягко напоминаю я.

Она поворачивается ко мне, словно забыв о моем присутствии. Ее недовольное выражение лица становится еще более суровым.

— И этот ваш ответ, принцесса, подводит меня к следующему вопросу: какое отношение вы имеете ко всему этому, можно ли узнать?

Ее глаза сверкают холодным блеском, когда она смотрит на меня, ожидая ответа, который ей, возможно, не понравится.

— Я хочу воспользоваться походом капитана Кириана на недавно завоеванные земли, чтобы обеспечить контроль над владениями их величеств и наблюдать за передачей власти.

Я тщательно подбирала слова, долго обдумывая неформальную беседу, которую мы вели на эту тему. Герцоги Эрэи испытывают трудности с регентством из-за продолжающихся восстаний, и король намекнул, что стоит отправить туда своего сына. Однако он пока не может покинуть Ликаон из-за конфликтов. Но упоминание при всех, что Львы сталкиваются с трудностями, было бы рискованным шагом.

Моргана приподнимает подбородок.

Никто не осмеливается произнести ни слова. Все следят за каждым жестом, малейшим изменением в тоне, когда она вновь начинает говорить.

— Объясните этот внезапный интерес, Лира, — произносит она, как удар хлыста.

Ее слова остры и холодны, как лезвие ножа. Она испытывает меня, провоцируя на критику ее правления, но я не могу этого сделать, если хочу, чтобы мне разрешили поехать. Однако я готова — у меня есть ответы на все вопросы.

— Я хочу быть достойной того места, которое однажды займу рядом с вашим сыном, и доказать это, прежде чем соединю с ним свою судьбу.

Она нахмурилась. Едва заметная мышца дернулась на ее лице, когда она услышала и обдумала мои слова, тщательно подобранные каждое до последнего.

— Мое присутствие в Эрэе укрепит правление, — продолжаю я. — Я поддержу герцогов в их регентстве и буду представлять королевскую семью Эриса, демонстрируя силу.

Но это не всё, и Моргана это знает. Это будет испытанием — как для меня, так и для моих намерений. Путешествие станет способом доказать не только мои намерения, но и преданность короне, мою принадлежность Львам.

Теоретически, у нее нет причин отказать. Если она это сделает, придворные могут усомниться в ее уверенности в себе и в ее истинной власти надо мной. Возможно, именно поэтому она произносит:

— Тогда отправляйся на север.

Король хлопает в ладоши.

— Привезешь нам новости с завоеванных земель, — соглашается он, без тени подозрений, с которыми на меня смотрит его жена. — Капитан Кириан будет отличным стражем. Он сопроводит тебя вместе с отрядом королевской гвардии, пока будет искать способ снять проклятие.

— Прошу прощения, ваше величество, — внезапно вмешивается Кириан. Я поворачиваюсь к нему, напряженная, потому что вижу в его проницательном взгляде намерения, которые могут разрушить все наши планы. — Я, конечно, буду сопровождать принцессу и защищу ее ценой своей жизни, но я не отправлюсь на север с королевской гвардией.

Королева подалась вперед. Король наклонил голову, ожидая объяснений.

— Кириан… — предупреждаю его почти шепотом.

— Мы отправляемся на недавно завоеванную территорию. Часть армии все еще там, и обстановка остается напряженной. Я не хочу поднимать тревогу из-за воображаемой угрозы, сеять сомнения или подрывать доверие к солдатам, которые

поддерживают мир. Вооруженный поход, даже мирный, будет воспринят как акт враждебности.

— Возможно, он прав, — соглашается король. Моргана бросает на него взгляд, который способен был бы пробить металл. — Вы отправитесь на север без армии? Даже зная, что принцесса может стать мишенью для язычников?

Это правда. Попытка убить Лиру не будет первой. Когда-нибудь я стану королевой вместе с Эрисом, и хотя меня могли бы заменить другой женой, любой Волк был бы рад покончить с тем, что я собой олицетворяю. Убить меня, даже если это ослабит корону лишь символически, было бы большим подарком.

— С учетом обстоятельств это кажется самым безопасным. Я уже попросил капитана Ниириду сопровождать меня, и она готова это сделать вместе с несколькими верными людьми. — Он на мгновение поворачивается к королеве и слегка склоняет голову. — Это будет небольшая группа, чтобы остаться незамеченными. Но, как я сказал, я защищу принцессу ценой своей жизни.

Королева принимает план. Я знаю это, когда она поворачивается ко мне и долго смотрит, прежде чем вновь заговорить.

— Принцесса может сама решить, стоит ли риск того.

Это предложение отказаться от путешествия, остаться в безопасности дворца, выполняя свои обязанности как невесты наследника, покорной и послушной.

Возможно, настоящая Лира испугалась бы под ее взглядом.

Но я уже приняла много решений, которые отличают меня от нее.

— Я доверяю крепким рукам капитана.

Мне кажется, что в его взгляде мелькает хитрый огонек.

— Тогда ты должна просить защиты и благословения Бога перед отъездом в королевской часовне, — постановила королева.

Религия Львов имеет тысячи часовен по всем завоеванным землям — священные места, где священники молятся и просят благословения. Королевская часовня Сирия, вероятно, самая важная, и она находится в одной из башен дворца.

По крайней мере, мне не придется идти далеко.

Я кланяюсь им в глубоком реверансе и жду несколько мгновений на трибуне, пока публика аплодирует решению.

Кириан и я обмениваемся взглядами.

На этот раз иду за ним я.

Я рада, что он не направляется сразу в свои покои, а идет к конюшням, потому что там я могу с ним столкнуться лицом к лицу.

Хотя он не оборачивается, я знаю, что он чувствует, как я иду за ним с того момента, как он почти бегом спустился по лестнице; но он не замедляет шаг, даже когда мы остаемся одни.

—Как ты посмел? — бросаю я обвинение.

Он останавливается только для того, чтобы открыть стойло одной из лошадей.

—Что именно ты имеешь в виду?

—Попросить Моргану отпустить нас одних, с другой капитаншей из Земли Волков.

—Они согласились, разве нет? В чём проблема?

Он начинает готовить свою лошадь, которая радостно ржет, приветствуя его.

—В том, какие это несет последствия, — медленно отвечаю я. — Это выглядит так, словно мы все трое что-то скрываем.

Кириан оборачивается ко мне, будто оценивая. Несколько мгновений он молчит, внимательно глядя на меня, прежде чем завершает с седлом и тянет поводья, выводя лошадь.

Мне приходится отойти в сторону, чтобы дать ему пройти.

—Я сжег гектары плодородных полей, разрушил храмы и святыни, вырезал целые деревни. — Тёмная нота звучит в каждом его слове. — Никто не подумает, что я что-то скрываю.

Я прикусываю язык. Несмотря на всё это, даже если он многократно доказал свою верность, он должен понимать так же хорошо, как и я, что наша ситуация всегда будет шаткой. По крайней мере, для меня — до свадьбы.

Кириан садится на коня.

—Куда ты?

—Поговорить с моими людьми. Мне нужно подготовиться к поездке. Тебе стоит сделать то же самое. Путь будет долгим, принцесса.

Кириан подгоняет свою лошадь и уезжает из конюшни без малейшей осторожности.

Я жду несколько минут, а затем направляюсь к дворцовой часовне.

Главный священник, отвечающий за часовню, — это старый и усталый человек, который говорит очень медленно. Часовня занимает весь верхний этаж одной из башен, и там есть только алтарь, на котором покоятся священные писания. Стены украшены фресками с изображениями сцен из этих писаний, а позади алтаря нарисованы священные символы: двухголовая змея и лев, герб королевской семьи.

Я опускаюсь на колени перед алтарем и выслушиваю священника, который на протяжении как минимум двух часов зачитывает мне отрывки из писаний и благословляет меня на предстоящий путь на север. Всё это время мне приходится терпеть, как дамы и кавалеры из двора то и дело заходят в часовню под предлогом молитвы, но остаются подолгу, чтобы посмотреть на принцессу, склонившуюся в мольбе.

Когда всё заканчивается, я готова отправиться на земли язычников.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 9

Лира

Территория Львов. Завоеванные земли. Лес Гнева.

Небо окрасилось в холодные краски раннего рассвета, когда зимнее солнце еще не набрало сил, чтобы осветить тени, а густой туман навис над холмами впереди.

Там, на вершине, ждут все: Кириан, Нирида и их солдаты. Никто не удосужился подождать меня, чтобы выйти из дворца вместе, и теперь мне придется догонять их в одиночестве.

Вокруг меня только слуги и несколько любопытных, которым не было лень встать на заре, если это означало возможность узнать свежие сплетни. Я подгоняю свою лошадь, оставляя их позади, и направляюсь вверх по холму, навстречу капитанам.

Нирида и Кириан стоят во главе двух десятков солдат.

— Их слишком мало, — замечаю я.

— Доброе утро и тебе, дорогая принцесса, — отвечает Кириан.

Улыбка мелькает на серьезных губах Ниридa.

— Этого достаточно, — спокойно говорит она. — Наши лучшие воины, самые смелые и самые верные. Больше нам не нужно.

Она делает знак — молчаливый приказ, который все понимают, и мы начинаем путь. Я тоже подгоняю свою лошадь.

Я замечаю, как Кириан наблюдает за мной с легким прищуром, наклонив голову.

— О, ты что, боишься?

Пауза явно предназначена для того, чтобы разозлить меня.

— С чего бы мне бояться? — спрашиваю я.

Он дарит мне нахальную улыбку и вновь устремляет взгляд вперед. Мы спускаемся с одного холма, чтобы взобраться на следующий, где туман скользит по траве, словно белоснежный покров.

— Ничего такого. Мы избежим королевских дворов и будем осторожны. Никто не узнает, что с нами будущая королева.

— А если кто-то узнает и возникнет опасность, ваше величество, — начинает Нирида, — я лично позабочусь, чтобы вас не захватили живой.

Я оборачиваюсь к ней, но на её лице нет ни малейшего намека на шутку, которую подразумевают её слова.

— Вы не сделаете этого, — предостерегаю я, не веря, что она вообще могла что-то подобное предложить.

Нирида смотрит на меня. Её лицо по-прежнему серьезно, в то время как Кириан, находящийся по другую сторону, и не думает скрывать своё довольство.

— Может, вам стоит сделать это самой, ваше величество, — предлагает она. — У нас есть яды с быстрым и безболезненным действием.

Я могла бы подойти к ней и выбить её из седла, но это было бы слишком неподобающе для Лиры.

— Оставьте свои яды при себе, капитан.

Она вновь смотрит на меня с тем спокойствием, которое совершенно не сочетается с её провокациями, и слегка поднимает брови.

— Тогда, может быть, кинжал. Не ожидала от вас такой… смелости.

Пауза. Проклятая пауза. Кириан тихо смеётся.

— Мы отстаем, — говорит он, не давая капитану продолжить свои насмешки. — И Лира должна ехать в центре. Вперед.

Он подгоняет своего коня, чтобы вырваться вперед, и я следую за ним, за мной следует Нирида, которая теперь действительно смеется.

Если они стараются быть внимательными к темпу, я этого не замечаю. Несмотря на то, что наши седельные сумки полны провизии, одежды и одеял, мы едем без остановки в течение нескольких часов. Мы замедляемся только для того, чтобы перекусить фруктами и хлебом на ходу, а затем снова продолжаем путь.

Я не решаюсь спросить, пока солнце не начинает клониться к горизонту. Мои пальцы уже замерзли, несмотря на перчатки, а бедра горят от усталости.

— Разве не стоит остановиться до наступления темноты?

Это первые слова, которые я говорю кому-то из них с тех пор, как мы выехали.

Кириан слегка тянет поводья, заставляя свою лошадь сбавить темп и оказаться рядом со мной.

— Сегодня полнолуние, небо ясное, — говорит он, указывая на небосвод, который уже начал темнеть. — Мы можем продолжать путь еще несколько часов.

— Не думаю, что ехать по лесу в темноте — благоразумно, — замечаю я.

— Верно, — соглашается он. — Но разбить лагерь будет еще опаснее. — Он кивает в сторону леса. — Ты знаешь, где мы находимся?

Я не успела свериться с картой, пока мы скакали с такой скоростью, но если не ошибаюсь…

— Мы пересекли перевал через несколько часов после начала пути, значит, мы уже должны быть недалеко от Первой Линии.

Так мы называем первоначальную границу, с которой началось завоевание севера.

Кириан кивает.

— Этот лес был первым местом, где разрушили храмы, сожгли поля, чтобы отпугнуть существ, и преследовали ведьминские кланы. Ты знаешь, как называется этот лес?

Я нахмурилась.

— Мы уже на землях Лиобе, не так ли? Значит, это Лес Нирии.

Капитанша тоже замедляет ход, становясь слева от меня, пока мы продолжаем путь по лесу, погружающемуся в сумрак.

— Так говорят карты, но здесь его называют Лесом Гнева, — объясняет она. — Никто не осмеливается оставаться здесь после заката.

Я бросаю взгляд в сторону чащи, в самую темную её часть, куда только достигает мой взгляд. Меня удивило, что Нирида заговорила со мной, но меня ещё больше удивляет, что она делает это, чтобы попытаться меня напугать.

— Суеверия или правда? — спрашиваю я, ведь на самом деле я не знала этого.

Я знаю историю этих земель. Мне известны преступления, совершённые во имя мира; но я не знала, что его называют Лесом Гнева…

— Немного того и другого, — отвечает Кириан, пожимая плечами и одаривая меня взглядом, словно ожидая чего-то. — В этом и суть хороших историй, не так ли? Границы леса безопасны, но нам нужно ускориться, чтобы добраться до столицы Лиобе, и лучше, если полночь не застанет нас здесь. Если продолжим путь, выйдем из леса до того, как узнаем, насколько мстительна эта земля.

Я кивнула и вновь пришпорила свою лошадь, заставляя ее идти в прежнем изнуряющем темпе. Лошадь фыркнула в знак протеста.

— А что говорят легенды? Что происходит в полночь? — спросила я, не сумев сдержаться.

Кириан посмотрел на меня с осторожностью перед тем, как ответить, также как и Нирида. Я удивилась, отчего они так реагируют. Вряд ли мои вопросы могли показаться странными — Лира всегда была осмотрительной, а возможно, даже боязливой. Их не должно удивлять, что я немного напугана.

— Говорят, что существа, которым удалось выжить, дикие и полны ненависти: гоблины, что ведут лошадей к обрыву; феи, что изменяют лес, сбивая тебя с пути и заставляя блуждать днями; духи, что проклинают и отравляют речную воду, — начал объяснять Кириан. — Считается, что полночь — любимое время Гауэко, когда он выходит на охоту со своими темными существами, чтобы отомстить. Может, это просто детские сказки, а может, и нет.

Лично я не хочу это выяснять, но не говорю ему об этом.

— А еще есть хиру. Ты ведь знаешь, что они распространились по всему континенту, но их больше всего здесь, на севере.

— Там, где было больше ведьм, — догадалась я.

Я взглянула на Нириду, ожидая издевки или какого-нибудь насмешливого комментария по поводу моего страха, но, не увидев этого, поняла, что это не преувеличения.

Она кивнула.

Если хиру — это те существа, в которых превращаются ведьмы, погруженные в черную магию, то вполне логично, что на севере, колыбели соргинаков — самых могущественных из ведьм, их больше.

Я сглотнула.

— Тогда поспешим, — сказала я.

Хотя я и не верю, что магия и ее создания вышли из ада, как это принято считать в Королевстве Львов, я знаю, насколько опасной может быть темная магия, и не хочу тревожить тех, кто обитает в этом проклятом лесу.

Нам почти без усилий удалось поддерживать быстрый темп. Между нами установилось молчание, пока мы ехали галопом. Даже солдаты, которые время от времени смеялись и делились историями, умолкли, когда что-то в воздухе изменилось, и я поняла, что мы покинули безопасные границы леса.

Дорога, по которой мы двигались, исчезла, а пространство между деревьями стало сужаться, вынуждая нас ехать один за другим по склону, конец которого терялся среди темных стволов.

Дневной свет исчез полностью, но обещанная Кирианом полная луна не появилась за густыми кронами деревьев.

Тумана, как в лесу Тартало, не было, но мне трудно было разглядеть землю, по которой шли лошади. Я едва видела капитанов, оба они ехали впереди. Время от времени я замечала, как Кириан поднимал взгляд вверх, останавливал своего коня и всматривался в небо. Один раз я уловила взгляд, который мне совсем не понравился, обмененный между ним и Ниридой.

— Что происходит? — крикнула я, чтобы меня услышали.

Солдат, ехавший передо мной, резко повернулся, словно подскочив, с широко раскрытыми глазами и выражением недоумения на лице. Он приложил палец к губам.

— Тише, — попросил он. — Пожалуйста, говорите тише, — добавил он уже более мягко.

— Что случилось? — переспросила я, на этот раз шепотом.

Тишина, которая воцарилась после моих слов, показалась мне более плотной и тяжелой, чем до того, как я заговорила. Или это мне только казалось?

Кириан подал знак двум солдатам, что стояли между нами, и те сдвинулись вперед, пропуская капитана ко мне.

— Не пугайся, — прошептал он, и мои тревоги тут же усилились, — но посмотри на ту тень слева от тебя. Вот так, повернись. Вон там.

Я увидела её. Увидела настолько четко и ясно, что не могла поверить, что раньше её не заметила. Среди густого мрака, метрах в нескольких впереди, стояла вытянутая тень у дерева. Она была стройной, а что-то венчало её верхушку, как корона. Это мог быть сломанный пополам ствол с несколькими ветками, кустарник или остатки древнего храма… А могло быть чем-то совершенно иным.

Кириан подает знак, и мы снова трогаемся. На этот раз, хотя путь узок, он остаётся рядом со мной.

— Мы собираемся просто игнорировать это? — спрашиваю я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Не могу не думать о Тартало и спрашивать себя, какое создание могло поджидать нас здесь.

— А что ты хочешь сделать? — спрашивает он небрежным тоном. — Хочешь попытаться убить его?

— Что это? — шепчу я, оглядываясь назад. Хотя мы продвинулись вперёд, тень всё ещё там.

Чёрт.

— Не знаю. Возможно, это один из духов леса.

— Тебя не беспокоит, что он может напасть?

Кириан смотрит на меня серьёзно, как будто обдумывает, что именно ответить. Нирида тоже оборачивается к нам, её лицо абсолютно лишено юмора.

— Лира… он уже напал, — отвечает капитан.

У меня скручивает живот, когда смысл её слов доходит до меня.

— Что ты имеешь в виду?

Ужасное чувство, что что-то идёт не так, овладевает мной, несмотря на спокойные выражения их лиц и упрямое молчание солдат, которые продолжают двигаться вперёд.

— Обрати внимание, — говорит Кириан. — Нет тумана, нет облаков, но мы не видим луны и не чувствуем её света.

— Дорога давно водит нас по кругу. Мы трижды проезжали по корням этого дерева, — замечает Нирида, напряжённо сидя на своём коне. — Мы не выйдем из леса этой ночью.

— Да, не выйдем, — соглашается Кириан. — Теперь нам нужно найти место, чтобы остановиться.

— Но ведь вы говорили, что…

— Сказки, — перебивает меня Кириан. — Большинство легенд о Лесе Гнева — просто сказки.

Не могу поверить, что он действительно так думает, но не говорю ничего. В конце концов, что я могу сделать, кроме как броситься бежать в неизвестность?

Я снова смотрю на существо, которое постоянно наблюдает за нами из одного и того же укромного уголка, и на этот раз тьма позволяет мне разглядеть, что у него на голове не корона, а рога, или, возможно, антенны, или… всё-таки рога.

Кровь стынет у меня в жилах.

— Это всего лишь дух, — говорит Кириан. — Если он ещё не причинил нам вреда, значит, всё, что он может сделать, — это сбить нас с пути. Мы остановимся, подождём рассвета и продолжим путь.

Все повинуются. Мы идём ещё несколько минут, которые кажутся вечностью под пристальным взглядом нашего зловещего спутника, и останавливаемся на вершине холма, чтобы провести ночь. Корни деревьев переплетаются в земле, поднимаются каждые несколько метров, разрывая почву и лишают нас возможности лечь.

Меня лично это не особо беспокоит, потому что я всё равно не думаю, что смогу уснуть.

Все устраиваются вокруг меня, не обсуждая этого. Я замечаю, что они оставляют меня в центре, хорошо защищённой с любого фланга, и я не возражаю. Беру одеяло, устраиваюсь между корнями дерева и с облегчением понимаю, что существо больше не наблюдает за нами.

Понимаю, что тишины в этом лесу не существует. Я слышу далёкий вой волка, шорох лап, надеюсь, какого-то грызуна… Совы ухают над нашими головами, а ветви деревьев скрипят, хотя ничто не двигает их.

Кириан встаёт со своего места и приближается ко мне, и никто, кажется, не обращает на это внимания. Все продолжают сидеть, отвернувшись от меня, глядя в чащу леса. Он опускается рядом, так близко, что его тепло окутывает меня, и я внезапно чувствую укол сожаления.

— Ты ведь понимаешь, что нас не должны видеть так близко?

— Никто не смотрит, — отвечает спокойно он . — Давай, подвинься ближе. Наверняка тебе холодно.

Чёрт возьми, как же холодно… День был долгим. Именно это я говорю себе, когда прислоняюсь к нему, к надёжному теплу его груди. Я позволяю себе закрыть глаза, наслаждаясь его мягкими, нежными движениями, когда его большая рука аккуратно скользит вдоль моего бока, пока вдруг не останавливается, и я открываю глаза.

Когда я смотрю на него, меня поражает, что он тоже смотрит на меня, так пристально, к чему я не привыкла. Я пытаюсь отвести взгляд, но его рука мягко берёт меня за подбородок и приподнимает. Я знаю, что он собирается сделать, и, тем не менее, не сопротивляюсь.

Кириан целует меня, и какая-то глупая и безрассудная часть меня думает, что жаль, что это будет последний раз. И словно он прочитал мои мысли, он отстраняется и шепчет:

— Если это не повторится, давай сделаем так чтобы оно того стоило.

Его рука касается моей щеки, поворачивая мое лицо к нему, и он снова жадно целует меня. Затем я чувствую, как его рука скользит по моему бедру, и прежде чем я успеваю осознать, что делаю, моя рука тоже тянется к нему.

— Лира… — Его хриплый, низкий голос немного разрушает уверенность, в которую я погрузилась; но, когда я собираюсь отстраниться и оглянуться вокруг, он снова жадно целует меня.

Всё происходит слишком быстро. Внезапно Кириан крепко хватает меня за талию и с невероятной лёгкостью усаживает к себе на колени. Весь мир перестаёт существовать, и единственное, что имеет значение, — это его поцелуи, то, как он

удерживает меня близко к себе, и неоспоримое доказательство того, что он хочет этого так же сильно, как и я.

И тут, среди моих затуманенных эмоций, внезапно зарождается мысль, как свет во тьме, маленький огонёк, напоминающий мне, что Кириан хочет быть не со мной, а с Лирой.

Я отстраняюсь от него, но Кириан вновь крепко обнимает меня .

— Я не могу, — шепчу я.

— Конечно, можешь.

И какая-то часть меня, которой я не владею, соглашается с ним; но мне удаётся преодолеть это.

— Нет. Это неправильно. Это неправильно.

Как только я это произношу, по моему позвоночнику пробегает холодок, который не имеет ничего общего с удовольствием. Я собираюсь слезть с его колен, как вдруг чувствую его пальцы на своём горле.

— Кири…

Я не успеваю договорить его имя, потому что рука капитана сжимается так сильно вокруг моего горла, что я не могу дышать.

Страх овладевает мной, поглощает всё, пока я пытаюсь схватить его за руку и освободиться. И тогда, глядя ему в глаза, два тёмных провала смотрят на меня в ответ, и я понимаю, что это не Кириан, и что я умираю.

Я понимаю это, когда он сжимает мое горло так сильно, что боюсь, что он сломает мне шею. Я понимаю это, когда он без труда укладывает меня на корни дерева. И я понимаю это, когда он встаёт надо мной, упираясь коленом мне в грудь, и с улыбкой, не принадлежащей этому миру, сжимает всё сильнее и сильнее, пока...

— Лира.

Я открываю глаза, но не могу сфокусироваться. Глотаю воздух, но его всё равно недостаточно, и я пытаюсь вырваться из рук, что держат меня за плечи.

— Лира, — настаивает голос.

Когда я его вижу, когда наконец удаётся сосредоточиться на его лице, легче не становится. Страх оттого, что передо мной Кириан, даже если его глаза снова такие же синие, как весеннее море, охватывает меня.

— Это был всего лишь кошмар.

— Это был не кошмар, — выдавливаю я.

Мой голос хриплый, словно горло оцарапано, как будто меня действительно пытались задушить. Я кашляю и оглядываюсь вокруг, замечая, что все остальные по-прежнему сидят на своих местах, смотря в лес, не обращая на нас внимания.

— Лес Гнева коварен, — тихо бормочет он, пристально изучая моё лицо. — Должно быть, это были его существа. Идём, дай мне руку, нужно немного развеяться.

Я почти автоматически хватаюсь за его руку и встаю, но тревожный сигнал пульсирует у меня в висках.

— Разве мы не должны были ждать до рассвета?

Кириан улыбается, и его улыбка кажется… нежной?

— Как только ты уснула, я вышел осмотреть территорию. Не волнуйся, мы не уйдём далеко.

Он помогает мне перейти через корни, на которых я сидела, и отпускает только тогда, когда мы удаляемся от лагеря настолько, что больше не видно ни одного из солдат.

— Это было слишком реально, Кириан, — признаюсь я, прижимая руку к груди, где сердце всё ещё бешено колотится. — Какая тварь способна на такое?

— Ингума, — отвечает он, чуть оборачиваясь ко мне с улыбкой, которую я не понимаю, прежде чем продолжить путь. Возможно, ему забавно видеть меня такой растерянной.

Я знаю легенды об Ингуме. Знаю, что это демон, одно из тёмных созданий Гауэко. Он проникает в твой разум, пока ты спишь, садится на твою грудь и сжимает твоё горло, пока ты не проснёшься или не умрёшь.

— Возможно. — Я оглядываюсь, ища подтверждение его словам, ведь Ингума обычно проявляется в физической форме, чаще всего как ночное существо: кошка, летучая мышь, сова... — Я не знала, что сплю, и сейчас тоже не уверена. Я видела его, я чувствовала его.

— Ингума может заставить тебя видеть то, чего нет. Это больше, чем сны, это галлюцинации.

Кириан идёт слишком быстрыми шагами, и мне приходится ускоряться, чтобы не отстать, даже если я не вижу, куда ступаю.

— Почему именно я? Почему Ингума захотел напугать меня?

Он останавливается на секунду, поворачивается ко мне, словно хочет что-то сказать, но так и не отвечает.

— Лира!

Крик заставляет меня резко обернуться, с сердцем, подпрыгнувшим в горло, и нервами натянутыми как струна. Всё, что я испытывала с того момента, как Ингума проник в мой разум, меркнет перед холодным ужасом, когда я вижу его.

Кириан.

А за ним, с таким же встревоженным, но менее дружелюбным выражением, Нирида.

Время замирает, пока я медленно оборачиваюсь, а по затылку ползёт холодный пот. Но того, кто притворялся Кирианом, больше нет. Он исчез.

— Куда ты идёшь? — снова спрашивает Кириан.

Надеюсь, это он.

Я начинаю идти к ним, и когда он видит моё беспокойство, читая его в каждом моём движении, он тоже спешит мне навстречу.

Я не останавливаюсь. Хотя всё моё существо просит обнять его или капитана, я не позволяю себе этого.

— Возвращаемся, — шиплю я, проходя мимо них.

— Чёрт возьми, что с тобой? — спрашивает Нирида, удивлённо следя за моими быстрыми шагами. — Куда ты шла?

— Я не знаю, — отвечаю я, и сама мысль об этом вызывает новый виток страха, ледяного и неприятного, который обосновывается где-то в тёмном уголке моей души, пока я тоже задаюсь вопросом, куда меня вёл этот, с лицом Кириана.

Шум заставляет меня остановиться, мы все замираем, и я оказываюсь лицом к лицу с совой, которая смотрит на меня всего мгновение с ветки, а затем улетает.

Вот он. Это был он.

Когда Нирида и Кириан подходят ко мне, я пытаюсь восстановить дыхание.

— Ингума, — говорю я, и они понимают.

— Он приходил к тебе?

— Можно и так сказать, — отвечаю я, не желая вдаваться в подробности.

Я всё ещё помню руки Кириана на своём горле, его мёртвые глаза, а затем те другие глаза, столь настоящие, тепло его руки, звук его голоса...

В этот раз, когда мы возвращаемся в лагерь, я не позволю себе снова заснуть.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 10

Лира

Территория Львов. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

С первыми лучами рассвета мы снова в пути. Оставляем позади глубины леса и его легенды, и я больше не упоминаю о том, что видела прошлой ночью, несмотря на их настойчивые вопросы.

Надеюсь больше никогда в жизни не встретить существ Леса Гнева.

Добравшись до столицы Лиобе, ещё находясь на окраинах, мы снимаем несколько комнат в неприметной гостинице.

Этой ночью сон не приходит. Я просыпаюсь снова и снова, и каждый раз, когда мне удаётся уснуть, я вижу кошмары, в которых дождь идёт из крови, а реки текут с гнилой водой.

Нам понадобился целый день беспрерывной скачки, чтобы пересечь границы Лиобе и пробраться через стены цитадели, не привлекая внимания. Кириан был прав. Лучше не выделяться. Путешествовать без армии для меня рискованно, но иначе мы слишком бы выделялись.

Теперь мы можем пересечь столицу, не привлекая лишних взглядов. Солдаты одеты в тёмную одежду и вооружены, но это не бросается в глаза — ведь мы путешествовали через Лес Гнева. Нирида и Кириан тоже без формы. Нирида в свободных брюках, которым я после двух дней верхом искренне завидую, в кожаном жилете и тёмно-зелёной накидке, скрывающей оружие. Кириан тоже одет незаметно, но готов к бою.

Ещё оставалось несколько часов до захода солнца, когда мы добрались до гостиницы, где планировали провести ночь. Чтобы не привлекать внимания, мы расселяемся по небольшим группам, чтобы не казалось, что путешествуем все вместе. Я не хочу спрашивать, почему мы не продолжили путь, чтобы использовать последние часы дня. Я не хочу знать, какие ужасы скрываются к северу от Леса Гнева.

Кириан и я вместе снимаем две комнаты, когда остальные солдаты уже поднялись наверх отдохнуть. Он провожает меня до двери, но не торопится идти к своей.

— Завтра на рассвете отправляемся, — предупреждает он, разворачиваясь в сторону, противоположную своей комнате.

— Куда ты идёшь?

— Не собираюсь сидеть взаперти до утра, — отвечает он, уклоняясь от прямого ответа. Внезапно, он наклоняет голову и с интересом смотрит на меня. — Хочешь пойти со мной?

Я отвечаю не сразу, потому что не знаю, что сказать. Одна часть меня хочет пойти за ним, узнать больше о том, что мне должно быть известно, но пока не понятно, и попытаться понять, какой была связь между ним и настоящей Лирой. Другая часть понимает, что принцесса ни за что не рискнула бы быть замеченной с ним на людях, прогуливаясь по новому городу как влюблённая пара.

— Предпочту остаться. Спасибо, — отвечаю я.

Он лишь пожимает плечами.

— Приду за тобой на ужин.

— Я поужинаю одна, — возражаю я.

Он не спорит, но я сомневаюсь, что он всерьёз примет мои слова. Махнув рукой, как будто не услышал меня, он тут же уходит.

Я тоже не медлю. Осматриваю комнату: скромная кровать, толстые одеяла и окно, выходящее на переулок. Натягиваю накидку, скрывающую плечи, и набрасываю капюшон, пряча лицо. Холод не даёт людям разглядывать меня.

Я плыву по волнам городских звуков и человеческой толпы. Останавливаюсь у нескольких витрин, на стёклах которых нарисованы предложения дня, и прохожу через рыночную площадь, где брожу между прилавками, присматриваясь к тому, что привлекает мой взгляд.

В один из моментов, среди толпы, я ощущаю чей-то пристальный взгляд. Это пожилая женщина, которая не сводит с меня глаз. В её взгляде есть что-то тревожное, и на мгновение мне кажется, что она узнала меня. В конце концов, мои портреты висят по всему королевству. Но когда я уже собираюсь вернуться в гостиницу, старуха улыбается и машет рукой, приглашая подойти.

С облегчением выдыхаю, понимая, что это всего лишь продавщица, пытающаяся привлечь клиентов.

Мы немного болтаем, она берёт меня за руку и надевает на неё кожаный плетёный браслет, а я даю ей пару монет в обмен.

Я не помню, когда в последний раз так гуляла по городу, как обычный человек. Это вероятно было на каком-то летнем празднике, много лун назад, и, вероятно, с другим лицом, чтобы обмануть Бреннана, который никогда не позволял своим подопечным покидать стены Ордена без присмотра.

Хотя я собиралась быстро вернуться, запах выпечки неподалёку от переулка гостиницы манит меня настолько, что я не удерживаюсь и захожу внутрь, заказывая горячий шоколад и несколько пирожных.

Мне повезло, что Лира была такой же сладкоежкой, как и я, потому что, думаю, я бы не смогла притворяться, что мне не нравятся сладости.

Всё кажется до ужаса нормальным, пока пекарь не выходит из-за прилавка и не направляется к моему столику.

— Девушка, с вами всё в порядке?

— Всё очень вкусно, спасибо, — отвечаю я.

Я замечаю, что остальные посетители смотрят на меня, и мысленно ругаю пекаря за то, что привлёк внимание. Некоторые перешёптываются, но я не слышу, что именно говорят.

— Нет, нет, девушка... Я имею в виду... — Он показывает на своё лицо.

Инстинктивно я касаюсь щеки, озадаченная.

— Я не...

Я замираю, осознав, что на самом деле чувствую что-то влажное на щеке. Смотрю на свои пальцы.

Кровь.

Повторяю жест, и снова пальцы окрашиваются кровью. Пекарь протягивает мне тканевую салфетку, и я нервно вытираю лицо, пытаясь найти источник крови.

Но мне даже не больно.

— У вас есть зеркало?

Он смотрит на меня, разинув рот, будто в шоке, и спустя несколько секунд кивает, указывая на дверь, ведущую в подсобку. Я прохожу через зал, под пристальными взглядами клиентов, и пересекаю узкий коридор, заставленный

товарами, пока не нахожу небольшую ванную комнату с тусклым старым зеркалом на стене.

Несмотря на грязное отражение, его достаточно, чтобы понять: кровь идёт не от раны на щеке.

Она течёт из моих глаз.

Это ярко-красная кровь, стекающая от уголков глаз к щекам. Её немного, но... любая кровь, текущая из глаз, достаточно заметна.

Я быстро вытираю её. Моргаю несколько раз — перед глазами плёнка, окрашивающая их в красный цвет. Жду, пока снова не начинает формироваться новая кровавая слеза.

Это проблема.

Очень большая проблема.

Я привожу себя в порядок, насколько это возможно, хотя мои глаза всё ещё выглядят странно, налитые кровью, и в спешке возвращаюсь в зал.

Пекарь ждёт меня в конце коридора, явно обеспокоенный.

— Извините за беспокойство, — говорю я, оплачивая вдвое больше за пирожные. Затем возвращаю ему салфетку, испачканную кровью, а он, удивлённо глядя на неё, молчит, не решаясь сказать хоть слово.

Я накинула капюшон, завернулась в накидку и вышла на улицу. Склонив голову, прошла мимо хозяев постоялого двора и уединилась в своей комнате. К тому времени, как я добралась туда, я едва могла видеть — кровь застилала мой взгляд.

Кажется, её стало больше, чем было раньше, ведь в пекарне я ее даже не заметила.

Я знаю, что нужно делать.

Я достала из сумки небольшой кожаный мешочек с моими противоядиями. Если у меня идёт кровь из глаз, это должно быть гемотоксин. Однако странно, что я не начала кровоточить из носа или ушей.

Это странно.

Кроме того, нет других симптомов. Ни тошноты, ни галюцинаций, ни онемения...

Раздеваюсь перед зеркалом у туалетного столика, чтобы осмотреть себя в поисках следов, повреждений... чего угодно, что могло бы дать мне подсказку. Но не получается — зрение постоянно мутнеет. Я снова и снова умываюсь, наполняя кувшин водой и смывая кровь, но это не помогает сфокусироваться.

Сдаюсь и вываливаю на стол всё содержимое кожаного мешочка. К счастью, я могу приготовить любое из противоядий вслепую.

Я готовлю универсальный раствор, который должен остановить кровотечение и восстановить нормальное состояние крови: скорлупа ореха дьявола, кора бузины, порошок красной лозы и две капли яда крапивного червя.

Разбавляю это водой, залпом выпиваю и сдерживаю рвоту, когда тело пытается отвергнуть яд.

Если это действительно гемотоксин, этого должно хватить, чтобы помочь моему организму. Даже если я не знаю точно, что это, иммунитет к ядам должен был подготовить меня к такому, и уже завтра я должна буду чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы скрыть это от Кириана

Я легла в постель, ожидая, когда кровотечение остановится, и сосредоточилась на более важном: как это произошло?

Не думаю, что это были пирожные. Никто не мог знать, что я зайду в пекарню, и маловероятно, что пекарь мог бы так спонтанно меня отравить. Не похоже также, что это могла сделать добрая старушка с браслетами.

Совпадение? Трудно поверить. Слишком уж удачное стечение обстоятельств.

Это могло случиться на улице. В толпе было много людей. Множество рук могло прикоснуться ко мне, пока я шла, или пока рассматривала ремесленные изделия на рынке.

Да. Вероятно, это было тогда. Я гуляла достаточно долго, чтобы кто-то, если узнал меня, мог подготовиться и попытаться устранить Лиру. Но кто?

Я села, чтобы смыть кровь до того, как испачкаю простыни, но не успела дойти до туалетного столика, как мир закружился у меня под ногами. Это может означать только одно…

Я выругалась и сделала усилие, чтобы оттолкнуться от стены и дойти до столика, но по пути споткнулась о край кровати и зацепила какой-то предмет мебели, который не смогла распознать. Шум был внушительным.

Я ухватилась за край столика и посмотрела в зеркало. Образ, который отразился оттуда, был ещё более искажённым, чем раньше, и дело вовсе не в зеркале.

Кровь всё так же стекала по моим щекам, но теперь она стала темнее и гуще.

Неужели я ошиблась насчёт гемотоксина?

Два коротких стука в дверь прервали поток моих мыслей, которые с каждым разом становились всё медленнее…

— Убирайся, Кириан! Я не буду ужинать с тобой!

— Ты даже не посвятишь мне один ужин? — раздался голос, которого я совсем не ожидала услышать. — Даже после стольких лет?

Моё сердце забилось быстрее, затмевая всё остальное: тревогу, страх и даже ощущение головокружения.

— Элиан?

— Открой!

Голос был безошибочен. После стольких лет, после всех тех слёз, пролитых по его исчезновению, он был здесь.

Я оттолкнулась от столика и, с замиранием в сердце, распахнула дверь, готовая вновь увидеть его синие, словно море, глаза, стройную фигуру, каштановые пряди волос…

Но стоило мне выглянуть, как я застыла на месте.

Коридор был пуст. Темный и одинокий.

По ту сторону не было ничего, кроме гнетущего чувства пустоты. И тоски.

Я вернулась, закрыла дверь и, прислонившись к ней, ощутила, как по моему лбу стекает холодный пот.

Галлюцинации? Так быстро?

Я уставилась на разбросанные по туалетному столику пузырьки и мешочки, проклиная свою судьбу и вознося единственную молитву, которую знала, чтобы выбраться из этого кошмара.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Соргинак

Мари, мать почти всех богов, решает (как она уже делала не раз с другими созданиями) даровать силу магии. Она наделяет ею некоторых из своих дочерей и называет их соргиняк, что значит «ведьмы».

Первое, чему учатся её дочери, — это то, что магия естественным образом присутствует в лесах, ручьях или воздухе, и что существуют практики, которые могут изменять мир... создавать. В конце концов, слово соргина на языке магии означает не «ведьма», а «дарующая удачу» или просто «творец».

Так они овладевают силами природы и затем стремятся покорить другие стихии. Однако такие практики всегда влекут за собой непредсказуемые последствия: одна соргина возрождает погибшие урожаи целой деревни, и целый месяц не встает с постели, другая вызывает у сборщика налогов расстройство, из-за которого он не может покинуть уборную, а она целую неделю не может удержать в себе пищу; третья убивает жестокого мужа, который избивал её сестру... и той же ночью сама умирает в своей постели.

Ведьмы начинают различать магию. Они называют её «белой» и «чёрной», хотя по сути это одно и то же. Различие заключается в намерении её использования. Белая магия естественна, защитная и позитивна. Чёрная магия опасна, разрушительна... магия для причинения зла. Грань между ними всегда была нечеткой. Доброе дело может принести боль, если намерения ведьмы не чисты. Именно поэтому лишь немногие способны понять тонкости цены, которую приходится платить, и решаются на великие заклинания.

Ведьмы называют это «законом тройного возврата»: любое действие, связанное с магией, которую считают чёрной, возвращается троекратно тому, кто её сотворил — соргине.

Все магические практики используют энергии мира, и соргиняк прибегают к ним, чтобы их заклинания сработали: штормы, свет луны (который также считается светом мёртвых), неистовый танец или даже половой акт. Вот почему многие шабаши собираются вокруг костра, чтобы танцевать и призывать духов и божеств, которые подарят им свою энергию. А многие ведьмы прибегают к сексуальным ритуалам для усиления своих заклинаний.

Львы считают любые подобные акты извращениями и так боятся магии, что запрещают любые ритуальные практики, даже если они заключаются всего лишь в том, чтобы поставить свечу на окно, и умилостивить Айде, духа бурь.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 11

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

Кто-то снова стучит в дверь.

Это уже в четвёртый раз.

Элиан уже дважды говорил со мной с другой стороны двери. В первый раз он использовал добрые слова, просьбы, нежные воспоминания, чтобы уговорить меня выйти. Во второй же...

Я содрогнулась.

Кажется, я никогда не слышала столь жестоких слов, произнесённых устами Элиана.

— Убирайся, Элиан! — кричу я. — Прочь!

Я перестаю слышать стук в дверь, но затем раздается другой голос.

— Всё в порядке, принцесса?

Я снова напрягаюсь. На этот раз голос очень реальный.

— Уходи, Кириан! — отвечаю я. — Я не выйду.

Что-то в моём тоне или в словах заставляет его попробовать повернуть дверную ручку.

Я вижу, как она двигается. Чёрт. Вижу, как он пытается её открыть. Я уже давно перестала чувствовать головокружение. Слышу лишь, как Элиан зовет меня с другой стороны двери, в то время как из моих глаз всё ещё течёт кровь. Если это галлюцинация, то она переходит из слуховой в зрительную, и это значит, что все мои попытки приготовить противоядие оказались напрасны.

— Лира? — настаивает он. — Открой.

— Нет! Убирайся!

Ручка снова поворачивается. Будь это галлюцинация или нет, я не открою дверь. Я не могу позволить...

Я слышу щелчок, затем ещё один, и дверь открывается.

Он взломал её. Взломал замок с оскорбительной быстротой.

Кириан появляется в дверном проёме. Я сижу на полу, обхватив колени руками, так что он находит меня не сразу. Когда это происходит, его выражение меняется. Удивление, страх и недоверие отражаются на его лице, и он спешит закрыть дверь за собой.

— Что произошло? — спрашивает он. Его голос звучит серьёзно.

Он опускается передо мной на колени. Его глаза, полные тревоги, смотрят на меня с беспокойством, пока он крепко держит меня за плечи.

Я чувствую его руки, и если это галлюцинация, то всё выходит из-под контроля.

— Переборщила с макияжем, — отвечаю я.

Я уже давно прекратила попытки вытирать кровь, и теперь она стекает по моему подбородку и шее, испачкав моё тёмно-синее платье.

— Чёрт. Будьте прокляты боги Львов, — ругается он.

Интересно,ругается ли он так, находясь среди людей, перед верующими, которые могли бы воспринять это как языческое богохульство?

— Следи за языком, капитан, — предупреждаю я.

Он выругивается ещё громче и встаёт, осматривая комнату, замечает туалетный столик, заваленный флаконами и субстанциями, которые разлились, когда я пыталась приготовить второе противоядие на основе серой рожковой грибницы, что только ухудшило ситуацию. Затем он снова поворачивается ко мне.

Он встаёт на одно колено и смотрит мне прямо в глаза.

— Доложи ситуацию.

В его голосе слышится команда, он становится серьёзным, сосредоточенным. Возможно, это и заставляет меня вдохнуть, собраться и начать говорить.

— Я ходила на рынок, и кто-то, вероятно, узнал меня, пока я гуляла. Я остановилась в пекарне, но это было слишком спонтанно, чтобы они успели отравить пирожные. Это должно было произойти на рынке.

— Что ты чувствуешь, кроме крови из глаз?

— Галлюцинации, хотя возможно, я сама их вызвала, ошибившись с противоядием, — отвечаю я. — Кстати, не исключено, что ты тоже одна из них.

Некоторые вещества, взаимодействуя с определёнными токсинами, могут ухудшить ситуацию, и, очевидно, я ошиблась с первым противоядием, как и со вторым. Серая рожковая грибница затуманила мой разум и вызвала атаксию: я стала неуклюжей. Но она не остановила кровотечение и не прекратила галлюцинации, которые я вызвала с помощью яда крапивного червя.

Саркастическая улыбка невольно появляется на моих губах. Кириан не находит это смешным. Он смотрит на меня с нахмуренными бровями, красивыми губами, сведёнными в прямую линию, и сжатой челюстью.

— Что это за вещества на туалетном столике?

— Противоядия, которые не сработали, и ещё больше ядов.

Он поворачивается к ним и молча наблюдает. Если он и задаётся вопросом, когда Лира научилась готовить противоядия, он ничего не говорит. Затем снова смотрит на меня и берёт моё лицо в свои руки. Его мозолистые ладони тёплые, крепкие, успокаивающие…

— Я не галлюцинация, — обещает он.

—Ну да. Именно так и говорит галлюцинация.

Его большие пальцы скользнули по моим скулам, оставляя едва ощутимое прикосновение. Только тогда я осознала, насколько замерзла.

—Если тебя не отравили пирожными, то чем же тогда? Ты еще ела какую-то еду? Или, может, касалась чего-то?

—Я трогала много вещей, — ответила я, закрывая глаза пальцами и поднимая руку, чтобы показать ему кожаный браслет. — Я купила это на одном из прилавков и некоторое время разговаривала с продавщицей. Возможно, когда я говорила с ней…

Кириан схватил меня за предплечье и внимательно осмотрел браслет. Он осторожно потер его между пальцами, поднес к лицу и понюхал, чтобы убедиться, что это всего лишь кожа.

Я перебирала возможные варианты. Я даже не знала, какой тип яда могли использовать. Это должно быть что-то неизвестное, характерное для этих земель, потому что в противном случае я была бы готова справиться с ним. И, скорее всего, яд передавался через кожу. Может, укол?

—Помоги мне подняться, — попросила я, и он сразу же подчинился.

Я схватилась за его руки, сильные и уверенные, и позволила ему сопроводить меня к зеркалу, чувствуя его ладонь на моей пояснице.

—Отвернись.

—Что?

—Отвернись и перестань задавать вопросы, Кириан. Я собираюсь раздеться.

Он замешкался, но все же отпустил меня, оставив стоять у трюмо, и повернулся спиной.

Я убедилась, что он стоит неподвижно, выпрямившись и скрестив руки на груди, а потом сняла платье. После этого взяла бинт и начала обматывать им браслет. С третьего раза мне удалось полностью его закрыть.

—Мне понадобится твоя помощь.

Кириан окинул меня взглядом с ног до головы.

—Не думаю, что тебе нужна помощь в таком виде, — усмехнулся он.

Мне захотелось схватить флакон с ядом крапивного червя и швырнуть ему в лицо.

—Тебе нужно осмотреть мое тело. Ищи пятна, синяки, ранки… или следы от уколов. Мне нужно понять, с чем я имею дело.

—Могу сказать то, что тебе вряд ли понравится?

—Это будет хуже, чем то, что происходит сейчас?

Кириан немного понизил голос.

—Я не думаю, что тебя отравили, Лира.

Я задумалась над его словами.

—Почему?

—Несмотря на то, что ты долго ходила по рынку, никто бы не успел изготовить яд и успеть его тебе ввести, так, чтобы ты даже не заметила.

Я сглотнула.

—Тогда что…?

—Не знаю, — он встретил мой взгляд, снял куртку, ослабил ворот жилета и закатал рукава рубашки. — Давай сначала исключим яд, а там посмотрим, с чем мы имеем дело.

Моя безрассудная часть вдруг задумалась, сколько раз Лира видела этот жест, прежде чем провести с ним совсем другую ночь, нежели та, что предстоит мне.

Я прочистила горло, пытаясь избавиться от чувства вины, и постаралась сосредоточиться.

Он остановился передо мной и на этот раз не отвел взгляда.

—Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я сглотнула.

—Осмотри мое тело, — сказала я. — Ищи любые странные отметины.

Он кивнул, серьезный, и протянул мне руку.

—Подойди ближе к свету.

Я позволила ему слегка пододвинуть меня ближе к единственной свече на трюмо, тусклый свет которой едва освещал комнату. Я заметила, как он резко вдохнул.

—Ты собираешься оставить это на себе?

Мне понадобилось время, чтобы понять, о чем он говорит, и кровь бросилась в щеки. Я мысленно выругалась на себя, напомнив, что он уже видел каждую часть моего тела. Черт возьми, может, он знает его лучше, чем я сама.

Я расстегнула лифчик и сняла остальное белье.

Кириан мог бы позволить себе неуместное замечание, но сдержался, что даже немного насторожило.

—Хорошо, — сказал он. — Я начинаю.

Он встал на колени передо мной, и мои мысли вновь унеслись в совсем неподобающие русло.

Что со мной не так?

Я отвернулась, пока он осматривал мои ноги, начиная с пальцев и лодыжек, поднимаясь затем по икрам и бедрам.

Я чувствовала его дыхание на своей коже. Сдержала вздох.

Громкие удары в дверь заставили меня резко обернуться.

—Ты в порядке?

Мне нужно было посмотреть на него.

—Ты слышал стук в дверь?

Лицо Кириана было совершенно серьёзным, когда он медленно покачал головой.

—Тогда продолжай.

Кириан с озабоченным видом посмотрел на дверь, но подчинился. Он снова сосредоточился на моей коже. Картина, где этот высокий и сильный мужчина стоит на коленях передо мной, пока я полностью обнажена и уязвима...

Предпочитаю не думать, что это значит.

Когда он закончил спереди, повторил тот же процесс сзади. На этот раз он встал, чтобы подняться выше по моей талии и плечам.

Его тёплые пальцы осторожно подняли мои волосы и опустили их на грудь, вызвав дрожь, пробежавшую по всей моей спине.

—И здесь тоже ничего нет, — прошептал он, касаясь моих волос на затылке.

Его голос стал мягче. Он слегка охрип, и ему пришлось прочистить горло.

Он вновь встал передо мной, и я не могла отвести глаз, когда его взгляд скользнул по мне: талия, грудь, ключицы, шея.

—Подними руки, — попросил он.

Я послушно выполнила.

Его руки обхватили мой левый локоть, и он начал внимательно его осматривать, неторопливо.

—Сними повязку.

—Нет, — ответила я, возможно, слишком резко. — Под ней ничего нет, кроме некрасивой раны. Я уже проверяла.

Кириан пристально посмотрел на меня .

—Ты проверяла? Сейчас?

—Раньше.

—Понятно, — он поднял бровь. — Сними её, Лира.

—Не хочу оголять рану. Она может воспалиться.

—Я сам обработаю её и наложу новую повязку, — настаивал он, но даже не пытался развязать её сам, хотя мог бы.

—Нет.

—Ты ведь стоишь передо мной полностью обнажённая, — сказал он, понижая голос, как будто протестовать из-за раны было бы глупо.

И это действительно так. И если там есть что-то, что могло бы спасти меня, а я рискую усугубить положение, не показав ему...

Я глубоко вздохнула.

—Сними её, — попросила я и закрыла глаза.

Я снова открыла их, когда почувствовала его ловкие пальцы на своей коже, осторожно развязывающие повязку, будто он ожидал увидеть хрупкую и повреждённую кожу под ней.

Я посмотрела на его лицо сквозь своё размытое зрение, и увидела, как его синие глаза расширились от удивления: там не было никакой раны.

Он отпустил повязку, и она упала на пол. Он держал мою руку, глядя на меня взглядом, который я не могла бы описать.

—Я знал, что ты была с Тартало, — хрипло сказал он .

Я прочистила горло.

—У нас нет времени, Кириан, — напомнила я ему.

Он задумался. Я видела, как он борется с желанием настаивать и требовать объяснений, но он не стал. Видимо, он тоже был напуган.

Он осмотрел браслет и кожу вокруг него, затем вновь вздохнул.

—Ничего. Здесь ничего нет.

Я стерла кровь с глаз тыльной стороной руки и поспешила одеться.

Вопрос застрял у меня в горле. Он пустил корни, пронзая мою плоть и нутро, пока я не произнесла его вслух.

—И что теперь?

Кириан ответил не сразу.

—Отдай мне браслет и скажи, где ты ела те пирожные. — Он замолчал на мгновение. — Если тебя не отравили, возможно, тебя прокляли, принцесса.

Поездка верхом до двора далась мне настолько тяжело, что на полпути нам пришлось остановиться, чтобы я могла сесть в объятия Кириана.

Теперь с нами не было всех солдат. Нирида отправилась с несколькими из них на рынок за ответами. Кириан был прав. Если причина моего состояния — не яд, то, возможно, дело в ведьмах. Если кто-то из них узнал меня и смог наложить заклятие…

Я даже не знала, что в Лиобе остались ведьмы.

Я почти не осознавала остальную часть пути. Я продолжала слышать стук в дверь, которой уже не существовало. Я слышала голос Элиана и так боялась увидеть что-то, чего здесь не было, что в конце концов закрыла глаза. Однако я все еще была достаточно в сознании, чтобы сильнее натянуть капюшон, когда мы прибыли на место, и Кириан представил нас должным образом. Но это не помешало тем, кто нас встретил, заметить мое состояние. Они увидели кровь и то, как мои пальцы цеплялись за руку Кириана, словно молясь о том, чтобы я не упала, если он отпустит меня.

Затем меня отвели в покои, и капитан остался со мной до тех пор, пока не пришёл врач. «Нужно исключить все варианты», — сказал Кириан. Всё ещё оставалась надежда, что это просто какой-то очень редкий яд, о котором я не знала, но который могли лечить здесь.

Иронично, что отравление кажется наилучшим исходом.

Я слышала, как врач обсуждал что-то с Кирианом, и поняла, что он пытался заставить его надеть кожаную маску, такую же, как у него самого. Но капитан отказался, пока ему не пришлось приступать к осмотру.

Мне было сложно отвечать на его вопросы, я чувствовала себя слабой и медлительной, и на многие вопросы отвечал Кириан. Вид глаз врача за мутным стеклом маски, завязки кожаного ремня и его тяжелое дыхание через фильтр вызывали у меня мурашки, но я стойко выдержала осмотр, не жалуясь.

Он ушёл, не оставив нам никаких ответов.

—Как ты? — спросил Кириан, привлекая моё внимание.

—Слабая и дезориентированная, — ответила я, потому что не знала, как ещё объяснить тот факт, что слышала голос из прошлого, зовущий меня снова и снова. — Но я не могу сказать, что из этого — последствия того, что мне сделали, а что — побочные эффекты антидотов.

—Понятно. Антидоты, — пробормотал Кириан с оттенком сарказма, не отражённым в его взгляде.

Я лежала на диване, окружённая мягкими подушками, которые поддерживали меня почти в сидячем положении — я боялась лечь полностью, чтобы не почувствовать ещё большего головокружения.

Кириан нашёл место рядом со мной, сел и, повернувшись, посмотрел мне прямо в глаза, затем провёл руками по моим щекам.

—Ты испачкаешься, — предостерегла я его.

Он чуть улыбнулся, возможно, из-за пятен крови, которые уже покрывали его плечи и грудь. Видимо, они появились, когда он нёс меня сюда.

Его большие пальцы медленно и аккуратно вытерли кровавые слёзы с моего лица, после чего он стряхнул кровь о свою мантию.

—Скоро они найдут решение. Врач вернётся с лекарством, или Нирида выяснит, кто наложил на тебя проклятие, — сказал он.

Но в его тоне было что-то, скрытое за внешней спокойной уверенностью, что выдавало его страх, который, как я начала понимать, был сродни моему.

Я снова услышала стук в дверь. Однако на этот раз Кириан тоже обернулся. Он резко поднялся и зашагал к двери. Я увидела, как он открыл её, и вдруг несколько рук попытались вытащить его наружу.

Что за чертовщина…

Я напряглась, вцепившись в край дивана, и наблюдала, как его тянут. Это были стражники, все вооружены, хотя никто не вытащил меча. Кириан сопротивлялся, отбиваясь локтями, удары которых могли бы свалить любого, но их было слишком много, и через мгновение они вытащили его за дверь и закрыли её за собой.

Я вскочила на ноги, сосредоточившись. С тех пор как я слезла с лошади, у меня непрерывно кружилась голова, но страх придал мне силы, и я быстро пересекла комнату. Я прижалась к двери, сердце билось в горле, а снаружи доносились крики и шум борьбы, пока один голос не поднялся над остальными.

—Её высочество.

Это был врач.

—Что происходит? — резко спросила я.

—Мы считаем, что у вас может быть инфекция, — ответил он с другой стороны двери. — Нам было жизненно важно изолировать капитана от вас, чтобы сдержать возможное заражение.

Мои руки слегка задрожали.

—Какая ещё инфекция?

Ответа не было так долго, что я подумала, будто схожу с ума.

—Я не знаю.

Моя кровь вскипела.

—И всё равно вы решили запереть меня здесь?

—Поймите, если это смертельная болезнь…

—Сначала выясните, что это! — крикнула я.

Снова послышался голос Кириана. Он продолжал бороться по ту сторону, и, возможно, был так же зол, как и я.

—Уверяю вас, мы делаем всё возможное…

Я ударила по двери и издала рычание разочарования. Даже не пытаясь вернуться к дивану, я опустилась спиной к двери и медленно съехала на пол.

Это не может быть инфекция. Ещё несколько часов назад всё было нормально. И если это действительно заразная болезнь, тогда Кириан тоже заражён, а значит, и все, кто сейчас с ним. Нет. Это абсурд.

Как бы то ни было, запертая здесь одна, без своих вещей, мне остаётся только ждать.

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я услышала стук, на этот раз сопровождаемый голосом Кириана.

—Лира, — позвал он.

С трудом поднявшись, я ответила:

—Это ты, Кириан? — спросила я осторожно.

—Да, — его голос был низким и серьёзным. — Слушай меня. Они ошибаются. Это не инфекция.

Я вздохнула с облегчением.

—Я знаю. Ты должен убедить их, что это яд, чтобы они начали искать способ остановить симптомы.

—Нирида прислала сообщение. — Он сделал паузу. — Это не яд.

Между нами воцарилась тишина, пока я переваривала услышанное.

—Кириан? — позвала я, боясь, что его больше нет, что он никогда не был по ту сторону двери.

—Она нашла старуху с рынка.

—Я не думаю, что она…

—Она была мертва, Лира.

У меня скрутило живот.

О, боже…

Значит, это действительно была она. Она узнала меня; вот почему так странно смотрела. А потом я стояла и молча ждала, пока она накладывала проклятие.

Ведьма. Это была ведьма.

Я знала, как работает закон тройного возврата, и если ценой её проклятия стала собственная смерть, вряд ли конец этой ночи мне понравится.

—Я отправляюсь в лес, — сказал Кириан, вырвав меня из мыслей.

—Здесь больше не осталось ведьм, — прошептала я, скорее себе, чем ему.

—Ведьмы есть повсюду, нужно только знать, где искать.

Я прикусываю язык, сдерживая себя от того, чтобы сказать, что это не лучшая новость. Если он может выйти и найти ведьм, но за все эти годы так ничего и не сделал, их величества будут сильно разочарованы.

Но сейчас это не имеет значения.

Меня узнали, на меня наложили заклятие, и всё, что мне остаётся…

—Кириан, — снова зову его. Осознаю, что мой голос звучит почти отчаянно.

—Я вернусь. Ты держись, хорошо?

Я прижимаю лоб к двери.

—Уйти я всё равно не могу, верно?

—Держись, — повторяет он.

Затем я слышу его шаги, удаляющиеся от двери.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 12

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

Если мы хоть как-то умудрялись оставаться незамеченными, то это закончилось сейчас; хотя, полагаю, это уже не имеет большого значения, ведь Лира сейчас плачет кровью и бредит в покоях дворца.

Все мои люди и воины Ириды собрались вокруг дворца, хорошо вооружённые и готовые вступить в бой, если понадобится.

После долгих часов допросов, взяток и угроз, а также проникновения в несколько домов, один из моих людей принёс мне сообщение от Ириды.

Она нашла их за пределами цитадели, в районе, который уже начал разрастаться в лесу.

Хотя никто не осмеливается выходить на улицу, соседи выглядывают из своих домов. Нет ни одного окна, за которым не скрывались бы любопытные глаза.

—Нирида? — спрашиваю я, как только прихожу.

—Она внутри, — отвечает один из её людей. — После того, как она нашла дом старухи с рынка, больше ничего не смогла узнать.

Я пробираюсь внутрь без дальнейших указаний. Нахожу Ириду в столовой, сидящую за столом напротив нескольких женщин, которые стоят с другой стороны, словно она — обвиняемая. Однако её поза далека от того, чтобы выглядеть подчинённой.

Она вытянула ноги и поставила грязные сапоги на стол, на котором также лежит кожаный браслет, который передали Лире. Руки сложены на бедрах, и она даже не удосуживается взглянуть на меня, когда я вхожу в комнату.

—О, посмотрите, что вы натворили. Прислали кавалерию, — говорит она женщинам. — Если вы не заговорите сейчас, вы сильно меня подставите.

Женщины смотрят на меня. Среди них — старуха, две девушки, чуть моложе Ириды, и две женщины средних лет.

—Добрый вечер, дамы, — приветствую я их, играя роль, которую приготовила для меня Нирида. Беру стул и сажусь рядом с ней. Складываю руки на бедрах, ожидая. — Мне сказали, что вы недавно понесли утрату. Примите мои соболезнования.

—Мы уже сказали им, что никогда не видели принцессу Лиру, что не знаем, кто она и как выглядит, — говорит одна из молодых женщин.

—О, ну, с этим я могу помочь, — отвечаю я и поворачиваюсь к Ириде. — Средний рост, чёрные длинные волосы, зелёные глаза, бледная кожа, тонкая талия... Достаточно?

—Мы ведь не для того здесь, чтобы выяснять, как выглядит принцесса, Кириан, — отвечает она сдержанно. — Мы здесь, чтобы узнать, в чём заключается проклятие и как его снять.

Оба смотрим на женщин.

—Колдовство запрещено, — говорит одна из них, не сходя с места напротив стола. — Никто не занимается им и не говорит о нём, как хорошо известно её величеству королеве Моргане.

—Многие наши соседки умерли за то, что слишком много болтали, — добавляет одна из молодых женщин, не в силах скрыть гнев в своих словах.

Нирида тяжело вздыхает и бросает на меня демонстративный взгляд.

—И всё одно и то же. Спрашиваю их про Лиру — они лгут. Спрашиваю про проклятие — снова лгут.

—Может, вам стоит вернуться во дворец, — предлагает старуха. Её голос хриплый, но приятный, мудрый. — По симптомам, которые вы описали, вашей подруге осталось недолго. А у нас похороны на носу.

—Мы вернёмся во дворец, — отвечаю я, — но прежде обыщем каждый дом в этом районе и заберём всех, кто был сегодня на рынке. На случай, если кто-то что-то знает.

Старуха едва заметно хмурится, но у остальных на лицах всё написано . Они не могут это скрыть.

—Нирида, отдай приказ.

Она спокойно встаёт и выглядывает за дверь, чтобы передать приказ нескольким людям, которые тут же начинают действовать. Напряжение нарастает среди женщин.

—Вы не боитесь? — спрашивает одна из девушек. Другая женщина хватается за её руку, пытаясь заставить замолчать.

—Чего нам бояться? — спрашиваю я.

—Если вы правы, если мы действительно ведьмы, ничто не помешает нам наложить проклятие и на вас. Убить одного из ваших за каждую ведьму, которую вы сегодня заберёте.

—Замолчи, Эли, — одёргивает её женщина, держащая за руку. — Молчи, дитя. А вы — уходите. Вы уже достаточно нарушили покой района.

—Вот в чём проблема, — отвечает за меня Нирида, — сколько из вас готовы заплатить цену закона тройного возврата? Спорим, у нас больше солдат, чем у вас добровольцев.

—Может и нет, — отвечаю спокойно я . — Вполне возможно, что найдутся ещё старухи, как та с рынка, готовые умереть, чтобы навредить короне. Последняя жертва перед тем, как вернуться в землю.

—Да, возможно, — соглашается Нирида. — Изменить приказ? Забрать всех старух?

—Убей их, — отвечаю я.

Нирида снова встаёт.

Та же девушка, что говорила прежде, выходит вперёд и встаёт на её пути.

—Свиньи! — шипит она, бросив вызов Нириде, которая возвышается над ней, совершенно невозмутимая.

—Эли, хватит, — настаивает женщина.

В её голосе, в глазах, в том, как её пальцы впиваются в кожу девушки, читается настоящий страх.

—Мы можем заключить сделку, — вмешиваюсь я.

Женщины смотрят на меня, не на Эли. Она по-прежнему бросает вызов Нириде, словно ищет повод схватить один из ножей на кухне и перерезать ей горло. Капитанша лишь улыбается ей с мрачным удовольствием.

—Какую сделку хочешь заключить, похищенный ребёнок? — спрашивает старуха, пробираясь вперёд между остальными. Она маленькая, хрупкая, на её лице ни одного уголка без морщин, но взгляд полон гордости. — Если мы действительно ведьмы, если одна из нас отдала жизнь, чтобы отнять её у твоей принцессы, значит, вред уже

нанесён. Если мы обратим проклятие другим заклинанием, это будет эгоистичный акт, и за него снова придётся заплатить кому-то из нас.

Так работает магия. Любое корыстное действие требует платы от того, кто накладывает заклятие, и по закону тройного возврата любой вред, будь то магия во благо или во зло, возвращается втройне.

—Две напрасно потраченные жизни, — тихо говорит Нирида, не сводя взгляда с Эли. — Жаль, что ваша неосторожность обошлась вам так дорого и так глупо.

Я сверлю её взглядом. Кажется, она хочет, чтобы её убили.

—Капитанша имеет в виду, что это уже не исправить. Зато то, что вы получите за снятие проклятия, ещё можно обсудить.

—У тебя нет ничего, что ты можешь нам дать, — снова переходит на «ты» старуха, уже не пытаясь скрыть свою сущность.

Всё равно она уже признала, что знает меня, знает, что я — похищенный ребёнок.

—Я могу дать вам то, чего вы пытались достичь, убив принцессу, — отвечаю я. — Это щедрое предложение, учитывая, что её смерть не гарантирует вам того, чего вы хотите.

Все на мгновение замолкают. Их взгляды обращаются к старухе.

—И что же это такое, что мы хотим, капитан? — спрашивает она.

Я одариваю каждую из них улыбкой, но задерживаюсь на самой старшей.

—Вы считаете, что, убив Лиру, убьёте будущую королеву. Вы ошибаетесь. Её заменят через неделю. Наследник займёт трон после смерти Аарона, и другая женщина будет править вместе с ним. Смерть принцессы не изменит ничего.

—Кто-нибудь убьёт и следующую, — говорит Эли, — и следующую за ней. И все мы будем танцевать обнажёнными на их могилах.

Нирида насмешливо присвистыывает от её вспышки, но я достаточно хорошо её знаю, чтобы понять, что часть её впечатлена. Эта девушка не боится нас, она не боится смерти.

Женщина, стоящая за Эли, кажется, вот-вот вскочит на стол и закричит, что она ведьма, лишь бы мы перестали обращать внимание на девушку, вероятно, её импульсивную дочь.

—А наследник, неприкосновенный на троне, женится на другой королеве и продолжит свою династию, свои завоевания и своё разрушительное правление, — продолжаю я, делая небрежный жест рукой. — Понимаете, к чему я клоню?

—Принцесса тоже была неприкосновенна этим утром, а теперь посмотрите на неё, — говорит Эли, поднимая подбородок ещё выше.

Никто не решается больше ничего сказать, но в бледных глазах старухи мелькает что-то острое, хитрое.

—Глупая смерть не принесёт вам того, чего вы хотите. А я смогу.

—Если вы спасёте принцессу, — добавляет Нирида, — награда будет гораздо больше, чем от её смерти.

—Принять вашу столь неопределённую сделку не кажется справедливым, — возражает старуха. — Как мы можем знать, что ваше предложение будет лучше, чем смерть королевской супруги?

—Потому что у вас есть наше слово.

—Ваше слово стоит меньше, чем навоз, которым мы удобряем землю, — выплевывает Эли.

Нирида почти смеётся.

—Посмотрите на это с другой стороны, если вам так удобнее, — говорю я, снова оглядывая всех по очереди. — Если мы уйдём отсюда без заклинания, принцесса умрёт, но и вы все тоже. О вас будут помнить несколько лет, может, одно-два поколения, но ваше имя исчезнет вместе с именем Лиры, и ваше место в истории станет ничтожным шепотом, который ничего не изменит. Если же мы уйдём отсюда с заклинанием, двое из вас умрут сегодня, а принцесса выживет. Но со временем эту ночь будут помнить как ночь, когда всё изменилось.

Старуха слегка поднимает голову.

—Чего ты хочешь от нас?

—Бабушка! — вскрикивает Эли.

Старуха поднимает руку, чтобы её успокоить.

—Разрушьте проклятие, — прошу я.

—Ещё одна из нас должна будет умереть для этого, — отвечает она. — Мы хотим чего-то большего, чем твоё слово, что всё изменится.

—Вы этого не получите.

Я наклоняюсь вперёд, снимаю китель, расстёгиваю пуговицы жилета и снимаю рубашку под пристальными взглядами ведьм.

Эли делает шаг вперёд, любопытная. Белые брови старухи взлетают вверх.

—Ты встретился с Тарталом.

—Да, и я готов заключить с вами сделку, если вы сможете снять это проклятие.

—Прости, украденный ребёнок, но ни одна из нас не в силах снять такое заклинание. К тому же этот браслет — не доказательство проклятия, а договор. И только тот, кто заключил договор, может его разорвать.

Я щёлкаю языком. Хотя я и ожидал такого ответа, всё равно должен был попытаться.

—А кто-то другой может?

—Возможно.

—Более могущественная ведьма... соргина?

—Возможно, — повторяет она.

Она больше ничего не скажет. Я начинаю одеваться, не переставая говорить.

—Как видите, я уже достаточно обременён, и не уйду отсюда ни с каким кровавым договором, магической сделкой или новым заклинанием. Сделка, которую я предлагаю, даже если она не гарантирует вам ничего, лучше того, о чём вы могли бы просить. И она истекает

На мгновение наступает тишина, и я боюсь, что они откажутся.

—Тогда заключи сделку не за себя. Заключи её за другого человека.

Мои пальцы замирают на последней пуговице жилета.

—Объяснись.

—Пообещай, что зачнёшь наследника с одной из нас.

Женщины за её спиной начинают беспокойно шевелиться. Похоже, они тоже этого не ожидали.

—С ведьмой?

Она едва заметно кивает.

—Твоя принцесса умрёт до восхода солнца, если тебе не удастся снять проклятие, — объясняет она, пытаясь, возможно, мотивировать меня. Она, видимо, не знает, что я и так уже в отчаянии. — Она будет плакать кровью, пока не потеряет зрение, будет видеть чудовищные галлюцинации из своих самых страшных кошмаров, а в конце

боль и страх станут настолько невыносимыми, что она сама лишит себя жизни. Пообещай, что твой наследник будет носить кровь ведьмы, и ты этого избежишь.

Нирида бросает на меня взгляд.

—С любой ведьмой?

—Кириан... — прерывает меня она. В её голосе звучит скрытое предостережение.

—С любой ведьмой, — подтверждает старуха, теперь слегка улыбаясь.

—Почему? — спросил я.

—Потому что так мы будем уверены, что ведьмы и их наследие будут там, где будешь ты, — ответила она. — С небольшой удачей — при дворе.

Я невольно усмехнулся.

Они думают, что с моим обещанием изменить ход событий я собираюсь устроить государственный переворот. Считают, что я захвачу власть.

Я их не разубеждаю.

—Что ж, хорошо, — решил я.

—Кириан! — взревела Нирида с такой яростью, что одна из женщин вздрогнула.

Я махнул рукой, чтобы не придавать этому значения.

—Ты не слышала? Я смогу выбрать ведьму.

Она была на грани того, чтобы ударить меня. Это читалось на её лице, в том, как она смотрела на меня. Но, как и много раз до этого, она сжала кулаки и промолчала.

—Вы выполните свою часть? — спросила она, обращаясь к старухе.

—Да, — подтвердила та. — Я сама наложу заклятие.

—Бабушка! — закричала Эли.

Я встал, игнорируя девушку.

—Что ж, — сказал я. — Бери, что тебе нужно. Мы уходим.

—Я не пойду во дворец, — ответила она, не колеблясь. — Я умру в этом доме. Я приготовлю заклинание, вы заберёте его и оставите моих дочерей и внучек в покое.

Нирида бросила на меня вопросительный взгляд. Я кивнул.

—Давай, — согласился я и снова сел, стараясь сохранять терпение, хотя меня уже некоторое время беспокоит, успеем ли мы.

Одна из женщин схватила старуху за руку и прошептала что-то ей на ухо, с таким же встревоженным выражением лица, как у Эли. Однако старуха быстро справилась с собой, прервав её речь.

—Бабушка... — прошептала та.

—Мы не будем спорить перед предателями, — сурово заявила старуха. — И не будем плакать перед ними, — добавила она, не дрогнув.

Предатели.

Для них мы именно такие. Украденные дети, рождённые в Земле Волков, которые теперь возвращаются, чтобы завоевать земли для Львиных Кланов. Омерзение.

Эли, которая больше походила на готовую заколоть кого-то, нежели заплакать, выпрямилась и гордо подняла подбородок.

Она кивнула. Я снова заметил блеск в глазах Ириды.

Сентиментам здесь не место.

Старуха быстро начала раздавать приказы. С достоинством и решимостью она привела остальных в действие, и вскоре перед нами на столе уже лежало всё необходимое для заклинания.

—Заклинание готово, — сказала она, показывая мне стеклянный флакон с тёмной жидкостью. — Пора скрепить договор.

Она протянула руку ладонью вверх.

—Скажи вслух, что в обмен на это заклинание ты обязуешься иметь единственного ребёнка от ведьмы.

Я протянул руку, но пока не вложил её в её ладонь.

—В обмен на это заклинание, я обещаю иметь ребёнка от ведьмы, которую сам выберу, если ведьма тоже будет согласна.

На лице старухи появилась хитрая улыбка, в которой угадывалось что-то, напоминающее уважение.

—Что ж, хорошо, — решила она.

Меня насторожило, что она так быстро согласилась. Может, есть что-то скрытое в её словах, что ускользнуло от меня?

Я замешкался на мгновение, но, понимая, что времени у нас почти не осталось, наконец вложил свою руку в её ладонь.

—Если ты не выполнишь свою часть договора за три года…

—Десять, — возразил я.

—Пять, — парировала она.

Я кивнул.

Краем глаза я заметил, как Нирида схватилась за голову и отвернулась от нас, вероятно, сдерживая желание выругаться.

—Если ты не выполнишь свою часть договора за пять лет, то и принцесса, и ты умрёте.

—А если я хотя бы попытаюсь… — начал я.

—Нет, украденный мальчик. Одной попытки недостаточно.

—Если за пять лет я не сделаю всё возможное, чтобы зачать ребёнка с ведьмой, которую сам выберу и которая будет согласна… — Я замолчал, ожидая, когда она кивнёт, давая согласие. — Тогда и принцесса, и я умрём.

Произошло это мгновенно. Внезапно я почувствовал покалывание в ладони, укол, от которого моим первым инстинктом было отдёрнуть руку, но я сдержался. Ощущение поднялось по запястью, по предплечью и плечу. Я почувствовал, как оно охватило всё моё тело, а мгновение спустя исчезло.

Она должна быть очень сильной, если этого достаточно для того, чтобы заключить нерушимый договор.

—Договор скреплён, — произнесла ведьма и отняла руку. — Дай этот эликсир своей принцессе, скажи ей очиститься и совершить тёмное подношение после этого, и она выживет.

—Как она должна очиститься?

—Водой.

—Одной ванны хватит? — уточнил я.

Старуха кивнула.

—А тёмное подношение? — продолжил я.

Она улыбнулась.

—Самое простое — предаться такому удовольствию, которое бог Львиных Кланов считает грехом.

—И всё? — переспросил я. — Никаких других условий? Ничего особенного для того, чтобы это сработало?

—Очищающая ванна и акт предания удовольствию, — просто ответила она. — Два действия, казалось бы, противоположные, но находящиеся в равновесии.

Я взял флакон и аккуратно спрятал его во внутренний карман жилета. Затем поднялся на ноги.

—Спасибо, — сказал я ей, стоя у двери.

Ведьма не ответила. Остальные женщины — тоже.

Я уже был готов выйти, когда Нирида подошла к молодой ведьме, к Эли.

—Если когда-нибудь осмелишься выйти на передовую, найди меня. Я капитан Нирида.

—Я никогда не буду сражаться с вами, — с негодованием выпалила она.

—Сохрани этот гнев. Он нам пригодится, — сказала Нирида.

Она одарила Эли очаровательной улыбкой, словно не слышала её слов, и мы оба вышли из дома.

Когда дверь захлопнулась за нами, Нирида преградила мне путь к нашим лошадям.

—Стоило ли оно того? — спросила она. На этот раз в её голосе не было гнева, только разочарование.

Я хотел ответить «да». Хотел сказать, что что-то изменилось, что теперь Лира другая... но промолчал, потому что знал: даже если бы всё осталось по-прежнему, и Лира была бы той же тираничной и капризной девушкой, я всё равно заключил бы этот договор.

—Быстрее, — сказал я. — У нас мало времени.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 13

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

Я слышу крики и мощные голоса, грохот, который вырывает меня из мучительного сна, оставляющего горло пересохшим, а сердце бешено колотящимся. Во сне я вновь вижу ведьм, собравшихся вокруг моей колыбели, и моих родителей, наблюдающих за мной сверху.

Сегодня во сне было что-то такое, что заставило его казаться более реальным. Я почти могу различить черты лица матери. Почти могу уловить её улыбку или взгляд.

Почти.

Я пытаюсь снова закрыть глаза, чтобы ухватиться за последние обрывки сна и вернуться к нему, но дверь за моей спиной приоткрывается, и мне приходится отойти, прежде чем она распахнётся с грохотом. Кириан врывается внутрь как ураган, так быстро, что не замечает меня, сидящую на полу.

По ту сторону двери врач в маске и несколько стражников с повязками и платками, закрывающими лица, захлопывают дверь, испуганные моей близостью.

Кириан нервно осматривается, пока наконец не находит меня взглядом.

В его глазах есть что-то дикое и решительное, что заставляет меня почувствовать, что я окончательно утратила контроль. Так я чувствую себя с ним с самого начала — как на дрейфующем судне без компаса и карты. Ничего, кроме неотвратимой неопределённости волны, такой же жестокой и волнующей, как его взгляд.

Я вижу, что он сжимает что-то в руках.

— Оставь это, — спешу сказать я. — Оставь здесь и уходи. Если они правы, если это заразно…

Кириан хмурится, услышав такие мольбы от Лиры. Возможно, поэтому он так странно смотрит на меня, когда присаживается рядом, чтобы подхватить меня за талию одной рукой, а другой — под ноги, и отнести на кровать.

Когда он оставляет меня там, я невольно задаюсь вопросом, сколько раз он уже делал этот такой знакомый жест.

Он показывает мне флакон, который держит в руке.

— Это снимет проклятие, — говорит он.

— Ты их видел? Ты нашёл ведьм?

Кириан кивает.

— Выпей его. Одним глотком.

Я кладу руку на его пальцы.

— Ты смог снять и своё проклятие?

— Лира, — строго предупреждает он. — Времени мало. Ведьмы рассказали мне, чем закончится эта ночь без исцеления, и это не очень приятно.

Ладно. Полагаю, проклятие Тартало может подождать. Я убираю руку, и он принимает это как знак. Открывает флакон, от которого пахнет словно адским пламенем, и проводит пальцами по моей шее, наклоняя её назад, чтобы помочь мне выпить содержимое.

Когда меня начинает тошнить, он закрывает мне рот ладонью.

— Нет. Нельзя вырвать, другого такого не будет. Ты не можешь, слышишь? Ты должна проглотить всё, Лира.

Его взгляд полон огня, и он так близко… слишком близко.

Я закрываю глаза, когда начинают литься слёзы , и киваю.

Он выливает остатки зелья мне на губы и вновь ждёт, напряжённо наблюдая, пока не проходит несколько мгновений без приступов рвоты.

— Теперь можешь уходить, — говорю я, не сдержавшись.

— Я не уйду, — отвечает он, не задумываясь.

— Если ты ошибся…

— Тогда мы оба умрём, принцесса.

Он внимательно смотрит на меня, словно боится, что вот-вот случится что-то худшее.

— Ты узнал, почему старуха хотела меня убить?

Он колеблется.

— Потому что однажды ты станешь править.

Я всё ещё чувствую горький вкус зелья на языке. Если это правда…

— И другая ведьма согласилась помочь мне? Что она потребовала взамен за исцеление?

— Ничего, что я не был готов отдать.

— Это должно было быть что-то важное, — понимаю я с нарастающим страхом. — Если это зелье могло убить меня, убить будущую королеву, то цена, которую ведьма запросила за спасение, должна была быть огромной.

— Как я уже сказал, — начал он, проводя рукой по моему влажному лбу, — это было нечто, что я мог заплатить.

Он не скажет мне.

— А что с браслетом?

— Она сказала, что не может его снять, и я не стал терять время.

Я снова закрываю глаза. Пальцы Кириана всё ещё держат мою шею. Его большой палец нежно гладит чувствительное место за ухом.

— Ведьмы здесь не такие могущественные, как северные соргиняки. Всё ещё есть шанс, что есть способ, — добавил он. — Они утверждают, что браслет не является частью проклятия, а следствием сделки. Что ты обещала? Что ты дала Тартало?

Чёрт. Это правда. Я помню это, как будто это было целую вечность назад, но это случилось: он видел моё обнажённое тело, изучал его дюйм за дюймом, включая место, где золотой браслет обвивает мою руку.

— Ничего, что я не была готова заплатить, — провоцирую его.

Уголок его рта поднимается в кривой улыбке.

— Какой ты безрассудной и дерзкой была.

Я прикусываю губы, потому что не знаю, как ответить, не дав ему основания для правоты. Лира не стала бы рисковать своей жизнью без причины; и уж точно не стала бы давать столь неопределённое и требовательное обещание, как то, что связывает меня.

Поэтому я промолчу.

— Лира, — шепчет Кириан, спустя мгновение, когда мои глаза начинают закрываться, — кажется, всё прекратилось. Твои глаза больше не кровоточат.

Я касаюсь щек пальцами. Они всё ещё влажные, но мои глаза действительно стали легче, а кровь больше не застилает моё зрение.

Кириан отходит от меня и исчезает в комнате, которую я раньше не замечала. Должно быть, это ванная. Когда он возвращается, я слышу, как льётся вода.

— Ты примешь ванну, — говорит он, — ведьмы сказали, что важно очиститься.

Он смотрит на меня с некоторым сомнением. Кажется, он хочет сказать что-то ещё, но передумывает.

Я не успеваю попытаться встать сама. Он преодолевает расстояние между нами и обхватывает меня за талию, помогая подняться.

— Я справлюсь, всё в порядке, — говорю я, — я могу встать сама.

Думаю, моё упрямство только заставляет его не поднимать меня на руки, но он не отходит. Мы медленно идём вместе, пока не доходим до роскошной и просторной ванной комнаты, украшенной позолотой и множеством деталей. Вдоль стены стоит ванна с длинными золотыми кранами, выполненными в виде мифических существ с разинутыми пастями. Перед зеркалом два умывальника с сияющими кранами, сверкающими под светом канделябров. На стенах висят картины с пасторальными сценами: красивые девушки купаются в озёрах и реках или отдыхают нагими под солнцем.

Хотя с тех пор, как пришёл Кириан, галлюцинации исчезли, я всё равно чувствую себя совершенно истощённой, может быть, даже больше, чем раньше. Не знаю, связано ли это с потерей крови, проклятием или тем и другим сразу, но каждый шаг даётся мне с трудом. Ноги кажутся свинцовыми, мышцы рук сведены судорогой. Возможно, это всё из-за того гриба, который я так опрометчиво съела.

Кириан останавливается напротив меня, пока ванна продолжает наполняться. Я медленно и неуклюже начинаю расстёгивать своё платье.

— Позволь мне, — просит он, не оставляя места для сомнений.

Его пальцы касаются моих, когда он забирает у меня ленты, завязывающие корсет, и начинает их развязывать. Снова он глубоко вдыхает, и мне кажется, что он собирается что-то сказать, но остаётся молчаливым.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я.

— Раздеваю тебя? Ну, не то чтобы это сильно меня беспокоило.

Мне следует замолчать. Прямо сейчас.

— Ты защищаешь меня. Заботишься обо мне. Ты уже сделал больше, чем должен был, пытаясь снять проклятие.

Его пальцы замирают на лентах, едва не касаясь моей груди, когда платье сползает с моих плеч. Он замирает на мгновение, не двигаясь.

— Ты бы поступила так же.

Я в этом сомневаюсь. Очень сильно. Но есть столько вещей, которые я не знаю о Лире… И даже зная, что она умудрилась держать свою связь с Кирианом в тайне, мне трудно поверить, что она могла быть влюблена.

— Это не правда, — отвечаю я.

Кириан коротко, хрипло смеётся.

Он бережно берёт меня за плечи и медленно стягивает платье, почти с благоговением.

— Нет, это не так, — соглашается он. — Или не было так. — Он смотрит мне в глаза. — Потому что теперь ты была бы готова рискнуть ради меня, верно? Разве не это ты сделала с Тартало?

У меня сжимается в груди. Я рискнула. Так сильно рискнула… А он даже не догадывается, насколько.

— Но ты бы поступил так же. Если бы не знал, что я рисковала ради тебя, ты бы всё равно вернулся сегодня в эту комнату, попросил помощи у ведьм и помог бы мне снять платье.

— Безусловно, я бы помог тебе раздеться, — отвечает он, со смехом, за которым скрывает что-то ещё, что беспокоит меня и заставляет сердце биться быстрее.

Кириан отводит взгляд, чтобы полностью снять с меня платье. Он задерживает дыхание, когда ткань падает до моей талии, словно он не видел меня обнажённой раньше, словно это не второй раз за день.

— Ты справишься сама? — спрашивает он.

Я киваю и снимаю оставшуюся одежду. Когда собираюсь войти в ванну, Кириан протягивает мне руку. Я крепко сжимаю его ладонь, твёрдую и уверенную, с длинными, ловкими пальцами, и опускаюсь в тёплую воду с облегчённым вздохом.

Кириан опускается на колени рядом со мной.

— Откинь голову назад, — шепчет он, и я подчиняюсь.

Он проводит рукой за моей спиной и помогает полностью погрузиться в воду, пока она стекает с моих волос, ресниц и щёк, окрашиваясь в красный цвет.

Всё это время меня не отпускает одна мысль, что-то, что меня беспокоит, терзает и вызывает чувство вины.

Я смотрю ему в глаза и задаю вопрос, не слишком долго раздумывая:

— Ты меня любишь?

Кириан поднимает брови и наклоняет голову набок.

— Ого. Сложная тема. Ты действительно, должно быть, потеряна.

— Ты не ответил.

Снова короткий, невесёлый смех вырывается из его уст.

— Имеет ли это значение? Ты многократно давала понять, что не чувствуешь ко мне того же.

Моё сердце начинает бешено стучать. Значит, я была права. То, что было между нами, было лишь физическим. Это действительно похоже на неё, на роль, к которой я готовилась всю жизнь.

— Нет, это не имеет значения, — соглашаюсь я. — Но ты не должен этого делать.

Кириан молчит. Он погружает пальцы в воду и лениво шевелит ими. Мы так долго молчим, что я уже думаю, что он не ответит, когда он вновь смотрит мне в глаза.

— Если бы ты попросила меня об этом несколько месяцев назад, как просила у Источника Слёз, я бы подчинился. Я бы отошёл от тебя и не украл бы тот поцелуй, который ещё не получил, — вспоминает он.

Маленькая улыбка угрожает разрушить всю серьёзность моего лица.

— Почему ты этого не сделал? Что изменилось?

— Я же говорил: Всё ради тебя.

Моё сердце замирает. И начинает биться так сильно, так неистово, что я боюсь, он его услышит.

—После твоего возвращения с фронта мы едва говорили, прежде чем ты принял это глупое решение, — выпаливаю я, с трудом сдерживая все те эмоции, которые пытаются меня захлестнуть.

— И всё же я оказался прав. Тот, кем ты была до моего последнего отправления на войну, не вернулась бы за мной в тот день. Но ты носишь браслет как доказательство того, что изменилась.

Я сглатываю. На этот раз он это замечает. Его взгляд скользит от моего левого запястья к шее, затем к ключицам, после чего снова поднимается вверх, словно лаская, до самых моих глаз.

— Боюсь, дорогой капитан, что однажды я разобью тебе сердце.

Он опирается локтями о край ванны и откидывается назад с лукавой улыбкой.

— Возможно, я разобью твоё сердце, принцесса.

Эта угроза висит в воздухе между нами, и никто из нас не осмеливается её проговорить. Время лениво тянется, пока вода согревает мою кожу, а отдых возвращает мне внутреннее спокойствие.

Кириан встаёт, но не уходит. Он возвращается с несколькими подушками из комнаты. Бросив их на пол, он опускается на них рядом, чтобы подождать вместе со мной, словно опасаясь, что что-то может случиться. Возможно, мне стоит сказать ему уйти, но я тоже не хочу оставаться одна.

Когда вода остывает, Кириан протягивает мне руку и шёлковый халат, и я встаю, пока он опустошает ванну и снова наполняет её горячей, чистой водой, без следов крови — за это я ему благодарна.

Когда я вновь погружаюсь в воду, я всё ещё чувствую слабость и боль, но голова уже не кружится так сильно.

— Что теперь? — спрашиваю я. — Проклятие уже снято?

Кириан смотрит на меня, но тут же отводит взгляд. Он слегка прокашливается.

— Нет.

Я начинаю нервничать от его уклончивого взгляда.

— И что же дальше?

Кириан снова прокашливается, и это окончательно выбивает меня из равновесия.

— Теперь ты должна... как это называла ведьма? — Он поднимает глаза к потолку, а когда снова смотрит на меня, в его голубых глазах я замечаю искорку веселья. — Ах да... совершить акт греховного удовольствия.

Я почти захлёбываюсь.

— Что? — У меня мгновенно пересыхает в горле. — Ты хочешь сказать, что мы должны переспать?

Кириан медленно поднимается с подушек, на которых полулежал, лениво встаёт и оказывается прямо напротив ванны.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Иларги

На языке магии «Иларги» означает «свет мёртвых».

Она — одна из первых дочерей Мари (хотя была и другая, которую Мари любила ещё больше), и её обязанность — сопровождать умерших на ту сторону. Смертные верят, что небо — это пещера, в которой живёт Мари, и что там их любимые находят вечный покой. Живой человек не может найти её, а даже после смерти ему нужен свет Иларги, чтобы добраться до неё.

Чистилище — это блуждание в темноте в поисках пещеры, а ад — это вечное блуждание без возможности её найти.

Львы верят, что Иларги — это всего лишь луна, а рай существует, но души смертных после смерти ведёт туда Бог.

Согласно их религии, ни одно существо, рождённое с магией, даже если оно отвергает и отрекается от неё, не может войти на небеса и обречено вечно скитаться в бесконечной ночи.

Маленькая девочка, которую теперь называют Лира, видит, как привозят тело молодого человека из Ордена. Его везут на телеге, едва прикрытого одеялом, испещрённым пятнами, которое не может полностью скрыть обугленную руку.

Его сожгли.

Это наказание для тех, кто практикует магию.

Верховный жрец, который приказал его казнить, так и не узнал, что он собой представлял. Он просто знал, что тот занимался магией, по доносу. И никакой суд не смог защитить его до того, как его казнили.

Он прожил всего несколько недель после того, как в Ордене его попросили ампутировать руку для продолжения миссии, а он отказался. Они всегда могут отказаться.

Лира задаётся вопросом, что будет с ним теперь, когда его тело мертво. С момента их вступления в Орден им говорили: снаружи их обвиняют в колдовстве и убивают за то, что они получили свои силы от языческих богов.

Она думает, глядя на тело, покачивающееся на телеге, что она никогда не просила у языческих богов этих способностей; даже разрешения на это не давала.

Её наставник, который редко проявляет к своим ученикам какое-либо тепло, кладёт руку ей на плечо и говорит, что единственный способ искупить вину — это посвятить свои способности служению Ордену.

Лира понимает, что должна победить. Она принимает это как единственный выбор. Если она проиграет, она потеряет всё.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 14

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

Мне на мгновение приходит в голову немного её поддразнить и сказать «да», но сам я немного обеспокоен всем, что произошло этой ночью, и решаю этого не делать.

—На самом деле, неважно, с кем ты переспишь, — объясняю я. — Думаю, тебе даже не нужно с кем-то спать. Понимаешь?

—Нет, — отвечает она.

Я невольно смеюсь. Её лицо выражает раздражение.

—Ведьма говорила о равновесии: очищающий ритуал в ванне и поступок, который Львы посчитали бы порочным, греховным. — Я пожимаю плечами. — Она дала понять, что неважно, как ты это сделаешь, но это должно быть... тёмным, запретным.

—Ты действительно об этом думаешь?

Она явно зла.

—Я не думаю, я знаю. Просто расслабься, подумай о чём-то порочном и... ну, ты понимаешь.

Лира пристально смотрит на меня. В этот раз я не могу прочитать её мысли.

—Я уйду, если не нужен тебе, — провоцирую я ее и улыбаюсь своей самой лукавой улыбкой.

Лира делает глубокий вдох, её грудь слегка поднимается, и происходит то, чего я не ожидал.

—Сядь, — просит она.

Я замираю.

—Магия использует силы природы, — говорит она, вновь делая глубокий вдох. — Тебе это сказали, потому что ведьмы используют разные ритуалы для направления энергии, и один из самых распространённых — это сексуальное наслаждение.

—Откуда ты это знаешь? — Я приподнимаю брови.

—Сейчас это важно?

Я снова оглядываю её, лежащую в ванне, едва прикрытую водой, с волосами, обрамляющими её лицо, которое начинает покрываться лёгким румянцем.

—Правда, не важно.

—Отлично. Тогда мы согласны. Сядь.

Её властный тон вызывает во мне нечто. Моя горло пересыхает, и я повинуясь, сажусь, как будто у меня нет выбора.

Я возвращаюсь на своё место у ванны и сажусь на мягкие подушки, которые могли бы быть удобными, если бы не напряжение, овладевшее мной.

Я наблюдаю, как Лира откидывает голову назад, слегка поворачивает её и бросает на меня взгляд, который может разрушить город.

—Я не собираюсь просить тебя переспать со мной, потому что это было бы неправильно.

Я снова хочу спросить «почему», но боюсь, что не способен сейчас этого сделать.

—Хорошо.

—Но мне нужно, чтобы ты помог мне.

Я сглатываю. Не могу усидеть на месте. Пытаюсь выдавить дерзкую улыбку, но вряд ли она кого-то обманет.

—Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал.

—Останься, — просит она. — Просто останься. Думать об этом, представлять это… достаточно греховно.

Тогда я замечаю её движение, как она скользит рукой под воду, а её дыхание становится глубже.

—Почему? — спрашиваю я. Мой голос охрип. — Почему это было бы грехом?

—Не могу тебе сказать, — отвечает она, закрывая глаза, но тут же открывает их, чтобы снова встретиться со мной взглядом.

Она тяжело вздыхает и прикусывает нижнюю губу, словно пытаясь удержать свои эмоции.

Чёрт. Чёрт.

—Я ничего не понимаю, — произношу я, не веря, что вообще способен говорить.

Я двигаюсь, всё больше нервничая, и по взгляду Лиры вижу, что она тоже заметила моё явное смятение.

—Это было бы неправильно, и всё. Тебе не нужно знать ничего больше. Ты мне доверяешь?

—Да, — отвечаю я.

Она коротко смеётся, звонко и легко, с ноткой игривости, от которой у меня мурашки по коже.

—Напрасно.

Лира закрывает глаза, откидывает голову назад и погружается чуть глубже в воду. Кожа её коленей поблёскивает в золотом свете свечей, как и обнажённая грудь, плечи и шея, которую мне так хочется поцеловать.

—Чёрт, Лира…

—Не произноси моего имени, — прерывает она меня.

—Почему?

—Просто не произноси, — повторяет настойчиво она , и я не задаю вопросов. — Просто… просто останься, смотри на меня…

Из моих уст вырывается слишком хриплый смешок.

—Это убивает меня, — признаюсь я.

Я больше не задаюсь вопросами и ни о чём не думаю, потому что она лежит обнажённая в этой ванне, её рука скользит между ног, и она думает обо мне, а я здесь, не веря, что до сих пор сижу на месте, что не встаю, что не прошу её позволить мне прикоснуться к ней так, как она это делает…

Мне начинает казаться, что это наказание, придуманное специально для меня, когда Лира снова смотрит на меня, её глаза слегка блестят.

—Никто не просил тебя просто наблюдать.

Я почти вскакиваю с места.

—Нет, — улыбается она. — Оставайся там.

Мне нужно несколько секунд, чтобы это осознать. Затем сердце начинает биться быстрее.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 15

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Лиобе.

Я могу потерять сознание.

Прямо здесь. Сейчас. Когда Кириан делает резкий вдох, сглатывает и тянется к ремню.

Это неправильно… но мне это безумно нравится. Если то, что мы делаем, не является погружением в запретное наслаждение, я не знаю, что может быть ещё более греховным.

Я следую за его руками, когда он расстёгивает ремень, затем штаны, и у меня перехватывает дыхание при виде того, как сильно его возбуждает то, что я ему показываю.

Я с трудом подавляю ругательство.

Он смеётся, довольный, и расслабленно откидывается назад, раскинув мощные руки и ноги. Его лицо выражает что-то настолько порочное, что тёплая волна проходит по моему телу, и я невольно думаю, каково было бы сидеть на нём или чувствовать его вес на себе.

—Ты могла бы попросить меня поцеловать тебя прямо сейчас, — мурлычет он. — Кажется, это хороший момент, чтобы оплатить свой долг.

От его взгляда я немного извиваюсь. Я чувствую, как нервы натягиваются, почти до предела, пока продолжаю водить пальцами круги, представляя, каково было бы, если бы это делал он.

—Тебе бы этого хватило?

Кириан смеётся, и этот низкий, ленивый смех вызывает у меня мурашки по всему телу.

—Для начала, да. Потом я бы поцеловал твою шею. Опустился бы ниже, к ключице… — Его глаза беззастенчиво следуют за тем маршрутом, который он описывает. — Я бы уделил время твоей груди. Поцеловал бы живот, пупок и ниже… между ног. Я делал бы это медленно, снова и снова, пока ты не попросишь меня остановиться.

Из моих губ вырывается стон, который я тщетно пытаюсь сдержать, а он отвечает хриплым, животным рычанием, пронизывающим меня до глубины души.

—Я сдержусь, капитан, — уверяю его.

Он смеётся, потому что знает. Знает, что я не уступлю, хотя и не может понять, почему. Он просто пытается вывести меня из равновесия, или, может быть, хочет довести меня до предела, который я начинаю достигать.

Он продолжает прикасаться к себе, не сводя с меня взгляда, и в этом есть что-то запретное, от чего я сжимаюсь и одновременно таю от удовольствия.

—Недавно ты сказала, что я не смогу тебе помочь, потому что ты делаешь это лучше меня. — Это правда. Я помню. Это было после того, как он пробрался в мои покои. В ту ночь я попросила его отвезти меня на север. — Это правда? Тебе больше нравится, когда ты делаешь это сама?

Я сглатываю, внезапно не зная, как продолжить этот разговор, так как каждая инстинктивная часть моего существа хочет проверить то, о чём он спрашивает.

—Это… по-другому.

Кириан склоняет голову набок и несколько секунд разглядывает меня, прежде чем ухмыльнуться.

—Я бы хотел, чтобы ты объяснила, чем. Не представляешь, что бы я отдал за то, чтобы подойти и посмотреть, что именно ты делаешь и чего хочешь от меня.

Я закрываю глаза, не в силах больше выдерживать его взгляд, и подавляю проклятие.

—Посмотри на меня, — просит он. — Посмотри. Разве не для этого я остался?

Я подчиняюсь, потому что это правда. Его образ, когда он доставляет себе удовольствие, — это квинтэссенция запретного, греховного и порочного.

Я осознаю, что Кириан повторяет мои движения, внимательно следит за каждым моим жестом, паузой и сомнением, и в этот момент всё взрывается.

Это безудержный, всепоглощающий разрыв, уничтожающий всё вокруг, оставляя только образ Кириана, который трогает себя, смотрит на меня… такой же потерянный, как и я.

Я кусаю губы, чтобы не закричать, и тут слышу его — рычание, перемежающееся со стоном, пронизывает каждую клетку моего тела.

Слышно только его тяжёлое дыхание, моё дыхание, тихий плеск воды и облегчённый вздох, когда Кириан выпрямляется, вытирается и одевается, пока я всё ещё нахожусь в ванной.

Тёплое ощущение, окутывающее моё обнажённое тело, смешивается с чувством вины, пока я постепенно осознаю, что только что произошло.

Когда Кириан подходит и протягивает мне ту же одежду, что и раньше, я понимаю, что покрасневшее лицо уже не имеет никакого значения.

Я поднимаюсь, покрываю себя одеянием и встречаю его ледяной взгляд в молчании.

Хотя, по крайней мере, он тоже вспотел.

—Если ты когда-нибудь упомянешь об этом снова, я убью тебя.

Улыбка трогает левый уголок его губ — тех губ, которые я хотела бы ощутить на своей коже.

—Уверен, что убьёшь, — весело отвечает он. Замолкает на мгновение, а затем вздыхает. — Я рад, что тебе лучше.

Тепло возвращается к моим щекам, но уже по другой причине, и я отвожу взгляд.

Принимаю его руку, чтобы выйти, и возвращаюсь в спальню, на этот раз без посторонней помощи.

Как только мне удаётся сесть на край кровати, усталость наваливается на меня, и я падаю на спину. Если бы не присутствие Кириана, который стоит рядом, я бы мгновенно уснула.

Меня пугает мысль, что когда туман усталости и слабости от заклинания рассеется, придёт глубокое чувство стыда и угрызения совести, с которыми будет трудно справиться.

Я чувствую, как матрас прогибается рядом со мной, и, готовясь к очередной провокации, которая, скорее всего, меня смутит, поворачиваюсь и вижу, что на этот раз Кириан не улыбается. У него нет того дерзкого, немного насмешливого выражения лица, которое всегда выводит меня из себя.

—Кто такой Элиан? — внезапно спрашивает он.

У меня пересыхает в горле.

—Что? — переспрашиваю я, надеясь выиграть немного времени.

Однако мой затуманенный разум в панике.

—Ты повторяла его имя. Когда бредила в таверне, а потом, когда мы несли тебя сюда… ты говорила его вслух.

Я готовлюсь солгать, придумать правдоподобную и быструю историю, которая соответствовала бы роли, к которой я готовилась десятилетие.

Однако, встретившись с его взглядом, отвечаю:

—Друг, который умер.

Страх поднимается из глубины моей груди. Он ползет вверх по трахее и цепляется за темный уголок внутри, заставляя мой голос дрожать.

— Друг? — удивляется Кириан, потому что он так же хорошо, как и я, знает, что у Лиры не было настоящих друзей.

Мне не следовало рассказывать ему это.

— Это было несколько лет назад, когда ты был на севере. Ты не успел с ним познакомиться.

— Что случилось? Почему это тебя так… мучило.

Кириан не отрывает от меня глаз, смотрит так внимательно, словно пытается увидеть всё, запомнить каждый жест, каждую деталь, и я чувствую, что ему не всё равно… или, по крайней мере, что Лира ему небезразлична.

Но сейчас Лира — это я.

Я сглатываю.

— Ошибка врачей.

Такие слова — всего лишь эвфемизм.

Элиан был претендентом на замену одного из Львов, младшего сына одного герцога, который мог бы стать влиятельным в будущем. Во время одного из испытаний он упал с лошади и получил рану на ноге, которая затем загноилась. Врачи рекомендовали ампутацию. Это было единственным правильным решением. Они настаивали на этом день за днём, пока гангрена распространялась. Но если бы Элиану ампутировали ногу, он уже не смог бы заменить сына герцога … да и никого другого. Поэтому руководители Ордена отказались от лечения.

— Ты это… видела? — спрашивает он с такой жалостью, которую я не думала, что Кириан способен проявить.

— Я слышала, — отвечаю.

— Это было неприятно.

— Это и было неприятно. Элиан… я думаю, что он… винит меня в своей смерти.

— Это была твоя вина?

Я качаю головой. Мне нужно замолчать, перестать выдавать столько подробностей и информации, которую легко проверить; но я не могу остановиться.

— Нет. Это не была моя вина, но я ничего не могла сделать. — Я закрываю глаза, сдерживая слёзы. — Если бы у меня тогда была сила, которую я имею сейчас, если бы я хоть немного боролась, может быть, врачи…

Я замолкаю, потому что знаю, что так думать — абсурдно.

Они позволили Элиану умереть, потому что он стал бесполезен для миссий, и его смерть была столь же не значима, как и его жизнь. Мы, Вороны, — создания магии, порождения запретного искусства, и единственный способ искупить это — служить Ордену, применяя свои дары. Орден нашёл способ придать нашей магии благородное применение, ведь за её пределами, на острове Воронов, нас казнили бы за неё.

У меня никогда не было силы, чтобы изменить судьбу Элиана. У меня её не было тогда и не было бы сейчас, даже если бы я была Лирой. Само мое существование —

смертный грех. Более того, если бы шрам за моим ухом был на другом месте, меня бы тоже давно не было в живых, и я не разговаривала бы сейчас с Кирианом . Они бы без колебаний пожертвовали мной.

— Зная тебя, мне сложно поверить, что ты могла бы сделать что-то ещё. Уверен, ты сделала всё, что могла, — спокойно говорит он. — Он был хорошим другом?

Какая ужасная глупость — ответить на этот вопрос.

— Лучшим, — честно признаюсь.

Я чувствую себя уязвимой, словно меня разоблачили. Я почти не знаю Кириана, едва догадываюсь о связи, которая связывала его с настоящей Лирой, и не должна была делиться с ним информацией, которую он, возможно, сможет проверить и понять, что я уже несколько месяцев обманываю всех.

Но сегодня я едва не умерла, вспомнила о том, как бессмысленно и жестоко потеряла друга, и всё остальное перестало иметь значение.

— Возможно, тебе стоит сказать тем, кто запер нас здесь, что это не заразно, — предлагаю я, прежде чем он продолжит расспрашивать.

Он встаёт, проводит рукой по волосам и быстро смотрит на дверь.

— Да. Возможно, так и лучше.

— Кириан, — останавливаю я его. Он оборачивается, в ожидании — Скажи им, что завтра я встречусь с лордом этого замка, чтобы обсудить, как поступисть с этой ситуацией.

На его губах появляется зловещая улыбка. Он кивает.

Ему не удаётся сразу выйти. Ему приходится настоятельно просить, прежде чем, наконец, дверь открывают и его отпускают.

Я благодарю тишину и одиночество, а когда мои мысли успокаиваются и тело начинает восстанавливаться, я погружаюсь в сон.

Этой ночью я сплю урывками, чувствуя слабость и жар. Сквозь сны и кошмары я снова думаю о том, как Кириан аккуратно раздевает меня, как он смотрит на моё тело, и понимаю, что часть меня готова встретить любые угрызения совести, с которыми я столкнусь на утро.

Мы продвигались так быстро, как только позволяла нам толпа. Вчера мы потеряли целый день, так как я была слишком слаба, чтобы продолжить путешествие. Сегодня мне всё ещё трудно держаться на коне, мышцы болят, а всё тело отчаянно просит свернуться калачиком на первой же более-менее мягкой поверхности, которую удастся найти. Но времени на отдых больше нет.

Вчера я проспала почти весь день, а в редкие моменты бодрствования я не упустила случая выразить своё глубокое разочарование герцогу, который управляет этим городом. Я пообещала, что их величества узнают о его методах правления.

Кириан весь день был недосягаем. Когда утром я спросила, связано ли это с ведьмами и платой, которую ему пришлось заплатить, он отказался отвечать. Возможно, так и лучше. В те моменты, когда я была в бреду, я рассказала ему слишком много. Эти признания всё больше отдаляли меня от образа Лиры, который он себе создал, и опасно приближали к тому, чего он действительно хотел.

Настоящая Лира не стала бы беспокоиться о цене. Мне тоже не стоит.

— Что происходит? — спрашиваю я, перекрикивая шум толпы.

Нас не так много, но мы привлекаем достаточно внимания, чтобы люди обычно уступали нам дорогу. Но теперь мы не можем продолжать движение.

Кириан отвечает, не поворачиваясь ко мне.

— Ведьма.

Холодок пробегает по моей спине, и я наклоняюсь вперёд, чтобы между людьми рассмотреть, как женщину поднимают на деревянную платформу и загоняют в клетку.

Это место позора для воров и убийц, прежде чем их ведут на суд, где им предстоит заплатить за свои преступления. Я никогда не видела человека в одной из этих клеток, и зрелище, честно говоря, пугает.

Женщина цепляется за прутья, пока стражники запирают дверь на замок, а её мольбы звучат сквозь шум толпы, постепенно стихая, пока не остаётся только её тихий плач.

— Пойдёмте отсюда, — прошу я. — Пожалуйста.

Нирида бросает на меня взгляд, затем кивает и направляет своего коня вперёд. Некоторые из её людей кричат, приказывая толпе расступиться.

Эту женщину оставят под открытым небом на всю ночь, даже если зима убьёт её раньше, чем начнётся суд. Всем, кто будет проходить мимо, позволят увидеть её в худший момент её жизни, осудить её, посмеяться, пожалеть или испугаться. А завтра, если она всё ещё будет жива, её приговорят за колдовство, потому что для вынесения приговора достаточно двух свидетельств.

Когда мы проезжаем мимо платформы, я, несмотря на то, что женщина рыдает, стоя на коленях в пространстве слишком тесном для того, чтобы встать, стараюсь не смотреть на неё. Я отвожу взгляд, сдерживаю подступающую тошноту и продолжаю ехать дальше.

Когда мы выезжаем за пределы города, Кириан предлагает сделать привал, и капитан Нирида соглашается.

Я так устала, что даже не могу скрыть, как сильно это меня радует. На этот раз мы останавливаемся в маленькой гостинице, и я сразу иду спать, как только мы с Кирианом оплачиваем две комнаты с общими дверями. У меня нет никакого желания осматривать это место и снова сталкиваться с неприятными сюрпризами.

Когда я просыпаюсь и обнаруживаю, что на улице уже стемнело, я прошу принести ужин в комнату. Слуга, который его принёс, только что ушёл, как вдруг раздаётся новый стук в дверь. Открыв её, я вижу Кириана, который заходит без приглашения.

Я уже готова сделать ему замечание, но понимаю, что никакие слова не будут иметь ни малейшего толка.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю, не закрывая дверь.

Я надеюсь, что открытая дверь станет для него достаточным намёком на то, что пора исчезнуть.

Кириан приподнимает брови, но, похоже, не понимает намека. Он снимает камзол, под которым оказывается красивый жилет с тёмно-синей оторочкой и белая рубашка, подчёркивающая его смуглую кожу.

Он сам протягивает руку, закрывает дверь и даже не утруждает себя объяснениями.

Его взгляд перемещается на ужин, который стоит на столе у окна.

— Ну надо же, — дразнит он, — как любезно с твоей стороны. Не стоило утруждаться.

Он бросает камзол на стул и, не церемонясь, садится. Его пальцы тут же тянутся к тарелке с ароматными жареными овощами, которые выглядят весьма аппетитно.

Я с тяжёлым вздохом сдаюсь и тоже иду к столу. Беру одну из нарезанных морковок и откусываю кусочек.

— Я кое-что тебе принёс, — говорит он, жуя овощи. Он засовывает руку во внутренний карман жилета и кладёт что-то на стол.

Это кулон.

Я замечаю, что он наблюдает за мной, ловит каждый мой жест, пока я беру верёвочку пальцами и поднимаю кулон, чтобы рассмотреть поближе.

По цвету и блеску он похож на лунную сталь. А с таким дизайном и деталями… он наверняка стоило целое состояние.

Форма напоминает цветок: округлый центр и лепестки по краям.

Я осторожно смотрю на него, потому что знаю, что это такое, или, по крайней мере, знаю, что это символизирует, и это вовсе не цветок. Но я не уверена, должна ли Лира знать об. Все мои познания, всё, что я изучала, подсказывают мне, что я должна удивиться, но пристальный взгляд Кириана заставляет меня замешкаться.

Поэтому я молчу. Кулон остаётся в моих пальцах, и я с трудом удерживаю его, встречая пристальный взгляд синих глаз.

— Тебе следует его надеть.

Он тщательно подбирает слова. Он перестал есть и даже не пытается делать вид, что отвлечён на еду. Всё его внимание сосредоточено на мне, на том, что происходит между нами.

— Зачем?

— Потому что он защитит тебя, и ты это знаешь.

Значит, он знал. Лира была знакома с этой языческой традицией, и по тому, как осторожно Кириан подбирает слова, он явно считает, что такое предложение её возмутит.

Хорошо. По крайней мере, я подготовлена к этой роли.

Я кладу кулон на стол, как будто он обжигает мне ладонь.

— Ты должен немедленно бросить его в огонь, — говорю я. — С магией не шутят.

— Это лунная сталь; огонь не разрушит её. И эгузкилоре — это не магия, Лира, — отвечает он решительно. — Это защита от проклятий.

Значит, я была права. Сталь представляет собой тот самый цветок, который язычники вешают на двери своих домов для защиты. Легенда гласит, что смертные попросили Мари, мать всех богов, защитить их от Гауэко, повелителя тьмы и всех тёмных существ. Она послала им своих дочерей: Иларги - луну, и Эгузки - солнце. Днём люди были в безопасности, но света Иларги не хватало, чтобы защитить их ночью, и тогда Мари благословила их эгузкилоре, «цветком солнца», который, висев на дверях, оберегал обитателей домов в темноте.

Этот медальон, вероятно, имеет ту же цель.

— И как ты думаешь, откуда берётся эта защита?

Кириан опирается локтями на стол и наклоняется ко мне.

— Разве это важно, если это убережёт тебя от проклятий?

— Цену, которую платят соргиняк, чтобы это сделать, вот что предотвратит проклятие, — отвечаю я.

— Они уже были готовы заплатить её однажды. Если они вновь найдут нас, прежде чем мы доберёмся до Эрэа, они сделают это снова. Надень его, — просит он.

Он прав. Объективно говоря, нет причин отказываться от защиты, даже если она исходит от самих соргиняк. Однако я знаю, что сказала бы Лира.

— Ты понимаешь, что с нами сделают, если кто-то увидит это у нас? — шепчу я.

На его губах появляется волчий оскал.

— Убьют всю нашу семью?

Я сглатываю, удивлённая резкостью его слов и тем, что они подразумевают. Прежде чем я успеваю найти способ уйти от этого разговора, явно понимая, что не владею всей информацией, он опережает меня.

— Носи его под одеждой, пока мы на севере, а когда вернёмся во дворец, выбрось. Никто об этом не узнает.

Я смотрю на него несколько секунд, но не беру амулет.

— Он действует так же, как настоящий эгускилоре? — уточняю я.

— Это амулет, — отвечает он. — Точно так же, как высушенный эгускилоре, висящий на двери, защищает дом от злых духов, этот защищает того, кто его носит, от магических сил, которые хотят навредить. Я не знаю… Не знаю, насколько его сила реальна, но это лучше, чем ничего.

Я поднимаю бровь.

— Так это вполне может быть сувенир для туристов.

— Это не так, — уверенно говорит он . — Женщина, которая продала его мне, была сведуща в колдовстве.

— И всё же ты не выдал её властям, — возражаю я. — Не очень убедительно для капитана короля.

Кириан хмурится, раздражённый. Он кладёт мощную руку на кулон и сдвигает его по столу прямо ко мне.

— Делай что хочешь, но если они снова наложат на тебя проклятие из-за того, что ты отказалась носить этот чёртов кулон, никто не станет снова договариваться с ведьмами, чтобы спасти тебя.

Он резко встаёт, берёт свой камзол и выходит из комнаты с громким хлопком двери, даже не надев его.

Как только я остаюсь одна, снова осматриваю кулон — эгускилоре из лунной стали. Я верчу его в пальцах, восхищаясь деталями: неровными выемками, каждая из которых уникальна, и ощущаю ту опасность от которой лучше бежать.

Мой взгляд падает на багаж, где лежат мои флаконы с ядами и противоядиями. Каждые несколько дней я продолжаю принимать небольшие дозы яда фиолетового гриба, токсина серебряного паука и ядовитого плюща. Иногда это вызывает рвоту или оставляет меня слабой и дезориентированной. Однако строгий режим выработки иммунитета к ядам не спас меня от проклятия.

Я надеваю кулон и прячу его под рубашку.

Добро пожаловать, под защиту матери всех богов.

Мы отправляемся в путь вскоре после восхода солнца. Я уже морально готова к тому, что увижу на площади, и готова отвернуться, сжав зубы и преодолев отвращение.

Однако неожиданно меня привлекает пустая клетка.

Можно было бы подумать, что её уже отвели на суд, но замок взломан и валяется на земле. Однако это не самое примечательное.

На земле, у подножия платформы, среди грязных луж на тротуаре, лежат два трупа стражников, убитых холодным оружием — характерный разрез на их шеях не оставляет сомнений.

Ни один из сопровождающих нас солдат не выглядит удивленным. Даже Нирида бросает на них лишь мимолётный взгляд. А Кириан шагает вперёд, словно ничего не произошло.

Я внимательно слежу за ним, пока он не замечает мой взгляд. Он оборачивается, и наши глаза встречаются в странном, тяжёлом молчании, полном тайн, которые, возможно, я и не хочу раскрывать.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 16

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Белизибай.

После того, как мы пересекли Лиобе и прошли земли Белизибай, делая привалы в лесах и постоялых дворах, сегодня мы наконец-то добрались до границы с Эреей.

До нашего дома.

Эрея была одной из первых, кто пал. После убийства королевской семьи и похищения наследников королевство ещё оказывало сопротивление, но вскоре было полностью завоёвано. Свободная Территория Волков теперь представляет собой лишь небольшой клочок земли на востоке континента.

Лира едет прямо, с гордой осанкой. На её лице не отразилось ни малейшего изменения с тех пор, как мы начали приближаться к этому столь знакомому месту.

Последний раз, когда она была здесь, ей было девять лет, и тогда только что убили её родителей. Я возвращался сюда гораздо чаще с тех пор, но всё ещё помню свой первый визит после того, как меня забрали ко двору Львов, и не могу отвести от неё глаз.

Тем не менее, на неё это, кажется, не оказывает никакого влияния. Она уверенно держит поводья и не колеблется ни на секунду, когда мы подходим к стенам.

Последний раз, когда она видела эти ворота, на них был изображён волк, воющий на луну. Теперь же на дереве вырезан королевский герб льва вместе с вертикальным символом двухглавой змеи. Если её впечатлили эти изменения, она не даёт этому проявиться. Ни жеста, ни гримасы.

Да я и не ожидал большего.

Я всё ещё помню, как увидел её впервые после того, как нас разлучили. От той девочки, которая крепко держалась за мою руку, осталась лишь оболочка; пустая скорлупа, наполненная ложью, страхом и расплывчатым обещанием мирной жизни.

Когда нам разрешают войти, мы без промедления направляемся ко дворцу. Последние часы были тяжёлыми: вечный путь под проливным дождём Эреи, который зимой настолько холоден, что может превратиться в снег в любую минуту.

Даже когда она стоит в насквозь промокшей одежде в вестибюле дворца, Лира демонстрирует, что она рождена править, держа руки скрещёнными на бедрах и высоко подняв голову. Бахам, герцог Эреи и грозный воин, столь же умелый в обращении с мечом, сколь и глупый, спешит встретить нас, несмотря на поздний час. Это лишь ещё одно подтверждение того, какую власть имеет Лира, даже до того, как выйдет замуж за наследника Львов.

Слуги торопятся подготовить наши покои, выбранные герцогиней Заниах — женщиной столь же глупой, как и её муж, которая впервые ступила на север, когда Моргана передала им регентство над этой территорией.

Она наверняка не знает, что покои, которые она занимает, принадлежали родителям Лиры. И, скорее всего, ей не известно, что на той же кровати, где она сейчас спит, перерезали горло матери Лиры.

Герцог с герцогиней сопровождают нас до тех пор, пока мы не устраиваемся. Лире отдают самые роскошные покои, Нириде и мне достаются не менее великолепные комнаты, а нашим солдатам разрешают остаться во дворце, на том же этаже, где спит

привилегированная часть прислуги, потому что Нирида отказывается расставаться с нашей охраной.

Лира тут же извиняется, сославшись на усталость, и уходит в свои покои. Мы не обменялись ни единым словом.

Капитан и я принимаем предложение поваров приготовить что-нибудь для наших людей, и терпеливо ждём, пока они принесут нам рагу с олениной. Похоже, что повара тоже из королевства Львов, ведь на севере мы никогда не охотимся на косуль, лосей или благородных оленей. Некоторые боги предпочитают принимать их облик, и есть этих животных среди нас считается крайне неприличным.

Поэтому ужин затягивается дольше, чем ожидалось.

— Эй. — Нирида, сидящая напротив меня за длинным столом в обеденном зале, бросает в меня булочку, которая попадает мне в подбородок. — Как ты?

Я не сразу понимаю, на что она намекает, пока она не делает взглядом жест, охватывающий комнату, слуг, дворец...

Я был так сосредоточен на Лире, что даже не подумал о том, как чувствую себя сам.

Возможно, это и к лучшему.

— Сегодня мне нужно лишь сидеть за их столом и улыбаться. Уничтожать свой народ было намного неприятнее.

Нирида снова кидает в меня булочку, на этот раз с такой силой, что это больше похоже на дружеский вызов.

— Как ты? — повторяет она.

Я тяжело вздыхаю. Она права. Я думал, что вернуться на свою землю, чтобы завоевать её для тех королей, которые приказали убить мою семью, будет самым сложным, но есть в этом акте нечто более жестокое — войти во дворец, официально поприветствовать герцогов, сесть за их стол и есть их еду.

— Со мной всё в порядке, — отвечаю я. — Хотя Лира...

Нирида фыркает. Прежде чем я успеваю что-то ей сказать, она опирается локтями на стол и склоняется к нему так, чтобы солдаты вокруг не могли нас услышать, хотя все они слишком увлечены едой и разговорами, чтобы обратить на нас внимание.

— Лира сейчас, наверное, спокойно спит, не думая ни о брате, ни об убийстве своих родителей, ни о собственном похищении. Она приехала на север, чтобы что-то доказать, и, судя по её сегодняшнему поведению, у неё это неплохо получается.

Я откидываюсь на спинку стула, не зная, что на это ответить, и без аппетита ковыряю рагу.

— Тебе стоит сейчас думать о том, как снять проклятие Тартало, пока эта штука не отрезала тебе руку. — Она бросает взгляд на мой бицепс.

Я понимаю, что Нирида не знает того что, вероятно, её сильно разозлит. Я улыбаюсь и тоже наклоняюсь к ней.

— Кстати о Тартало. Знаешь, у кого ещё есть такой же браслет, как у меня?

Её лицо хмурится настолько, что, кажется, ей это доставляет физическую боль.

— Что ты хочешь сказать? — Я отвечаю ей самодовольной улыбкой. — Должно быть, это ошибка.

— Ошибка — получить на руку магический браслет, который, возможно, убьёт?

Она фыркает.

— Если она тоже проклята, значит, Тартало настиг её до того, как она успела убежать. Более того, возможно, ты обязан своим проклятием ей.

— Я обязан ей жизнью, — возражаю я. — И это не проклятие. Это сделка. Ведьмы так и сказали. Лира, должно быть, заключила с Тартало договор в обмен на то, чтобы меня отпустили.

Лицо Нириды слегка смягчается, но мне это нравится ещё меньше, потому что в её взгляде появляется жалость.

— Как всегда, всё, что её окружает, полно тайн, полуправды и неопределённости.

Я тяжело вздыхаю и встаю.

— Думаю, я на сегодня закончил, — прощаюсь с нашими людьми. — Нирида.

— Ты ведь не в свои покои идёшь, верно? — спрашивает она с укором.

Я не утруждаю себя ответом. Лишь делаю ей прощальный жест и поступаю именно так, как она ожидала. Но сначала я блуждаю некоторое время по коридорам дворца.

В крыле, отведённом для придворных на первом этаже, комнаты остаются открытыми… и пустыми. За многими дверями скрываются только покрытые тканью от пыли мебель и воспоминания о днях былого уюта, когда во дворце царила суета в преддверии праздника Оцайла, Месяца Волков. Мне практически не встречаются аристократы, за исключением тех, кто собрался в одной из комнат, чтобы поиграть в карты, и дамы, читающей в другом помещении, где две её подруги тихо беседуют.

Когда я подхожу к двери в конце коридора, я на мгновение замираю. На резьбе по дереву изображена история этого рода: битвы, завоевания, сделки и союзы… Важнейшие события династии, которая завершает свой путь с Лирой и её братом.

Львы, должно быть, даже не заметили этого. Иначе они бы уже превратили эту дверь в дрова для зимнего костра.

Внутри находится тронный зал.

Мне нужно несколько секунд, стоя на пороге, чтобы привыкнуть к темноте. Вижу одинокий трон вдали, черную пустоту за огромными окнами… и в мыслях оживает воспоминание о том же зале более десяти лет назад: февральское солнце, согревающее беломраморный пол, снег, скапливающийся у стекол, тихие звуки музыки, смех и оживленные разговоры. Подданные стоят по бокам, родители Лиры сидят на двух одинаковых тронах, её брат гордо стоит рядом, а Лира рядом со мной, и я с честью веду её к ним. В тот раз именно она объявляла начало праздника Оцайла. Её детский голос не дрожал, она говорила уверенно, и все разразились аплодисментами, когда она закончила. Отец нарушил протокол и усадил её к себе на колени, а мать, ласково кивнув мне, шепнула на ухо, что я прекрасно справился.

Почти слышу, как аплодисменты растворяются в черноте, окутывающей тронный зал. Голоса и смех — это лишь призраки ушедшего мира.

Теперь я стучу в дверь и жду ответа, готовый войти сам, если Лира притворится, что не слышит.

Кажется, она только что принимала ванну, её щеки пылают, волосы ещё влажные, но аккуратно уложены. Она в ночной сорочке и шелковом халате, явно позаимствованном здесь. Когда она стягивает пояс на халате в попытке выглядеть скромнее, контуры её тела становятся ещё более явными.

Оглянувшись по сторонам, она хватает меня за руку и втаскивает внутрь. Затем громко захлопывает дверь и поворачивается ко мне лицом, оставив меня между дверью и собой.

— Ты с ума сошёл? — спрашивает она. — Мы больше не в дешёвых постоялых дворах, где нас никто не знает. Это дворец. За нами наблюдают дворяне, а прислуга — сплетничает.

Её рука упирается в стену чуть выше моего плеча. Её лицо всего в нескольких сантиметрах от моего. Если бы она встала на цыпочки…

— После того, как ты втянула меня сюда с такой силой, им будет, о чём поговорить, — замечаю я.

— Я не хотела, чтобы тебя видели, — протестует она.

— Ага. — Я нарочно опускаю взгляд на её губы, красные и слегка припухшие. — Ты прижала меня к стене с какой-то конкретной целью или…?

Лира шипит сквозь зубы ругательство и отходит от меня, возвращая мне пространство, в котором я действительно начинал нуждаться, ради нас обоих.

Я пришёл поговорить.

Комната обставлена мебелью, которая явно не принадлежит ни этому двору, ни этому королевству; роскошная и вычурная, в стиле Львов: диван с синим и белым узором, украшенный столик с резными изделиями и диковинками, бархатные кресла, бар с различными напитками, пышные подушки с яркими и замысловатыми узорами и бюсты какого-то короля, стоящие на полке у окна.

Я прохожу дальше, оставляя за собой гостиную, и оказываюсь в спальне. Кровать и балдахин не разделяют той вычурности, что царит снаружи, и некоторые предметы мебели, похоже, остались нетронутыми, хотя я не помню этих покоев достаточно хорошо, чтобы утверждать это наверняка. Интересно, помнит ли их она?

— Что тебе нужно, Кириан?

Я оборачиваюсь к ней, оторвавшись от осмотра.

— Просто зашёл поздороваться.

— Как заботливо с твоей стороны. А теперь, можешь уйти?

Я снова подхожу ближе. В её глазах что-то есть, что-то дикое, но далёкое от прежнего гнева, что-то, что изменилось. Я не могу удержаться от того, чтобы поднять руку. Почти не думая, я провожу пальцами по её горячей щеке, и она, на удивление, не сопротивляется.

— Это тяжело?

Я жду резкого «нет», хочу увидеть, как она высоко поднимет голову и ответит, прежде чем выкинет меня, что это теперь наша судьба. Но вместо этого она несколько секунд молчит, оценивая меня.

— А для тебя тяжело?

Я немного удивлён, но не колеблюсь.

— Да.

— Мне жаль, — отвечает она.

Теперь я ещё больше удивлён, и она это замечает по моему выражению. Она отходит от меня, но я спешу следом, прежде чем этот призрак исчезнет.

— Почему? — спрашиваю я.

Она останавливается у окна.

Когда-то огни освещали лес у дворца, путь, соединяющий мир людей и мир магии, символ того, что двери всегда будут открыты, в обе стороны. Теперь же за деревьями лишь тьма.

— Как это — почему? — повторяет она, и смотрит на меня только на мгновение, прежде чем снова уставиться в дикую темноту леса. — Я не бессердечный монстр. Мне жаль, что возвращение домой, который, должно быть, так изменился, причиняет тебе боль.

Меня зацепило одно её слово, и я не сдерживаюсь. Я ищу её подбородок, беру его пальцами и поворачиваю её лицо к себе мягким движением.

— А для тебя он не изменился?

Лира моргает. Я вижу, как она глубоко вздыхает, может быть, даже слишком сильно, как будто напугана.

— Конечно, изменился. Но мы оба знаем, что ты всегда был более сентиментален.

Она мягко отводит мою руку и снова отходит, на этот раз к синим атласным занавескам, свисающим рядом с окнами. Её пальцы скользят по ткани, словно она оценивает её качество, хотя её мысли, похоже, далеко от этой комнаты. Интересно, где они.

— Почему ты никогда не прекращаешь притворяться? — спрашиваю я. — Это же я.

— Ты хочешь сказать, что я когда-то была другой с тобой? — парирует она.

Хотя это не похоже на вопрос, требующий ответа, что-то подсказывает мне, что я должен ответить.

— Иногда, — говорю я. — Иногда ты была самой собой.

Лира поднимает голову. И вот этот взгляд, как вызов.

— Когда? Когда, по-твоему, я была самой собой?

— Кроме как до всего этого? В четырнадцать лет, когда ты схватила меня за руку, услышав официальное объявление о твоей помолвке с наследником перед всем двором. — Лира слегка хмурится, и я продолжаю: — В пятнадцать, когда ты поцеловала меня в кладовой дворца. В шестнадцать, в тот вечер, когда мы соревновались в гонке по лесу. И в том же году, когда, находясь на пороге смерти, ты попросила меня, если умрёшь, привезти твоё тело в Эрею.

Я вижу, как она сглатывает.

— Я не... — Она не в силах закончить.

Возможно, она не знала, что я запомню это. В тот день я дал ей обещание, думая, что выполню его, что Лира умрёт, и мне придётся украсть её тело и привезти домой.

Я помню это, потому что это был последний раз, когда она позволила себе проявить привязанность к своему народу, пусть и испугавшись смерти, которая кружила рядом неделями.

— Я помню каждый из тех раз, Лира. Даже те, когда ты не осознавала свою уязвимость, те моменты, которые, возможно, были вытеснены более значимыми воспоминаниями. И если ты не помнишь, не беда — я запомню за нас обоих.

Она молчит, сдерживая дыхание, и смотрит на меня так, с таким выражением...

— Я не знаю, что ты хочешь услышать, Кириан. Этот дворец — всего лишь красивые камни. Эти леса — просто земля и деревья. А эти люди, что правят королевством, — такие же марионетки, как и те, кто были до них.

Последние слова заставляют меня немного отстраниться.

— Ты так не думаешь.

— Думаю. Я действительно так считаю. Я приехала сюда, чтобы избавиться от браслета Тартало и заодно доказать Моргане и Аарону, что во мне больше не осталось ничего, что связывало бы меня с этой землёй. Если хочешь, если это твоё желание, я докажу это и тебе.

Она говорит серьезно. И раньше... раньше я бы ей поверил. Много жестоких слов сорвалось с этих красивых губ с тех пор, как мы знаем друг друга, особенно в последние годы. Но сейчас что-то изменилось. Это видно в зелени её глаз, которые теперь не кажутся такими бледными. Теперь они выглядят более насыщенными, более живыми.

— Хорошо, — отвечаю я.

— Что? — Она моргает.

— Всё в порядке. Ты можешь попытаться доказать мне это. — Я дарю ей дерзкую улыбку, зная, что она её разозлит. — До тех пор...

Я делаю два шага к ней.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Месяц волка

Мари — мать волшебных существ, и ей молятся смертные, когда боятся.

Говорят, что давным-давно, когда боги еще жили среди людей, все боялись темных созданий. И тогда смертные вознесли молитвы Мари, умоляя о защите, и она послала им двух своих дочерей: Эгузки, что значит «солнце», и Иларги, что значит «луна». Днем Эгузки озаряла смертных своим светом, защищая их от темных тварей. Однако свет Иларги был слишком слаб, чтобы уберечь людей ночью, и смертные вновь обратились к богине. Тогда Мари заставила эгузкилор — «солнечный цветок» — вырасти на всех горах. Она сказала, что если люди повесят этот цветок на двери, то ночью темные существа будут вынуждены пересчитывать тонкие нити его листьев, прежде чем смогут войти, и что они никогда не закончат счет до тех пор, пока не настанет день, и свет Эгузки не заставит их вновь скрыться.

Так, эгузкилор стал талисманом защиты почти от всех тёмных созданий.

Война приближается, и жители деревень Эрея, так же как и жители столицы, вешают эгузкилор на двери. Но теперь зло воплощают не злые духи, не проказливые существа, что ломают мельницы, и не малые божества, что губят урожай. Теперь зло — это они: Львы.

Пока народ Эрея вешает эгузкилор на двери и готовится молиться этой ночью, во дворце тоже идут приготовления к началу празднований Отсайла, месяца волков.

Кириан мечтал об этом моменте неделями. Это уже четвертый год, когда он сопровождает Лиру на кафедру, с которой начинаются празднования Отсайла, но в этом году все особенно.

Его отца нет рядом, чтобы подбодрить его Здесь нет и монархов, родителей Лиры, ведь все они на войне, сдерживая Львов, которые стремятся сломить силы Волков и ворваться в королевство Эрея.

Его мать смотрит на него сверху, из-за пустых тронов, и дарит ему ласковую улыбку. Именно она, как госпожа Армира, правит королевством в отсутствие монархов, но не пожелала занять трон. Она ограничивается тем, чтобы быть прочным, неизменным присутствием, маяком, который служит путеводной звездой для тех, кто возносит молитвы богам о скорейшем завершении войны.

Кириан замечает, что взгляд матери скользит от него к Лире. Они дошли до лестницы, ведущей к трону, и Лира остановилась между ними, прикусив щеку и крепко сжав руку, которую ей протянул Кириан.

Его мать приближается с утончённой грацией, протягивает руку девочке и, притворившись, будто помогает ей поправить подол платья, Кириан слышит, как она шепчет:

— Встань между двумя тронами и не садись. Посвяти этот праздник богам, которые дадут нам силу в битве, и попроси, чтобы молитвы и жертвы этого отсайла были для наших воинов.

Девочка послушно выпрямляется и встаёт между двумя тронами, а госпожа Армира кивает младшему из своих сыновей, чтобы он встал рядом с ней.

Она уже почти берет его за руку, но в последний момент сдерживается и лишь одаривает его взглядом, полным глубокой гордости.

— Когда-нибудь, — тихо говорит она, — тебе придётся заботиться о ней и, как я заботилась о её родителях, сделать всё, чтобы она стала той королевой, которую заслуживают Волки.

Кириан бросает лишь короткий взгляд на свою мать, ведь несмотря на то, что знает речь Лиры наизусть, не может отвести глаз от неё. Аплодисменты, музыка и радостные крики не дают ему глубоко задуматься над словами матери: королева, которую заслуживают Волки. Это он должен будет обеспечить. От него будет зависеть успех или провал Лиры. Будущее Эрея и всех земель Волков однажды окажется в его руках.

Эта неизбежная истина уходит на второй план, заслонённая играми, ритуалами и бесконечными пирами, но остаётся глубоко внутри, твёрдой и незыблемой. Она останется с ним и спустя два года, когда его семью жестоко убьют, а Кириана почти полностью поглотит ярость и ненависть. Эта истина не оставит его и заставит склониться перед убийцами родителей, поднять меч ради королей, которые отняли у него всё.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 17

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Кириан преодолевает расстояние, между нами, двумя уверенными шагами и оказывается слишком близко.

Его пальцы, которые только что так нежно касались моей щеки, теперь обвиваются вокруг моей шеи. Вместо того чтобы почувствовать угрозу, я ощущаю в этом жесте что-то сладкое, особенно в том, как медленно его пальцы скользят по моей коже, вызывая дрожь в самых чувствительных местах.

Сердце начинает стучать быстрее, когда он наклоняется ко мне.

Поцелует меня? Исполнит ли таким образом этот глупый долг, который я невольно на себя взяла?

Его глаза спускаются с моих губ вниз, но не задерживаются там. Они прокладывают путь, который следом повторяют его пальцы, отрываясь от моей шеи и опускаясь к ключицам, по центру тела, до живота.

Я стою, неподвижная, в то время как мой разум рисует сценарий, в котором то, что я ощущаю от каждого его прикосновения, не кажется столь запретным. Кириан вновь смотрит мне в глаза. Никто и никогда не смотрел на меня так, как он. Он видел меня обнаженной множество раз, и все же я никогда не чувствовала себя такой уязвимой, как сейчас, под этим пристальным, проникающим взглядом.

Его пальцы хватаются за ленту, завязанную на халате, и, хотя я понимаю, что он делает, не останавливаю его. Я позволяю ему развязать ленту, обнажая под ней слишком лёгкую и прозрачную ночную рубашку, прежде чем его пальцы вновь начинают подниматься: живот, грудь, ключицы, шея, и я таю под каждым его прикосновением.

Я должна остановить его.

Я должна остановить его прямо сейчас, но в его прикосновениях, в его взгляде есть что-то, что не даёт мне пошевелиться.
Его пальцы вновь сжимаются на моей шее, и по позвоночнику пробегает электрический разряд, заставляя меня вздрогнуть.

Он приближается ещё чуть ближе.

— Я буду наблюдать.

Его пальцы отстраняются, и я чувствую лёгкий удар по груди. Я не сразу понимаю, что это, пока Кириан не отступает назад, поворачивается, и я с ужасом замечаю, что в его руках находится подвеска с эгузкилоре, которую он всё это время держал.

Чёрт.

Он не говорит ни слова. Не спрашивает меня о подвеске, которую я клялась не носить, не задаёт вопросов о том, как я могу носить что-то столь языческое. Может, это даже хуже, чем молчание, когда он просто разворачивается и уходит, оставляя меня одну. Оставляя меня…

Злую.

Я злюсь на Воронов за то, что они отправили меня на задание, не раскрыв всю информацию. Злюсь на себя за то, что ослабила бдительность рядом с ним. И злюсь на Кириана за то, что он смотрит на меня так, словно перед ним Лира.

Но больше всего я злюсь на Кириана.

Интересно, что чувствовала бы настоящая Лира, спя в этой постели, в этих стенах… смотря в эти окна.

В воздухе витает некая невыразимая тоска. Я уже давно стою у окна, но до сих пор не увидела ни единой души в садах, хотя снаружи и светит солнце. Город, который расположен намного ниже в горах, отсюда не виден, и всё вокруг окутано мёртвой тишиной.

Я надеваю платье из плотной тёмно-синей ткани, собираю волосы в аккуратную причёску — совсем не похожую на кожаные ленты, которыми Нирида обычно стягивает свои светлые волосы — и выхожу из покоев в поисках слуги, чтобы передать сообщение герцогам, с которыми мне следует завтракать.

Однако прежде, чем я нахожу слугу, на моём пути в одном из пустых коридоров встречается Нирида.

— Доброе утро, — приветствую её, твёрдо намереваясь пройти мимо.

— Выход там, — говорит она, даже не удостоив меня ответным приветствием.

— Я не ищу выход, — отвечаю. — Я иду к герцогам.

— Кириан сказал им, что встретится с ними за обедом, а у вас обоих есть дела в городе.

— Что? Кириан что сделал?

Нирида пожимает плечами, не придавая значения.

— Идёте?

Я могла бы её проигнорировать и продолжить свой путь, но тогда выглядела бы неорганизованной, не склонной к общению, что выдало бы несогласованность с моим сопровождением.

— Конечно, иду, — говорю я и подбираю подол платья, чтобы поспеть за её стремительными шагами.

Кириан ждёт снаружи, в конюшнях. Однако он оставляет свою кобылу, которой только что расчёсывал гриву, чтобы присоединиться к нам. Кажется, сегодня он не планирует ехать верхом.

— Готовы? — спрашивает он, подойдя ближе.

На нём чёрные брюки, облегающие его мускулистые бёдра, и под элегантным пиджаком виден жилет с серебряными пуговицами, который ему очень идёт. Я замечаю, что на поясе нет привычного меча.

—К чему именно? —спрашиваю я.

Кириан смотрит на меня так же, как я недавно смотрела на него, только с большим вызовом.

—Конечно же, чтобы разорвать договор с Тартало.

Я бросаю быстрый взгляд на Нириду, но она не реагирует.

—Ладно, — ворчу я, смирившись. — За дело.

Чем скорее мы с этим покончим, тем быстрее я смогу сосредоточиться на своей миссии. Если повезёт, скоро Кириана снова призовут на северную войну, и у меня появится время подготовиться как следует, собрать больше информации и настроиться.

Кириан заставляет Нириду отдать меч одному из солдат перед нашим уходом, и я задаюсь вопросом, куда он собирается нас вести, если вход в это место требует

разоружения или, по крайней мере, вида, что мы не вооружены. Я уверена, что оба они скрывают защиту под своими нарядами.

Когда дорога исчезает и мы начинаем ступать по траве, я замечаю, что она всё ещё влажная, несмотря на солнце, и мне приходится смириться с тем, что моё платье будет испачкано.

Я иду молча, на стороже, обращая внимание на каждый мелкий нюанс, потому что не знаю о месте, куда мы идём, ничего, кроме того, что узнала из отчётов, составленных, когда Лире было девять лет. С тех пор она больше не ступала на эту землю, и всё указывало на то, что она даже не думала о ней. Но теперь я не знаю, чему верить.

Я готовлюсь к сложным вопросам, к комментариям, на которые придётся отвечать, но никто из них не говорит ни слова, пока мы пересекаем лес, выходим на новую дорогу и начинаем спускаться к городу.

Мы сразу же уходим от центра и попадаем в оживлённый квартал, где улицы полны телег, уличных торговцев и детей, бегающих туда-сюда, не глядя по сторонам.

После второго любопытного взгляда я ещё сильнее кутаюсь в накидку и натягиваю капюшон, чтобы скрыть свою внешность.

Меня удивляет, с какой безмятежностью движутся Нирида и Кириан. Даже без солдат и мечей, я не могу поверить, что их трудно узнать.

Ниридy невозможно забыть. Её уверенная походка, рука на бедре, словно привычка класть её на невидимую рукоять, прекрасные светлые волосы, собранные кожаными лентами, и высоко поднятый, гордый подбородок… Весь этот образ должен быть запомнен теми, кто хоть раз видел её во главе армии.

И Кириан… Кириан тоже не из тех, кто может затеряться в толпе, даже в тёмных одеждах, в которые он одет сегодня.

— Мы здесь в безопасности? — спрашиваю я.

Нирида бросает на меня взгляд через плечо, но не удостаивает ответом.

— Нечего бояться, принцесса, — говорит Кириан с явным удовольствием, не скрывая насмешки. Он смотрит на меня с намеками, которые я предпочла бы не понимать. — Можешь снять этот уродливый капюшон.

Я игнорирую его последние слова.

— Вас не беспокоит, что нас могут узнать? — говорю я отводя взгляд, когда продавщица из одного из ларьков смотрит на нас слишком пристально.

—Никто из этих людей не видел тебя последние десять лет, — отвечает Кириан, останавливаясь у лавки с украшениями. — А мы с Ниридой не настолько важны, чтобы нас заметили.

Несмотря на его спокойствие, меня не покидают сомнения. Я держусь подальше от лавок, когда они подходят ближе, пока не доходим до прилавка с жареными миндалем.

Аромат привлекает меня к ларьку, возле которого уже остановились несколько детей с родителями. Здесь не только жареный миндаль, но и лесные орехи, и печеные каштаны, от запаха которых мне хочется плакать.

Запах переносит меня назад, в давно забытое воспоминание, затерянное среди тьмы: у меня замерзли пальцы от холода, Элиан протягивает мне печеный каштан, и я грею руки, прежде чем очистить его и съесть. Ко мне подходит лицо, точь-в-точь как мое, и я знаю, что это Алия. Таких, как мы, было много, еще девятнадцать, но её я всегда узнаю, потому что я ненавидела её больше всех. Элиан протягивает ей каштан и садится с нами молча. Он говорит что-то, похожее на «вы обе одинаково вспыльчивы,

не знаю, почему не ладите», и тогда Алия забирает кулек с каштанами, а я щипаю её за бок. Это был первый и последний раз, когда мы были вместе добровольно.

Орден не оставлял места для здоровой конкуренции, ведь на кону стояла наша жизнь.

Я даже не знаю, что случилось с Алийей. Может, её перевели в другую программу, или она выполняет незначительные миссии, внедрившись в какую-нибудь влиятельную семью.

Чья-то рука ложится мне на плечо, возвращая меня в реальность, когда Кириан проходит мимо и обменивается с продавцом парой монет, чтобы получить кулек с миндалем. Однако он не возвращается, а остается там, беседуя с продавцом. Я не слышу их разговор, но вижу, как продавец улыбается, что-то объясняя ему. Нирида тоже подходит, берет несколько миндальных орехов и ест их, пока я жду.

Проходит несколько минут, я увертываюсь от прохожих, пока не решаю подойти ближе. Возможно, они обсуждают соргинак, хотя я не думала, что рынок подходящее место для этого.

Кириан держит кулек с миндалем, пока Нирида с аппетитом съедает несколько орехов, а у меня текут слюнки. Оказывается, продавец просто рассказывает о своей лавке в одном из соседних городков. Он говорит о своей семье, о том, как они основали лавку и как он поставляет продукты на ближайшие рынки.

—Что это было? —спрашиваю я, когда мы снова идем.

Кириан протягивает мне кулек с миндалем, и я уже готова отказаться, но мои пальцы решают за меня, и я беру пару орехов, которые оказываются невероятно вкусными.

Краем глаза я замечаю озорную улыбку капитана, и мои щеки пылают от смущения. Я натягиваю накидку ещё плотнее, будто краснею от холода.

—Это был ларёк с жареным миндалем, — отвечает Нирида, специально проговаривая слова медленно.

Я оборачиваюсь и одариваю её ледяной улыбкой.

— И что вы делали в обычном ларьке с миндалём? — спрашиваю, также медленно выговаривая слова.

Нирида поднимает брови, как будто я идиотка.

— Покупали миндаль, — отвечает она, показывая на кулёк, прежде чем отправить ещё одну миндалину в рот и продолжить путь, как ни в чём не бывало.

Я поворачиваюсь к Кириану, требуя объяснений.

— Терпение, — просит он, протягивая кулёк. — Миндаль согреет тебе руки.

Я принимаю его, не в силах ничего ответить, и продолжаю идти следом, пока мы не останавливаемся у другого прилавка. На этот раз я подхожу сразу, слушая их непринуждённую беседу: о еде, о урожаях года, о других лавках на рынке, о зимней погоде в Эрея…

Из толпы отделяется пожилая женщина и направляется к нам, пока они заняты разговором. Когда я понимаю, что её интересует не товар, я подхожу ближе, чтобы предупредить Кириана, но слишком поздно. Старуха подходит раньше и берёт капитана за руку, прерывая его беседу с продавщицей.

Я замечаю, как Нирида тянется к бедру, на котором нет меча, но тут же расслабляется. Она улыбается, пока женщина просто держит Кириана за руки с трогательной нежностью. Всё длится лишь несколько секунд, но этого достаточно, чтобы моё сердце забилось быстрее и я напряглась.

Старуха отпускает его, ничего не говоря, всё ещё улыбаясь и сдерживая, казалось бы, желание что-то сказать. Кириан же в ответ одаривает её сдержанной улыбкой.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Мы видели то же, что и вы, принцесса, — отвечает Нирида, и меня начинает раздражать её тон.

После этого я продолжаю идти, чувствуя себя нервной, и, возможно, мои нервы обострены настолько, что теперь я замечаю больше взглядов, больше людей, перешёптывающихся, когда мы проходим мимо.

Я чувствую особенно сильное беспокойство, когда продавщица оставляет свой ларёк и приближается к нам. На этот раз она проходит мимо Кириана и кладёт в мои руки одну из своих роз.

Она молчит. Лишь кивает с благодарностью и возвращается на своё место, не отрывая от нас взгляда.

Холодок пробегает по моей спине.

— Эти люди нас узнали, — говорю я, сдавленным голосом. — Кириан, они знают, кто мы.

Я начинаю идти быстрее, опережая их, чтобы как можно скорее уйти подальше, и два капитана следуют за мной.

Но странно не то, что нас узнали.

— Они знают, кто мы, и при этом… рады? — спрашиваю я, глядя на розу в своих руках.

— А почему бы им не радоваться? — отзывается Нирида. — Вчера лил дождь, а сегодня светит солнце, да ещё и рынок открыт.

— У вас какие-то проблемы, капитан?

Нирида поворачивается ко мне, идя рядом. Кожаные ленты её хвоста изящно покачиваются при каждом шаге.

— У меня? С чего бы у меня были проблемы? Ведь…

Её прерывает смех Кириана. Она тоже улыбается, хотя пытается это скрыть.

— Продолжайте говорить со мной, как с идиоткой, и я сломаю вам нос.

Нирида поднимает свои элегантные светлые брови — скорее удивлённая, чем впечатлённая, — а Кириан даже не скрывает, как его всё это забавляет. Никто из них не догадывается, что я действительно способна на это, хотя и не должна; если хочу продолжать играть свою роль.

Я выбрасываю розу, когда никто не смотрит. Затем мы посещаем ещё один прилавок, и ещё один. Нирида спокойно беседует с продавщицей лавки бальзамов и косметики, которая объясняет ей, как нужно наносить масло для лица. Кириан задерживается у кожевенной лавки, просматривает ремни для ношения оружия, и продавец настойчиво предлагает ему один в подарок, но он отказывается принять его без оплаты.

Перед нашим уходом сцена повторяется с другой пожилой женщиной: старуха подходит ко мне, берёт мои руки, целует их и уходит, не сказав ни слова, в то время как остальные смотрят на нас, словно тоже хотят подойти, но не решаются.

— Я не понимаю, — шепчу я, обеспокоенная, рискуя снова услышать тот же ответ, что и раньше от Ниридa.

Мы покидаем рынок и спускаемся по одной из многолюдных улиц города.

— Возможно, некоторые действительно тебя помнят, — признаётся Нирида. — Ты принцесса. Ты родилась на этих землях. Они тебя любят.

— За что? — спрашиваю я, может, слишком поспешно. Есть что-то, чего я не могу понять. — Я предательница. Я отказалась от короны Эрея и от борьбы за них, чтобы выйти замуж за наследника узурпаторов.

Кириан бросает на меня взгляд, прежде чем продолжить путь. Я замечаю, что Нирида тоже на мгновение останавливается, вглядываясь в моё лицо.

Возможно, я зашла слишком далеко. Возможно, оригинальная Лира не признала бы вслух, что знает, что народ считает её предательницей.

Но мне кажется, что я упускаю что-то важное, и мне нужны ответы.

— Думаю, я никогда не слышал, чтобы ты жаловалась на слишком большое внимание, — отвечает он.

— Верно, я тоже этого не слышала, — соглашается Нирида. — Ваше высочество, — добавляет она.

Я не настаиваю. Может быть, это связано с близостью к дворцу. Возможно, те, кто живёт в этих краях, поддерживают новый режим, новую династию и, следовательно, решения, которые Лира принимала, чтобы прийти к этому.

Мы продолжаем идти по нескольким улицам, пока снова не выходим к лесу, и тут я замечаю, что поднимаемся. Я вижу башни дворца, его фасад цвета песка под солнечными лучами.

— Вон там дворец, — говорю я. — Неужели мы возвращаемся, так и не выполнив порученную нам миссию?

— Цель нашей прогулки более чем достигнута, — отвечает Кириан, засунув руки в карманы.

Я останавливаюсь, но мне приходится догонять их, когда я понимаю, что никто из них не ждёт меня.

— Я думала, что мы идём искать ведьм.

— А как, по-твоему, их следует искать… ваше величество? — отвечает Нирида.

— Точно не прогулками по рынку, — возражаю я. — Мы потратили полдня, осматривая прилавки в городе?

— Это ты потратила полдня, — отвечает Кириан. — Я приобрёл новый ремень для моих кинжалов, а Нирида купила тоник для…

— Для кожи, — подсказывает она. — У меня она сохнет на холоде.

— Ах да, точно. Из какого растения он был?

— Думаю, она сказала, что это…

— Хватит! — перебиваю их. — Я не приехала сюда, чтобы терять время. Я знаю, что ты вполне способен найти соргинак, так же как ты нашёл ведьм Лиобы. Если ты обнаружил их за несколько часов, почему не можешь сделать то же самое здесь?

Улыбка исчезает с лица Кириана так медленно, что это кажется преднамеренным; жестом, рассчитанным, чтобы внушить страх. Он поворачивается ко мне, сокращает расстояние между нами и наклоняет голову, поднимая руку к моему горлу, к цепочке с кулоном, который он заметил вчера.

Его пальцы осторожно берут цепочку и медленно вытаскивают кулон из-под платья, словно это требует полной концентрации.

— Я повторю вопрос, который задала тебе Нирида: как, по-твоему, мы должны искать ведьм?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не прикусить губу и не высказать все ему, но гнев берёт верх.

— Думаешь, если бы я знала, то была бы здесь с тобой?

Уголки его губ чуть приподнимаются, и его глаза отрываются от кулона на мгновение, хотя он не смотрит мне в глаза.

Нахал.

— Мы нашли ведьм, потому что одна из них осмелилась проклясть тебя, не пытаясь даже скрыться. Соргинак, которых мы ищем, не похожи на ведьм Лиобы. Таких почти не осталось, ведь большинство из них было истреблено, а те, что остались, бегут на незавоёванные земли, дальше на восток. — Его пальцы продолжают играть с кулоном. — Львы уничтожают магию, и сила ведьм слабеет. Самые могущественные из них не покажутся так просто. Сегодня нам нужно было просто прогуляться по рынку. И, возможно, завтра тоже придётся, и послезавтра, и ещё на следующий день…

— Вы использовали меня как приманку, — понимаю я.

Кириан мягко роняет кулон обратно на мою грудь, едва касаясь его костяшками пальцев.

Сзади я слышу, как Нирида тяжело выдыхает.

— Я жду тебя во дворце, — заявляет она, уходя прочь, оставив нас наедине.

Близость Кириана, его пальцы и замечание Ниридa заставляют мои щеки загореться. Неужели она в курсе?

– Она знает о нас? – вырывается у меня.

Кириан моргает, словно не ожидал такого вопроса.

– Конечно, знает, – отвечает он, нахмурившись.

Сердце начинает бешено стучать. Лира должна была это знать. Она должна была понимать, что подруга Кириана в курсе их отношений. Возможно, они даже делились какими-то тайнами.

Чёрт.

Я трясу головой и быстро меняю тему.

– Вернёмся к ведьмам. К рынку. Ты хотел рискнуть ещё одним проклятьем?

– Я хотел, чтобы тебя видели. Вот и всё. Чтобы пошли слухи, чтобы они тоже показались.

– Ценой моей безопасности? Сегодня нас узнали не только ведьмы-соргинак, а мы гуляли без оружия, без охраны.

Из его груди вырывается низкий смех, эхом отдающийся у меня внутри.

– Безоружные? – Он делает резкий шаг ко мне, уверенный и точный, наклоняется и кладет руку мне на бедро. – А что это тогда?

Я с раздражением отшвыриваю его руку. Он тихо смеется.

– Думаешь, маленький кинжал под платьем сможет защитить меня?

– Думаю, тебе не понадобился бы кинжал, – отвечает он с вызовом. – Ты ведь значительно улучшила свои навыки с тех пор, как я тебя видел в последний раз?

Он поднимает руку, но я успеваю остановить её прежде, чем она коснется моего лица. Кириан смотрит на меня сверху вниз с ухмылкой.

– Даже быстрее, чем я думал, – мурлычет он.

Я отталкиваю его и отступаю назад. Он делает шаг вперёд.

– Не провоцируй меня, капитан.

Предупреждение лишь сильнее забавляет его. Он снова тянется ко мне, но на этот раз хватает меня за запястье.

Моё тело кричит, чтобы я освободилась, но я удерживаю себя, не желая показать Кириану, что что-то действительно изменилось.

Его большой палец медленно чертит круг на внутренней стороне моего запястья.

– Здесь теперь гораздо больше силы.

Его руки такие большие, что моя запястье кажется крошечным и хрупким между его пальцев.

– Если ты уже знаешь, что я теперь с лёгкостью могу победить тебя, не испытывай судьбу, – бросаю я, позволяя себе немного дерзости.

Кириан притягивает меня к себе, обвивает руку вокруг моей талии, и я выдыхаю в удивлении.

– Хочу это увидеть, – шепчет он.

Мы стоим слишком близко, как в ту ночь, когда он впервые неожиданно поцеловал меня. Это ощущение — тёплое, но электрическое — обжигает. Я высвобождаюсь из его объятий и нанося удар, когда он снова пытается поймать меня.

Он улыбается, но не сдаётся.

Он снова нападает на меня, но я уклоняюсь, а затем ловлю его удар, попадая прямо в его подбородок. Кириан поражён, потирает подбородок. Я уклоняюсь, когда он тоже пытается ударить меня по лицу, и собираюсь рассмеяться, когда мне удается ударить его во второй раз; в бок. Однако этот удар дает возможность, которую он не упускает и умудряется поразить меня ударом, который в последнюю секунду отклоняется и попадает мне в плечо.

Я замираю, осознавая, силу удара. Он, судя по всему, думает то же самое, глядя на меня.

Он ослабляет защиту, и что-то во мне, что не является Лирой, что не было выучено или изучено, делает низкий и хитрый ход.

Я бью его в лицо.

Моя рука ударяет по его подбородку, и Кириан ругается. Он быстро ловит мой предплечье, и до того как я успеваю осознать, что происходит, прижимает меня к стволу дерева. Мои руки зажаты над головой, его нога между моими, лишая меня возможности двигаться.

– Это было подло, – его голос хриплый, глубокий.

Кожа на его лице уже начала краснеть в том месте, где я его ударила. В его глазах вспыхивает что-то дикое, как тёмная бездна.

– А атаковать меня первым было не менее подло.

Кириан медленно скользит взглядом по моему лицу, задерживаясь на губах, прежде чем вновь поднять глаза к моим.

– Я доказывал свою теорию.

– Какую? – спрашиваю я, почти на автомате.

– Теорию о том, что ты вполне способна защитить себя сама, – шепчет он, его губы касаются моих. Лёгкий холодок пробегает по моей спине, словно чёрная ласка.

Если он продолжит в том же духе, я сойду с ума.

– Хорошо. Ты это доказал, и вдобавок получил удар в челюсть. Теперь отойди.

Его пальцы снова начинают лениво скользить по моей коже.

– Мне здесь удобно.

Я пытаюсь ударить его коленом, но он тут же перехватывает мой удар и смеётся.

– Обещаю, что тебе скоро станет неудобно, – угрожаю я. – Отпусти.

– Ладно, ладно, – соглашается он с ленивой улыбкой. – Но сначала ответь на один вопрос. Не могу без него отпустить тебя, потому что уверен, что ты сбежишь от него.

Я лишь бросаю ему враждебный взгляд, не удостаивая ответом.

– Вчера, в твоих покоях, чего ты хотела? Когда думала, что я раздеваю тебя, чего тебе на самом деле хотелось?

Его голос, тёмный и тихий, проникает в меня, как яд, растекаясь по телу, касаясь чего-то глубинного внутри.

—Кириан… мы не будем снова играть в эту игру, — говорю я.

—Я не играю, — отвечает он. — Скажи мне, Лира. Скажи, и я отпущу тебя. Что ты хотела, чтобы я сделал?

Мои мысли возвращается к тому моменту — к его пальцам, скользящим вдоль моего тела, к его спокойному дыханию, к моему бешено стучащему сердцу…

—Я бы хотела, чтобы ты отошел раньше.

Я пытаюсь сдвинуть его с места. Он улыбается.

—Это неправда, — мурлычет он. Его голос щекочет мои губы, а жар его тела, стоящего так близко к моему, становится невыносимым. Кириан склоняется ко мне еще ниже, пока его губы не касаются моего уха. — Ты можешь сказать мне. Я сделаю то, что ты захочешь. Не требуя ничего взамен. Здесь и сейчас я весь твой, Лира.

Его губы скользят по моей челюсти, отступая, оставляя за собой огненный след, воскрешая воспоминания о его поцелуях, его искусных руках на моем теле, его запахе, который окутывает меня, и его губах, жадно требующих все.

Я закрываю глаза на мгновение, позволяя себе забыть, кто я и кто он, предаваясь этому моменту… и он замечает это.

Он ослабляет хватку на моих руках, позволяя мне опустить их, и наклоняется передо мной. Я слежу за ним взглядом, затаив дыхание, но он не опускается на колени до конца. Он касается края моей юбки и медленно поднимается, пока ткань скользит по моей коже.

Кириан не отводит от меня глаз.

—Если ты не хочешь говорить мне, тогда позволь мне догадаться.

Я чувствую его большие руки на своих бедрах, они медленно скользят под платьем. Шершавость его ладоней приятна, и по мне пробегает ток.

Я понимаю, что он считывает мои эмоции. Он не отводит глаз, потому что ждет моего разрешения, и я не мешаю ему. Что-то внутри меня ускоряет пульс, и я не могу заговорить, отстраниться или сказать ему остановиться. Какая-то часть меня уже сдалась его вниманию и хочет, чтобы он продолжал.

Эта часть заставляет меня закрыть глаза, прижаться к дереву позади и вздохнуть.

Когда я снова открываю глаза, первое, что я вижу, — его кривая, победоносная улыбка. Потом она исчезает, когда он нависает надо мной. Сначала я думаю, что он собирается поцеловать меня, что таким образом он исполнит свой долг. Но затем я понимаю, что он ищет мой шею, жадно целуя её, пока его руки находят путь к моему нижнему белью.

Я осознаю, что его пальцы остановились прямо на краю, в сантиметре от того, чтобы окончательно свести меня с ума. Он отстраняется, чтобы посмотреть на меня, словно стараясь запомнить каждую мою эмоцию.

Я могла бы поцеловать его. Каждая частичка меня хочет это сделать.

—Позволь мне продолжить, — просит он хрипловатым голосом.

Я отвечаю не сразу, но он не останавливается. Он не проникает под ткань, но скользит по ней, вниз, и возбуждает меня так, что у меня подгибаются ноги.

Он хватает меня за талию другой рукой, полностью сосредоточен на мне и моих желаниях, а затем вновь касается меня с такой силой, что я теряю разум, закрываю глаза и кусаю губы до боли.

Легкий смех срывается с его губ.

—Одно слово, Лира, — мурлычет он. — Одно слово, и мои руки будут твоими.

Я издаю стон. Возможно, он и не осознает, но если он продолжит, если не перестанет смотреть на меня и касаться меня так, мне не придется просить его.

Что-то темное и опасное внутри меня шепчет, что это не так уж плохо... и я почти готова сдаться этой эмоции, которая хочет поглотить все, когда, наконец, здравый смысл берет верх.

Я резко отталкиваю его, и Кириан смотрит на меня с явным удивлением.

В этот момент я вспоминаю ночь на острове Воронов, вдали от стен Ордена. Поцелуй, который я приняла, думая, что дарю его другому, и обещание, данное себе после.

Моя мораль знает мало границ. В основном, это тени и размытые линии, ведь я осознаю, что в моей миссии нет места добру и свету, даже если цель оправдывает средства. Я заменила одного человека, в моем случае, плохого человека, и украла у него жизнь. Мало что осталось от целостности, но одно я знаю точно — я не лягу в постель с тем, кто думает, что влюблен в кого-то другого.

—Мы не можем. Мы не должны, — шепчу я, бросая на него суровый взгляд.

Я подбираю подол платья и быстрым шагом иду к замку, слыша за собой шаги Кириана. Я не оглядываюсь, боясь, что встреча с его взглядом снова ускорит биение сердца, которое не должно так сильно биться.

Сегодня вечером герцоги приглашают других дворян на ужин. К счастью для меня, Кириан и Нирида не приглашены. Значит, мне не придется встречаться с капитаном.

Разговоры скучны, как и следовало ожидать, не затрагивая ни за столом, ни за бокалами ничего, что могло бы оказаться хоть немного значимым.

Хотя я должна была остаться и слушать беседы, усталость вынуждает меня на время отойти от стола, где остальные продолжают обмениваться бессмысленными любезностями и фальшивым смехом. Но я не ухожу далеко. Свет в темноте привлекает меня к большому окну зала. Снаружи, далеко в лесу, несколько огней парят над верхушками деревьев, их подхватывает ветер. Вскоре появляется третий.

—Эти дикари изо всех сил пытаются сохранить свои традиции, но только показывают упадок своей силы.

Когда я оборачиваюсь, герцог стоит рядом.

—Прошу прощения? Что это такое?

—Фонари. Много лет назад язычники зажигали их в феврале в честь богов. Некоторые все еще придерживаются этой традиции, но их усилия так жалки, что... — Он кивает на окно. Три огонька растворяются в темноте. — Мне почти жаль их.

Я присматриваюсь к свету.

—Должно быть, это было впечатляющее зрелище в свое время, — тихо произношу я, оставив осуждение этого ритуала.

—Да, так говорят. Вы, должно быть, знаете лучше, ваше величество. Разве вы не помните это с детства?

Я смотрю на герцога. В его вопросе нет скрытого подтекста, он слишком прост, чтобы вызывать тревогу.

—Боюсь, я была слишком мала, — отвечаю.

Ему этого достаточно. Он кивает и продолжает смотреть в окно.

—Вы ожидаете встречи с вашим женихом, наследным принцем Эрисом?

Мурашки бегут по моей спине.

—Боюсь, что не удостоюсь такой чести, — скромно отвечаю.

—О, я думал, что раз мы так близки к Ликаону...

—Путь по суше к королевской резиденции наследника закрыт снегами и бурями до весны. Можно добраться морем, но это требует времени и терпения, а его величество так занят...

—Верно. Обязанностей у будущего короля много.

Я тоже киваю, и вскоре он снова меняет тему. Мой покой полностью нарушается, когда к нам присоединяется герцогиня, а те, кто пил за столом, позже подходят к окнам. Кто-то снова комментирует жалкую попытку дикарей сохранить традицию фонарей, а другой настаивает на том, чтобы позже спросить меня о наследнике.

Ночь тянется медленно.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 18

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

В следующие несколько дней я отказываюсь сопровождать Кириана и Ниириду в их поездках по соседним городам. Я подозреваю, что их единственной целью будет выставить меня напоказ, как это было в тот день на рынке.

А я не собираюсь допускать, чтобы соргинак нашли меня.

Мне нужно что-то предпринять.

Я исполняю свои обязанности принцессы так, как делала бы это настоящая Лира, посещаю банкеты, которые устраивают герцоги, участвую в чаепитиях герцогини и проявляю интерес к ежегодным планам по обновлению Эрея, о которых рассказывает герцог, даже если от их идей, касающихся города, меня выворачивает наизнанку.

Они планируют очистить королевство и избавиться от всего, что связано с языческими традициями. Разрушение храмов дополнится «реорганизацией публичных и частных библиотек», в ходе которой сожгут все экземпляры, содержащие информацию, считающуюся опасной: сведения о языческой культуре Эрея, летописи, записывающие историю Волков, книги, восхваляющие любых героев, которые они хотят стереть из памяти.

Я не знала Эрея в её времена расцвета, когда правили родители Лиры. Но столько лет изучения её культуры сделали меня способной представить, почти как если бы я сама там побывала, грандиозные магические представления, языческие шествия и дикие игры, которые ежегодно устраивались в феврале, в Месяц Волков.

Хотя много лет назад эти празднества были примитивными и дикими на землях Волков, с ритуалами, связанными с землей и её божествами, требующими маскарадов, жертвоприношений и ритуальных танцев, теперь самые примитивные обряды сохранились только у некоторых непокорённых племен на севере.

Львы захватили эти праздники много лет назад, и они были сведены к более элегантной, утонченной, а в итоге — смягчённой версии. Их очистили от всех языческих действий и сделали священными.

В Ордене мы также отмечали февраль, но лишь воспроизводили развлечения, одобренные Львами.

В этом году не будет ни шествий, ни гадальных палаток, ни пиров в честь языческих богов. Герцоги будут председательствовать на спектакле, поставленном в честь Морганы и Аарона, который расскажет о последних подвигах завоевания. Город будет соблюдать приличия, нарядится для посещения ближайших святилищ и молений Богу, в то время как королевская стража будет готова наказать любые признаки магии и ереси.

И хотя это не входит в мои обязанности, хотя моя миссия состоит в том, чтобы подменить Лиру и ждать, я не могу не испытывать боль от такой потери.

В Ордене были другие претендентки, которые справились бы с этим лучше. Другие, более религиозные, кто смог бы легко оправдать все эти действия. Бреннан верил в бога Львов, как и все, но не внушал своим ученикам того чувства, которое другие стремились развить.

Не знаю, так ли воспитывала свою подопечную наставница Али, но уверена, что для неё, всегда такой отстранённой, импульсивной и беспощадной, это было бы гораздо легче.

Я стараюсь не думать об этом, о феврале и обо всём, что потеряно и будет потеряно, и провожу собственные расследования, без Кириана или Нириды.

Я посещаю дворцовую библиотеку и исследую её в поисках какого-нибудь языческого тома, чьё невинное название помогло ему избежать первой волны цензурной чистки. Также прошу эскорт и отправляюсь в город в поисках того же.

За все эти дни я собрала лишь три экземпляра, и содержащаяся в них информация настолько безобидна, что никто до сих пор не нашёл в них потенциальной угрозы.

Один из томов содержит несколько договоров между землями севера. Я взяла его в надежде, что имена или даты могут оказаться полезными для лучшего понимания прошлого Лиры и её семьи.

Другой — это собрание карт этой местности, испещрённых небрежными каракулями. Эти заметки, хотя и портят материал, содержат интересные сведения, например, пояснение рядом с картой ручья: «Не посещать после захода солнца». Возможно, эти предупреждения помогут мне понять, где скрывается магия этой земли.

Последний — это относительно новый уголовный кодекс, в котором собраны самые тяжкие преступления по обвинению в колдовстве за последние годы на территории Волков. Только чтение первого зарегистрированного преступления заставляет меня содрогнуться: женщина, о которой говорится, что она подчинила целую деревню своей магией; стенограмма суда, где, после пыток, она призналась в своих преступлениях; и подробное описание наказания, вынесенного ей перед тем, как она сгорела на костре.

Чтение оставляет меня с таким чувством отвращения, что я отказываюсь продолжать расследование, по крайней мере на сегодня, и когда не нахожу ни одного слуги, которого могла бы послать за Кирианом, беру экземпляр с картами и сама иду по почти пустому дворцу, пока не нахожу капитана Нириду в одной из рекреационных залов.

Она сидит на диване из оливкового бархата, закинув одну ногу на другую, с лёгкой книгой в руках и распущенными растрёпанными светлыми волосами, как будто она их не причёсывала или пролежала весь день.

Одинокая посреди огромного зала, Нирида усиливает ощущение пустоты этого дворца. Она кажется неподвижной, ленивой фигурой в слишком большом зале с чрезмерно вычурной мебелью. Мои шаги, пока я приближаюсь, звучат достаточно громко, чтобы насторожить её и заставить её выпрямиться, потягиваясь с очень мало подходящей для будущей королевы сдержанностью.

— Ваше Величество, — приветствует она меня. — Чем могу служить в этот спокойный зимний день?

Я стараюсь игнорировать, как сильно меня раздражает её насмешливый и дерзкий тон, и останавливаюсь перед ней.

— Знаете ли вы, где капитан Кириан?

— Он отправился навестить своих сестёр, — отвечает она с видимым скучающим видом.

Мне не нужно долго вспоминать, чтобы припомнить их. Сведения о сёстрах — это одна из немногих деталей, которые мне дали, когда я изучала капитана. Они, вместе с ним, — последние представители его рода. К сожалению, я не знаю о них больше, чем

отражено в отчётах, и мне остаётся только гадать, сколько ещё вещей мне надлежало бы знать.

— Что вам нужно? — спрашивает она, отложив книгу в сторону.

— Ничего, с чем вы могли бы мне помочь, — отвечаю я. — Спасибо, в любом случае.

Я поворачиваюсь, намереваясь одна отправиться в лес, но тут мне приходит одна мысль. Я останавливаюсь.

— На самом деле, думаю, вы могли бы кое-что сделать для меня.

Возможно, прогулка с ней поможет мне узнать кое-какие вещи, которые мне уже давно следовало бы знать.

Нирида поднимает бровь.

— Правда? Я? Эта смиренная служанка?

— Я не шутила, когда сказала, что разобью вам нос, если вы продолжите в том же духе.

Нирида дарит мне ехидную улыбку, даже не пытаясь её скрыть. Она поднимается на ноги, приглаживает одежду и вздыхает.

— Хорошо. Чем могу служить?

Час спустя Нирида и я оставляем позади последний городок и углубляемся в гущу прекрасного леса из елей.

Несмотря на холод, я замечаю, как вдоль дороги растут синие цветы, которые не убил ни дождь, ни бури. Хотя Нирида идёт, не обращая на них внимания, я стараюсь их не топтать.

— За какой именно зацепкой мы следуем? — наконец спрашивает она после долгого молчания.

— За ручьём, — отвечаю я, внимательно следя за окружающим. — Судя по картам, мы должны быть уже близко.

— Понятно… А ручей особенный потому что…?

Она не успевает закончить. Нирида резко останавливается, поворачивается и кладёт руки на бедра, туда, где висит её меч.

Я тоже замираю, приказывая каждому своему мускулу не двигаться, заставляя рефлексы оставаться под контролем. Среди елей иногда встречаются деревья, которые не принадлежат этому лесу, их охряные и багряные листья — яркие мазки цвета на тёмном полотне.

Из её уст вырывается клубок пара, когда она расслабленно смеётся и снова смотрит вперёд.

— Спокойно, принцесса, это был просто шум. Простите.

Мы снова двинулись в путь, и я решила использовать эту паузу, чтобы перевести разговор в более интересное для меня русло.

— Итак, Нирида, напомните мне, где вы познакомились с капитаном Кирианом?

Света почти не осталось. Небо сегодня свинцовое, воздух пропитан сыростью и запахом мокрой земли.

— На войне, конечно, — отвечает она. — Наши войска сражались вместе не в одной битве.

— А когда вы стали друзьями?

Нирида коротко смеётся, и её смех не кажется злобным.

— Странный вопрос. Не знаю. — Она пожимает плечами. — Думаю, это было неизбежно: два украденных ребёнка, Волки при дворе Львов, Львы при дворе Волков…

В таких ситуациях почти всегда ищешь кого-то, кто может тебя понять, — добавляет она.

Понятно. Это многое объясняет. Она думает о Лире так же, как и все остальные: что та одинока.

Это хорошо. Это совпадает с той историей, которую я так старательно разучивала.

Мы продолжаем идти сквозь лес, не находя никакой тропы. Я думаю о том, как пригодились бы нам сейчас гауарги, которые тогда помогли мне и Кириану. С ними мы бы добрались до цели намного быстрее.

— А с каких пор…?

— Лира, — резко перебивает она. Я поворачиваюсь к ней и вижу, что она стоит посреди тропы, пристально разглядывая что-то на земле. — Напомните мне ещё раз, что мы ищем, — настаивает она.

— Ручей, — повторяю я. — Думаю, здесь может быть магия. Возможно, мы найдём что-то, что приведёт нас к соргинак. — Холодок пробегает по спине, когда я вижу, как она с мрачным выражением лица приседает. — Что случилось?

Нирида не сразу отвечает. Её длинная коса спадает через плечо, когда она наклоняется к земле, погружает в неё пальцы и замирает в задумчивости.

— Нам нужно повернуть назад.

— Почему? — Я внимательно смотрю на то, что она так тщательно изучает. — Что это за след?

И в тот момент я понимаю, что тоже не знаю. Это не игра, я действительно не притворяюсь, что обладаю лишь знаниями Лиры. Я и сама не знаю, что это за след. Оглядываюсь и вижу рядом ещё один такой же, а чуть дальше — два, немного побольше.

— Чёрт… — шепчу я.

Проклятие, которое сорвалось с уст Ниридa, звучит куда грубее, когда она замечает, что следов больше, и некоторые из них крупнее.

— Мы должны немедленно вернуться.

— Что это? — настаиваю я.

Нирида качает головой, словно не в состоянии сказать. Она уже идёт вперёд, но я останавливаю её, схватив за руку.

— Следы идут туда, откуда мы пришли.

Мы обмениваемся долгим взглядом, в котором ощущается истина, от которой у меня по спине пробегает холодок.

— Похоже, мы прошли мимо него и не заметили. Но, судя по следам, оно довольно крупное. Как думаете, что это? Нирида, пожалуйста.

— Хиру, — отвечает она и меняет направление. Она тоже понимает, что нам не стоит возвращаться.

— Вы думаете это Хиру? — Холодок пробегает по спине, как ледяное прикосновение.

— Я уверена. Это не первый раз, когда я вижу такие следы, и тот звук…

Она не успевает договорить. Пронзительный крик разрывает тишину, проникая в мои уши и пронзая каждую клетку моего тела. В тот же миг что-то с такой силой проносится мимо, что Ниридy отбрасывает в сторону, а я спотыкаюсь.

Горечь подступает к горлу, когда я поднимаюсь на ноги и застываю. Ледяной ужас пробирает до самых костей, когда я оборачиваюсь и успеваю увидеть, как тень мелькает среди кустов.

Чаща елового леса внушает теперь больший страх, чем когда-либо. Тишина и сгущающаяся тьма сковывают мои нервы.

— Лира. — Голос Нириды, звучащий слабее обычного, вырывает меня из транса, но я не оборачиваюсь к ней. Я не хочу отрывать взгляд от леса. — Лира, — настаивает она. — Нам нужно уходить.

Её голос сломан, звучит чуть дрожа. Возможно, именно этот надлом в её тоне заставляет меня всё же посмотреть на неё.

Она медленно поднимается, опираясь на ствол дерева.

О, святые Вороны. Она, должно быть, ранена.

— Идём, Лира, — шипит она. — Идём.

Она протягивает мне руку, хотя видно, что ей самой трудно удержаться на ногах, и, наконец, я реагирую. Бегу к ней и обнимаю за спину, когда становится очевидно, что она не может двигаться в моём темпе. Мы бежим наугад, не понимая, в каком направлении идём, пока Нирида не хватает меня и не уводит за поворот между деревьями, заставляя остановиться за камнем.

Я всё ещё тяжело дышу.

— Это был хиру? — спрашиваю я, возможно, слишком громко. — Это был он?

Нирида прижимает палец к губам, призывая меня к тишине. Она делает знак, и мы обе осторожно перемещаемся вокруг камня, прячась за выступ.

Если это существо действительно хиру, мы обе понимаем, что оно прекрасно знает, где мы скрываемся.

Нирида опускается на землю и начинает расстёгивать сапог, корчась от боли.

— Ты поранилась?

— Только подвернула ногу. — Она поправляет сапог и поднимает на меня взгляд. — Слушай. Ты должна пойти за помощью. Иди вон туда, к последней деревне, и не останавливайся, пока не встретишь кого-нибудь.

Я бросаю взгляд к небу, на сгущающиеся сумерки.

— Это должна быть ведьма, — бормочу я. — Она, наверное, использовала чёрную магию, и теперь она…

— Нет. — Она качает головой, и одно лишь это движение вызывает у неё болезненный крик, который она пытается заглушить. — Это не так.

— Что ты хочешь сказать?

— Какая теперь разница? Уходи, пока она не вернулась. Попроси о помощи. Пусть пришлют патруль.

Если она останется здесь одна, то погибнет. Вероятно, я тоже умру, если попытаюсь убежать через этот лес, но у меня хотя бы будет шанс. Возможно, хиру нападёт сначала на Нириду, и этого будет ему достаточно, чтобы на некоторое время успокоиться.

Меня начинает тошнить, но я не могу думать об этом.

Нирида кладет кинжал в мою руку.

Она не знает, что я уже вооружена.

— Беги, — говорит она.

И я подчиняюсь.

Ничто не гарантирует, что тварь не вынырнет из темноты в любую секунду, но я хотя бы должна попытаться. Я крепко сжимаю кинжал, хотя и знаю, что против хиру он бесполезен, и бегу через лес из елей, молясь о том, чтобы…

Чтобы он нашёл Нириду раньше?

Я резко останавливаюсь.

Тишина леса давит на меня. Лишь отдалённый шёпот ветра слышится вокруг, шевеля игольчатые ветви елей, прокрадываясь между камнями и корнями.

Я ругаюсь, снова, и снова, а затем возвращаюсь назад.

Я следую по своим же следам, подхожу к камню, пригибаюсь и нахожу Нириду на земле, с обнажённым мечом, готовую пронзить меня им, и, не спрашивая разрешения, подхватываю её за талию.

— Лира, — шипит она. — Убирайся. Ты что, хочешь, чтобы нас обеих убили?

Нирида хватает мои пальцы в попытке освободиться, и в этот момент я замечаю что-то влажное на её руке. Хмурюсь, глядя на алое пятно у себя на запястье. Она ругается, когда я тяну её за руку, заставляя показать ладонь — чистый и ровный порез.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга, не отводя глаз.

Она собиралась отвлечь его. Планировала привлечь внимание своей кровью.

— Чёрт, — бормочу я.

Я убираю меч. Снимаю куртку, теперь уже запачканную и к тому же слишком тяжёлую, и стаскиваю куртку с Нириды.

— Лира, — пытается остановить она, — Лира. Хватит.

Но я не слушаю. Я вырываю её куртку, хватаю за запястье и небрежно вытираю порез тканью. Она всё равно будет источать запах, но хотя бы оставленная одежда будет пахнуть сильнее.

— Не будь дурой, — бросает она сердито.

Я заметила, что она уже давно перестала говорить со мной, как полагается из-за моего положения, но это первый раз, когда она оскорбляет меня напрямую.

— Да какое тебе дело до того, что я делаю? Всё равно, если хиру меня убьёт, ты будешь довольна, да?

Я подхватываю её за талию, не давая ответить, и держу её с такой силой, какой она точно не ожидала от Лиры, вошедшей в лес.

О том, как это обьяснить, я подумаю позже.

— Ты ничего не понимаешь, — шипит она, корчась от боли, когда я ускоряю шаг.

Мы идём среди елей, без какого-либо направления. Я не могу перестать смотреть на высокие и стройные стволы деревьев и думать, не скрывается ли среди них тварь, охотящаяся на нас.

— Ты делаешь это из-за Кириана? — спрашиваю я.

Возможно, сейчас не лучшее время для разговора, но у меня есть ощущение, что молчание не имеет смысла, так как наши шаги звучат шумно на земле, а стон Нириды становится всё сложнее сдерживать.

— То, что этот идиот чувствует к тебе, не имеет значения, — грубо отвечает она , зажмурившись.

Даже если она не опирается на раненую ногу, каждый шаг даётся ей с большим трудом.

— А что тогда имеет значение? Этика? — спрашиваю я насмешливо. — Добро и зло? То, что правильно?

Я понимаю, что не в том состоянии, чтобы шутить. Почему, чёрт возьми, я вообще вернулась за ней?

— Твоё выживание важнее этих глупостей. Твоя жизнь... — Боль не даёт ей договорить сразу. — Важнее.

Сердце колотится у меня в груди так сильно, что я боюсь, оно заглушает мои чувства.

— Почему? — настаиваю я.

Теперь вопрос становится настоящим. Я хочу, чтобы она продолжала говорить, хочу, чтобы её слова избавили меня от этой пугающей тишины. Но кроме этого, мне нужно знать ответ.

Не слышно ни единого звука, которые должны быть в лесу: ни пения птиц, ни шума крыльев сов, ни стрекота цикад.

Хриплый смешок Ниириды превращается в крик, когда она неудачно наступает.

— Ты не понимаешь.

— Я хочу понять, — говорю я, нервничая.

— Поверь мне, Лира, если бы не другие обстоятельства, я бы сама перерезала тебе горло и оставила, чтобы хиру нашёл тебя первой, — она кусает губы. — Отпусти меня. Оставь здесь. Уходи. Сейчас же.

Её настойчивость только ускоряет мои шаги, потому что у меня возникает предчувствие, что её внезапная тревога не случайна.

— Рада, что мы перешли на "ты", — отвечаю я сквозь зубы от усилий. — Потому что теперь я могу сказать тебе прямо, что ты тяжелее, чем...

Я останавливаюсь.

Тень скользит через лес перед нами, быстрая, как порыв ветра. Ели колышутся, я вижу её между стволами, и, наконец, она замирает сбоку от нас . Она прячется, но я знаю, что она там.

— Это он, да? — спрашиваю я.

Нирида не отвечает, вероятно, потому что охвачена ужасом. Я чувствую это в её теле, дрожащем рядом с моим, в её пальцах, вцепившихся в мою талию, в её глазах, отчаянно ищущих тень в чаще, которую она на самом деле не хочет видеть.

Звук, похожий на треск дерева, раздаётся в лесу, ритмично, кусочек за кусочком.

Крэк. Крэк.

Крэк.

Крэк. Крэк.

Крэк

Часть меня, испуганная и жестокая, напоминает, что их называют "хиру", потому что на языке магии это означает «три». Это те самые секунды, которые у тебя есть до смерти, если встретишься с одним из них.

Один. Два. Три.

Что-то тащит по земле опавшие листья, как змея, извивающаяся в тени.

Хвост. Это проклятый хвост.

Ветки соседней ели слегка качаются и плавно раздвигаются, словно зловещие пальцы осторожно разводят их, чтобы заглянуть внутрь.

Страх захватывает меня, и я уступаю контроль инстинктам.

Хватаю Ниириду за плечи, резко отталкиваю её в сторону и бросаю к одному из деревьев. Она лишь слегка удивляется, прежде чем закрыть глаза, смирившись с тем, что я отбираю у неё меч, и начинает шептать молитву.

Она думает, что теперь я действительно принесу её в жертву.

Возможно, так поступила бы Лира.

Возможно, так должна поступить и я.

Но сегодня командую не я.

Думаю, мой резкий шаг насторожил хиру, дал ему толчок для атаки, и вот он выходит из своего укрытия, прекращает бесконечную охоту и бросается на меня. Сначала как бесформенная тень, затем как существо, составленное из ужасов:

сгорбленное, с острым, вытянутым рылом, глазами, полными кошмара, и стальными зубами.

Хиру с ужасным криком бросается на меня. Каждая клеточка моего тела хочет бежать в противоположную сторону, но вместо этого я сжимаю меч обеими руками, готовлюсь пронзить его. Напрягаю плечи, впиваю ноги в землю и готовлюсь к удару. Однако в последний момент хиру резко уходит в сторону и с силой врезается в меня сбоку, сбивая с ног.

Воздух вырывается из лёгких, но я не выпускаю меч, который врезается в мои костяшки, когда я падаю на твёрдую землю.

Я пытаюсь встать, отчаянно готовясь к новой схватке, но чудовище вновь атакует. На этот раз оно нависает надо мной. Его лапы по обе стороны моего лица, хвост яростно бьёт землю у моих ног, а пасть широко открыта над моей головой, издавая победный рёв.

Чувствую себя глупой, думая, что смогу защититься. Я даже трёх секунд не простояла.

Зловещий голос нашёптывает, что следовало бросить Нириду, ведь теперь мы обе умрём напрасно. Моя самонадеянность погубит меня.

Я не молюсь. Я просто цепляюсь за страх и беспомощность. Позволяю им заполнить меня, раскаиваюсь в своей дерзости и вновь поднимаю меч, когда хиру склоняет свою ужасающую голову ко мне. Его когти останавливают меч, сжимаются вокруг него с ужасным треском, деформируя металл. Я чувствую, как на моё лицо и шею стекает кровь, но это, похоже, нисколько не волнует тварь.

Хиру снова кричит, и на этот раз его гнилое дыхание ударяет мне в лицо, взъерошивает волосы и наполняет всё вокруг отвратительным зловонием, перенося меня в мир кошмаров.

Он мог бы съесть меня. Мог бы откусить моё лицо, выпустить кишки, разорвать на части… И всё же он ждёт, словно сияющий ряд зубов — это улыбка, как будто он наслаждается происходящим.

Я не могу сдвинуть меч. Пытаюсь пошевелиться, но хиру хватает зубами воздух, не давая мне возможности вырваться.

Я продолжаю слышать молитвы Нириды, и смутная мысль пробегает в моей голове: она молится языческим богам, а не богу Львов. Хотя это уже не имеет значения.

Когти твари всё сильнее сжимаются на мече. Хвост так яростно бьётся, что, когда он обвивает мой голеностоп, я ощущаю, как кожа разрывается. Хиру выгибает спину, растягивает свои уродливые суставы и откидывает голову назад.

Какая-то примитивная часть меня понимает, что он закончил игру и настало время еды. В последней попытке защититься я отворачиваю голову — единственное, что мне остаётся. В этот момент я замечаю, как в смутном отражении времени мелькает красный отблеск, прядь волос, которая должна быть чёрной, как у Лиры. Может, близость смерти сводит меня с ума и погружает в бред. Но нет времени думать об этом, потому что в тот же миг хиру завизжит снова, и теперь в этом жутком звуке слышится не радость, а боль.

Отвратительный запах горелой плоти заполняет всё пространство, и я слышу шипение. Мой взгляд возвращается к хиру, к мечу и его когтям, которые плавятся и исчезают в металле.

Я настолько поражена, что не могу думать ни о красной пряди волос, ни о мече, который казался таким слабым в его лапах. Я даже не могу моргнуть.

Я с ужасом наблюдаю, не понимая, что происходит, пока тварь не отпускает меня и в одно мгновение исчезает в лесу елей.

Я считаю секунды, лежа на земле.

Один. Два. Три.

Считаю снова и снова, пока дрожащие руки хватают меня за плечи и помогают подняться.

— Лира, — шепчет Нирида. Эхо её молитв о быстрой смерти всё ещё звучит в моём сознании. Я трясу головой, словно пытаясь вытряхнуть это чувство. — Лира. Вставай.

Я поднимаюсь на ноги, пошатываюсь и только тогда осознаю, что она нуждается в моей помощи, чтобы идти дальше. Обхватываю её талию рукой и, собрав последние силы, начинаю двигаться.

Оглядываюсь лишь раз, потому что больше не хватает смелости сделать это снова.

Затем, пока мы удаляемся, я опускаю глаза на свои спутанные и запачканные грязью волосы: абсолютно чёрные, как и должны быть.

Мы просим помощи в первой таверне, что встречаем на пути. Нахожу стражника, и обе мы ждём, пока он побежит во дворец с известием о том, что нам нужна помощь. Хозяйка даёт нам уголок, не настолько уединённый, чтобы избежать любопытных взглядов тех, кто приходит взглянуть на героинь очередного скандала, но мне уже всё равно — я слишком устала.

Нирида закинула ногу на стул и пьёт одна бокал за бокалом в полном молчании.

— Думаешь, нас воспримут серьёзнее, если к нашему прибытии стража ты опустошишь всю их винную бочку? — спрашиваю я.

— Думаю, так мне будет легче не воспринимать всерьёз то, что только что произошло. — Она одним глотком осушает очередной бокал и наливает следующий. Мой стакан остаётся пустым. — Как ты это сделала?

Я глубоко вздыхаю. С тех пор как моё сердце снова начало биться, я готовилась ответить на этот вопрос. Волнение Ириды дало мне время, но я пришла к выводу, что лучше всего сказать правду.

— Я не знаю, — отвечаю. — Думаю, твой меч как-то повлиял на него. Из чего он сделан?

— Мой меч обычный, — отвечает она. — В нём только лунная сталь и красивая рукоять. — Она глубоко вздыхает. — Была.

— Думаешь, дело в лунной стали? Откуда она?

Лунная сталь — это крепкий материал. Только самые богатые воины могут позволить себе меч из него, но я никогда не слышала, чтобы он обладал магическими свойствами.

— Из каменоломни, — качает головой Нирида. — Он дорогой, но не волшебный.

Ни меня, ни её не волнует меч, оставленный в лесу. Представляю, что она сейчас об этом даже не думает.

— Значит, я не знаю.

— А какой у тебя был план? Когда ты стояла перед ним и ждала, что он бросится на тебя, что ты рассчитывала сделать?

Я снова выбираю правду.

— У меня не было плана.

Нирида берёт бутылку вина и наливает мне немного в пустой бокал, после чего толкает его по столу в мою сторону.

— Это было до нелепого храбро.

Признание в её голосе заставляет меня слегка усмехнуться, и я беру бокал.

— Кириан сказал, что у вас одинаковые браслеты, — замечает она, понижая голос.

Я ругаюсь про себя.

— Этот болтун.

— Да, скромность не его добродетель, — она поднимает бокал в сторону какого-то уголка таверны, и я замечаю несколько любопытных глаз, которые тут же отворачиваются, когда понимают, что мы их заметили. — Даже зная, что ты его спасла, я до конца не верила его истории. Всё-таки это Кириан, и когда дело касается тебя...

— Что? — спрашиваю я, когда она замолкает.

— Ну, он всегда... — Она наклоняет голову, будто надеется, что я пойму сама, но, заметив, что мне действительно нужно объяснение, качает головой. — Раньше я не понимала, что для него в тебе такого особенного. И теперь, даже когда он говорил, что ты изменилась, я не верила.

Сердце начинает биться чуть быстрее. Я должна испугаться, я должна сейчас обдумывать, как разрешить это: контроль над ситуацией. Я должна принять решения, которые заставят их забыть всё, что выводит меня за рамки лучшей версии Лиры. Я должна размышлять, стоит ли риск убийства одного из них того, чтобы сохранить себя в безопасности.

Но моё сердце бьётся быстрее по другой причине.

В глубине, в забытом уголке души, появляется лёгкий трепет, похожий на эйфорию, что-то, что распускается, словно опасный цветок.

Я должна это отрицать. Должна оттолкнуть её, оскорбить за то, что она не смогла меня защитить, пнуть её по синяку на щиколотке. Эта жестокость вполне подошла бы Лире, и, возможно, разозлила бы Нириду настолько, что она бы перестала думать, что со мной что-то не так.

Но я этого не делаю.

Вместо этого я беру дешёвое вино, которое Лире показалось бы отвратительным, и наливаю себе ещё один бокал.

— Итак, теперь, когда твоя зацепка привела нас прямо к хире, что ты говорила? — спрашивает она.

— Не пересекать ручей после заката, — процитировала я.

Она ждёт с прищуренными глазами.

— Ты дура, — выносит она вердикт после некоторого молчания.

И снова честность в её словах заставляет меня громко рассмеяться.

— Я думала, это приведёт нас к чему-то магическому.

— Без сомнения. Поздравляю.

Она стукает своим бокалом о мой и делает ещё один глоток, прежде чем опустошить бутылку на двоих. Затем она машет пустой бутылкой в воздухе, привлекая внимание юноши, обслуживающего столы.

— Кириан сказал кое-что ещё, когда мы прибыли в Эрея, и теперь я не могу выкинуть это из головы, — начинает она, глядя прямо на меня. — Тяжело? Быть здесь, во дворце, который когда-то принадлежал твоей семье, в залах, где ты в последний раз видела своих родителей... Это сложно?

Я немного напрягаюсь. До встречи с Кирианом мне было бы ясно, как Лира ответила бы на такой вопрос. Но теперь я понимаю, что о ней есть много такого, чего я не знала, да и никто не знал.

— Иногда да, — пробую сказать я, прочищая горло, как будто мне неудобно обсуждать это, надеясь, что она не станет задавать больше вопросов.

— Ты часто думаешь об Арлане?

Этот вопрос настолько неожидан, что мне нужно немного времени, чтобы вспомнить это имя. Её брат. Она говорит о брате Лиры. Я беру принесённую юношей бутылку и делаю вид, что вся сосредоточена на том, чтобы налить нам вина, пока решаю, как ответить на её ожидания.

— Стараюсь не думать, — отвечаю. — Мне это не приятно.

Похоже, этого ей достаточно, хотя, возможно, я так и не ответила на истинный вопрос, который она хотела задать. Что Лира чувствовала бы к своему брату? Скучала бы она по нему? Ненавидела бы за предательство Львиных земель? Восхищалась бы его смелостью? Или чувствовала себя преданной, оставленной в этом дворе?

Никто не знает, где он теперь и что делает. Сначала Львы пытались его найти, боялись, что он соберёт армию на севере и нападёт, но прошли годы, и от него не было вестей.

— Я рада, что боги не услышали твои молитвы, — нарушаю молчание, чтобы заполнить паузу.

Нирида смотрит на меня с приподнятой бровью.

— Ты подслушивала?

Мне трудно забыть образ хиры, готового сорвать мне лицо, пока Нирида молилась за быструю смерть для нас обеих. Но я лишь киваю.

— Да.

— Я тоже рада.

Меня немного удивляет, что её не тревожит то, что я это слышала. Похищенная девочка, капитан северных земель, не покорённых завоеванием, молящаяся языческим богам… это могло бы стать поводом для казни.

— Возможно, тебе стоит быть осторожнее со своими... верованиями, — мягко намекаю я, возвращаясь к теме, вдруг осознав, что это важный вопрос, и наблюдаю за её реакцией. Может, Лира это знала, и я могу извлечь из этого ценную информацию. — Тебя не беспокоит, что я об этом знаю?

Нирида усмехается, как будто всё это лишь шутка.

— А тебя не беспокоит, что я знаю, что ты понимаешь языческий язык?

На этот раз удивление настоящее.

— О чём ты говоришь? Я не знаю языческий язык.

— И как же ты тогда поняла, что я молилась за быструю смерть?

Я замолкаю, обдумывая возможность того, что она настолько потрясена или пьяна, что сама не понимает, что говорит. Но она кажется настолько уверенной…

Неужели она молилась на другом языке?

— Не волнуйся, принцесса. Твой секрет в безопасности, пока мой секрет в безопасности у тебя, — говорит она, улыбаясь с полной безмятежностью.

Я тоже беру бокал вина и выпиваю его до дна, потому что совершила ошибку.

Лира не знала языческого языка.

И это далеко не самая страшная ошибка.

Самое ужасное, что я тоже не знаю этого языка.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 19

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

По прибытии во дворец я не позволяю никому из врачей осмотреть меня и прошу Ниириду обратиться за помощью к кому-то в городе, чтобы не привлекать внимания во дворце и тому, что произошло.

Я лечусь, как могу, используя флаконы с лекарствами, которые есть под рукой.

У меня нет возможности снова поговорить с капитаном, чтобы узнать, как заживает её рана, и я не вижу Кириана до следующего дня. Он появляется на неформальной встрече с герцогами, приветствует их, как положено, и садится очень далеко от меня.

Когда встреча близится к завершению, один из слуг приносит мне записку вместе с десертом.

На печати изображён прекрасный ворон.

Внутри — требования.

Я откашливаюсь, прежде чем заговорить.

— Мне стало известно, что верховный жрец одного из самых важных святилищ Уралура скончался.

— Это правда, ваше высочество, — подтверждает Бахам. — Верховный жрец Святилища Галерей.

Я киваю, словно хорошо его знаю.

— Я также слышала, что сегодня будет чтение священных писаний одним из фаворитов на его место.

Бахам обменивается взглядом со своей женой.

— Сегодня будет несколько чтений, в рамках представления кандидатов, чтобы другие верховные жрецы могли выбрать следующего. Я не знаю, кого именно вы имеете в виду, ваше высочество…

— Я имею в виду младшего жреца Мадсена, конечно же.

Они снова обмениваются взглядами.

— Конечно. Да. Сегодня будет и его чтение, хотя, насколько мне известно, он…

Заниа поднимает руку, прося позволить ей продолжить.

— Он не фаворит, ваше величество. Есть другой жрец, более опытный и влиятельный, чем…

— Я поддержу Мадсена, — резко заявляю я, давая понять, что меня не интересует их мнение на этот счёт.

Я не понимаю, почему Орден хочет, чтобы я использовала влияние Лиры, чтобы склонить чашу весов в пользу этого жреца, но я сделаю это. Должна быть веская причина, по которой именно он должен возглавить святилище.

Возможно, он будет лучше другого варианта; возможно, его видение будет менее кровавым и разрушительным, а значит, со временем в Эрее погибнет меньше людей.

Я извиняюсь, чтобы переодеться в более лёгкое платье для верховой езды, и мы отправляемся к Святилищу Галерей. Кириан также решает присоединиться ко мне в качестве моей охраны, но герцоги находятся слишком близко, чтобы я осмелилась обменяться с ним чем-то большим, чем формальное приветствие.

Раньше это место было храмом, посвящённым культу Мари. Вот почему баланс между камнем и природой здесь так совершенен. Круглая постройка возвышается посреди озера, к которому можно добраться только по мосту. Сейчас двери закрыты, и не всем позволено входить, особенно во время избрания верховного жреца. Но раньше это было открытое место.

Высота делает своё дело — здесь уже лежит снег. Он покрывает густо-зелёную траву, кроны деревьев, окружающих это место, и плющ, обвивающий стены.

Среди снежных сугробов расцветают голубые цветы, которые делают пейзаж ещё более холодным, а ледяной ветер заставляет меня ускорить шаг, чтобы поскорее попасть внутрь.

Этаж за этажом, древний храм поднимается вверх, образуя череду галерей. Но арки каждой из них разные, и по форме, и по размеру. Различны и своды — их сложность заставляет меня останавливаться вновь и вновь, чтобы полюбоваться замысловатым дизайном.

Главный зал находится на верхнем этаже. Сотни арок переплетаются там, где уже заняли свои места приглашённые на чтения — только аристократы и достаточно влиятельные люди. В центре возвышается алтарь, за которым уже стоит жрец. За его спиной, на большой витраже, изображены двухголовая змея и лев.

Я задаюсь вопросом, что было изображено здесь раньше; какое изображение Мари, соргинак или их магии было уничтожено, чтобы разместить это новое.

Над нами, на верхнем уровне, красивая галерея арок предлагает привилегированное место немногим избранным. Это места для наблюдателей, тех, кто хочет смотреть, оставаясь незамеченным. Из тех, кто уже там, видны только те, кто стоит у балюстрады.

Герцоги поднимаются по боковой лестнице к одной из самых важных лож; я выбираю другую, предназначенную исключительно для членов королевской семьи.

Я могла бы пригласить герцогов присоединиться ко мне, но не делаю этого. Сегодня я хочу, чтобы меня видели одну, чтобы видели, как я аплодирую и благословляю человека, который должен победить.

Я возглавляю церемонию, сидя прямо над алтарём и витражом, туда, где направлены все взгляды. Это место предназначено для уединения, с каменными скамьями в задней части, достаточно скрытыми и тёмными, чтобы можно было наблюдать, оставаясь незамеченным.

Но сегодня мне нужно совсем другое, поэтому я снимаю накидку, склоняюсь над балюстрадой и остаюсь там на время чтений и речи Мадсена. Когда он заканчивает, я с энтузиазмом аплодирую, прошу слова и с восхищением высказываюсь о нём, чётко давая понять, кого я поддерживаю.

Публика всё ещё аплодирует, когда голос позади заставляет меня вздрогнуть.

— Тебе не кажется постыдным говорить такие вещи с эгузкилоре на шее?

Я резко оборачиваюсь.

— Чёрт.

Кириан сидит на каменной скамье, раскинув руки по спинке и сидя с раздвинутыми ногами в весьма неподобающей для этого места позе.

Он медленно качает головой.

— Интересно, что бы подумал об этом язычестве жрец, которого ты только что восхваляла?

Я немедленно отворачиваюсь, понимая, что все заметили, как я резко повернулась.

— Это священное место предназначено только для королевской семьи, капитан, — укоряю, не глядя на него.

— Я совершал вещи и похуже в более священных местах. — Я почти могу увидеть его тёмную улыбку. — И вы тоже, ваше высочество, — добавляет он с насмешкой.

— Однако, я полагаю, что никогда не избивала кого-то в таких местах. Возможно, сегодня будет первый раз, — отвечаю я.

Кириан смеётся своим низким голосом, который я уже невольно запомнила, и как только я замечаю, что следующий жрец поднялся к алтарю, поворачиваюсь к нему.

Все увидят, как я поворачиваюсь спиной к кандидату, и решат, что я демонстрирую абсолютное неуважение к нему, но это может оказаться полезным, чтобы не осталось сомнений, кого нужно выбрать.

Прежде чем я успеваю снова пригрозить ему уйти, Кириан встаёт, и мои тревоги тут же усиливаются.

—Сядь немедленно! — приказываю я. — Тебя увидят с других галерей.

Кириан смотрит на меня секунду, две... затем, пожав плечами с притворной небрежностью, опускается на колени.

— Что ты делаешь?

Забыв о скамье, где он сидел, он медленно, почти торжественно становится на одно колено, испытывая пределы моего терпения. Он смотрит на меня снизу вверх с выражением, которое сложно прочитать, а затем тянется к подолу моего платья.

Я пытаюсь отстраниться, но моя спина уже упирается в перила.

— Можешь сидеть спокойно, или устроить скандал. Решать тебе, — его взгляд пронзает мои глаза. — Я говорил с Ниридой.

И в этот момент я всё понимаю, но вместо облегчения, напрягаюсь ещё сильнее.

— Можно? — спрашивает он.

Меня настолько удивляет, что он вообще просит разрешения, что я молча киваю. Долгие секунды тянутся, пока этот человек ждёт, стоя на коленях передо мной, готовый приподнять подол моего платья, вынуждая мои мысли заходить туда, куда им не следовало бы.

К черту всех Воронов...

Он приподнимает платье совсем немного, только чтобы увидеть повязку на моей ноге, где обвивался хвост хиру. Я вижу, как он сдерживает дыхание.

— Это правда. Ты сразилась с ним, — шепчет он.

— Не по своей воле, поверь.

Его пальцы касаются края повязки, и я рефлекторно отдёргиваю ногу. Кириан отступает, как будто не заметил, что сделал.

— Прости. — Он достаёт из кармана маленький стеклянный флакон. — Нирида передала это для тебя. Говорит, ты не пошла к врачу.

— Я не смогла, но сама позаботилась о ране, — отвечаю я.

Кириан бросает быстрый взгляд на мою ногу перед тем, как снова встретиться со мной глазами.

— Разрешишь?

По какой-то непонятной причине я снова соглашаюсь. Он одной рукой придерживает подол платья, а другой начинает развязывать повязку.

Зелёная, нежная ткань сминается в его руке, исчезая вместе с вышитыми цветами.

Когда он заканчивает, аккуратно складывает повязку, чтобы она не коснулась земли, и кладёт её на скамью позади нас, прежде чем открыть флакон и погрузить в него пальцы.

Рана выглядит как ожог, но уже не так страшно, как вчера. Кожа на краях воспалена и покраснела, а в некоторых местах покрыта язвами.

Я сдерживаю стон, закрывая глаза от резкого контраста: нежное прикосновение к здоровой коже и жжение на повреждённой.

— Нирида говорит, что ты изменилась, — шепчет он, вынуждая меня снова на него взглянуть. Он, однако, сосредоточен на ране. — Я сказал ей, что это неправда. Лира, которую я знал, не изменилась. Ты другая.

Моё сердце пропускает удар, и каждая клетка тела напрягается, но Кириан спокоен, и я постепенно начинаю понимать, что он имеет в виду.

— Я такая же, как всегда, — протестую я, удивляясь, насколько неуверенно звучит мой голос.

Он медленно качает головой. Тёмные волосы, выбившиеся из-под кожаного ремешка, вьются на его лбу и за ушами. И я вот-вот поддамся желанию запустить в них пальцы.

Хотя снаружи все видят только мою спину, я не могу поверить, что мы находимся в столь интимной ситуации в окружении стольких людей.

— Нет. Ты не та, и ты это знаешь. Ты стала лучше.

У меня сжимается горло.

Его слова должны были прозвучать как угроза, но вместо этого ощущение опасности растворяется в горькой смеси сожаления, вины и чего-то, похожего на надежду.

Надежду на что?

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — возражаю я.

— Напротив, я отлично понимаю, — отвечает он. Я замечаю, что он уже закончил. Одной рукой он берёт повязку и с завидной ловкостью начинает снова её завязывать. — Для меня существует две Лиры. И эта больше напоминает ту, которую я знал в Эрэе, когда она была всего лишь ребёнком.

Мне не стоит спрашивать. Ни в коем случае нельзя продолжать этот опасный разговор, но всё же…

— Почему?

Кириан даже не смотрит на меня.

— Ты стала смелой. Ты рискуешь… ради других людей, — говорит он медленно, тщательно подбирая слова, как будто понимает, насколько этот разговор пугает меня, хотя и не догадывается о настоящих причинах. — Ты делаешь вещи, которые раньше никогда бы не сделала.

— Я делаю и плохие вещи, Кириан, — вырывается у меня.

— Все мы порой совершаем плохие поступки.

И вот, повязка снова на месте.

Но он не отступает. Стоит рядом, одна нога согнута, другая коленом упираясь в пол, словно готовится принести клятву верности; но слишком близко для этого.

Его рука, держащая подол платья, чуть шевелится, но я не успеваю проследить за её движением, потому что другая, та, что была на моей ноге, отвлекает меня, когда мягко касается моей обнажённой кожи колена и начинает медленно подниматься выше.

У меня замирает дыхание.

— Кириан, — предупреждаю я.

Он поднимает глаза, и мне кажется, что блеск в них — это обещание чего-то запретного.

— Скажи моё имя ещё раз, принцесса, — мурлычет он.

Его пальцы скользят по моему бедру, и все мои нервные клетки болезненно сжимаются.

Я готова повторить его имя, но прикусываю губу, когда замечаю, что Кириан подался ко мне чуть ближе, всё ещё стоя на коленях, и его взгляд медленно опускается по моему телу.

— Это вопиюще неподобающе, — шепчу я.

Внизу, в едва слышной монотонности, продолжают читать священные писания.

—Что? —с вызовом осмеливается спросить он.

Его шершавые ладони поднимаются по моим бедрам, выше, заставляя сердце биться быстрее.

—Встань немедленно, — приказываю я.

Кириан поднимает бровь.

—Да? Этого ты хочешь?

Я представляю, как он встает прямо здесь, на виду у всех, превращая это в самый громкий скандал десятилетия.

Внезапно его пальцы начинают двигаться в еще более опасном направлении, скользя по внутренней стороне моего бедра в такой медленной и продуманной ласке, словно художник, запоминающий каждый штрих своего творения. Его взгляд поднимается по моему телу, следуя за пальцами, а его лицо так близко, что я ощущаю его дыхание на своей коже.

Разум уступает контроль, и сердце угрожает захватить бразды правления.

—Хватит, — говорю я в последней попытке — Мы в храме.

—И я буду делать то, что положено в храме, ваше высочество. Поклоняться.

Кириан наклоняется вперед и целует кружево моих трусиков. Это не осторожный или нежный поцелуй. Это поцелуй, полный жадности, владения, напоминающий мне тот, которым он впервые поцеловал меня в губы.

—Черт... — вырывается у меня, возможно, достаточно громко, чтобы кто-то на другой галерее услышал. Но, что хуже всего, меня это не волнует.

Кириан отстраняется, услышав это. На его лице появляется волчья улыбка, полная греха, и он облизывает губы, смотря на меня.

Затем он делает то, чего я не ожидаю: снова спрашивает разрешение, так же как раньше.

—Можно?

Мне требуется некоторое время, чтобы понять, что он спрашивает, осознать, что его руки касаются края моего нижнего белья.

Мое сердце замирает, и я перестаю думать.

—Да.

Кириан улыбается, будто не ожидал этого ответа, и из его груди вырывается хриплый, низкий смех, от которого у меня пробегают мурашки. Не раздумывая, он стягивает мои трусики вниз по ногам, и через мгновение я готова выругаться.

Это не медленные, скромные ласки. Он повторяет то, что делал поверх моего белья, только теперь я чувствую это каждой клеточкой тела. Я ощущаю его губы, его рот и этот гортанный звук, который вырывается из его горла, словно это он сам с трудом сдерживает себя.

Я впиваюсь пальцами в его темные волосы и благодарю судьбу, что за мной есть опора, иначе мои ноги не выдержали бы. Его руки крепко удерживают меня, пока он целует меня, так словно голоден, и через мгновение я почти на грани.

Я цепляюсь за его плечи, за шею, немного сгибаюсь, и он смеется, касаясь меня губами.

—Потерпи еще немного, — приказывает он хриплым голосом.

Кажется, Кириан прекрасно понимает, что этим он добивается противоположного эффекта, потому что на мгновение останавливается и смотрит на меня с чем-то похожим на благоговение. Когда я уверена, что он снова собирается наброситься на меня, одно очень умелое движение языка лишает меня ощущения реальности, приличия и, пожалуй, достоинства.

Я прикусываю губу, чтобы подавить стон, и запрокидываю голову назад, когда мощная волна пронзает меня, делая все вокруг размытым.

Я чувствую себя мягкой, почти растаявшей, пока Кириан продолжает целовать меня, захватывая самую чувствительную часть моего тела своими губами, а его язык оставляет ласки, заставляющие меня дрожать.

Его пальцы впиваются в мою спину, когда он замечает, что я теряю равновесие, и только тогда он отпускает меня.

Он бережно поднимает мои трусики, которые еще висят на моих лодыжках, нежно протягивает их вверх по моим ногам. Проведя рукой по губам, он смотрит на меня, стоя на коленях, победоносно и с совершенно непристойным выражением лица.

Он немного откидывается назад, ровно настолько, чтобы сесть незамеченным, снова вытягивает руки на спинке, поднимает подбородок и долго смотрит на меня с той полуулыбкой, которая кажется мне привычной.

Я стою несколько мгновений, глядя на это красивое, вызывающее и невероятно провокационное лицо, пока пытаюсь восстановить дыхание. Я чувствую легкое головокружение, порочность и... неожиданное счастье.

Я отхожу от балюстрады, скрываясь от взглядов, и направляюсь к Кириану, чей тёмный, наполненный огнём, взгляд не отпускает меня. Когда я подхожу ближе, опускаюсь на колени перед ним.

Кладу одну руку на его колено, а другую — на его напряжённую промежность. Кириан закрывает глаза, выдыхает ругательство и откидывает голову назад, когда я касаюсь его ремня.

Но прежде чем я успеваю его расстегнуть, он хватает меня за запястье.

— Не верю, что скажу это, но...

— Тогда не говори, — перебиваю его.

Кириан издаёт разочарованный рык.

— Я не могу позволить тебе это сделать.

Я сглатываю.

— Почему? — шепчу я.

Он смотрит на меня, словно решая, стоит ли отвечать. Проведя языком по нижней губе, он качает головой и наклоняется вперёд, приближаясь ко мне так, что наши лица оказываются всего в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Потому что если ты меня коснёшься, хоть руками, хоть губами, о которых я буду мечтать всю ночь, этого не хватит. Я захочу большего. Гораздо большего. Я подниму тебя на этот балкон, раздвину твои ноги и попрошу разрешения овладеть тобой перед всеми. — Он делает глубокий вдох. — И хуже всего то, что, думаю, ты мне позволишь.

Чёрт возьми...

Я пытаюсь освободить свою руку, продолжить ласку и проверить, сможет ли он исполнить свою угрозу. Но где-то внутри у меня всё ещё остаётся крупица здравого смысла, которая заставляет меня дышать, раз за разом, прежде чем я поднимаюсь, поворачиваюсь к нему спиной и снова становлюсь у балюстрады.

Моё дыхание всё ещё сбивчиво, когда я слышу шёпот позади себя.

— Лира...

Я не оборачиваюсь, потому что знаю — это он. Но мне нужно время, чтобы осмыслить то, что произошло, и то, что я едва не сделала.

— Лира… — настаивает он, а я делаю глубокий вдох, чтобы набраться храбрости.

Я должна извиниться, хотя и не понимаю, почему. Я должна объяснить, что подобное больше никогда не должно повториться. Ни при каких…

Нить моих мыслей обрывается, когда я оборачиваюсь и понимаю, что его нет. Я одна, и тем не менее...

«Лира…»

На этот раз шёпот раздаётся откуда-то с другого места. Тяжёлое чувство поднимается к горлу, а беспокойство царапает рёбра изнутри.

Я оглядываюсь по сторонам, осматривая остальные галереи, но голос явно не оттуда.

Отхожу от балюстрады и направляюсь к двери. За ней узкий коридор, по которому я сюда пришла, теперь он кажется темнее, чем раньше.

— Кириан? — произношу я в темноту.

«Лира...»

Холод пробегает вдоль моего позвоночника, позвонок за позвонком. Я почти могу представить, как длинные когти хиру стучат по ним:

Тук

Тук

Тук

Несмотря на это, я продолжаю идти по коридору и спускаюсь по каменным ступеням. Подхватываю подол платья, чтобы не наступить на него, и стараюсь дышать ровнее.

Вдалеке я слышу голос последнего священника. Он вещает о языческой магии и тёмных созданиях, что разлагают наш мир. Его голос поднимается, когда он обещает уничтожить этих существ и молится о защите Божьей от Гауэко.

Пламя канделябров едва держится, неведомый сквозняк угрожает потушить его. Я с трудом вижу свои ноги, спуск становится слишком долгим.

Чем дальше я иду, тем слабее становится голос священника, и тем сильнее трепещут огоньки свечей.

Я замечаю, что воздух наполнился странным ароматом: сырой, землистый, дикий. Он пахнет лесом, глубоким, как Лес Гнева.

Я останавливаюсь.

— Кириан? — снова зову я.

Темнота удерживает мой взгляд, не моргая. Чувство тревоги расползается внутри, и крошечная, но неразумная часть меня решает вернуться обратно.

Я разворачиваюсь, крепче хватаю подол платья и начинаю подниматься обратно, но останавливаюсь, замерев на месте.

Я понимаю, что больше не одна.

Теперь я слышу только собственное сердце — его учащённые удары гремят в неестественной тишине, натягивая мои нервы, как струны.

Единственная свеча, что остаётся гореть, освещает меня. Вверх, откуда я спустилась, теперь тянется лишь чёрная, непроглядная тьма.

И там наверху что-то меня ждёт.

Я чувствую это каждой клеточкой своего тела.

И точно так же знаю, что не смогу убежать. Мои мышцы напряжены до предела, а грудь сковывает мучительная тяжесть. Запах леса становится всё более насыщенным, и дышать становится труднее, как будто воздух наполняется чем-то зловещим.

И тогда я слышу хлопанье крыльев.

Звук доносится и близко, и далеко одновременно.

Я пытаюсь глубоко вдохнуть, но мои лёгкие будто бы пусты. Это больно. Они кажутся тяжёлыми, медленными, и каждый вдох обжигает горло.

Затем существо, которое ждало меня, выходит вперёд, и я вижу его.

Передо мной, в темноте, два полностью чёрных глаза смотрят на меня с плоского, белого лица в форме сердца.

Я вижу острый клюв, перья и огромные, неестественно большие когти.

Это сова. Но и не сова.

«Лира...»

Зовёт меня Кириан, но его голос не принадлежит этому существу. Я понимаю, что эти два элемента совершенно чужды друг другу. Голос не отсюда, не из этого мира теней и ужаса. А вот существо — вполне.

Я открываю рот, пытаясь позвать Кириана, но голос меня не слушается.

Существо приближается, и я чувствую, как голова начинает кружиться.

Я пытаюсь закричать. Пытаюсь позвать на помощь, но из горла вырывается лишь слабый, едва слышный звук.

Существо подходит ближе, а я стою неподвижно, не в силах ни сдвинуться с места, ни закричать. Тяжесть в груди становится невыносимой, а удушье накрывает меня с головой.

Страх взбирается по моему горлу. Сердце начинает биться ещё быстрее.

Я пытаюсь кричать, напрягаюсь изо всех сил, пока существо подходит всё ближе, ближе и...

Мой собственный крик будит меня.

Наконец.

Свет возвращается, но ужас остаётся, слишком плотный, чтобы исчезнуть так быстро, как обычно проходят ночные кошмары.

Мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя, чтобы начать дышать. Я дышу, стараюсь дышать, но... по-прежнему чувствую тяжесть в груди, это ужасное ощущение, когда делаешь вдох, а воздух не поступает в лёгкие.

— Лира, что происходит? Лира?

Кириан.

Кириан здесь, рядом со мной, смотрит на меня с нарастающей тревогой. А я не могу дышать, я не могу...

Капитан расстёгивает шнуровку платья, обнажает корсет, просовывает пальцы внутрь и резко тянет, освобождая мою грудь.

Я делаю глубокий вдох и понимаю, что вцепилась в его предплечье.

Вижу, как нахмуренные брови Кириана, его обеспокоенные глаза ищут мои. Я осознаю, что он сидит рядом со мной, на каменных скамьях королевской галереи.

Я всё ещё слышу голос священника.

— Я закричала? — спрашиваю. Кириан, озадаченный, медлит с ответом. — Кириан, я закричала в молельне?

— Нет, — качает он головой. — Ты… ты только шептала. Ты не кричала, Лира.

Я кладу руку на грудь. Давление всё ещё ощущается.

— Ингума, — шепчу.

Мой голос хриплый.

Кириан удивленно поднимает брови.

— Ты уверена?

— Я его видела.

Я закрываю глаза, но тут же открываю снова, когда воспоминание о сове захватывает меня.

Я пытаюсь вспомнить, когда уснула, но даже не помню, как присела. Однако чётко вижу образ Кириана, стоящего на коленях между моими ногами, и угрызения совести, ещё более острые, чем прежде, сковывают мои мышцы.

Неужели я могла это допустить?

— Когда… — мой голос дрожит, я прочищаю горло, — когда я заснула?

— Не знаю, — отвечает он.

Он продолжает смотреть на меня, не отрывая взгляда.

— Когда? — настаиваю я, теперь уже срываясь. — Когда я села?

Кириан не понимает. Я вижу это по его обеспокоенному взгляду.

Тем не менее, он качает головой, пытаясь ответить на мой вопрос.

— Я заметил. После того как перевязал тебе рану, ты села на секунду и…

— Мы что-то сделали?

— Что-то? — переспросил он, без тени иронии в голосе.

Мое горло пересохло.

— После того, как ты снова перевязал рану, что произошло?

Кириан проводит рукой по волосам.

— Лира, что происходит?

Сердце колотится так сильно, что каждый удар вызывает боль. Это уже не от удушья или нехватки воздуха.

Я хочу объяснить, но не могу, и он, кажется, это понимает. Медленно качает головой, и, внимательно изучая выражение моего лица, отвечает:

— Ничего не произошло. Я перевязал твою рану, ты села, и, когда я обернулся, ты уже спала.

Я закрываю глаза, на этот раз с облегчением.

Это был всего лишь сон, кошмар… И всё же он кажется таким реальным. Если я сосредоточусь, то смогу снова почувствовать руки Кириана на своих бедрах, его губы на моей коже… Смогу ощутить удовольствие.

Даже сейчас, зная, что ничего не случилось, я не могу убедить себя, что это была лишь видение, вызванное Ингумой. Я не могу размыть границы между тем, когда я заснула, и когда начался этот сон.

Это пугает.

— Что он заставил тебя увидеть?

Я сглатываю.

— Ничего.

— Лира, — настаивает он.

Я поворачиваюсь к нему. Его синие глаза сверлят меня серьёзным взглядом. Нет и следа той улыбки, дерзкой, игривой, которой он часто меня дразнит. Его губы теперь тонкая, жёсткая линия.

— Это не твоё дело, — говорю я, пытаясь поправить корсет, но сделать это практически невозможно, не сняв платье. Я раздраженно фыркаю, пытаюсь натянуть его как можно сильнее, затем делаю то же самое с верхом платья.

— Помочь тебе?

— Ты уже сделал достаточно, — отвечаю я.

— Мне казалось, что ты задыхаешься.

— Так и было. Ингум меня душил.

Я знаю, что Кириан ни в чём не виноват, но его присутствие рядом напоминает мне о том, что произошло в видении, и вновь пробуждает горечь угрызений совести.

Это был не ты, говорю я себе. Хотя не слишком уверена в этом. Меня было так легко спровоцировать, и я так легко поддалась...

Оставив платье, которое теперь стало только неудобнее, я снова смотрю на него. Чётко очерченные скулы, прямой нос и те тёмные пряди, что не удалось собрать кожаным ремешком и которые упали на его лоб.

— Почему он меня атакует?

— Ингум? — Он задумчиво прищуривается. — Иногда он выбирает кого-то себе в жертвы. Если ему понравилось то, что он увидел в тебе, если это его как-то насытило, он может стать одержим тобой.

— Прекрасно.

— Это не обязательно так, — добавляет он, поднимая руку. — Такое случалось лишь дважды. Лес Гнева был идеальным местом для этого, а теперь... возможно, это просто издёвка.

— Издёвка?

Кириан пожал плечами.

— Мы находимся в храме, — отвечает он.

Эхо его прежних слов, сказанных в том же месте, заставляет мурашки пробежать по моей шее.

«Вот что я сделаю, ваше высочество. Буду поклоняться».

Я ругаюсь сквозь зубы и отстраняюсь от него, поднимаясь на ноги. Его голос останавливает меня, когда я уже у двери.

— Куда ты?

— Мне нужно на воздух.

Я начинаю спускаться по лестнице, и на этот раз свет больше не играет со мной. Кириан следует за мной.

— Герцогам не понравится, что ты покидаешь церемонию, даже если твой фаворит уже выступил.

Я не отвечаю. У меня нет сил придумывать оправдания.

Когда я спускаюсь на нижний этаж, сталкиваюсь с проблемой: толпа.

Я почти снова выругалась, но тут Кириан мягко берёт меня за локоть и подаёт мне накидку, о которой я совершенно забыла. Я надеваю ее, а он жестом предлагает следовать за ним, подальше от любопытных взглядов. Нас видят только стражи и несколько пар, которые не смогли найти себе места.

На улице меня встречает яростный холод. Я снимаю капюшон и с облегчением ощущаю мороз на щеках, губах, висках...

И вдруг осознаю нечто странное.

— Снег идёт?

Кириан тоже поднимает голову, и один снежный хлопок оседает на его скуле, другой — на ресницах, а третий — на лбу.

— В этом году снег выпал позже.

Глядя на него, я понимаю, что чувство вины, которое я испытываю, всё ещё является частью кошмара. Раскаянье, которое я ощущала лишь отдалённо во сне, теперь стало глубже и острее. Это тот самый страх, из которого черпает силы Ингума, и он тем болезненнее, что исходит из наивного желания, чтобы Кириан меня заметил. Кажется, именно поэтому это произошло после того, как он признался, что видит меня по-другому, что считает меня другой… О, нет. Неужели и это тоже было не настоящим?

— Кириан, — шепчу я, и мой голос звучит слабо. Я жду, когда он посмотрит на меня, набираясь мужества для вопроса, ответ на который, вероятно, причинит мне боль больше, чем должен бы. — То, что ты сказал раньше, когда перевязывал мне ногу…

Я не заканчиваю. Я не знаю, как это сделать.

Кириан смотрит на меня с осторожностью, ожидая продолжения.

— О чём ты?

Я глубоко вздыхаю и качаю головой.

— Ты правда считаешь, что я изменилась?

Мне не следовало задавать этот вопрос. Не стоило поднимать такую щекотливую и болезненную тему. Это должно было бы вызывать стыд, ведь это означает, что я не выполняю свою роль, ту, для которой была рождена. Я должна была бы хотеть, чтобы этот разговор никогда не состоялся. Но когда я думаю, что это могло не быть реальностью, что-то горькое сжимает мою грудь так же, как и кошмар Ингумы.

— Я так не думаю, — наконец отвечает он. — Я это знаю. Я вижу это каждый день.

Мне следовало бы испугаться. Я должна бы рассердиться на себя.

Однако я слегка улыбаюсь.

Это опасно, это безрассудно… Я отвожу взгляд и смотрю на мягко падающий снег, пытаясь сдержать слёзы, грозящие пролиться.

— Ты… — начинает он.

Я сглатываю.

— Всё в порядке, — резко отвечаю и пытаюсь собрать то мужество, которое постепенно теряла.

Я понимаю, что он продолжает смотреть на меня, и готовлюсь к вопросам, которые он неизбежно должен задать. Но они так и не прозвучат.

— Я знаю, что нам теперь делать, Лира.

— Что?

Грудь всё ещё болит, когда я глубоко вдыхаю.

— Я отвезу тебя домой.

Я глубоко вздыхаю и киваю. Я не задаю вопросов и понимаю, что не нужно этого делать, потому что произошло нечто неожиданное: я ему доверяю.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Гребень Ламии

Однажды ночью мальчик услышал историю.

Её рассказывает ему мать, а ей, в свою очередь, поведала ее мать.

Из поколения в поколение легенды лесов Эреи передаются как наследие; нематериальное сокровище, которое живёт сквозь время и сохраняет магию.

На острове Воронов девочка слушает ту же историю, но не из уст любящей матери, которая посадила бы её на колени. Ей её рассказывает наставник Ордена, желающий, чтобы она узнала как можно больше о языческих легендах и традициях.

Одна история рассказывается с любовью. Другой — с ненавистью.

Но результат оказывается одинаковым. В течение нескольких ночей оба ребёнка, Волк и Ворон, размышляют об одном и том же. Они обдумывают и пережёвывают историю, пока однажды не встают, решив отправиться на поиски.

Обоим рассказали, что Ламия — это создание небывалой красоты, с телом женщины и хвостом русалки, живёт рядом с источниками и способна свести с ума любого мужчину. Никто из них точно не знает, злое ли это существо или доброе; но они уверены в одном — она исполняет желания.

Они стараются не думать о той части истории, в которой Ламия, оскорблённая мужчиной, предавшим её и укравшим её золотой гребень, мстит ему и всем его мужским потомкам, и, преисполненная ненавистью, пожирает любого мужчину, осмелившегося приблизиться к её пещере.

«Я — женщина», — говорит себе Ворон.

«Я всего лишь ребёнок», — думает Волк.

И некое детское предчувствие побуждает одну сбежать от жёсткого контроля Ордена, а другого — от любящей опеки родителей, чтобы отправиться к ближайшему водоему, которое приходит им на ум.

Одна отправляется к пещере на утёсе.

Другой — к озеру.

В их любимой версии истории Ламия лишь обезумела из-за того, что злые люди многократно обманывали её, пользуясь её наивностью, и украли гребень, который является частью её сущности. Принц приходит ей на помощь, ведь Ламия не может войти в мир смертных, и возвращает ей украденный гребень, восстанавливая её разум и доброту. В обмен на это Ламия исполняет его желание.

Мальчик хочет попросить, чтобы война прекратилась.

Девочка — чтобы родители вернулись и забрали её.

Однако ни один из них не находит золотого гребня.

Им повезло не встретить и саму Ламию, ведь оба не знают, что даже в их любимой версии сказки принц в конце погибает, съеденный ею.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 20

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Город Армира.

Дом семьи Кириана виден вдалеке среди верхушек елей, на склоне холма у подножия высокой заснеженной горы.

Высокая стена, покрытая снегом, окружает владение, но не выглядит оборонительной. В разных местах арочные проемы открывают проходы во внутренний двор. Нетронутый снег, без следов и пятен, усиливает чувство первобытного одиночества, которое я испытываю, когда пересекаю стену и вхожу на территорию.

Мы должны обогнуть озеро, которое ещё не замёрзло, следуя по тропинке, вдоль которой расставлены скамейки — возможно, для отдыха в более тёплую погоду.

Дом с остроконечными крышами, с которых уже начинает сползать снег, окна закрыты шторами, просторные балконы и смотровая площадка на верхнем этаже одной из башен.

Нам нужно пройти через сад, где дорожку обрамляют несколько белых каменных колонн, которые не поддерживают ничего и, вероятно, когда-то были частью древнего строения. Остатки прежней жизни проступают между аккуратно подстриженными живыми изгородями, когда мы идем к главному входу.

Дверь открывается, как только мы подходим, и нас приветствует экономка с почтительным видом. Она видела Кириана всего несколько дней назад, когда нас с Ниридой атаковал хиру, так что не задерживает на нем взгляд. С Ниридой же она обменивается поклоном и берет ее с нежностью за руки .

Когда приходит моя очередь…

— Дорогая девочка, — улыбается она. — Рада видеть тебя… вас.

Я знала, что визит сюда — риск, но он необходим, если я хочу продвинуться вперед. Не только в поиске способа разорвать сделку с Тартало, но и в раскрытии истинной связи между Лирой и Кирианом.

Я отвечаю ей сдержанным поклоном. Говорю себе, что не имеет большого значения, какой была Лира для этих людей в девятилетнем возрасте: важно, как она бы реагировала теперь, спустя десятилетие. Я веду себя соответственно.

Экономка кивает в ответ на холодность моего жеста, кажется, немного смущена, и отступает, чтобы трое юношей помогли нам с багажом. Мы приехали с солдатами, но они сами несут свои сумки.

Уралур, столица королевства, всего в двух часах езды верхом, а если ехать быстро, то и того меньше. Поэтому она достаточно близко, чтобы я могла посещать официальные мероприятия, на которые меня пригласили герцоги.

После церемонии, на которой был избран старший жрец, которого поддерживала Орден, герцоги вернулись домой, обсуждая его речь и радуясь выбору, хотя раньше не поддерживали его. Когда мы добрались до замка, я уже выразила желание посетить другие города королевства, такие как Армира.

Ни один из них не смог отказать.

У этого места есть еще одно преимущество: оно достаточно далеко, чтобы я могла продолжать свои поиски в полной свободе.

Экономка проводит нас в большой холл, где я замечаю двух женщин, наблюдающих и ждущих. У младшей — более открытое и скучающее выражение лица. Ее черные прямые волосы распущены, а челка придает ей непринужденный вид, хотя каждая деталь ее элегантного наряда тщательно продумана. Рядом с ней старшая, с черными волосами, заплетенными в косы и уложенными в элегантную прическу, которая открывает красивое, но суровое лицо с острыми скулами и узкой челюстью. Обе — сестры Кириана, в этом нет сомнений.

Аврора, младшая. И Эдит, старшая.

Тонкая струйка волнения пробегает по моему телу, когда Кириан подходит к ним, обнимает, а затем все трое поворачиваются ко мне, молча ожидая.

Я подхожу к ним и приветствую их сдержанным поклоном.

— Аврора, Эдит. Рада вас видеть.

— И мы тоже, — отвечает старшая с утончённой улыбкой. — Чувствуйте себя как дома.

— Спасибо.

Аврора молчит. Вблизи я замечаю, что ее глаза голубые, как у ее брата, и они даже больше похожи, чем я предполагала. У обоих есть это слегка темное, задумчивое выражение, хотя у младшей сестры оно кажется более печальным.

Я задаюсь вопросом, почему.

— Аврора. Эдит, — приветствует их Нирида, следуя за мной.

От хромоты, оставшейся после встречи с хиру, не осталось и следа, едва заметного даже для тех, кто видел рану. В ее приветствии нет излишней теплоты, оно тоже сдержанное, но в улыбках, которые она им дарит, и в том, как она берет их за руки, ощущается родство.

— Ты прекрасно выглядишь, Аврора, — говорит она после короткой паузы. — Вы обе выглядите прекрасно, — добавляет она, бросив взгляд на Эдит, которая, кажется, ничуть не обижена тем, что ее забыли.

Если мои расчеты верны, Авроре должно быть на два-три года меньше, чем нам, около шестнадцати. Старшей — должно быть за двадцать.

— Белый цвет вам к лицу, — любезно произносит Нирида.

И это правда. Обе сестры носят поверх платьев белые накидки с меховыми воротниками на плечах. Черные волосы Авроры кажутся еще чернее на фоне этого контраста.

— Ты тоже прекрасно выглядишь, Нирида, — мягко отвечает Эдит. — Время тебя пощадило.

— Это неправда, — спокойно возражает Аврора. — У тебя под глазами появились круги, и холод повредил кожу на щеках.

Эдит оборачивается к ней с укоризненным взглядом.

— Аврора, — делает она ей замечание.

— Но ты и правда красивая, — добавляет та, словно это могло сгладить сказанное ранее.

Нирида, вместо того чтобы обидеться, лишь шире улыбается, как будто не может сдержать себя.

— Принцесса, я покажу вам ваши покои, — говорит Эдит и указывает рукой на лестницу. — Аврора, скажи на кухне, чтобы приготовили что-то горячее для наших гостей.

Аврора кивает и исчезает в соседней комнате, пока Эдит, сдержав обещание, показывает мне дом. Я благодарна за формальность, ведь это позволяет мне обратить внимание на детали, которые я иначе не заметила бы.

Мне остается только гадать, сколько раз здесь бывала настоящая Лира, сколько раз она играла в прятки с Кирианом или тайком таскала сладости с кухни, когда они были детьми.

К счастью, для тех, кто живет в этом доме, это прошлое кажется таким же далеким, как и для меня, и я могу сохранять дистанцию, которая выглядит естественно.

Юноши поднимают багаж в мои покои, и Эдит оставляет меня одну, чтобы я могла немного привести себя в порядок перед обедом.

Я все еще выбираю более удобное платье для дома, вместо тяжелых теплых тканей, которые выбрала для поездки, когда дверь комнаты, значительно меньшей, чем та, что мне предложили герцоги в столице, тихо приоткрывается.

На пороге стоит Аврора.

— Кириан говорит, вы видели настоящего хиру.

Я кладу платье на край кровати и поворачиваюсь к ней, несколько удивленная.

— Да, это так, — отвечаю я.

Аврора приподнимает брови.

— Он также говорит, что вы сражались с ним, — добавляет она, явно не веря.

— Это тоже правда.

Ее лицо меняется еще больше.

— Так это правда, — удивляется она.

Я нахмурилась, не понимая, почему она так резко изменила свое мнение о моей правдивости.

— Я стараюсь не лгать, — отвечаю я, не зная, что еще сказать.

— Вот это как раз была ложь, — заявляет она без раздумий.

Я внимательно изучаю ее. Я знаю ее не достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно в этом разговоре.

— Ну, все же люди иногда лгут, не так ли? Иначе мир был бы гораздо более жестоким.

— Вы себе даже не представляете, — соглашается она с горькой улыбкой. — Почему вы приехали на север?

Меня удивляет ее прямота: сначала с Ниридой, теперь со мной. Возможно, поэтому Эдит так быстро отправила ее на кухню.

— Чтобы укрепить власть их величеств здесь.

— Лжете.

Я склоняю голову набок.

— Простите?

— Что вы на самом деле ищете в Эрея? Приехали шпионить для королей?

— Что? Нет.

— Ладно. — Снова Аврора выглядит немного удивленной. — Вы приехали искать своего брата, Арлана?

— Конечно, нет. Я ничего не знаю о его местонахождении. А вы знаете?

Всегда считалось, что Арлан сбежал на север, в незавоеванные земли, но, поскольку с тех пор от него не было вестей, никто не может быть в этом уверен. Или, может быть, здесь действительно знают больше…

— Я тоже ничего не знаю. Так значит, вы приехали ради моего брата?

Я хмурюсь. Думаю не отвечать и продолжить расспрашивать про брата Лиры, но, вероятно, его поиски не должны быть моим приоритетом. Он так давно исчез с политической арены, что уже не представляет угрозы. Поэтому я отвечаю на ее вопрос.

— Нет.

— Вы приехали ради него, — говорит она быстро, не давая мне времени осмыслить разговор. — Но почему? Из-за браслета Тартало? Вы беспокоитесь об этом?

Я убью его.

— Он и это вам рассказал?

— Да, — отвечает она без паузы. — Значит, вы волнуетесь за моего брата?

— Конечно, нет. Капитан Кириан способен позаботиться о себе сам.

Аврора улыбается.

— Нет, вы действительно беспокоитесь. Как интересно. Вы влюблены в него?

Я широко распахиваю глаза, не в силах поверить, что она осмелилась задать подобный вопрос невесте принца.

— Разумеется, нет.

Аврора улыбается еще шире, явно заинтригованная. Она уже открывает рот, чтобы задать мне очередной вопрос, выбивающий меня из равновесия, как вдруг рядом с ней появляется Кириан и кладет руку ей на плечо.

Если он слышал наш разговор, то виду не подает.

— Аврора, дай принцессе переодеться. Повариха говорит, что обед почти готов.

Его сестра бросает на него укоризненный взгляд, но не возражает, а просто разворачивается и уходит, не попрощавшись должным образом. Почему бы ей это делать после таких вопросов?

— Любопытная девушка, — замечаю я, когда шаги Авроры затихают в коридоре.

— О да, такая и есть, — отвечает он, облокачиваясь на дверной косяк так же, как его сестра, только с более непринужденной позой, скрестив руки на груди и с веселым выражением лица, от которого я начинаю сомневаться, слышал ли он нашу беседу или нет. — Значит, ты очень волнуешься за меня, — мурлычет он.

Он все слышал.

— Как я уже объяснила твоей сестре, я достаточно уверена в твоих силах, чтобы вообще не беспокоиться.

— Да-да, конечно.

Кириан широко улыбается, ничуть не скрывая своих чувств. Он улыбается так искренне, что его лицо словно светится, и я... Я качаю головой.

— Я собираюсь переодеться, — напоминаю ему, указывая на платье, разложенное на кровати.

Кириан заходит в комнату так, будто это приглашение не уходить, а наоборот — оставаться, и проводит рукой по ткани, но не останавливается. Он идет к одной из дорожных сумок и вытаскивает платье, которое было аккуратно сложено.

— Вот это мне нравится больше, — замечает он.

— Жаль, что твое мнение не имеет значения, — отвечаю я с раздражением.

Он тянет платье до тех пор, пока легкое черное шелковое одеяние не падает на кровать. Если честно, оно нравится и мне, возможно, больше, чем должно, ведь я не уверена, что бы настоящая Лира о нем подумала. Хотя могу догадаться: слишком простое.

Поэтому я не надену его на публике.

— Тебе стоит прислушиваться к моему мнению.

— Ах, правда?

— Я провел много часов, наблюдая за твоим… гардеробом, — говорит он, с трудом сдерживая смех. — Я знаю, что тебе идет, а что нет, а это платье… — Он проводит взглядом по моему телу без малейшего стеснения. — Оно подчеркивает все, что нужно подчеркнуть.

Он улыбается, как идиот.

— Я надену бордовое, — решительно заявляю я.

— Бордовое тоже красивое, — уступает он. — В нем интересный разрез сбоку на юбке.

— Ты действительно обращал внимание на одежду, — неохотно признаю я. Судя по моему румянцу, он уже понял, что его провокации действуют на меня больше, чем мне хотелось бы признать. — Не помню никакого разреза сбоку. Нужно будет выбрать что-то более подходящее для холодной погоды Эрея. А теперь, если ты не возражаешь…

Кириан достает из сумки еще одно платье.

— И это мне тоже нравится, — заявляет он. — Кружево на груди — просто восхитительно.

Я не понимаю, как он может произносить такие слова, не смеясь, но ему это удается. Он лишь скалится, как волк.

— Ты дал мне повод подумать о многом, — саркастично замечаю я. — Но боюсь, если я не переоденусь, мы оба опоздаем на обед.

— Это верно. Прошу, начинай, — он машет рукой и садится на кровать среди платьев. — Не хотелось бы опоздать.

Я должна была бы разозлиться. Это абсурд, и он ведет себя как дурак. Но… я не злюсь. Раздражена — да. Но зла…

Я решаю, глядя на его дерзкую улыбку, что не поддамся на его уловки. Если он думает, что я буду тратить время, прося его выйти из комнаты, он ошибается.

Если кто-то сейчас пройдет по коридору, ему откроется весьма интересная картина.

— Хорошо, — говорю я.

Я начинаю развязывать шнуровку корсета, ослабляю его и не торопясь, снимаю его. Улыбка Кириана не исчезает. Возможно, он думает, что это блеф и я намеренно затягиваю время.

Я выпрямляюсь, снимаю корсет и позволяю платью упасть на бедра, а затем на пол, пока оно не сворачивается кольцом у моих сапог. Я аккуратно отодвигаю его в сторону, чтобы не испачкать, и подхожу к нему только в грязных с дороги сапогах и нижнем белье, которое мало что скрывает, хотя ему и не нужно.

Я понимаю, что он перестает думать, что это блеф, когда его улыбка исчезает. Кириан смотрит на меня ошеломленно, пока я не останавливаюсь перед ним в полуметре и не начинаю развязывать ленты лифа, чтобы снять его тоже.

Кириан не двигается. Он смотрит на меня с открытым ртом, и мне с трудом удается не рассмеяться.

Я наклоняюсь к нему, упираюсь коленом между его ног, приближаясь настолько, словно собираюсь сесть ему на колени, и беру бордовое платье, которое выбрала с самого начала.

Затем я надеваю его.

Я наслаждаюсь каждой секундой этого спектакля, в котором его прекрасное лицо, наконец, кажется удивленным, и не спешу, завязывая корсет, поправляя ткань и проверяя, достаточно ли она плотная, чтобы не нуждаться в дополнительном белье.

Я поворачиваюсь и показываю ему разрез на ноге, открывающий колено и часть бедра, если двигаться определенным образом.

— Ты был прав. Эта деталь мне очень даже к лицу. Идем?

Кириан издает хриплый звук, больше похожий на предупреждающий рык, и закрывает глаза.

— Можешь идти одна.

— Ты не идешь? — спрашиваю я, явно провоцируя его.

Он закусывает губы и снова издает тот звук, который я вполне могу представить в другой момент, возможно, прямо на этой кровати, на которой он сидит. Я трясу головой, стараясь избавиться от этого образа и этого звука в своих мыслях.

— Я спущусь позже, — отвечает он. — Спасибо, Лира.

— И тебе спасибо за советы, — говорю я, разворачиваясь, прежде чем он заметит, что я снова покраснела.

Не должно быть такого ощущения, если выиграла я, верно?

И все же, во время сегодняшнего обеда я продолжаю думать о воспоминаниях, которые не принадлежат мне, но могли бы. О слишком живых образах, слишком соблазнительных звуках, слишком смелых руках на моей коже.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 21

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Лира до сих пор не надела своё чёрное платье.

Возможно, теперь она никогда больше этого не сделает.

Если, надев его, она снова собирается устроить мне такое же представление, какое было в день нашего прибытия, то, возможно, так будет лучше. Для нас обоих, но, прежде всего, для меня.

На следующий день она спустилась в город, сопровождаемая стражей, чтобы выполнить несколько поручений. Полагаю, её столкновение с хиру лишило её анонимности, и теперь вся Эрея знает, что наследница здесь. Так что неважно, что она появляется в Армире под охраной солдат.

Предполагаю, что её это должно раздражать. Насколько я знаю, она прошлась по городу и его рынкам, посетила магазин платьев и несколько знаменитых ювелирных лавок, но, думаю, ей не удалось разузнать о соргинах, как ей бы хотелось.

Я тоже не потрудился рассказать ей, чем занят.

Сегодня вечером мы должны отправиться обратно в Уралюр, столицу Эрея, где состоится представление, на которое нас пригласили. Полагаю, что моё присутствие, как и Ириды, скорее случайно, но мы оба сопровождаем принцессу.

Несмотря на снег на дорогах, путешествие проходит быстрее, чем путь сюда, когда мы были загружены багажом, и мы добираемся не так уж долго.

Когда мы входим в театр, и Лира снимает накидку, мне сложно отвести от неё взгляд.

Она выглядит невероятно, несмотря на путешествие, в длинном красном платье с изысканными золотыми узорами на талии и рукавах, а под скромным вырезом спрятана цепочка с эгузкилоре.

Нас проводят в королевскую ложу, расположенную так, что нас могут видеть с любого угла. Я давно понял, что в театр приходят не ради пьесы, а ради зрителей. Настоящее представление происходит между рядами. Все оборачиваются, когда мы появляемся, и ещё больше, когда представляют герцогов и будущую королеву Львов. Даже когда спектакль начинается, многие продолжают больше следить за тем, что происходит в нашей ложе, чем за самим действием на сцене, представляющим собой далёкую от реальности историю о том, как их величествам было даровано божественное право и ответственность освободить мир от Зла, как они начали свой крестовый поход и завоевали всё на своём пути.

Не упоминается ни охота на ведьм, ни сожжения книг, ни резня в деревнях. Не говорят и о сражениях, которые они проиграли, ни о жизнях, которые унесла война.

Я время от времени поглядываю на Лиру, но её лицо остаётся непроницаемым. Никаких эмоций.

По крайней мере, она не улыбается, как герцоги, думаю я.

Она наблюдает за представлением с тем стоицизмом, которого от неё ожидают, всегда такая правильная, такая сдержанная.

В какой-то момент герцогиня наклоняется, чтобы что-то сказать ей о пьесе, и Лира отвечает ей с учтивой вежливостью. Публика внизу больше обращает внимание на них, чем на актёров.

Нирида и я высиживаем три длинных акта, не сказав ни слова. Мы хлопаем, когда это уместно, и по её лицу я вижу, что она ждала окончания столь же нетерпеливо, как и я. Наконец, распорядитель церемоний просит тишины, чтобы объявить нечто особенное.

— Дамы и господа, этот год особенный, ведь среди нас не только герцог и герцогиня Эрея, но и принцесса Лира, невеста нашего наследника.

Все начинают бурно аплодировать, когда он указывает на нашу ложу. Герцог и герцогиня машут публике, а Лира лишь изображает улыбку и кивает, выражая признательность.

— Поэтому мы хотим преподнести вам подарок от всего Эрея для герцогов, их величеств и принцессы.

Он делает жест, и в зал медленно входит старший жрец. Он облачён в белую тунику с символом двухглавой змеи и несёт священные писания в руках.

Публика аплодирует, но сразу же затихает, когда жрец открывает тяжёлый том и делает знак, прежде чем начать чтение.

Он громко зачитывает отрывок о Зле, о Мари, о Гауэко и о ведьмах, о том, как магия противоестественна и опасна, после чего закрывает книгу и передаёт слово распорядителю.

— Старший жрец королевского храма Эрея только что почтил нас своим чтением. Спасибо, жрец, за вашу мудрость, — продолжает он. — А теперь приведите пленниц.

Занавес поднимается, и перед взорами зрителей появляются стражники, которые толкают вперёд трёх женщин в цепях.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — шепчет Нирида рядом со мной.

Она знает, что за нами наблюдают, и сохраняет на лице полное спокойствие.

— Я тоже ничего не знал, — отвечаю я.

Лира слегка хмурит брови, едва заметно, но всё же хмурит.

— Суд вынес приговор вчера, и для нас большая честь представить вам...

— Труппа не имеет к этому никакого отношения! — внезапно раздаётся чей-то крик.

Тишину, наступившую после этого возгласа, тут же сменяет гул голосов.

Вскоре я нахожу женщину, откуда донёсся крик. Она идёт к стражникам сбоку. Это одна из главных актрис.

— Труппа осуждает этот позорный поступок и...

Она не успевает договорить. Её грубо хватает другой стражник, дёргая за волосы и закрывая ей рот, после чего с помощью товарища тащит её прочь.

Герцогиня ругается сквозь зубы и с отвращением наклоняется, чтобы что-то сказать герцогу. Тот лишь качает головой с таким же выражением.

Нирида, должно быть, размышляет, что же теперь будет с этой актрисой.

Лира задерживает дыхание.

Жрец качает головой, выражая неодобрение, а распорядитель церемоний продолжает восхвалять подвиги герцогов и их величеств, говоря, что мы на шаг ближе к избавлению от магии и язычества. Тем временем на сцене мужчины начинают расставлять ящики, доски, верёвки, действуя слаженно, пока он говорит, и публика наблюдает с увлечением, пока конструкция не приобретает завершённый вид. Тогда распорядитель приказывает открыть двери театра.

— Дамы и господа, настало время для тех, чьи сердца слабы, покинуть зал. Всё подготовлено так, чтобы этот акт был благородным и достойным. Однако мы понимаем, что некоторые могут пожелать удалиться до того, как...

Нирида смотрит на меня с раскрытым ртом, не сдерживая удивления. Кто мог бы её за это осудить?

Герцоги остаются невозмутимыми. Похоже, они уже знали, что такое шоу будет устроено в их честь.

Лира с трудом скрывает ужас, глядя на трёх женщин, которых держат перед зрителями, закованных в цепи на ногах, руках и шее, без всякой надежды на побег. Они лишь могут наблюдать, как за их спинами готовят инструмент, который вскоре лишит их жизни.

— Так нельзя.

Её голос звучит так неожиданно, что мне нужно несколько мгновений, чтобы понять, что это именно она заговорила, несмотря на то, что она стоит всего в нескольких метрах от меня.

— Что с тобой, Лира, дорогая? — мягко спрашивает герцогиня.

— Так нельзя поступать здесь, на глазах у всех, верно? — спрашивает Лира.

Дюк Бахам на мгновение расплывается в отеческой улыбке, а Зания прижимает руку к его предплечью.

— Никто не осудит вас, если вы решите покинуть ложу. Вас не будут считать... неблагодарной, — осторожно предполагает он. — Все поймут, что вы никогда не видели ничего подобного и что вы — молодая и впечатлительная душа.

Лира открывает рот, и впервые я осознаю, что не знает, что сказать. Она снова смотрит на сцену, на платформу, на которой уже закрепляют веревки, с которых будут висеть женщины.

— Все еще есть дети среди...

— Родители, которые считают своих детей недостаточно взрослыми, чтобы присутствовать на этом действе, выведут их. Двери открыты, — высказывается Бахам с дружелюбной улыбкой, которая резко контрастирует с насилием, которое произойдет.

— Никто не осмелится пройти через эти двери! — восклицает Лира. Она говорит так громко, что, возможно, её слышат в соседних ложах, но, кажется, её это не волнует. — С герцогами и принцессой здесь, с благородными и стражей — никто не сделает ничего, что можно было бы расценить как неуважение!

— Дорогая, понизьте голос — шепчет Зания, явно ощущая дискомфорт. — Это всего лишь символическая казнь, ничего более.

Лира вновь замолкает.

Герцог интерпретирует это как признак того, что его жена смогла её успокоить.

— Их бы казнили на площади, перед сотнями людей, уже сегодня. Этот акт — в сущности, акт милосердия. Среди зрителей нет ни их друзей, ни родных, и, в отличие от того, что произошло бы на площади, здесь процесс пройдёт быстро, и они умрут достойной смертью.

Значит, они знали. Конечно, знали.

Внизу уже подготовлена платформа, с которой их должны повесить. Стражники даже не пытаются скрыть это от женщин, заставляя их смотреть на виселицу, прежде чем жестко заткнуть им рты кляпами и накинуть на головы тёмные мешки — плотные, непрозрачные, чтобы никто не слышал их криков, пока они поднимаются по лестнице, и никто не видел их лиц, когда они умрут.

Лира была права. Никто не осмелился покинуть зал, даже родители с детьми, которым закрывают глаза или шепчут слова утешения, поворачивая их к своим грудям и прикрывая их своими телами.

Беспомощность разъедает меня изнутри. Я прекрасно понимаю, что мы с Ниридой ничего не можем сделать. Мы одни, и даже если бы наши люди были здесь, мы не смогли бы предотвратить это, если не хотим потерять всё, что уже обрели.

Нирида сжимает мою руку. Это мгновение короткое, но достаточное.

Мы должны позволить им быть убитыми.

Внезапно Лира встаёт.

— Ваше Величество... — укоряет её герцогиня.

— Я это остановлю — едва слышно произносит Лира. — Это варварство.

В её голосе нет ни капли былого величия, ни той уверенности, с которой она обычно действует. В ней есть нечто новое, чего я раньше не замечал, даже в её самых уязвимых моментах, и это затрагивает во мне что-то глубинное. Похоже, это же чувство испытывает и Нирида, которая смотрит на неё с потрясением.

— Вы не сделаете этого — шипит герцог. — Не позорьте нас. Если хотите, покиньте представление, но не можете... не должны... Никто не ожидает от будущей королевы такого. От вас ждут, что вы будете сидеть и принимать дань с достоинством.

Лира смотрит на него с новым ужасом в глазах. Бахам сглатывает, возможно, осознавая свою смелость. И тогда, как будто его слова напомнили ей о чём-то очень важном, как будто они потянули за нужную нить, Лира возвращается к реальности, словно кто-то, пробуждающийся от сна или кошмара. Она несколько раз моргает, сглатывает и слегка качает головой, прежде чем вновь взглянуть на сцену, к которой теперь прикованы все взгляды.

Её лицо снова меняется — или, по крайней мере, она старается его изменить. Однако маска не может скрыть истинную эмоцию, лишь прикрывает её тонким слоем непроницаемости. Под ней по-прежнему остаётся страх, холодный и неизменный.

Она не двигается. Не произносит ни слова. Не повышает голос, и это чудовищное зрелище продолжается внизу.

Но всё равно не садится. Она цепляется за перила балкона так, словно хочет видеть всё яснее.

И ждёт.

Главный священник произносит несколько молитв, которые я даже не слышу.

Я тоже не отвожу взгляда, когда первую женщину поднимают на платформу, надевают ей петлю на шею и бросают в пустоту, заставив её висеть и дёргаться в конвульсиях.

Есть что-то ужасающее в том, как они умирают без лица, без криков, в абсолютной тишине. Есть нечто бесчеловечное в этих жестах, которые пытаются придать достоинство акту, который никогда не сможет его иметь.

Нирида отворачивается, когда вешают вторую. Она поворачивает голову в сторону и закрывает глаза, полные ярости. Герцог тоже кривится от явного неудобства, а герцогиня обмахивается веером, хотя на самом деле не жарко, чтобы скрыть тот факт, что ей невыносимо на это смотреть.

Но не Лира. Лира остаётся стоять, цепляясь за перила ложи железной хваткой, её маска лжи и ужаса поддерживает её ноги, и она не отводит глаз от женщин, которым предстоит умереть в одиночестве.

Мы отправляемся в путь после ужасающего по своей длине банкета, на котором Лира вновь принимает то поведение, которое ожидается от принцессы. Произошедшее

упоминается лишь раз, когда герцог списывает её вспышку на похвальное, хоть и ненужное, проявление сострадания, являющееся плодом её наивности и доброго духа. Это не станет достоянием общественности. Это не запятнает её репутацию.

До наступления ночи мы возвращаемся на юг Эреи.

Всю дорогу я не мог выбросить из головы одну и ту же сумасбродную идею, взвешивая варианты и оценивая риски... и когда Эдит встречает нас и предлагает приготовить Лире ванну, так как она выглядит откровенно измотанной, я понимаю, что уже принял решение в тот момент, когда увидел её стоящей в этом театре.

— Лира, подожди.

Лира останавливается, поднимаясь по лестнице в свои покои, и смотрит на меня в ожидании, так же как Нирида и моя сестра.

— Хочешь увидеть настоящее представление?

Она слегка хмурится.

— Думаю, на сегодня я насмотрелась представлений. Спасибо, Кириан, — спокойно отвечает Лира, продолжая свой путь.

— А как насчёт настоящего праздника Отсайла?

Она замирает.

— Кириан, — шипит Эдит, и делает это так громко, что Лира наверняка слышит её.

Лира поворачивается.

— Настоящего? Что ты имеешь в виду?

В холле воцаряется напряжённая тишина. Нирида скрещивает руки на груди и внимательно наблюдает за мной. Эдит делает шаг вперёд.

— Мой брат явно устал с дороги, — перебивает она, хватая меня за руку. — Он ничего не имел в виду.

Я смотрю на её натянутую улыбку, на её руки, защищающие меня.

— Хватит, Эдит. Она нас не выдаст, — мягко обещаю я ей.

К этому моменту я уже привлёк внимание Лиры. Эдит в ужасе наблюдает, как она спускается вниз к нам.

На этот раз моя сестра не упрекает меня напрямую, но её взгляд достаточно осуждающий.

—Никому не расскажет, что увидит, — сказала она с резкостью, скрытой за ласковой вежливостью. — Уверяю вас, это не стоит внимания, тем более когда можно смыть пыль с дороги хорошей ванной и расслабиться перед сном.

Почти убедительно. Если бы не напряжённая улыбка, не жёсткий взгляд, молящий: забудь это. Забудь. Забудь.

Но я недавно узнал одну вещь о Лире — она не из тех, кто готов забывать.

— О какой церемонии ты говоришь? — любопытство засияло в её зелёных глазах.

Эдит встала прямо передо мной, вынуждая меня смотреть на неё.

— Ты думаешь, что мне важно, что случится с этими людьми, но ты ошибаешься, — призналась она, — меня беспокоит лишь то, что произойдёт с тобой.

Меня поразила её откровенность при Лире. Она, должно быть, отчаянно хочет отговорить меня. И, конечно, знает, что я уже твёрдо решил.

— Я знаю, что делаю.

— Наш брат Тристан тоже это говорил, — выпалила она.

Это имя обожгло её так же сильно, как меня.

Может, это выражение боли на её лице или мои собственные воспоминания, но я почувствовал, как что-то внутри смягчается, хотя сердце остаётся холодным, а на губах остаётся горький привкус.

— Ладно, — я отступил на шаг и мягко отстранил её. — Убедимся, что она ничего не скажет. Аврора!

Глаза Эдит широко раскрылись. Нирида прижалась к перилам лестницы, а Лира… Лира ждала.

Аврора вышла спустя пару минут из комнаты на первом этаже. Она явно была озадачена тем, что я зову её так громко, вместо того чтобы послать кого-то за ней.

— Аврора, подойди, — сказал я.

— Ты не используешь нашу сестру для этого! — воскликнула Эдит, осознав, что я задумал.

Аврора осторожно приблизилась.

— Лира, тебе интересно, куда тебя все это приведет? — спросил я.

Лира нахмурилась, взглянула на Эдит, сверлившую меня глазами, затем снова посмотрела на меня.

— Как бы то ни было, я предпочитаю не знать, — осторожно ответила она.

Аврора не сводила с неё взгляда, когда произнесла:

— Лжёт.

Я увидел, как лицо Лиры засветилось неподдельным, живым интересом.

— Хватит! — резко остановила нас Эдит.

Но мы с Авророй её проигнорировали.

— Если бы ты узнала что-то, за что корона сурово накажет, ты бы выдала виновных? — спросил я Лиру.

Она не ответила сразу.

— Кириан, — прошипела Эдит, отпуская меня и хватая Аврору за руку. — Остановись.

— Лира, — настаивал я.

Она выглядела озадаченной, но всё же ответила, хотя, возможно, из-за моего давления или ожидания Авроры.

— Я верна короне и поступлю соответственно, — произнесла она, словно выученный наизусть куплет.

Мне показалось, что она ответила, чтобы проверить нас, проверить себя. Её взгляд был устремлён на Аврору.

— Снова лжёт. Она не собирается никого выдавать, — сказала Аврора.

— Что за черт…? — пробормотала Лира, не веря своим ушам.

— Нирида, — прервала Эдит. — Ты что, ничего не скажешь? Разве ты не видишь, как безответственно ведёт себя твой брат?

Нирида пожала плечами, но выпрямилась, осознав, как серьёзно настроена Эдит. Она прочистила горло.

— Думаю, Кириан понимает риск.

Лира не упускала ни одной детали. Я наблюдал, как она впитывает каждый жест, каждое слово и выражение.

— Что ж, теперь, когда мы знаем, что она никого не выдаст… — произнес я с триумфом, протягивая руку Лире. — Принцесса, вы пойдёте со мной?

— Куда? — с любопытством спросила она.

В её взгляде, полном желания узнать правду, я увидел ответ ещё до того, как она его озвучила.

Я улыбнулся.

— На настоящее представление.

И Лира приняла мою руку.

Глава 22

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрэа.

Последние события, должно быть, сильно повлияли на меня, потому что я не понимаю, что делаю.

Кириан сопровождает меня до дверей моих покоев после того, как я взяла его за руку и дала клятву, смысл которой мне до конца не ясен.

— Надень что-нибудь менее заметное и спускайся, когда будешь готова, — говорит он, возможно, слишком серьёзно.

— Кириан, — зову я его, но так и не успеваю задать вопрос.

Я знаю, что он мне ничего не скажет, что по какой-то причине хочет показать мне это сначала. Он смотрит на меня молча, пока не понимает, что я больше не собираюсь ничего говорить, и закрывает дверь, оставив меня наедине.

Зеркало отражает усталый взгляд, который кажется либо старше, либо более сломленным.

Мне не нужно долго думать, чтобы выбрать платье, и я надеваю чёрное, которое так нравилось Кириану. Почему-то все остальные варианты кажутся нелепыми.

Я надеваю это лёгкое платье, такое нежное, как поцелуй полуночи на моей коже, и немного причесываю волосы перед тем, как спуститься вниз.

Они ждут в прихожей: две сестры Кириана, Нирида и сам Кириан. Все они одеты в чёрные накидки поверх своих нарядов, за исключением Эдит, которая стоит, скрестив руки на груди, с высоко поднятой головой и серьёзным выражением лица.

Куда бы они меня ни вели, она явно не согласна с этим решением.

Если они действительно собираются показать мне что-то компрометирующее, я могу понять почему. Настоящая Лира не захотела бы слушать ничего, что могло бы поставить её положение под угрозу, и если бы что-то такое произошло, даже самое незначительное, она бы, вероятно, побежала рассказать об этом Львам, чтобы убедиться, что её голова осталась на плечах.

Все ждут в тяжёлом молчании, в котором я чувствую напряжение; однако это напряжение не исходит от Кириана.

Он делает два широких шага ко мне и набрасывает чёрную накидку на мои плечи, не отводя от меня взгляда. Его ловкие пальцы нежно вытягивают мои волосы из-под накидки, а затем снова касаются моей шеи, когда он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Ты великолепна, — шепчет он, — но тебе не хватает одной детали.

Его пальцы достают цепочку с егузкилоре, которую я ношу под платьем, и оставляют её видимой на нежной ткани.

— Теперь ты готова.

Сердце бешено колотится. Может быть, из-за подвески, которую никто не должен был видеть, из-за церемонии, на которую меня ведут, или из-за пальцев Кириана на моей коже. Возможно, из-за всего этого, но мне всё равно.

Сегодня я намерена плыть по течению.

Он протягивает мне руку, и я снова беру её.

Он ведёт меня наружу, и я замечаю, что Нирида и Аврора тоже берут по лошади. Эдит, напротив, остаётся в доме. Кириан подаёт мне поводья моей лошади, и я хватаю их, словно во сне. Мы садимся в седла и отправляемся в путь. Мы покидаем сад и земли имения, а впереди сгущаются сумерки, оставляя за собой оранжевый след закатного солнца на небе, которое постепенно темнеет.

Мы привязываем лошадей в лесу, когда темнота становится такой густой, что я едва вижу свои ноги. Холод пронзителен, несмотря на накидки, и пробирается сквозь тонкую ткань моего платья, когда мы идём по снегу.

Вдруг я замечаю другие следы, идущие по тому же пути. Десятки, если не сотни ног прокладывают путь через чащу и поднимаются на ту же самую гору.

Нирида и Аврора сопровождают меня в молчании, следуя за Кирианом, пока деревья не уступают место вершине холма с видом на долину, через которую течёт река, шум её воды слышен даже отсюда, из этой тишины.

И тогда, посреди этой темноты, я вижу их.

Люди стоят на холмах вокруг долины. Километры и километры зеленой земли, на которой собрались сотни людей, ожидающих в темноте, как и мы; фигуры, едва различимые под светом полной луны.

— Где мы? — шепчу я. — Что это?

Нирида подносит палец к губам, приказывая мне молчать. Облачко пара вырывается из её рта, который изгибается в доброй улыбке. Даже Аврора, всегда такая сдержанная и мрачная, тоже улыбается.

— Не переживай, — шепчет Кириан, его дыхание щекочет мой затылок, от чего по спине пробегает дрожь. — Тебе понравится.

Я жду, обеспокоенная, пытаясь угадать, сколько из этих теней — люди, сколько собралось здесь сегодня. Но проходят минуты, и ничего не происходит, и я начинаю терять терпение.

— Что происходит? Почему никто ничего не делает? — шепчу я.

Люди находятся слишком далеко, чтобы услышать нас, но лесная тишина кажется настолько особенной, что я боюсь нарушить её и не решаюсь поднять голос.

— Они ждут.

— Чего?

— Скоро узнаешь, — отвечает он.

Вдруг я чувствую лёгкое давление в нижней части спины и замечаю, что его рука оказалась там, излучая приятное тепло.

Я должна бы отстраниться, или отодвинуть его руку, но…

— Ты замёрзла? — спрашивает он тихо.

Я не двигаюсь.

— Всё хорошо, — отвечаю я.

Кириан медленно скользит рукой вверх и вниз, и я позволяю ему. Сегодня мне не хватало поддержки, прикосновения. Мне нужен был кто-то, кто возьмёт меня за руку, так же, как Нирида держала его руку на том ужасном представлении. Поэтому я принимаю его жест и не позволяю себе думать о том, что это не для меня, и что я краду этот момент у кого-то другого. У Лиры. И у него.

Я даже чуть ближе прижимаюсь к нему, наслаждаясь мягким теплом его тела, тем чувством безопасности, которое он дарит своим присутствием в этой темноте.

Всё остаётся тихим, неподвижным и спокойным, пока вдруг не раздаётся вой, перекатывающийся по долине.

А затем ещё один.

И ещё.

Я понимаю, что это не волки. Это люди, подражающие им.

Я напрягаюсь, тревога и ожидание захватывают меня, и я выпрямляюсь, когда Кириан убирает руку, и я снова чувствую себя одинокой, хотя он всё ещё рядом.

Тишина покрывает всё. На несколько мгновений воцаряется абсолютная неподвижность; ни один звук не нарушает покой леса. Кажется, что даже ветер замер, боясь потревожить тишину.

Тогда вдали зажигается огонёк — маленький, мерцающий, — и постепенно он растёт, всё больше и больше, пока… не взлетает.

Я провожаю его взглядом, зачарованная, пока ещё один свет не загорается на холме напротив нас, затем третий, четвёртый… И вдруг всё пространство покрывается огнями, которые поднимаются в небо, уносимые ветром, парят в темноте, заполняя ночное небо десятками огоньков.

Это бумажные фонарики. Они плывут, колеблясь, как блуждающие огоньки в лесу.

Один зажигают совсем рядом с нами, среди деревьев, и я вижу пару рук, которые толкают его вверх, к небу, пока ветер не подхватывает его, и он не пролетает мимо нас.

Аврора делает шаг вперёд, и свет фонарика освещает её лицо, когда она поднимает руку и лёгким движением отправляет его дальше в путь, обратно в темноту.

Я уже погружена в созерцание огней, когда внезапно что-то меняется.

— Сейчас, — шепчет Кириан. — Это тот момент.

Кажется, что всё это время они ждали, как будто предыдущие огни были лишь репетицией. Сотни огней зажигаются одновременно, поднимаются в небо и заполняют его. Их так много, что я не знаю, куда смотреть. Они появляются на холмах, у берегов реки, в лесу за нашими спинами… Они горят, озаряя тьму неба. Некоторые сталкиваются и кажутся танцующими друг с другом. Они качаются, дрожат и плывут на потоках воздуха.

Это кажется невозможным.

Нереальным.

Я вижу свет рядом со мной и замечаю руки Авроры, держащие маленький фонарик, который она растягивает, пока Нирида поджигает его в центре. Я не свожу глаз с её рук, пока они отправляют его в ночное небо, и затем ищу другие руки, другие фонарики.

Мы — сотни людей, делящихся мгновением, которое я не до конца понимаю, но которое, кажется, не требует объяснений.

Здесь, наверху, всё приобретает смысл. Я теряюсь в этих огнях, в необъятности ночи, которая теперь кажется менее тёмной, и одновременно чувствую себя и маленькой, и великой; как крошечный, но необходимый мазок в идеальной картине золотистых и сияющих тонов.

Это то, что я видела с королевского дворца в Эрее: три блуждающих огонька; три огонька, которые казались жалкими.

Если бы герцоги увидели это, если бы короли осознали силу, которую они имеют… Я не могу удержаться от удовлетворённой улыбки, представляя их лица, их страх.

Не знаю, что заставляет меня повернуться, что может отвлечь от этого зрелища, от истинной церемонии Оцайла, но я отвожу взгляд от неба и смотрю на него.

Кириан наблюдает за мной. Небо взорвалось золотыми звёздами, но он смотрит на меня.

Взгляд его голубых глаз перехватывает дыхание. Они блестят, и по какой-то причине это задевает во мне струну, которую не смогло затронуть даже это впечатляющее зрелище долины.

Он быстро проводит пальцами по глазам, и поднимает голову. Всё случилось так быстро, что я задаюсь вопросом, плакал ли он на самом деле, были ли это слёзы в его глазах. Его дыхание превращается в пар на холодном рассвете, и я перестаю задавать себе вопросы, просто поддаюсь чувствам.

Ночь. Темнота. Сотни огней, танцующих в пламени.

Обратный путь домой проходит в тишине.

Нирида смотрит на меня так, будто не может поверить, что я не задаю вопросов.

Я же тщательно выбираю те, которые хочу задать.

Я разрываю молчание, когда мы поднимаемся по ступеням главного входа. Экономка открывает нам дверь, впуская в тёплый дом, где чувствуется жар очага.

— Зачем проводится эта церемония? — спрашиваю я.

— Раньше она служила, чтобы осветить ночь перед Гауэко, властелином тьмы, и таким образом показать ему, что мы его не боимся.

— А теперь? — уточняю я.

— Всё ещё, чтобы показать, что мы не боимся.

Но уже не перед языческим существом, я понимаю. Теперь это символ сопротивления против Львов.

— Как они делают так, чтобы Львы не видели это? — продолжаю я.

— Фонарики редко долетают до дворца в Эрее, — отвечает Кириан.

— Сколько людей…? — Мне трудно закончить, его рука на моей спине, пока он ведёт меня внутрь, отвлекает меня тёплым прикосновением. — Сколько людей там было?

Я замечаю слабую улыбку.

— Очень много.

— Откуда вы знаете, что никто из этих людей не выдаст вас?

— Мы не знаем, — отвечает он.

Он чуть сильнее толкает меня внутрь, где Нирида и Аврора уже снимают свои накидки, передавая их служанке.

— Разве стражники в этой зоне не видят фонарики?

— Я бы сказал, что они, наверное, хотя бы раз но видели их, — отвечает он, небрежно.

— И как…?

— Лира, — прерывает он меня. — Уже поздно, все спят. Как насчёт того, чтобы поговорить завтра?

Нирида прощается простым жестом, а Аврора некоторое время смотрит на меня, прежде чем подняться по лестнице и исчезнуть.

Аврора.

У меня тоже есть вопросы о ней.

Экономка и служанка ждут, вдруг нам что-то ещё понадобится.

Я даже не знаю, который час, но, должно быть, уже поздно.

Я киваю, стараясь успокоиться и постепенно вернуться к своей роли. Даже если это даёт мне ценную информацию, я не могу забыть, какую маску ношу. Лира не стала бы задавать такие вопросы, особенно в присутствии других.

Поэтому я позволяю Кириану попрощаться и иду в свои покои.

Первое, что я делаю — подхожу к окну и ищу фонарики, но это крыло дома выходит на другую сторону.

Я задаюсь вопросом, пока готовлю себе ванну, которую собиралась принять до этого, сколько раз они собирались среди ночи; сколько ночей в этом месяце озарятся этими огнями в небе.

И хотя я не хочу этого, когда погружаюсь в горячую воду и закрываю глаза, снова вижу образы тех женщин, лишённых лиц и голосов, умирающих перед толпой в молчаливых муках.

Сегодня я вышла из своей роли, и это опасно, потому что я даже не знаю, куда меня это ведёт. Всю жизнь я готовилась к тому, чтобы заменить Лиру, чтобы добросовестно выполнить свою миссию. Её решения были моими, её мысли — тоже. Пространство, которое принадлежало мне самой, почти не существовало; я позаботилась о том, чтобы в последние годы перед тем, как меня выбрали, так и было.

А сегодня я нырнула в это крошечное пространство; нырнула так глубоко, что обнаружила другие границы, другие линии, проложившие неизведанные пути, землю более обширную, чем должно быть…

Я не знаю, кто сегодня встал на ноги в театре.

Я не знаю, кто сказал, что это казнь — варварство.

Я прекрасно понимаю, как Львы завоёвывают территории. Знаю, сколько людей они убили, и знаю, как они обеспечивают отсутствие магии.

Однако видеть это так было слишком.

Ошибка в расчётах. Я переоценила свою сдержанность. И этого больше не повторится.

Ночь проходит так, что я не могу заснуть больше чем на мгновения, с беспокойными кошмарами, в которых ужас смешивается с золотыми и мерцающими огнями.

До рассвета я уже на ногах.

Я закутываюсь в шёлковый халат тёмных и пурпурных оттенков, не надевая ничего более тёплого, чтобы защититься от холода, и не утруждаю себя обувью, прежде чем на цыпочках направиться к комнате Кириана, замерзая в пути, и тихо постучать в дверь.

Сначала он меня не слышит, и мне приходится повторить, с сердцем в горле, размышляя, что скажу, если сейчас откроется какая-то из дверей в коридоре или если какая-то служанка или камердинер решат подняться в этот момент.

Может быть, не нужно ничего скрывать. Возможно, все здесь уже знали о связи между Лирой и Кирианом.

Я снова стучу, и на этот раз слышу шаги за дверью.

Дверь открывается, и передо мной предстаёт заспанный Кириан, с растрёпанными волосами и полуприкрытыми глазами, брюки плохо застёгнуты на бёдрах, обнажённый торс, татуировки Севера, которые прошлой ночью обрели новый смысл.

— Пригласишь меня войти? — мурлычу я.

Он колеблется дольше, чем я могла бы предположить, и не спешит сказать «да». Я даже не допускала возможности, что он ответит «нет», и всё же, на мгновение это кажется для него вероятным.

Наконец, он отходит в сторону.

— Рано. Что тебе нужно?

Он остаётся у двери, и это странно.

Я была готова к намёкам, к непристойным предложениям или невинным провокациям, к которым он привык, но в нём есть что-то…

— Я хочу поговорить. Ты сказал, что мы могли бы сделать это сегодня.

— Ещё не рассвело, — отвечает он, не двигаясь с места.

Я решаю последовать его манере, столь раздражающей для меня, и вхожу в его покои без разрешения. Обхожу гостиную и прохожу в спальню. Задёрнутые шторы, одинокий свет на тумбочке, рубашка на комоде, смятые простыни, и его запах, пронизывающий всё вокруг, заставляют меня замереть на мгновение.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мне уже нужны ответы.

Кириан внимательно наблюдает за мной, но в его взгляде нет того огня, что я видела раньше в похожих ситуациях. Или, может быть, я себе это накрутила?

— Спрашивай.

— Почему тебе разрешают участвовать?

— Все могут прийти посмотреть, — отвечает он. — Лес общий.

— Не капитанам, которые устраивают массовые убийства для Львов, — возражаю я, и понимаю, что была слишком резкой, когда вижу его горькую, вынужденную улыбку, которая, однако, не портит его прекрасное лицо.

— Вчера было темно. Не думаю, что кто-то меня узнал.

— Тебя узнали на рынке в столице, — настаиваю я. — И меня тоже узнали. Почему людям всё равно? Почему они не хотят убить тебя , как ведьмы из Лиобе пытались убить меня?

— Многие хотят меня убить, Лира, — отвечает он, и кажется усталым.

Он идёт к комоду и опирается на него, расставив руки по обе стороны своего тела. Я замечаю, как напрягаются его мышцы, как выделяются на спине и плечах, пребывая в напряжении.

— Ты не отвечаешь на мои вопросы.

— Разве? — Он медленно поворачивается ко мне, скрещивая руки на груди и тяжело вздыхая.

В его глазах появилось что-то, чего не было раньше — что-то более тёмное, тяжёлое. И у меня мелькает мысль.

— Ты жалеешь, что взял меня с собой вчера?

Возможно, в этом дело. Может быть, эта дистанция, которую я чувствую между нами, вызвана сомнениями или сожалением. Меня это не должно волновать. На самом деле, я должна радоваться, что он не пытается затащить меня в ту кровать за нами, как я ожидала. Но сейчас его отсутствие интереса лишь раздражает.

Его лицо становится злее.

— Нет.

— Твоя сестра Эдит не хотела, чтобы ты меня брал. — Я делаю паузу, не зная, стоит ли продолжать. — Она упомянула Тристана, твоего брата.

Я сразу подумала об этом.

Его брат был достаточно взрослым, чтобы иметь свои убеждения, когда Львы уничтожили их семью. Ему предложили выбор, и он был настолько верен своим принципам, что предпочёл смерть.

— Эдит заботится обо мне и Авроре. Она защищает нас, как считает нужным.

— Потому что боится, что с тобой случится то же, что с Тристаном? — уточняю я.

У него напрягается челюсть.

— Это не вопрос, принцесса.

Я подхожу к нему, пока наши лица не оказываются совсем близко. Забавно оказаться на другой стороне, быть той, кто тянет за верёвку, кто настаивает и приближается, в то время как он выглядит таким… уязвимым.

— Ты не боишься этого?

Вдруг его пальцы касаются моей щеки. Он медленно проводит подушечками по коже, по линии подбородка, и не останавливается.

— Что ты на самом деле хочешь спросить? — шепчет он. — Что хочешь узнать? Верен ли я короне? Есть ли у меня достаточно связей с севером, чтобы моя голова оказалась под угрозой? Посмотри на меня.

Я пытаюсь отшагнуть назад, но он не даёт мне этого сделать.

Его пальцы обхватывают моё запястье, а другой рукой он берёт меня за подбородок.

— Нет. Посмотри на меня. — Он направляет мой взгляд на свои руки, грудь, сложный узор татуировки с извилистыми линиями, где цветы и природа переплетаются в опасный рисунок. — Что ты видишь?

Он позволяет мне взглянуть ему в глаза, но не отпускает.

— Что ты видишь? — настаивает он.

Я вижу воина.

Любовника.

Я вижу опасность.

— Я вижу похищенного мальчика.

— Это то кто я есть, — отвечает он, не отпуская меня. — Я завоёвываю, граблю и убиваю ради них. Но есть часть меня, которая всегда будет принадлежать только мне, и никто не сможет этого изменить. Даже если мне отрубят голову, повесят или сожгут, моё безжизненное тело всё равно будет принадлежать Волкам.

Один ответ, но ещё больше вопросов; гораздо больше.

Есть что-то слишком интимное в его взгляде, в том, как он прижимает меня к себе. Я чувствую удары его сильного сердца у себя на груди и приятное тепло, исходящее от его полуголого тела.

Поэтому я решаю задать ещё один вопрос.

— А что насчёт Авроры?

Упоминание его сестры вызывает именно тот эффект, на который я рассчитывала, — он отпускает меня.

Я отступаю на шаг, наслаждаясь этим пространством, даже если до этого была я, кто держал все нити… или думала, что держала.

— Если тебя интересует моя сестра, это не у меня нужно спрашивать.

— Она знает, кто лжёт, да? Каким-то образом, она может чувствовать ложь.

Разговор, который я вела с ней до того, как её брат нас прервал, казался странным, но всё стало на свои места после её вмешательства перед церемонией отсайлы. Она могла понять, когда я врала, или, по крайней мере, догадываться.

— Она всегда была очень проницательной.

— Нет, — улыбаюсь я . — Это не проницательность. Это была уверенность.

Кириан тоже улыбается. Он снова опирается на комод и смотрит на меня сверху вниз.

— Как я и сказал, тебе придётся самой спросить её об этом.

Хорошо. Я спрошу. Я выясню. Но если Аврора действительно может видеть, кто лжёт, если у неё есть какой-то дар… мне придётся быть осторожной.

— Как ты собираешься найти соргинак? — спрашиваю я, хотя подозреваю, что уже знаю ответ.

Если он смог найти ведьм в Лиобе и всё это время был осведомлён о церемонии фонарей, возможно, он уже выяснил, где они находятся, и просто тянет время. Я не понимаю, зачем ему делать это, когда его жизнь в такой же опасности, как и моя.

— Терпеливо, все делая в нужный момент, — отвечает он. — Есть что-то ещё, что ты хочешь узнать?

Я смотрю на него снизу вверх, следя за чёткими линиями его челюсти, за печалью, которая, кажется, внезапно поселилась в его глазах, подобных зимнему льду.

— Ты поцелуешь меня?

Моё сердце бешено колотится. Три слова, но в них сотни вопросов, сотни сомнений.

Я помню, что это обещание, этот украденный поцелуй поначалу был для меня лишь досадной неприятностью, ещё одной проблемой, о которой стоило позаботиться.

Кириан тоже, кажется, сразу возвращается к тому обещанию, к тому саду.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал? — медленно спрашивает он.

Снова — тысяча вопросов в его словах.

Если он поцелует меня, всё закончится. Это будет последний раз. Если он сдержит своё слово, прекратятся провокации, он больше не будет пробираться в мои покои и смотреть на меня так, как смотрит сейчас.

Никто раньше не смотрел на меня так.

Да.

Нет.

Это был бы не просто поцелуй. Это была бы не просто прощальная история, которую я так и не успела узнать.

Страх переплетается с желанием, и что-то, чего я не должна чувствовать, пульсирует в груди, пока Кириан отходит от комода и делает шаг вперёд.

— Хорошо, — шепчет он, скользя рукой по моей талии.

Ткань слишком тонкая, чтобы я не почувствовала этого, как если бы моя кожа была обнажена. Под его взглядом я тоже чувствую себя обнажённой.

Он кладёт другую руку на моё бедро, осторожно, медленно поворачивая меня, так что теперь моя спина прижата к комоду.

— Новые правила. Я подожду, пока ты сама попросишь. Я отдаю тебе контроль, — шепчет он, прижимая своё тело к моему, и постепенно я чувствую, как теряю весь этот контроль, о котором он говорит. — Попроси меня, и я поцелую тебя. Всё закончится. Власть теперь у тебя.

Его пальцы скользят вдоль моего ребра. Его большой палец касается моего живота, и у меня перехватывает дыхание.

— Ты можешь попросить меня в любой момент, — шепчет он, приближаясь ещё ближе. — Я сделаю это очень просто.

Его голос касается моей шеи, когда он наклоняется вперёд, когда его рука оставляет мою талию и поднимается к шее, к затылку, слегка потянув за волосы назад, чтобы я открыла доступ. Я позволяю ему это, чувствуя, как сердце с грохотом бьётся о рёбра, его удары слишком громкие, чтобы их игнорировать, а движения Кириана — слишком лёгкие, слишком нежные.

Его губы касаются моей шеи, и я закрываю глаза от этого нежного, бархатного прикосновения. Лёгкий поцелуй заставляет меня дрожать. Я не успеваю привыкнуть, как внезапно чувствую его горячее дыхание, когда его рот приоткрывается, а язык

лениво скользит по моей коже. Этот более смелый поцелуй пробуждает дикую волну, пронизывающую меня насквозь. Кириан, должно быть, чувствует это, потому что тут же обхватывает меня руками, притягивает к себе, как будто ему нужно, чтобы я была рядом, и продолжает жадно целовать мою шею.

Едва ли я замечаю, как одна из его рук покидает моё тело и начинает играть с узлом халата. Его ловкие пальцы распускают его за мгновение, а затем скользят по обнаженному животу, даря мне ощущения, от которых я теряю рассудок. Я чувствую шершавость его пальцев, грубость его воинских рук на своей коже.

Он останавливается у кружевного края моего бюстгальтера.

Его руки замирают. Его губы болезненно отрываются от моей кожи.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спрашивает он. Его хриплый голос отзывается эхом в каждом уголке моего тела. — Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Да.

Нет.

Мучительный стон срывается с моих губ, не дождавшись моего разрешения.

— Понял, — отвечает он.

Я почти вижу его улыбку, когда он вновь погружается в мою шею, и его рука сжимает мою грудь. Пальцы мягко впиваются в мою кожу, а я прижимаюсь к нему.

Всё происходит с головокружительной скоростью. Кириан воспринимает это как приглашение и между поцелуями продолжает спускаться медленно, его губы и пальцы скользят по моему телу.

Он обхватывает меня одной рукой. Другая рука покидает мою грудь и опускается ниже вместе с его губами. Его зубы оттягивают кружево моего бюстгальтера, и мгновение спустя я чувствую его язык через ткань.

Я кусаю губы и сдерживаю проклятие. Открываю глаза и вижу Кириана, склонившегося передо мной, его руки на моём теле, а его губы продолжают сводить меня с ума.

Его пальцы касаются моей бедра. Они скользят по тонкой ткани с намеренной медлительностью, и я тону в ощущениях: губы, кожа, его присутствие заполняют всё пространство вокруг меня, пока что-то не привлекает всё моё внимание.

Я выдыхаю, когда его пальцы прокладывают путь под моё нижнее белье, и я чувствую, как его ласки постепенно заставляют меня терять рассудок.

Я не замечаю, что он перестал целовать мою грудь, пока не слышу его голос — глубокий и хриплый, когда он пристально смотрит на меня.

— Теперь ты уже хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

Его губы так близки, и я настолько потеряна в себе, что почти не осознаю, что делаю.

Это я целую его.

Мои руки тянутся к его затылку, запутываются в его волосах и притягивают его к себе в жадном, слегка агрессивном поцелуе, который заставляет его тихо, с хрипом, удивленно застонать.

Я кусаю его губы в порыве, полностью потерянная в этом прыжке в бездну, из которой, кажется, нет возврата, и снова слышу его стон. Я чувствую его на своих губах, в горле и в центре своего тела, которое жаждет его, хочет его ближе, ещё ближе.

Его пальцы перестают касаться меня, как раньше, потому что его тоже захватывает та же жажда. Он обнимает меня крепче, ищет меня в жадных, беспорядочных прикосновениях, пока не хватает меня за бёдра и не поднимает на комод, снова прижимаясь ко мне, между моих ног.

Я чувствую его руки на своих бёдрах, его губы, пьющие поцелуй, который теперь я украла у него, и вдруг обнаруживаю, как мои пальцы исследуют его грудь, проводят по сильным линиям его живота, спускаясь к его полурасстёгнутым брюкам. Под моими пальцами я чувствую, насколько сильно он меня жаждет, и в ответ на это из его горла вырывается хриплый стон.

Мне нужно больше его. Намного больше.

То, как он на меня смотрит, как он тоже меня жаждет, зажигает во мне нечто, что будет сложно погасить, но, тем не менее, именно этот огонь приносит проблеск осознания, и я понимаю то, что никогда не должна была забывать.

Кириан не знает, что занимается любовью со мной.

Он, конечно, чувствует, что что-то изменилось. Он неоднократно повторял это, и я прекрасно осознаю, что это разрушило что-то во мне, как в ту ночь в галереи Храма. То, что показал мне Ингума, стало напоминанием о том, что я не могу позволить эмоциям управлять собой.

Только когда я собираюсь взять всё, что хочу, попросить всё, что мне нужно, я кладу руки на его грудь и отталкиваю его.

Он смотрит на меня так, будто видит впервые. Возможно, я смотрю на него так же.

Мои ноги слегка дрожат, когда я спрыгиваю на пол и снова накидываю халат.

— Лира… — хрипло шепчет он.

Его губы распухли от поцелуя, который до сих пор заставляет меня трепетать.

— Ты ничего плохого не сделал, — спешно говорю я. Чёрт, я хотя бы это ему должна. — Ты не пересёк черту, которую я бы не захотела пересечь с тобой, но мы не можем. И прости, что втянула тебя в это.

Он не отвечает. Лишь хмурится, явно сбитый с толку, а я не даю ему времени осознать происходящее.

Щёки горят, когда я выхожу из комнаты, а затем и из его покоев. Я так сильно хлопаю дверью, что, возможно, разбудила полдома, но мне всё равно. Я даже не оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не увидел, как я выскальзываю оттуда. Бегу обратно в свою комнату, запираю дверь на ключ и падаю, опершись о неё спиной.

Холод пола немного успокаивает моё тело, но не приводит в чувства. Постепенно осознание того, что я только что сделала, проникает в меня в виде воспоминаний, которые я знаю, что никогда не забуду. Пока я пытаюсь вернуть сердцу нормальный ритм, мне остаётся только гадать, исчезнет ли когда-нибудь это чувство вины… и неистовое желание снова совершить ту же непоправимую ошибку.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 22

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрэа.

Последние события, должно быть, сильно повлияли на меня, потому что я не понимаю, что делаю.

Кириан сопровождает меня до дверей моих покоев после того, как я взяла его за руку и дала клятву, смысл которой мне до конца не ясен.

— Надень что-нибудь менее заметное и спускайся, когда будешь готова, — говорит он, возможно, слишком серьёзно.

— Кириан, — зову я его, но так и не успеваю задать вопрос.

Я знаю, что он мне ничего не скажет, что по какой-то причине хочет показать мне это сначала. Он смотрит на меня молча, пока не понимает, что я больше не собираюсь ничего говорить, и закрывает дверь, оставив меня наедине.

Зеркало отражает усталый взгляд, который кажется либо старше, либо более сломленным.

Мне не нужно долго думать, чтобы выбрать платье, и я надеваю чёрное, которое так нравилось Кириану. Почему-то все остальные варианты кажутся нелепыми.

Я надеваю это лёгкое платье, такое нежное, как поцелуй полуночи на моей коже, и немного причесываю волосы перед тем, как спуститься вниз.

Они ждут в прихожей: две сестры Кириана, Нирида и сам Кириан. Все они одеты в чёрные плащи поверх своих нарядов, за исключением Эдит, которая стоит, скрестив руки на груди, с высоко поднятой головой и серьёзным выражением лица.

Куда бы они меня ни вели, она явно не согласна с этим решением.

Если они действительно собираются показать мне что-то компрометирующее, я могу понять почему. Настоящая Лира не захотела бы слушать ничего, что могло бы поставить её положение под угрозу, и если бы что-то такое произошло, даже самое незначительное, она бы, вероятно, побежала рассказать об этом Львам, чтобы убедиться, что её голова осталась на плечах.

Все ждут в тяжёлом молчании, в котором я чувствую напряжение; однако это напряжение не исходит от Кириана.

Он делает два широких шага ко мне и набрасывает чёрный плащ на мои плечи, не отводя от меня взгляда. Его ловкие пальцы нежно вытягивают мои волосы из-под плаща, а затем снова касаются моей шеи, когда он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Ты великолепна, — шепчет он, — но тебе не хватает одной детали.

Его пальцы достают цепочку с егузкилоре, которую я ношу под платьем, и оставляют её видимой на нежной ткани.

— Теперь ты готова.

Сердце бешено колотится. Может быть, из-за подвески, которую никто не должен был видеть, из-за церемонии, на которую меня ведут, или из-за пальцев Кириана на моей коже. Возможно, из-за всего этого, но мне всё равно.

Сегодня я намерена плыть по течению.

Он протягивает мне руку, и я снова беру её.

Он ведёт меня наружу, и я замечаю, что Нирида и Аврора тоже берут по лошади. Эдит, напротив, остаётся в доме. Кириан подаёт мне поводья моей лошади, и я хватаю их, словно во сне. Мы садимся в седла и отправляемся в путь. Мы покидаем сад и земли имения, а впереди сгущаются сумерки, оставляя за собой оранжевый след закатного солнца на небе, которое постепенно темнеет.

Мы привязываем лошадей в лесу, когда темнота становится такой густой, что я едва вижу свои ноги. Холод пронзителен, несмотря на плащи, и пробирается сквозь тонкую ткань моего платья, когда мы идём по снегу.

Вдруг я замечаю другие следы, идущие по тому же пути. Десятки, если не сотни ног прокладывают путь через чащу и поднимаются на ту же самую гору.

Нирида и Аврора сопровождают меня в молчании, следуя за Кирианом, пока деревья не уступают место вершине холма с видом на долину, через которую течёт река, шум её воды слышен даже отсюда, из этой тишины.

И тогда, посреди этой темноты, я вижу их.

Люди стоят на холмах вокруг долины. Километры и километры зеленой земли, на которой собрались сотни людей, ожидающих в темноте, как и мы; фигуры, едва различимые под светом полной луны.

— Где мы? — шепчу я. — Что это?

Нирида подносит палец к губам, приказывая мне молчать. Облачко пара вырывается из её рта, который изгибается в доброй улыбке. Даже Аврора, всегда такая сдержанная и мрачная, тоже улыбается.

— Не переживай, — шепчет Кириан, его дыхание щекочет мой затылок, от чего по спине пробегает дрожь. — Тебе понравится.

Я жду, обеспокоенная, пытаясь угадать, сколько из этих теней — люди, сколько собралось здесь сегодня. Но проходят минуты, и ничего не происходит, и я начинаю терять терпение.

— Что происходит? Почему никто ничего не делает? — шепчу я.

Люди находятся слишком далеко, чтобы услышать нас, но лесная тишина кажется настолько особенной, что я боюсь нарушить её и не решаюсь поднять голос.

— Они ждут.

— Чего?

— Скоро узнаешь, — отвечает он.

Вдруг я чувствую лёгкое давление в нижней части спины и замечаю, что его рука оказалась там, излучая приятное тепло.

Я должна бы отстраниться, или отодвинуть его руку, но…

— Ты замёрзла? — спрашивает он тихо.

Я не двигаюсь.

— Всё хорошо, — отвечаю я.

Кириан медленно скользит рукой вверх и вниз, и я позволяю ему. Сегодня мне не хватало поддержки, прикосновения. Мне нужен был кто-то, кто возьмёт меня за руку, так же, как Нирида держала его руку на том ужасном представлении. Поэтому я принимаю его жест и не позволяю себе думать о том, что это не для меня, и что я краду этот момент у кого-то другого. У Лиры. И у него.

Я даже чуть ближе прижимаюсь к нему, наслаждаясь мягким теплом его тела, тем чувством безопасности, которое он дарит своим присутствием в этой темноте.

Всё остаётся тихим, неподвижным и спокойным, пока вдруг не раздаётся вой, перекатывающийся по долине.

А затем ещё один.

И ещё.

Я понимаю, что это не волки. Это люди, подражающие им.

Я напрягаюсь, тревога и ожидание захватывают меня, и я выпрямляюсь, когда Кириан убирает руку, и я снова чувствую себя одинокой, хотя он всё ещё рядом.

Тишина покрывает всё. На несколько мгновений воцаряется абсолютная неподвижность; ни один звук не нарушает покой леса. Кажется, что даже ветер замер, боясь потревожить тишину.

Тогда вдали зажигается огонёк — маленький, мерцающий, — и постепенно он растёт, всё больше и больше, пока… не взлетает.

Я провожаю его взглядом, зачарованная, пока ещё один свет не загорается на холме напротив нас, затем третий, четвёртый… И вдруг всё пространство покрывается огнями, которые поднимаются в небо, уносимые ветром, парят в темноте, заполняя ночное небо десятками огоньков.

Это бумажные фонарики. Они плывут, колеблясь, как блуждающие огоньки в лесу.

Один зажигают совсем рядом с нами, среди деревьев, и я вижу пару рук, которые толкают его вверх, к небу, пока ветер не подхватывает его, и он не пролетает мимо нас.

Аврора делает шаг вперёд, и свет фонарика освещает её лицо, когда она поднимает руку и лёгким движением отправляет его дальше в путь, обратно в темноту.

Я уже погружена в созерцание огней, когда внезапно что-то меняется.

— Сейчас, — шепчет Кириан. — Это тот момент.

Кажется, что всё это время они ждали, как будто предыдущие огни были лишь репетицией. Сотни огней зажигаются одновременно, поднимаются в небо и заполняют его. Их так много, что я не знаю, куда смотреть. Они появляются на холмах, у берегов реки, в лесу за нашими спинами… Они горят, озаряя тьму неба. Некоторые сталкиваются и кажутся танцующими друг с другом. Они качаются, дрожат и плывут на потоках воздуха.

Это кажется невозможным.

Нереальным.

Я вижу свет рядом со мной и замечаю руки Авроры, держащие маленький фонарик, который она растягивает, пока Нирида поджигает его в центре. Я не свожу глаз с её рук, пока они отправляют его в ночное небо, и затем ищу другие руки, другие фонарики.

Мы — сотни людей, делящихся мгновением, которое я не до конца понимаю, но которое, кажется, не требует объяснений.

Здесь, наверху, всё приобретает смысл. Я теряюсь в этих огнях, в необъятности ночи, которая теперь кажется менее тёмной, и одновременно чувствую себя и маленькой, и великой; как крошечный, но необходимый мазок в идеальной картине золотистых и сияющих тонов.

Это то, что я видела с королевского дворца в Эрее: три блуждающих огонька; три огонька, которые казались жалкими.

Если бы герцоги увидели это, если бы короли осознали силу, которую они имеют… Я не могу удержаться от удовлетворённой улыбки, представляя их лица, их страх.

Не знаю, что заставляет меня повернуться, что может отвлечь от этого зрелища, от истинной церемонии Оцайла, но я отвожу взгляд от неба и смотрю на него.

Кириан наблюдает за мной. Небо взорвалось золотыми звёздами, но он смотрит на меня.

Взгляд его голубых глаз перехватывает дыхание. Они блестят, и по какой-то причине это задевает во мне струну, которую не смогло затронуть даже это впечатляющее зрелище долины.

Он быстро проводит пальцами по глазам, и поднимает голову. Всё случилось так быстро, что я задаюсь вопросом, плакал ли он на самом деле, были ли это слёзы в его глазах. Его дыхание превращается в пар на холодном рассвете, и я перестаю задавать себе вопросы, просто поддаюсь чувствам.

Ночь. Темнота. Сотни огней, танцующих в пламени.

Обратный путь домой проходит в тишине.

Нирида смотрит на меня так, будто не может поверить, что я не задаю вопросов.

Я же тщательно выбираю те, которые хочу задать.

Я разрываю молчание, когда мы поднимаемся по ступеням главного входа. Экономка открывает нам дверь, впуская в тёплый дом, где чувствуется жар очага.

— Зачем проводится эта церемония? — спрашиваю я.

— Раньше она служила, чтобы осветить ночь перед Гауэко, властелином тьмы, и таким образом показать ему, что мы его не боимся.

— А теперь? — уточняю я.

— Всё ещё, чтобы показать, что мы не боимся.

Но уже не перед языческим существом, я понимаю. Теперь это символ сопротивления против Львов.

— Как они делают так, чтобы Львы не видели это? — продолжаю я.

— Фонарики редко долетают до дворца в Эрее, — отвечает Кириан.

— Сколько людей…? — Мне трудно закончить, его рука на моей спине, пока он ведёт меня внутрь, отвлекает меня тёплым прикосновением. — Сколько людей там было?

Я замечаю слабую улыбку.

— Очень много.

— Откуда вы знаете, что никто из этих людей не выдаст вас?

— Мы не знаем, — отвечает он.

Он чуть сильнее толкает меня внутрь, где Нирида и Аврора уже снимают свои накидки, передавая их служанке.

— Разве стражники в этой зоне не видят фонарики?

— Я бы сказал, что они, наверное, хотя бы раз но видели их, — отвечает он, небрежно.

— И как…?

— Лира, — прерывает он меня. — Уже поздно, все спят. Как насчёт того, чтобы поговорить завтра?

Нирида прощается простым жестом, а Аврора некоторое время смотрит на меня, прежде чем подняться по лестнице и исчезнуть.

Аврора.

У меня тоже есть вопросы о ней.

Экономка и служанка ждут, вдруг нам что-то ещё понадобится.

Я даже не знаю, который час, но, должно быть, уже поздно.

Я киваю, стараясь успокоиться и постепенно вернуться к своей роли. Даже если это даёт мне ценную информацию, я не могу забыть, какую маску ношу. Лира не стала бы задавать такие вопросы, особенно в присутствии других.

Поэтому я позволяю Кириану попрощаться и иду в свои покои.

Первое, что я делаю — подхожу к окну и ищу фонарики, но это крыло дома выходит на другую сторону.

Я задаюсь вопросом, пока готовлю себе ванну, которую собиралась принять до этого, сколько раз они собирались среди ночи; сколько ночей в этом месяце озарятся этими огнями в небе.

И хотя я не хочу этого, когда погружаюсь в горячую воду и закрываю глаза, снова вижу образы тех женщин, лишённых лиц и голосов, умирающих перед толпой в молчаливых муках.

Сегодня я вышла из своей роли, и это опасно, потому что я даже не знаю, куда меня это ведёт. Всю жизнь я готовилась к тому, чтобы заменить Лиру, чтобы добросовестно выполнить свою миссию. Её решения были моими, её мысли — тоже. Пространство, которое принадлежало мне самой, почти не существовало; я позаботилась о том, чтобы в последние годы перед тем, как меня выбрали, так и было.

А сегодня я нырнула в это крошечное пространство; нырнула так глубоко, что обнаружила другие границы, другие линии, проложившие неизведанные пути, землю более обширную, чем должно быть…

Я не знаю, кто сегодня встал на ноги в театре.

Я не знаю, кто сказал, что это казнь — варварство.

Я прекрасно понимаю, как Львы завоёвывают территории. Знаю, сколько людей они убили, и знаю, как они обеспечивают отсутствие магии.

Однако видеть это так было слишком.

Ошибка в расчётах. Я переоценила свою сдержанность. И этого больше не повторится.

Ночь проходит так, что я не могу заснуть больше чем на мгновения, с беспокойными кошмарами, в которых ужас смешивается с золотыми и мерцающими огнями.

До рассвета я уже на ногах.

Я закутываюсь в шёлковый халат тёмных и пурпурных оттенков, не надевая ничего более тёплого, чтобы защититься от холода, и не утруждаю себя обувью, прежде чем на цыпочках направиться к комнате Кириана, замерзая в пути, и тихо постучать в дверь.

Сначала он меня не слышит, и мне приходится повторить, с сердцем в горле, размышляя, что скажу, если сейчас откроется какая-то из дверей в коридоре или если какая-то служанка или камердинер решат подняться в этот момент.

Может быть, не нужно ничего скрывать. Возможно, все здесь уже знали о связи между Лирой и Кирианом.

Я снова стучу, и на этот раз слышу шаги за дверью.

Дверь открывается, и передо мной предстаёт заспанный Кириан, с растрёпанными волосами и полуприкрытыми глазами, брюки плохо застёгнуты на бёдрах, обнажённый торс, татуировки Севера, которые прошлой ночью обрели новый смысл.

— Пригласишь меня войти? — мурлычу я.

Он колеблется дольше, чем я могла бы предположить, и не спешит сказать «да». Я даже не допускала возможности, что он ответит «нет», и всё же, на мгновение это кажется для него вероятным.

Наконец, он отходит в сторону.

— Рано. Что тебе нужно?

Он остаётся у двери, и это странно.

Я была готова к намёкам, к непристойным предложениям или невинным провокациям, к которым он привык, но в нём есть что-то…

— Я хочу поговорить. Ты сказал, что мы могли бы сделать это сегодня.

— Ещё не рассвело, — отвечает он, не двигаясь с места.

Я решаю последовать его манере, столь раздражающей для меня, и вхожу в его покои без разрешения. Обхожу гостиную и прохожу в спальню. Задёрнутые шторы, одинокий свет на тумбочке, рубашка на комоде, смятые простыни, и его запах, пронизывающий всё вокруг, заставляют меня замереть на мгновение.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мне уже нужны ответы.

Кириан внимательно наблюдает за мной, но в его взгляде нет того огня, что я видела раньше в похожих ситуациях. Или, может быть, я себе это накрутила?

— Спрашивай.

— Почему тебе разрешают участвовать?

— Все могут прийти посмотреть, — отвечает он. — Лес общий.

— Не капитанам, которые устраивают массовые убийства для Львов, — возражаю я, и понимаю, что была слишком резкой, когда вижу его горькую, вынужденную улыбку, которая, однако, не портит его прекрасное лицо.

— Вчера было темно. Не думаю, что кто-то меня узнал.

— Тебя узнали на рынке в столице, — настаиваю я. — И меня тоже узнали. Почему людям всё равно? Почему они не хотят убить тебя , как ведьмы из Лиобе пытались убить меня?

— Многие хотят меня убить, Лира, — отвечает он, и кажется усталым.

Он идёт к комоду и опирается на него, расставив руки по обе стороны своего тела. Я замечаю, как напрягаются его мышцы, как выделяются на спине и плечах, пребывая в напряжении.

— Ты не отвечаешь на мои вопросы.

— Разве? — Он медленно поворачивается ко мне, скрещивая руки на груди и тяжело вздыхая.

В его глазах появилось что-то, чего не было раньше — что-то более тёмное, тяжёлое. И у меня мелькает мысль.

— Ты жалеешь, что взял меня с собой вчера?

Возможно, в этом дело. Может быть, эта дистанция, которую я чувствую между нами, вызвана сомнениями или сожалением. Меня это не должно волновать. На самом деле, я должна радоваться, что он не пытается затащить меня в ту кровать за нами, как я ожидала. Но сейчас его отсутствие интереса лишь раздражает.

Его лицо становится злее.

— Нет.

— Твоя сестра Эдит не хотела, чтобы ты меня брал. — Я делаю паузу, не зная, стоит ли продолжать. — Она упомянула Тристана, твоего брата.

Я сразу подумала об этом.

Его брат был достаточно взрослым, чтобы иметь свои убеждения, когда Львы уничтожили их семью. Ему предложили выбор, и он был настолько верен своим принципам, что предпочёл смерть.

— Эдит заботится обо мне и Авроре. Она защищает нас, как считает нужным.

— Потому что боится, что с тобой случится то же, что с Тристаном? — уточняю я.

У него напрягается челюсть.

— Это не вопрос, принцесса.

Я подхожу к нему, пока наши лица не оказываются совсем близко. Забавно оказаться на другой стороне, быть той, кто тянет за верёвку, кто настаивает и приближается, в то время как он выглядит таким… уязвимым.

— Ты не боишься этого?

Вдруг его пальцы касаются моей щеки. Он медленно проводит подушечками по коже, по линии подбородка, и не останавливается.

— Что ты на самом деле хочешь спросить? — шепчет он. — Что хочешь узнать? Верен ли я короне? Есть ли у меня достаточно связей с севером, чтобы моя голова оказалась под угрозой? Посмотри на меня.

Я пытаюсь отшагнуть назад, но он не даёт мне этого сделать.

Его пальцы обхватывают моё запястье, а другой рукой он берёт меня за подбородок.

— Нет. Посмотри на меня. — Он направляет мой взгляд на свои руки, грудь, сложный узор татуировки с извилистыми линиями, где цветы и природа переплетаются в опасный рисунок. — Что ты видишь?

Он позволяет мне взглянуть ему в глаза, но не отпускает.

— Что ты видишь? — настаивает он.

Я вижу воина.

Любовника.

Я вижу опасность.

— Я вижу похищенного мальчика.

— Это то кто я есть, — отвечает он, не отпуская меня. — Я завоёвываю, граблю и убиваю ради них. Но есть часть меня, которая всегда будет принадлежать только мне, и никто не сможет этого изменить. Даже если мне отрубят голову, повесят или сожгут, моё безжизненное тело всё равно будет принадлежать Волкам.

Один ответ, но ещё больше вопросов; гораздо больше.

Есть что-то слишком интимное в его взгляде, в том, как он прижимает меня к себе. Я чувствую удары его сильного сердца у себя на груди и приятное тепло, исходящее от его полуголого тела.

Поэтому я решаю задать ещё один вопрос.

— А что насчёт Авроры?

Упоминание его сестры вызывает именно тот эффект, на который я рассчитывала, — он отпускает меня.

Я отступаю на шаг, наслаждаясь этим пространством, даже если до этого была я, кто держал все нити… или думала, что держала.

— Если тебя интересует моя сестра, это не у меня нужно спрашивать.

— Она знает, кто лжёт, да? Каким-то образом, она может чувствовать ложь.

Разговор, который я вела с ней до того, как её брат нас прервал, казался странным, но всё стало на свои места после её вмешательства перед церемонией отсайлы. Она могла понять, когда я врала, или, по крайней мере, догадываться.

— Она всегда была очень проницательной.

— Нет, — улыбаюсь я . — Это не проницательность. Это была уверенность.

Кириан тоже улыбается. Он снова опирается на комод и смотрит на меня сверху вниз.

— Как я и сказал, тебе придётся самой спросить её об этом.

Хорошо. Я спрошу. Я выясню. Но если Аврора действительно может видеть, кто лжёт, если у неё есть какой-то дар… мне придётся быть осторожной.

— Как ты собираешься найти соргинак? — спрашиваю я, хотя подозреваю, что уже знаю ответ.

Если он смог найти ведьм в Лиобе и всё это время был осведомлён о церемонии фонарей, возможно, он уже выяснил, где они находятся, и просто тянет время. Я не понимаю, зачем ему делать это, когда его жизнь в такой же опасности, как и моя.

— Терпеливо, все делая в нужный момент, — отвечает он. — Есть что-то ещё, что ты хочешь узнать?

Я смотрю на него снизу вверх, следя за чёткими линиями его челюсти, за печалью, которая, кажется, внезапно поселилась в его глазах, подобных зимнему льду.

— Ты поцелуешь меня?

Моё сердце бешено колотится. Три слова, но в них сотни вопросов, сотни сомнений.

Я помню, что это обещание, этот украденный поцелуй поначалу был для меня лишь досадной неприятностью, ещё одной проблемой, о которой стоило позаботиться.

Кириан тоже, кажется, сразу возвращается к тому обещанию, к тому саду.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал? — медленно спрашивает он.

Снова — тысяча вопросов в его словах.

Если он поцелует меня, всё закончится. Это будет последний раз. Если он сдержит своё слово, прекратятся провокации, он больше не будет пробираться в мои покои и смотреть на меня так, как смотрит сейчас.

Никто раньше не смотрел на меня так.

Да.

Нет.

Это был бы не просто поцелуй. Это была бы не просто прощальная история, которую я так и не успела узнать.

Страх переплетается с желанием, и что-то, чего я не должна чувствовать, пульсирует в груди, пока Кириан отходит от комода и делает шаг вперёд.

— Хорошо, — шепчет он, скользя рукой по моей талии.

Ткань слишком тонкая, чтобы я не почувствовала этого, как если бы моя кожа была обнажена. Под его взглядом я тоже чувствую себя обнажённой.

Он кладёт другую руку на моё бедро, осторожно, медленно поворачивая меня, так что теперь моя спина прижата к комоду.

— Новые правила. Я подожду, пока ты сама попросишь. Я отдаю тебе контроль, — шепчет он, прижимая своё тело к моему, и постепенно я чувствую, как теряю весь этот контроль, о котором он говорит. — Попроси меня, и я поцелую тебя. Всё закончится. Власть теперь у тебя.

Его пальцы скользят вдоль моего ребра. Его большой палец касается моего живота, и у меня перехватывает дыхание.

— Ты можешь попросить меня в любой момент, — шепчет он, приближаясь ещё ближе. — Я сделаю это очень просто.

Его голос касается моей шеи, когда он наклоняется вперёд, когда его рука оставляет мою талию и поднимается к шее, к затылку, слегка потянув за волосы назад, чтобы я открыла доступ. Я позволяю ему это, чувствуя, как сердце с грохотом бьётся о рёбра, его удары слишком громкие, чтобы их игнорировать, а движения Кириана — слишком лёгкие, слишком нежные.

Его губы касаются моей шеи, и я закрываю глаза от этого нежного, бархатного прикосновения. Лёгкий поцелуй заставляет меня дрожать. Я не успеваю привыкнуть, как внезапно чувствую его горячее дыхание, когда его рот приоткрывается, а язык

лениво скользит по моей коже. Этот более смелый поцелуй пробуждает дикую волну, пронизывающую меня насквозь. Кириан, должно быть, чувствует это, потому что тут же обхватывает меня руками, притягивает к себе, как будто ему нужно, чтобы я была рядом, и продолжает жадно целовать мою шею.

Едва ли я замечаю, как одна из его рук покидает моё тело и начинает играть с узлом халата. Его ловкие пальцы распускают его за мгновение, а затем скользят по обнаженному животу, даря мне ощущения, от которых я теряю рассудок. Я чувствую шершавость его пальцев, грубость его воинских рук на своей коже.

Он останавливается у кружевного края моего бюстгальтера.

Его руки замирают. Его губы болезненно отрываются от моей кожи.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спрашивает он. Его хриплый голос отзывается эхом в каждом уголке моего тела. — Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Да.

Нет.

Мучительный стон срывается с моих губ, не дождавшись моего разрешения.

— Понял, — отвечает он.

Я почти вижу его улыбку, когда он вновь погружается в мою шею, и его рука сжимает мою грудь. Пальцы мягко впиваются в мою кожу, а я прижимаюсь к нему.

Всё происходит с головокружительной скоростью. Кириан воспринимает это как приглашение и между поцелуями продолжает спускаться медленно, его губы и пальцы скользят по моему телу.

Он обхватывает меня одной рукой. Другая рука покидает мою грудь и опускается ниже вместе с его губами. Его зубы оттягивают кружево моего бюстгальтера, и мгновение спустя я чувствую его язык через ткань.

Я кусаю губы и сдерживаю проклятие. Открываю глаза и вижу Кириана, склонившегося передо мной, его руки на моём теле, а его губы продолжают сводить меня с ума.

Его пальцы касаются моей бедра. Они скользят по тонкой ткани с намеренной медлительностью, и я тону в ощущениях: губы, кожа, его присутствие заполняют всё пространство вокруг меня, пока что-то не привлекает всё моё внимание.

Я выдыхаю, когда его пальцы прокладывают путь под моё нижнее белье, и я чувствую, как его ласки постепенно заставляют меня терять рассудок.

Я не замечаю, что он перестал целовать мою грудь, пока не слышу его голос — глубокий и хриплый, когда он пристально смотрит на меня.

— Теперь ты уже хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

Его губы так близки, и я настолько потеряна в себе, что почти не осознаю, что делаю.

Это я целую его.

Мои руки тянутся к его затылку, запутываются в его волосах и притягивают его к себе в жадном, слегка агрессивном поцелуе, который заставляет его тихо, с хрипом, удивленно застонать.

Я кусаю его губы в порыве, полностью потерянная в этом прыжке в бездну, из которой, кажется, нет возврата, и снова слышу его стон. Я чувствую его на своих губах, в горле и в центре своего тела, которое жаждет его, хочет его ближе, ещё ближе.

Его пальцы перестают касаться меня, как раньше, потому что его тоже захватывает та же жажда. Он обнимает меня крепче, ищет меня в жадных, беспорядочных прикосновениях, пока не хватает меня за бёдра и не поднимает на комод, снова прижимаясь ко мне, между моих ног.

Я чувствую его руки на своих бёдрах, его губы, пьющие поцелуй, который теперь я украла у него, и вдруг обнаруживаю, как мои пальцы исследуют его грудь, проводят по сильным линиям его живота, спускаясь к его полурасстёгнутым брюкам. Под моими пальцами я чувствую, насколько сильно он меня жаждет, и в ответ на это из его горла вырывается хриплый стон.

Мне нужно больше его. Намного больше.

То, как он на меня смотрит, как он тоже меня жаждет, зажигает во мне нечто, что будет сложно погасить, но, тем не менее, именно этот огонь приносит проблеск осознания, и я понимаю то, что никогда не должна была забывать.

Кириан не знает, что занимается любовью со мной.

Он, конечно, чувствует, что что-то изменилось. Он неоднократно повторял это, и я прекрасно осознаю, что это разрушило что-то во мне, как в ту ночь в галереи Храма. То, что показал мне Ингума, стало напоминанием о том, что я не могу позволить эмоциям управлять собой.

Только когда я собираюсь взять всё, что хочу, попросить всё, что мне нужно, я кладу руки на его грудь и отталкиваю его.

Он смотрит на меня так, будто видит впервые. Возможно, я смотрю на него так же.

Мои ноги слегка дрожат, когда я спрыгиваю на пол и снова накидываю халат.

— Лира… — хрипло шепчет он.

Его губы распухли от поцелуя, который до сих пор заставляет меня трепетать.

— Ты ничего плохого не сделал, — спешно говорю я. Чёрт, я хотя бы это ему должна. — Ты не пересёк черту, которую я бы не захотела пересечь с тобой, но мы не можем. И прости, что втянула тебя в это.

Он не отвечает. Лишь хмурится, явно сбитый с толку, а я не даю ему времени осознать происходящее.

Щёки горят, когда я выхожу из комнаты, а затем и из его покоев. Я так сильно хлопаю дверью, что, возможно, разбудила полдома, но мне всё равно. Я даже не оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не увидел, как я выскальзываю оттуда. Бегу обратно в свою комнату, запираю дверь на ключ и падаю, опершись о неё спиной.

Холод пола немного успокаивает моё тело, но не приводит в чувства. Постепенно осознание того, что я только что сделала, проникает в меня в виде воспоминаний, которые я знаю, что никогда не забуду. Пока я пытаюсь вернуть сердцу нормальный ритм, мне остаётся только гадать, исчезнет ли когда-нибудь это чувство вины… и неистовое желание снова совершить ту же непоправимую ошибку.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Ингума

Кириану кажется, что он спит. Он всё ещё ощущает холодные пальцы существа на своей шее и тяжёлую, удушающую тяжесть на груди.

Ингума — одно из самых изощренных тёмных созданий. Ночь за ночью он появляется в облике кота на подоконнике, совы на ветвях близлежащего дерева, летучей мыши, ищущей заблудший свет, или мыши, пробирающейся по углам, чтобы проникнуть в сны смертных.

Он — коварный гений, способный искажать желания и самые сокровенные мечты, превращая их в кошмар, из которого нелегко проснуться. Он садится на грудь своей жертве, сжимает её горло своими когтями, одновременно заражая её разум и сны.

Именно поэтому Кириан, переживший смерть родителей и убеждённый, что худшее уже позади, верит, что всё ещё спит, а Ингума захватил его разум.

Но Ингума здесь ни при чём. Крики его сестры Авроры реальны, как и ледяное безмолвие, в которое погрузилась Эдит, и кровь, окрашивающая снег во дворе.

«Это не может быть правдой», — твердит он себе. «Тристан вот-вот разбудит меня для тренировки, и этот страшный сон останется в прошлом», — пытается он убедить себя.

Но всё это — реальность, и Тристан больше никогда не разбудит его, они больше не будут тренироваться вместе. Тристан больше не пойдёт наперекор настойчивым просьбам Эдит, не подчинится Львиным требованиям, не вступит в споры с другими лордами, отказываясь платить более высокий налог, и не плюнет больше в ноги королевского посланника.

Тристан никогда не поднимется с того места, где лежит на снегу. Это будут два солдата Львов, которые потащат его тело к погребальному костру, чтобы сжечь его, не позволив родным провести положенные похороны.

— Кто наследник этого дома? — спрашивает один из солдат короля.

— Я. Я наследница, — говорит Эдит.

Она отвечает мгновенно, не задумываясь, словно рефлекторно, хотя уже знает, какой будет ответ. Они уже прошли через это, уже столкнулись с тем, что Львы не позволят ей унаследовать титул, хотя по праву это её предназначение. Возможно, думает она, если бы ей позволили принять важные решения, они не оказались бы сейчас здесь, наблюдая, как кровь её брата питает розы.

— Наследник, — повторяет солдат. — Он принесёт присягу верности короне Львов, или нет?

Эдит смотрит на своего брата, и Кириан понимает, что это не сон, что Ингума не сжимает ему горло и не давит на грудь. Ужас пронзает его одновременно с яростью, и она полностью вытесняет страх. Именно она заставляет его открыть рот и потянуться рукой к мечу на поясе, который в его двенадцать лет всё ещё слишком тяжёл для него.

Всё исчезает, остаётся только кровь на снегу. Он больше не видит палача своего брата, не слышит крики Авроры. Он больше не чувствует холода.

Но едва пальцы Кириана касаются рукояти меча, резкий удар возвращает его в ту реальность, от которой он пытался скрыться. Острая боль в щеке вырывает его из бездонной пропасти, которая жадно поглощала его.

Эдит только что ударила его по лицу с такой силой, что один из её колец, похоже, оставил рану на его щеке, потому что он чувствует, как что-то тёплое стекает вниз.

Кириан никогда не видел свою сестру такой. И больше никогда не увидит.

— Веди себя, как подобает лорду Армиры.

Его голос, думает он, не похож на голос строгой, но терпеливой сестры, которую он всегда знал. Этот голос исходит из другого места, из другой личности. Этот голос родился из ужаса и тьмы. И, тише, чтобы не услышали солдаты, в более низком, мрачном тоне, она добавляет:

— Ты преклонишь колени перед ними. Ты принесёшь свой меч в службу их королю. Ты будешь исполнять все их приказы, ложиться с ними в постель, когда они захотят, и убивать ради Львов.

Кириан не осознаёт до конца, что делает, когда встаёт на колени и, глядя на убийц, что тащат тело его брата к огню, приносит присягу верности Львам.

Он начнёт осознавать это позже, когда солдаты покинут дом, оставив после себя крики Авроры и ужас, который теперь точно станет пищей для Ингумы.

Год спустя после последнего Месяца Волков, Кириан будет искать свет в темноте леса. Не найдя ни одного из огней, которые раньше освещали небеса в другие зимние ночи, он примет решение и вознесёт молитву Гауэко. Он вознесёт молитву мне.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 23

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Я даю себе несколько часов, прежде чем смогу выйти и встретиться с последствиями того, что совершила.

Это была я, та кто вошла в его покои, я спросила его, не собирается ли он меня поцеловать… Это была я, та кто в итоге поцеловала его и позволила сделать со мной всё то, о чём не должна даже думать.

Я одеваюсь, привожу волосы в порядок, и когда спускаюсь вниз, меня радует, что Кириан здесь нет. Ниридыы тоже.

Кажется, они уехали с частью своих солдат.

Может быть, если бы я больше думала о миссии, из-за которой приехала сюда, я бы знала, чем они сейчас заняты.

Я провожу остаток утра в своих покоях, читая рукописи, которые привезла из дворца Эрея. И в этот раз я по-другому смотрю на имена осужденных, записанные на бумаге.

В первый раз это были просто чернила и возможность получить информацию. Но теперь я представляю, что имена тех трёх женщин, которых мы видели умирающими, скоро могут появиться в подобном документе. Кто-то запишет их на бумагу, снова лишив их человечности. И когда я это осознаю, мне больше не удается продолжать читать.

Два капитана возвращаются, пока я прогуливаюсь по саду. Холодный снег щиплет мои лодыжки, а ледяной ветер приносит нежные снежинки, оседающие на губах, но мне всё равно.

Я вижу, как лошади появляются на дороге, солдаты едут в быстром темпе, и я жду, пока они приблизятся.

Кириан спускается с коня первым.

Я не свожу с него глаз — высокий, сильный, в чёрном одеянии с головы до ног, он резко контрастирует с белоснежным пейзажем. Его сапоги скрипят по снегу, пока он идёт ко мне.

Дверь входа открывается, и несколько слуг выходят их встречать. Один конюх спешит взять поводья лошади Кириана, другой занимается лошадью Ниридыы.

Я замечаю, что он не сводит с меня глаз, пока приближается.

Я заговорю первой, прежде чем он успеет сказать что-то, что не должен, или прежде чем его легкая улыбка вернёт воспоминания, которые я должна старательно забыть.

— Я хочу знать, чем вы заняты, — требую я.

Он поднимается по лестнице и останавливается на пару ступенек ниже меня. Несмотря на это, я всё равно выше его всего на несколько сантиметров.

Кириан внимательно меня изучает, в его глазах нет ни страсти, ни вызова, которые я раньше видела.

— Ладно.

— Ладно? — переспрашиваю я.

Кириан кивает.

— Кажется, мы нашли то, что искали, — тихо говорит он.

Я затаиваю дыхание.

— Соргинак? — спрашиваю я.

Кириан кивает.

—Похоже, что несколько шабашей собираются встретиться в деревне Изартеги для празднования Отсаила. Я отправлюсь на закате. Возможно, на поиски уйдет некоторое время.

—Я поеду с тобой, — поспешно говорю я.

Нирида приближается медленно, не вмешиваясь. Я вижу её сторонним наблюдателем, как и много раз до этого, и она лишь смотрит, когда Кириан бросает ей взгляд, словно задавая вопрос. "Тебе решать", как будто говорит она.

—Не будет ни охраны, ни защиты. Будем только ты и я.

Это всё ещё вопрос, возможность передумать.

Холодок пробегает по моей спине.

—Хорошо.

—Тогда собирайся. Выезжаем сейчас же, — говорит он, проходя мимо меня в дом, не останавливаясь.

—Мы же собирались выехать ночью?

—Это было до того, как я узнал, что ты поедешь со мной, — отвечает он, не оглядываясь. — Лес опасен на закате. Возьми то, что тебе нужно. Оденься неприметно, пожалуйста. Мы едем не во дворец.

Его тон слегка жёсткий, деловитый. Он поднимается по лестнице к покоям, не утруждая себя тем, чтобы убедиться, что я его услышала. Нирида тоже проходит мимо меня.

—Как вы узнали, где находятся ведьмы? — спрашиваю я.

Она пожимает одним плечом.

—Спрашивали, — отвечает она и идёт дальше. — Возьми пару нарядов, принцесса, — советует она. — Мы знаем, где они должны собраться, но ничего больше. Возможно, вам придётся потратить на это время.

—Почему ты не едешь с нами?

Звонкий смех.

—Во-первых, чем больше нас, тем меньше шансов, что они позволят нам себя найти. Во-вторых, соргинак не такие, как остальные ведьмы, — отвечает она. — Не хочу тоже оказаться проклятой. Спасибо.

Я не теряю времени. Кладу пару смен белья в дорожную сумку и ищу что-нибудь неприметное, что можно было бы надеть. Но, сдавшись, в конце концов, зову горничную.

Если бы у меня было больше времени…

Когда я спускаюсь вниз, большие входные двери приоткрыты, несмотря на холод. Слуги пропускают меня наружу, где сестры Кириана стоят на лестнице, пока он садится на свою лошадь.

Эдит смотрит на меня с осторожностью, но Аврора менее сдержанна. Она оглядывает меня с головы до ног и поднимает тёмные брови, повторяя жест, который очень напоминает её брата.

—Ты совсем не похожа на принцессу, — замечает она.

На мне брюки, рубашка и шерстяной свитер, которые не могут быть более невзрачными. И одежда даже не моего размера, но это лучшее, что горничная смогла найти за такое короткое время.

Я одаряю ей улыбкой и решаю попробовать что-то новое.

—А ты выглядишь ужасно, — отвечаю я. — Твоё платье просто отвратительно.

Эдит хмурится, не понимая, что я делаю.

Аврора, напротив, лениво улыбается.

—Ты лжёшь. Платье тебе нравится.

Я прикусываю губы. Это ответ на вопрос, который я даже не успела задать. Я тоже улыбаюсь. Значит, это правда: она может понять, кто лжёт.

В ней, должно быть, есть какая-то магия. Возможно, дар… или проклятие.

Я понимаю, почему Эдит так боится и почему ей не понравилось, что Кириан открыл дар своей сестры при мне. Такая магия была бы достаточной причиной для того, чтобы Львы убили её без суда, считая ведьмой или получившей свои силы от Мари, а хуже всего — от Гауэко.

Конь Кириана нервно фыркает, и этого достаточно, чтобы я тоже спустилась по лестнице и оседлала лошадь, подготовленную для меня. Нет времени на прощания.

Мы скачем в деревню Изартеги, на восток и юг, ближе к незавоёванным землям, и прибываем к нашему пункту назначения до наступления темноты.

Всё это время мы не разговаривали. За исключением пары указаний, мы не обменялись ни словом, и часть меня чувствует беспокойство.

Лира забыла бы. Если бы она допустила какую-то неосторожность, если бы она поддалась порыву и потом пожалела об этом, она бы с лёгкостью сделала вид, что ничего не случилось.

Я знаю, как бы она поступила, и всё же столько моих поступков в последнее время расходятся с её действиями, что я задаюсь вопросом, стоит ли пытаться исправить это так, как сделала бы она.

Кириан выглядит серьёзным; не хмурым, а… задумчивым. Я замечаю, что он погружён в свои мысли, затерявшись в каком-то тёмном уголке своей души, и это омрачает его лицо. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, это не имеет никакого отношения к тому, что произошло вчера.

Он впервые заговорил, когда я сказала ему, что собираюсь прогуляться по рынку, чтобы купить несколько вещей, которые не успела подготовить для поездки.

—Смотри, чтобы тебя не прокляли снова, — бормочет он с натянутой улыбкой.

Я улыбаюсь в ответ, но чувствую что-то в его тоне, в его выражении.

Что-то, что меня огорчает.

Я трясу головой, потому что его эмоции не должны на меня влиять.

Я хорошо кутаюсь в накидку и набрасываю капюшон. Холод достаточно сильный, чтобы не привлекать внимания, пока я прохожу по рынку, среди лавок, к которым уже почти не подходят прохожие. Многие закрылись, а другие уже сворачиваются. Тем не менее, мне удаётся найти то, что я искала.

Я покупаю кожаные брюки, которые должны сидеть лучше этих и, несомненно, будут удобнее для свободного передвижения. Покупаю также пару ремней для оружия и, наконец, останавливаюсь перед витриной швейной лавки, которая не принадлежит рынку.

Женщина с другой стороны ставит табличку "закрыто", пока наши взгляды встречаются.

Она слегка приоткрывает дверь.

—Что-то нужно?

Отлично. Никакого обращения по титулу. . В этой одежде я выгляжу как одна из рыночных покупательниц.

Я снова смотрю на витрину, а затем перевожу взгляд на неё.

Полагаю, обстоятельства вынуждают меня делать то, что настоящая Лира никогда бы не сделала. Возможно, это будет последним разом.

— Вы уже закрылись? — спрашиваю я.

Женщина тепло улыбается.

— Я могу подождать.

Я колеблюсь, но все же делаю шаг вперед, затем ещё один, прохожу мимо женщины, которая отходит в сторону и спрашивает, что мне нужно.

Я прошу завернуть платье с витрины, не примеряя его. И, чем больше ощущаю нарастающее волнение в животе, тем сильнее задаюсь вопросом: зачем я это делаю?

Если Лира никогда бы не выбрала такое платье, то кто сейчас делает этот выбор?

Меня тренировали принимать те же решения, что и Лира, готовили реагировать так же на те же ситуации. Меня полностью опустошили, чтобы заполнить ею. И это платье — как тот поцелуй, который я подарила Кириану: одна из тех падающих звезд, что срываются с небосклона, сбиваясь с курса. Одинокие, изолированные и странные.

Я прячу пакет среди других покупок и возвращаюсь в постоялый двор, где мы остановились, стараясь больше об этом не думать.

Мне нужно сосредоточиться на нашей миссии.

Постоялый двор очарователен. Мы сняли две смежные комнаты в небольшом домике с садом, который далеко не всем проезжим по карману. Каменные стены обеспечивают уединение, но не заглушают шум оживленных улиц центра, который доносится до террас и балконов, украшенных цветами и растениями.

Я только прихожу, как дверь, соединяющая наши комнаты, открывается, и я встаю, чтобы поприветствовать Кириана. Он молча отходит в сторону и кивает в сторону стола в своей комнате.

— Ты голодна? — спрашивает он.

Я снова вижу в его взгляде что-то чужое, чего больше не понимаю.

Я захожу и сажусь за стол, который он накрыл: дымящиеся сладкие и соленые лепешки, жареные овощи, рыба в масле и другие блюда, от которых текут слюнки.

Я пробую кусочек и усаживаюсь поудобнее.

— Какой следующий шаг?

— Не знаю, — отвечает он, беря лепешку. — Думаю, прогуляться.

Почему-то я знаю, что он не лжет, и это меня беспокоит.

— Это и есть план?

— В этом районе несколько шабашей; другие тоже должны собраться здесь. Нам нужно наблюдать, слушать… выяснить, где они встретятся. Я знаю это место, у меня есть несколько идей, но лучше перестраховаться…

Я смотрю, как он облизывает сахар с пальцев.

— Значит, прогуляться.

Он кивает и продолжает есть в тишине.

Что-то внутри меня сжимается, и я понимаю, ещё до того как открою рот, что снова переступаю черту, которую Лира никогда бы не пересекла.

— Что с тобой?

Кириан выглядит удивленным. Конечно, удивлен. Черт. Я только начинаю догадываться, какова была их связь с принцессой, но могу представить, что она не часто спрашивала, как у него дела.

И все же я знаю, что он ответит честно, когда отводит взгляд и останавливается на тарелке с засахаренными фруктами в шоколаде, которых мы еще не коснулись.

— Почему ты думаешь, что со мной что-то не так?

Я воздерживаюсь от ответа, потому что чувствую: в этой реплике могут быть признания, которые я не хочу делать. Я наблюдаю за ним, научилась понимать его настроение, жесты и молчание, и в его взгляде есть что-то…

— Я ошибаюсь?

Кириан слабо улыбается.

— Нет. Ты не ошибаешься. — Он берет кусочек сладкого хлеба и на мгновение замолкает, наслаждаясь вкусом, а я продолжаю смотреть на него. — Вчера я узнал, что потерял кого-то важного для меня.

Я чуть выпрямляюсь. Вчера? Мы были вместе почти весь день. Это произошло после поездки в столицу Эреи? Тогда он был в порядке. Я что-то почувствовала той ночью, когда пошла искать его в его покои. Это случилось тогда? Между церемонией света и моим визитом? Он уже знал о потере, когда я…?

— Мне очень жаль, — тихо говорю я. — Я знала этого человека?

Кириан улыбается грустной улыбкой, которую я не могу до конца понять. Возможно, он просто пытается смягчить ситуацию.

— Думаю, что нет.

— Всё равно, мне очень жаль, — повторяю я. — Он был важен для тебя?

— Да. Был. Но он умер давно. Я был готов; вчера мне лишь подтвердили то, что я уже знал. Я уже пережил свою скорбь, — отвечает он.

Судя по его взгляду, этим печальным глазам, я сомневаюсь, что это так, но не говорю этого. Не думаю, что смогу.

— Пусть боль пройдет быстрее, — шепчу я.

Он согласно кивает, и мы продолжаем ужинать в тишине, которая, хотя и не кажется неловкой, всё же наполнена легкой грустью.

Проснувшись на следующее утро, я обнаруживаю, что Кириана больше нет в его комнате. Он убрал постель и собрал все свои вещи перед уходом.

Я размышляю, бродя по комнате, кто же был тем человеком, которого он потерял. Мне повезло, что отношения между Кирианом и настоящей Лирой были лишь физическими, по крайней мере для Лиры, потому что это помогло мне оправдать свои пробелы в памяти. Это отсутствие интереса к тому, кто, похоже, всё-таки испытывает что-то важное, печально.

Старая привычка заставляет меня сесть на кровать, склониться над его дорожной сумкой и порыться внутри, хотя я знаю, что вряд ли найду что-то интересное. Кириан обычно всегда вооружён до зубов, но на этот раз он забрал всё своё оружие, и в сумке осталась только одежда, бритва, несколько монет, которые ему не стоило здесь оставлять, и…

Я достаю небольшой кожаный мешочек и не могу удержаться от того, чтобы проверить, что в нём.

На мою ладонь выскальзывают два флакона с прозрачной жидкостью. Инстинктивно я ощущаю легкое покалывание в пальцах, когда открываю первый флакон и подношу его к носу.

Я знаю, что это такое, даже не пробуя. Осторожно закрываю его и проделываю то же самое со вторым. Их запах напоминает привкус, остающийся на языке от навыка привыкания к ядам.

Неужели Кириан тоже этим занимается?

Это имеет смысл. В конце концов, большую часть времени он проводит при дворе, а остальное — на войне, где, несмотря на прямую жестокость, он не застрахован от

других видов атак. Однако я не представляла, что он участвует в такой изощрённой игре, готовясь заранее к ударам врагов, думая о них...

Я кладу флаконы обратно, туда, где они лежали, под грудой небрежно сложенной одежды. Растягиваю простыни на кровати и убеждаюсь, что никаких следов моего присутствия не осталось.

Не знаю, когда он вернется, поэтому жду в своей комнате. Спустя некоторое время слышу движение в соседней, и сажусь на край кровати.

Кириан появляется в проеме двери, соединяющей наши комнаты, постучав пару раз.

— Мы уходим, — заявляет он вместо приветствия.

— Куда?

— Завтракать, — отвечает он и добавляет, оглядывая меня с ног до головы: — Надень что-нибудь неприметное.

Он не говорит больше ни слова и закрывает дверь, оставляя меня одну, чтобы я могла переодеться.

Я подумываю надеть то платье, что купила вчера, но угрызения совести уже подступают к горлу при одной мысли об этом, и я тут же отвергаю идею. Это слишком… лично.

В конце концов, я выбираю кожаные брюки, обтягивающий свитер и темную накидку, которую взяла с собой в путешествие. К поясу креплю два кинжала: один на бедро, другой сбоку.

Когда я захожу к Кириану, он сидит за столом, не торопясь, чистя свои оружие. Увидев меня, он снова оглядывает меня и поднимает одну бровь.

— Я же сказал, что-то неприметное.

Я хмурюсь.

— Оно неприметно, — возражаю. — Выглядит дешево и не вызывающе.

Кириан тяжело вздыхает, как будто уже долго стоит на ногах, и поднимается.

— Да, но необязательно выглядеть наемницей, — замечает он, проходя мимо.

Он останавливается у окна, открывает его и выглядывает наружу. Я не понимаю, что он делает, пока он не поворачивается ко мне с маленьким белым цветком в руках и не протягивает его к моей голове.

Внезапно я чувствую его пальцы на своей коже, нежные, как лепестки, и осознаю, что он вплетает цветок в мои волосы.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, удивленная неожиданностью этого жеста.

— Я же говорил, что сегодня нужно быть незаметной. Пытаюсь смягчить... — Он бросает взгляд на мой наряд. — Всё это.

Он возвращается к окну, тщательно выбирая ещё несколько цветов: ромашки, маленькие белые и жёлтые цветочки, и пару фиолетовых. Он обходит меня, не сводя взгляда, и встает сзади.

Без предупреждения его пальцы касаются моих волос. Кириан слегка тянет их назад, и я вынуждена сглотнуть, потому что этот невинный жест пробуждает воспоминание о поцелуе, который я не должна была дарить, и о желании, которое не должна испытывать.

Я понимаю, что он плетет мне косу.

— Никогда не представляла тебя за таким занятием.

Тихий смешок касается моей шеи.

— Ты постоянно это говоришь.

У меня перехватывает дыхание. В этом жесте есть что-то интимное: его руки, осторожные, мягко касаются моих волос, скользят по шее. И я осознаю, что настоящая Лира и он уже делили эту близость.

— Это всегда удивляет, — быстро отвечаю я. — Напомни, кто тебя научил?

— Эдит, — тихо говорит он. — У меня была старшая сестра, которая делала со мной всё, что захочет. А потом появилась Аврора, и она делала то же самое.

Я представляю его ребенком, плетущим косы капризным сестрам, и не могу сдержать улыбку.

В этой истории есть что-то обычное, трогательное, даже немного неуместное. Этот воин никогда не выходит из дома без оружия и возит с собой ядовитые флаконы, но у него есть сестры, которых он, кажется, очень любит.

Один за другим, он вплетает цветы в мои волосы, и когда заканчивает, поворачивается ко мне, внимательно смотрит, а затем слегка наклоняется. Я замираю, пытаясь понять, что он собирается сделать.

— Это тебе не понадобится. — Он снимает кинжал, что висел у меня на боку. — И это тоже.

И затем избавляется от кинжала на моем бедре.

— Теперь выглядишь намного лучше, — улыбается он с насмешливой искрой.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я в ответ.

— Что? — удивляется он.

— Ты выглядишь, как наемник, как всегда, и я что-то не вижу у тебя цветочков в волосах или намерений выйти на улицу без оружия.

Кириан поднимает брови, и что-то в его взгляде подсказывает мне, что он воспринял это как вызов или провокацию. Он вынимает один цветок из моей косы, умудряется пристроить его в петлицу своего жилета и затем распахивает руки передо мной.

Я понимаю, что он приглашает меня разоружить его.

Я сомневаюсь, но делаю шаг вперед.

Все оружие, что было на виду, уже лежит на столике. Поэтому Кириан явно не ожидал, что я наклонюсь, ослаблю его сапог и найду там маленький нож. Ищу в другом сапоге — и нахожу еще один, спрятанный в кармане на бедре.

Я выпрямляюсь перед ним, передавая ему три оружия, а он продолжает с интересом смотреть на меня. Возможно, у него есть еще, но я не хочу продолжать его ощупывать, чтобы выяснить это, ради своего же блага. Он тоже не говорит ни слова.

— Теперь всё? — спрашивает он, как будто не он был инициатором этого представления.

— Не знаю. Теперь я достаточно неприметна?

— Да, — улыбается он.

— Да, — улыбается он.

Он направляется к двери, открывает её и приглашает меня выйти первой. Проходя мимо, он ловит меня за запястье и шепчет мне на ухо:

— Хочу, чтобы ты знала: быть наемницей — вовсе не так уж и плохо.

Я краснею, словно он никогда не говорил мне ничего более провокационного, хотя на самом деле говорил. Возможно, всё дело в голосе, в его тоне, в этой близости…

Я слегка толкаю его, и он улыбается, но едва заметно, сдержанно, а я снова вижу ту грусть, что пришла с утратой, которую он переживает.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 24

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Мне не приходит в голову спросить, чем мы занимаемся на самом деле, до тех пор, пока мы не позавтракали дважды: один раз в очаровательном кафе, где подавали горячий шоколад и коричные печенья; другой раз — на уличной лавке с горячими сладкими булочками.

— Всё это замечательно, но что мы здесь делаем?

— Тянем время, — отвечает он, прогуливаясь неспешно.

— Время для чего?

— Для этой ночи, — отвечает.

Полуденное солнце отражается от известковых строений, топя снег, что скопился на углах улиц. Дети, закутанные в толстые шерстяные шарфы и перчатки, бросаются снежками друг в друга.

— Что будет сегодня ночью? — не сдерживаюсь, продолжая расспрашивать его.

— Если нам повезёт, то ведьминский шабаш.

Я замираю.

Кириан смотрит на меня, но идёт дальше. Мне приходится поторопиться, чтобы его догнать.

— Ты выяснил, где собираются соргинак?

Он лишь пожимает плечами.

— Ходят слухи, — отвечает он. — Они особо это и не скрывают. Так что я не уверен, что думать.

Соргинак. Наконец-то.

Если нам удастся достичь желаемого, я разорву договор с Тартало и смогу сосредоточиться на своей истинной цели, на том, для чего я действительно была рождена. Я вернусь ко двору Львов, буду ждать своего часа для коронации, и мне больше никогда не придётся быть рядом с Кирианом.

Внутри меня что-то холодное сворачивается в клубок.

— Если ты уже знаешь, где искать ведьм, — говорю я, — тогда зачем этот долгий променад?

— Я же сказал — тянем время, — повторяет он безразлично и поворачивается ко мне. — А что бы ты хотела сделать?

Я молчу, потому что внезапно не нахожу ответа.

Я продолжаю видеть в Кириане нечто новое, нечто задумчивое и искреннее, нечто грустное, что я, к своему удивлению, узнаю и в себе. Возможно, именно поэтому я отвечаю:

— Ты знаешь Изартеги?

— Немного.

— Покажи мне её, — прошу я.

Он не улыбается, не пытается меня дразнить. Он воспринимает мою просьбу с лёгким удивлением, которое я тоже чувствую, и, кивнув, идёт дальше.

Это прощание, говорю себе. Моё последнее желание, а не Лиры.

Остаток дня проходит впустую, но как же он прекрасен. В этих неторопливых прогулках, неспешных разговорах, в местах, которые он мне показывает, нет ни намёка на двойные намерения… и это странно. Мы едим до сытости, покупаем каштаны на вынос, смотрим уличное танцевальное представление и посещаем сады, которые ничуть не уступают королевским.

Сегодня вечером, прежде чем отправиться в путь, Кириан даже не напоминает мне о наряде.

Я надеваю чёрное платье — простое и утончённое, распускаю волосы и убираю цветы. На этот раз я действительно вооружена.

Мы садимся на наших лошадей незадолго до полуночи, и хозяйка постоялого двора не осмеливается задавать лишних вопросов.

Мы пересекаем город и достигаем района, где люди отмечают какой-то праздник. Между домами натянуты фонари, развеваются флажки с разными гербами, на площади играет маленький оркестр, а пары танцуют, несмотря на холод.

— Нам сюда? — осмеливаюсь спросить, когда мы платим пару монет за то, чтобы оставить лошадей в конюшне при таверне.

Кириан качает головой.

Мы оба смотрим на площадь. Здесь также открыты прилавки с едой, предлагающие горячее вино и сладости, а таверны, окружившие площадь, полны до отказа.

— Нам нужно углубиться в лес.

Он делает знак, и мне не нужно больше, чтобы последовать за ним, испытывая лёгкое волнение. Мы оставляем позади музыку, смех и тёплый свет фонарей и идём по тропе, которая ведёт нас за огромную скалу и заставляет взбираться в гору.

Мы поднимаемся достаточно долго, чтобы всё веселье осталось далеко позади. Тишина, прерываемая лишь редким криком совы, становится всё более плотной. Лунный свет освещает наш путь, не давая нам двигаться в полной темноте.

Между деревьями, на вершине холма, мерцает мягкий свет. Это наша цель.

Кириан протягивает мне руку, когда мы подходим ближе, и я крепко её сжимаю , когда мы наконец достигаем вершины.

С другой стороны, у подножия горы, виднеется пещера. Перед ней, на снегу, горит костёр, от которого исходит этот свет. Они не прячутся. Любой, находясь на этих холмах, мог бы их увидеть, как и мы, но они не боятся.

Нет музыки, только смех. Нет мелодии, лишь неслаженное пение, сменяющееся время от времени. Иногда барабан задаёт ритм.

И они танцуют.

Десятки женщин, босиком по снегу. Обнажённые.

Мне трудно осознать, где мы находимся. Трудно вернуться в реальность, когда Кириан слегка тянет меня за руку, прикладывает палец к губам, призывая к молчанию, и мы опускаемся на снег холма.

Я не могу смотреть на него, потому что не в силах оторвать глаз от них.

В этом танце, который я не до конца понимаю, есть что-то магнетическое, неодолимо притягивающее меня к себе, словно заворожённую.

— Вот они, — тихо произносит он.

— Вот они, — эхом отвечаю я, не отрывая взгляд.

Проходит некоторое время, прежде чем кто-либо снова заговорит. Я не смогла бы сказать, сколько именно.

— Твоя очередь.

На этот раз мне действительно приходится взглянуть на него.

— Что ты хочешь, чтобы я… Я не могу…

— Я не могу. Ты можешь.

Он немного приподнимается на снегу. Если холод доставляет ему неудобства, он никак это не показывает.

— Иди. Ты знаешь, где мы оставили лошадей. Мы встретимся утром.

Я улыбаюсь, не веря своим ушам.

— Я не могу спуститься туда. Что мне делать? Что им сказать?

Он пожимает плечами.

— Я уверен, ты найдешь, что сказать.

Я снова смотрю на них. Танцы, смех, крики радости.

Что-то теплое пробегает по моим пальцам. Сердце начинает биться быстрее.

Я встаю.

Я не слишком задумываюсь, пока делаю это. Я позволяю пальцам действовать самостоятельно, позволяю рукам двигаться с уверенностью, которую не ощущаю. Что-то меня тянет, что-то кричит мне, зовет меня. Я доверяю своему инстинкту, я доверяю Кириану.

Я сбрасываю накидку и снимаю сапоги. Кириан не отводит свой голубой взгляд, пока я раздеваюсь, снимаю носки, платье и нижнее белье. Вещь за вещью я оставляю на снегу, и он ничего не говорит.

Я смотрю на него на мгновение, ожидая, что он что-то скажет, пока холод ласкает мою обнаженную спину, а снег обхватывает мои лодыжки.

На мне только эгузкилоре из лунной стали на груди.

Это безумие.

Но Кириан ничего не говорит, и мне это не нужно.

Я спускаюсь с холма быстрым шагом, мое сердце бьется с бешеной скоростью в груди.

Я не готовлю речь. Я не думаю о том, что произойдет дальше. Я просто иду вперед. Я держусь за странную веру, которая ведет меня через снег… пока я не дохожу до круга танца.

Я едва успеваю остановиться, когда несколько из них поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Я задерживаю дыхание, страх охватывает меня на мгновение, но в следующий момент теплота окутывает меня.

Одна из них взяла меня за руку.

Она смотрит на меня доброжелательно, и я понимаю, что тепло исходит от нее, от них.

Вот почему они могут так танцевать; вот почему они здесь. Они зачаровали это место.

Я позволяю ей вести меня. Она возвращает меня в круг и в танец, и вдруг я становлюсь частью их. Я бегаю, танцую и смеюсь, отдаваясь этому сложному и уютному ощущению, в котором я чувствую себя свободной.

Со временем к нам присоединяются все больше женщин. Никто не задает вопросов, никто не останавливается, чтобы поговорить. Всех принимают.

Здесь нет ничего волшебного, кроме тепла, которое сохраняет нас здоровыми и в безопасности. Нет зловещих жертв, нет ритуала, который навсегда останется в моих кошмарах. В какой-то момент я закрываю глаза и продолжаю танцевать. Время идет, огонь горит и постепенно угасает, и понемногу, как будто все мы пробуждаемся от

транса, танец начинает затихать, песнопения становятся тише, а ритм барабана возвещает конец.

Ночь еще не закончилась. Луна все еще светит, пока огонь угасает.

Не веря до конца в то, что делаю, я ищу ту самую женщину, которая взяла меня за руку в начале.

Она старше меня, в ее длинных растрепанных светлых волосах уже видны седые пряди. Она сразу замечает, что я подхожу. Мое сердце все еще бешено колотится, когда я решаюсь заговорить.

— Мне нужна ваша помощь.

Некоторые из них поворачиваются к нам. Те, кто начал одеваться, останавливаются.

Их взгляды сразу же устремляются к золотому браслету на моем левом предплечье. Она не заставляет себя ждать с ответом.

— Мы не можем сделать больше, чем могла бы сделать ты сама, — отвечает она.

В ее тоне нет ни насмешки, ни презрения. Она не спрашивает, как я осмелилась сюда прийти, хотя, наверняка, они чувствуют, что я не одна из них.

— Мне нужны ответы, — умоляю я, стараясь показать свою искренность, показать свое отчаяние.

— Браслет — это доказательство сделки, и только тот, кто заключил сделку, может ее разорвать, — отвечает другая.

Она улыбается, без злобы. Кажется, она говорит правду.

— Мне нужно снять его до того, как Тартало призовет меня, — настаиваю я.

Ко мне подходит другая женщина. Она одна из старших, старше остальных; вероятно, более могущественная. Надежда разгорается в моей груди, пока она внимательно смотрит на браслет. Однако она исчезает, как только она заговорит.

— Тот, кто заключил сделку, может ее разорвать, но не мы. Только слово может разрушить ее.

В горле у меня образуется комок.

— Разве вы не можете сделать ничего?

Старуха качает головой. Остальные тоже.

Постепенно они расходятся, и я понимаю, что упустила свой шанс. Если они не могут разорвать сделку, значит, никто не может. Тепло, которое нас защищало, тоже начинает исчезать.

Что будет с моей жизнью? Придется ли мне продолжать, как будто ничего не произошло, пока Тартало не заберет меня? Что тогда? Вероятно, мне придется предупредить Воронов, попрощаться и уйти умирать. Кого они пошлют на мое место? И что будет с Кирианом? Вероятно, его убьет новая копия. Это то, что я должна была сделать уже давно.

Теплая рука ложится мне на плечо. Старуха дарит мне взгляд, который должен был бы успокоить, если бы не тот факт, что я только что потеряла последнюю надежду.

— Ты можешь разорвать сделку, — уверяет она меня.

И часть меня хочет верить ей. Часть меня отказывается смириться с тем, что это конец. Но если только Тартало может освободить меня… кто знает, что я смогу сделать, чтобы его убедить.

— Спасибо, — бормочу я.

Сама удивляюсь своим словам, ведь, несмотря на её доброту, я остаюсь в том же состоянии, в котором пришла; а может, даже хуже.

Но пока я поднимаюсь на холм и одеваюсь, я осознаю, что внутри меня что-то сложное скручивается в тугой узел. Почти незыблемая уверенность в том, что мне предстоит либо умереть, либо смириться с потерей руки ради шанса, каким-то образом делает меня легче, свободнее.

Я чувствую себя немного глупо из-за этого ощущения, но не могу с ним бороться. Уже одетая, я спускаюсь обратно в деревню, где продолжается праздник, ощущая то же самое. Это приговор, и его принятие приносит что-то новое, что-то другое… Что-то, что заставляет меня взять лошадь, даже несмотря на то, что лошадь Кириана всё ещё стоит в таверне, и вернуться в гостиницу.

И именно это же чувство заставляет меня вновь раздеться перед зеркалом, взять платье, которое я сама выбрала, и надеть его.

Я должна быть опустошена и побеждена. Я должна плакать. Я должна думать, что потерпела неудачу.

Но вместо этого внутри меня есть что-то обнадёживающее, сияющее… что заставляет мои глаза, глядя в зеркало, постепенно менять оттенок на другой тон зелёного.

Я тут же отворачиваюсь от своего отражения, потому что понимаю, что не готова встретиться с образом, которого даже не помню… и заканчиваю переодеваться.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 25

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Празднования продолжаются. Шум внутри таверны кажется тише по сравнению с гулом улицы, который каждый раз проникает внутрь, когда уставшие танцоры заходят в поисках укрытия.

Из запотевших окон видно, как пары продолжают танцевать на ярмарке, несмотря на холод. Они словно размытые силуэты, кружатся среди рассеянных огней, заполнивших всё вокруг.

Колокольчик на двери снова звенит, когда я уже подношу к губам третью кружку пива, а может, это уже четвёртая.

На этот раз некоторые оборачиваются к двери. Я замечаю взгляды, слышу приглушённые шёпоты. Бармен замирает за стойкой, тоже поворачивая голову.

Но у меня нет времени на любопытство, потому что новоприбывшая усаживается рядом со мной, и я всё понимаю.

Вот почему на неё смотрели.

Её волосы цвета заката. Кто-то мог бы сравнить их с рассветом — более радостным и полным надежды. Но мне нравится закат, этот миг перед темнотой, свет, который цепляется за мир, не желая его покидать. Он остаётся. Вот что она делает: остаётся.

А её профиль…

Она невероятно красива.

Её волосы, словно закат, а глаза — как самые глубокие, неизведанные леса. Возможно, поэтому мне так трудно отвести взгляд.

Она вынуждена позвать бармена, хотя он уже и так смотрел на неё, ошеломлённый. Заказывает стакан сидра, и я пытаюсь отвести глаза, пока она внезапно не морщится от вкуса напитка.

— Ты ведь не отсюда, верно? — замечаю я.

Она смотрит на меня. У неё маленький носик, немного покрасневший от уличного холода. Несколько веснушек украшают её лицо, которые она не пытается скрыть под макияжем. Скулы чёткие, но остальное в её чертах мягкое и нежное.

— Просто я никогда не пробовала вишнёвый сидр, — отвечает она.

Её голос красивый, бархатный, с характером. В нём есть что-то, что не соответствует её миловидной внешности — уверенность.

Я снова смотрю на неё. На этот раз более внимательно.

Наверное, она оставила накидку у входа, потому что на ней наряд, совершенно не подходящий для этой погоды: рубашка с длинными и широкими рукавами, синий корсет, облегающий её узкую талию, глубокое декольте, изящные вышивки и длинная юбка, грациозно облегающая её бедра.

— Сколько тебе лет?

Она улыбается озорно.

— А сколько тебе?

— Достаточно, чтобы успеть попробовать вишнёвый сидр, — отвечаю я.

— А хватит ли тебе лет, чтобы попробовать ром? — с улыбкой спрашивает она, поднимая руку, чтобы снова подозвать бармена.

Она заказывает два бокала и протягивает мне один через стойку.

У неё даже руки красивые.

Она делает глоток, морщится и снова машет рукой в знак недовольства.

— Похоже, дело было не в сидре, — с ужасом бормочет она .

Я смеюсь.

— Вот почему я спросил, местная ли ты. — Я делаю глоток рома, который намного крепче сидра. — В таких местах не пьют ради удовольствия.

Она проводит языком по губам и слегка отодвигает бокал.

— А зачем тогда пьют?

— Чтобы праздновать, — отвечаю я, — или чтобы горевать. — Пожимаю плечами. — Любая причина хороша.

— А зачем пьёшь ты?

Я обдумываю ответ.

— Решает тот, кто угощает.

Она улыбается.

— Тогда за праздник. — Она поднимает свой бокал, и я следую её примеру, чтобы чокнуться.

— А что мы празднуем? — продолжаю я игру.

На её ярко-красных губах появляется обещание.

— Ночь покажет.

Я смеюсь. Слишком легко. Слишком красиво. На этот раз, оглядывая её тело, я задерживаю взгляд на местах, где она могла бы спрятать оружие. Корсет слишком узкий, чтобы что-то спрятать, он не оставляет много пространства для воображения, но вот под юбкой…

— Ты так и не сказала, как тебя зовут.

Она, кажется, немного колеблется.

— Одэтт, — отвечает.

Одэтт.

Почему-то мне хочется произнести это имя вслух, но я сдерживаюсь.

— А как зовут тебя?

— Кириан, — отвечаю я.

— Тебе нравятся ставки, Кириан? — спрашивает она и снова поднимает руку.

На этот раз она заказывает колоду карт, которую бармен охотно ей передает.

— По ночам не работают и не играют на деньги, — говорю я, наклоняясь чуть ближе к ней через стойку. — Гауэко наказывает тех, кто это делает.

— Это всего лишь сказки, чтобы пугать чужаков, — уверенно отвечает она, наклоняясь тоже. Теперь наши лица всего в нескольких сантиметрах друг от друга. — Так северяне защищаются от ночных захватчиков.

— Чужаки, да? Но ты ведь не северянка, верно? Откуда ты?

Её губы изгибаются в улыбке, но она отводит взгляд и сосредотачивается на картах. Начинает их тасовать.

— Издалека, очень издалека, — отвечает она. — Ты вряд ли знаешь это место.

— Удиви меня, — прошу я.

— Я выросла на острове на юге, в маленькой общине. — Она раздаёт по пять карт каждому. — Ты знаешь, как играть в «Сову»?

Я киваю. Это быстрая игра, обычно используется для ставок или чтобы решить, кто будет в преимуществе в других играх.

— И что же ты делаешь так далеко от дома, Одэтт?

Её имя скользит по моему горлу так же приятно, как я и ожидал.

Одэтт.

— Сейчас? Играю в карты, — отвечает она, почти не задумываясь. — Мой дом больше не на юге.

Начинается игра. Её пальцы двигаются быстро. Она сбрасывает две карты, предлагает мне одну и берёт себе три. Я тоже играю быстро, хотя, по правде говоря, сильно отвлекаюсь.

— Ты всё ещё не сказала, как называется это место.

Одэтт улыбается мне, не переставая двигать пальцами над своей колодой.

— А ты всё ещё не сказал, любишь ли ты делать ставки.

— Люблю, — отвечаю я.

Одэтт заканчивает ход. Она кладёт карты рубашкой вверх на стол и залпом выпивает ром.

— Тогда заключим пари?

— Что поставим? — не могу удержаться от соблазна.

— Если выиграешь, ты затащишь меня в постель.

Я чуть не подавился. Тоже кладу карты на стол. Прокашливаюсь и залпом выпиваю свой бокал.

— А если выиграешь ты? — удаётся сказать мне, хоть голос слегка охрип.

— Тогда я затащу тебя, — отвечает она с улыбкой.

Улыбается. О безумные боги. Она говорит это серьёзно.

Я начинаю смеяться. Легко. Слишком легко. Разум говорит мне, что это слишком красиво, чтобы быть правдой. Красивая, до боли красивая девушка, весёлая и чертовски соблазнительная, хочет переспать со мной, и мне даже не пришлось напрягаться.

Однако инстинкты подсказывают мне расслабиться, довериться и плыть по течению. И другие части моего тела полностью согласны с этим безрассудным порывом.

Я карты в и выкладываю их на стойку.

Она смотрит на них и поднимает бровь.

— Ужасный ход, — замечает она.

— Знаю.

Мы смотрим друг на друга. Понимание словно танцует между нами, и у меня пересыхает в горле, когда она тоже выкладывает свои карты.

— Куда ты собираешься меня отвести, Одэтт? — спрашиваю я.

Она отбрасывает прядь волос с лица и тихо смеётся.

— Ты правда думаешь, что я поведу незнакомца домой? Нет. Я не сошла с ума. Веди меня к себе.

Я тоже смеюсь. Провожу рукой по волосам, не веря происходящему. Облокачиваюсь на стойку и подаюсь к ней немного ближе.

— Ты тоже не должна принимать приглашения от незнакомцев в дом.

— На самом деле это я пригласила тебя, — уверенно отвечает она, и я не могу удержаться от громкого смеха.

— Хорошо. Пойдём. Следуй за мной.

Одэтт на мгновение колеблется, но встаёт, чтобы забрать свою накидку, когда я делаю то же самое. Мы, однако, не надеваем их — нет нужды. Я веду её в соседнее здание, где гостиница с тем же названием, что и таверна, предлагает комнаты.

Время летит быстро. Мне дают ключ от комнаты, мы поднимаемся по лестнице, и я открываю для неё дверь, ещё не успев до конца осознать происходящее. Когда я закрываю дверь и оставляю наши накидки у входа, она уже зажгла свет на прикроватной тумбочке. Стоит и наблюдает, словно оценивая мои движения.

Я подхожу к ней и задерживаюсь на корсете, обхватывающем её талию, и на её диких, волнистых волосах, ниспадающих на плечи. Жду, потому что, несмотря на то, что это была её идея, она всё ещё может передумать.

Мне не придётся ждать долго, чтобы узнать, что этого не случится. Одэтт медленно приближается ко мне, лениво поднимает руку и нежно касается моей щеки, прежде чем поцеловать меня в губы. Я понимаю, что она проверяет меня. Изучает моё дыхание и движения, и стоны, отзывающиеся эхом на моих губах, лишают меня всякого здравого смысла. Я хватаю её за талию, и хотя всё моё тело хочет прижать её к себе, я отстраняю её.

— Кто ты? — спрашиваю, едва дыша.

— Одэтт.

Я смеюсь.

— Кто ты на самом деле, Одэтт?

Она тоже улыбается.

Она слегка отстраняется от меня и опирается бедром на туалетный столик, на котором стоит ваза с почти увядшими цветами — единственным украшением этого скромного места.

— Воспринимай это как мимолётный сон. Так я и живу.

— Мы действительно собираемся это сделать? — спрашиваю я.

— Только если ты этого хочешь.

Мне кажется, она уже знает, чего я хочу. Это объясняет её улыбку и взгляд, направленный на меня.

— Ты вооружена? — спрашивает та часть меня, что ещё цепляется за остатки благоразумия.

— Если бы у меня были злые намерения, как ты думаешь, сказала бы я тебе об этом?

Я провожу рукой по волосам и прикусываю губы. Это сведёт меня с ума.

— Всё в порядке, — говорит она, и её пальцы начинают распутывать завязки на лифе. — Я покажу тебе, что у меня нет оружия. Можешь сделать то же самое?

— Я действительно вооружён, — отвечаю я, не отрывая взгляда от её рук.

Я поочерёдно выкладываю оружие, которое ношу с собой, на туалетный столик рядом с ней, пока она продолжает раздеваться.

Она снимает лиф и расшнуровывает юбку, которая легко падает на пол, оставляя её в тонком кружевном белье и белой рубашке поверх него.

— Я не собираюсь снимать рубашку. В этом-то и смысл.

— Всё в порядке, — тут же отвечаю я.

Рубашка достаточно прозрачна, и её глубокий вырез открывает линии её тела настолько, что мне не приходится гадать. Но я не спрашиваю. Возможно, там есть шрам или метка, которую она не хочет показывать. Мне это и не нужно знать.

Одэтт снова улыбается. У неё прекрасные губы, и теперь я знаю, каков их вкус. Я не могу сдержать хриплый рык, думая об этом, и преодолеваю разделяющее нас

расстояние, не теряя больше времени. Теперь я тот, кто целует её, и она издаёт удивлённый вздох.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — шепчу я, не отрываясь от её губ.

Одэтт прикусывает нижнюю губу, раздумывая, пока наконец не решается.

— Сними рубашку.

Я повиновался. Она задерживает взгляд на моих татуировках. Если плетёные узоры цветов и волка что-то ей подсказывают, она не выдаёт этого. В её любопытном взгляде нет ни капли тревоги, когда её пальцы скользят по чёрным линиям.

Я беру её руку и целую её в ладонь, в запястье.

— Что теперь?

— Поцелуй меня ещё раз, — просит она без тени смущения, и это мне нравится.

Я наклоняюсь к ней, улыбаясь, потому что не собираюсь давать ей именно то, чего она хочет, по крайней мере, пока. Я обхватываю её затылок одной рукой, притягивая её другой, и нежно прикусываю её шею, затем провожу губами по её коже, целуя и ощущая её вкус, спускаясь ниже, по ключице и дальше к груди.

Одэтт вздрагивает, когда я касаюсь её соска через рубашку, и она тянет меня к себе, жадно крадя у меня поцелуй. Её руки ощупывают меня, обнимают мои плечи, а затем скользят вниз, к груди.

Внезапно я чувствую её нежные пальцы, что касаются меня сквозь штаны, и замираю.

В её глазах вспыхивает хитрый огонёк, когда она смотрит на меня.

— Ты хочешь, чтобы я продолжила? — спрашивает она.

— Ради всех богов, — ворчу я.

Я хватаю её за талию, быстро поднимаю и сажаю на туалетный столик. Мои пальцы скользят вниз, к краю её нижнего белья.

На этот раз я не спрашиваю разрешения.

Одэтт поднимает голову и слегка кивает, давая согласие, прежде чем я осторожно снимаю с неё бельё, стягивая его с её ног. Затем я касаюсь её бедра и чувствую, как её тело выгибается от моих прикосновений.

— Мимолётный сон, не так ли? — шепчу я, снова привлекая её внимание. Её взгляд кажется затуманенным. — Ты уже делала это раньше?

Она медлит с ответом, и я наслаждаюсь её замешательством, вызванного моими руками.

— Спала с кем-то? Или спала с незнакомцем? - переспрашивает она.

— Думаю, у тебя это не в первый раз, — отвечаю я.

Она улыбается.

— Впервые так, — отвечает она.

Я продолжаю дразнить её пальцами, ускоряя и затем замедляя ритм, заставляя её извиваться в лёгком разочаровании.

— Так почему ты решила сделать это сейчас?

— Почему бы и нет? — отвечает она.

Её руки скользят к моему поясу, и я замираю в предвкушении, чувствуя, как она расстёгивает его и опускает руку внутрь. Я задерживаю дыхание.

Одэтт улыбается, касаясь меня, и я перестаю осознавать происходящее.

— Одэтт… — выдыхаю я и наклоняюсь, чтобы поцеловать её.

Игра для меня закончена. Я перестаю дразнить её и даю ей то, чего она хочет, даже больше. Я едва успеваю оторваться от её губ, чтобы уловить её эмоции, слушая её

дыхание и чувствуя, как она прижимается ко мне. Я проникаю в неё, и всё моё тело горит от желания подчиняться её безмолвным просьбам.

И затем всё развязывается.

Мысли о том, чтобы взять её прямо здесь, в этой позе, которая нас так сближает, мелькают у меня в голове, но я понимаю, что это не нужно — ни мне, ни ей. Между нашими ласками, страстными поцелуями и поиском удовольствия друг для друга нет границ — словно это общее чувство, разделённое нами обоими.

Может быть, дело в дешёвом пиве, в жаре этого места, в печали, которую я носил с собой, или в безумии этой ночи. Может быть, всё сразу. Но я ощущаю, что сегодня всё по-другому. Были и другие подобные моменты: встречи на одну ночь, быстрое удовольствие без чувства вины... Но сегодня я чувствую что-то иное — во мне, в ней или в самом воздухе...

Как будто что-то раскололось на тысячу сверкающих осколков. Когда Одэтт достигает своего пика сразу после меня, её тело выгибается назад, дыхание сбивается, а на лице сияет улыбка. У меня возникает странное ощущение, что пламя, которое она зажгла ранее, разгорелось ещё ярче, а цветы в вазе будто ожили. Это кажется настолько абсурдным, что я едва сдерживаю смех.

Я всё ещё пытаюсь отдышаться, когда Одэтт вырывается из моих объятий, спрыгивает на пол и я замечаю, что она начинает одеваться. У меня даже нет времени насладиться видом её обнажённых ног, изгибом её бедра или румянцем на щеках. Я опираюсь на туалетный столик, наблюдая за тем, как она быстро поднимает юбку и снова надевает её.

— Мы ещё увидимся? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она.

В её голосе нет ни грусти, ни сожаления, ни презрения; только правда.

— Возможно, это к лучшему, — соглашаюсь я.

В моём голосе тоже нет печали.

Я тоже встаю и начинаю собирать с пола свою одежду.

Слишком сложно, думаю я. Слишком легко потерять голову. Я не знаю её, но что-то внутри меня, первобытное и инстинктивное, хочет бросить её на эту кровать и поклоняться ей. Я не хочу выяснять, на что готов был бы пойти, если бы она осталась, если бы я узнал её лучше.

Одэтт одаривает меня улыбкой, возможно, последней, и заканчивает затягивать корсет.

— Спокойной ночи, Кириан. Это было приятно, — мурлычет она.

Она берёт накидку у входа и набрасывает ее на плечи, поправляя волосы.

— Спокойной ночи, Одэтт, — отвечаю я, не в силах оторвать от неё взгляд.

Она поворачивается и открывает дверь.

Она не оглядывается.

Просто выходит, закрывает дверь, и я слышу, как её шаги удаляются по коридору.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Гауэко

Каждый раз, возвращаясь из Земли Волков, молодой Кириан замечает, что Лира меняется. Она больше не та, какой была в прошлый раз. Он видит, что она изменяется. Этот процесс начался в тот день, когда убили её родителей, и она уже никогда не станет той девочкой, что цеплялась за его руку, когда они были друг у друга единственной опорой. Кириан с некоторым страхом осознаёт, что она уже не та девочка, что вместе с ним молилась языческим богам.

Нет, теперь принцесса, с которой он встречается в Сирии, одевается как Львы, говорит как они и даже, кажется, думает так же.

Но Кириан убеждён, что под роскошной одеждой, манерами и условностями бьётся мощное сердце, принадлежащее Волкам. Кириан доказывает это себе и ей, когда тащит её на экспедицию в руины храма, посвящённого Мари, или когда заставляет её вслух читать последние строки языческой песни, которую сам притворяется, что забыл.

Годы закаляют её, и с каждым разом достучаться до этой её части становится всё труднее, но Кириан не забывает, что они родом из одного места — из древней земли, неразрывно связанной с магией.

Однажды, после очередной попытки напомнить ей что-то из их совместного прошлого — ритуал в Оцайле, когда они вместе держали фонарик и запускали его в ночное небо — Лира выходит из себя. Она хочет уйти, но Кириан улыбается, как всегда, когда уговаривает её на очередную авантюру, и постепенно она смягчается и уступает. Он знает, что его улыбка всегда разоружает её, и вот он снова берёт своё. Тогда он её целует.

Кириан понимает, что все его поцелуи до этого момента были лишь подготовкой к этому. И через два года, когда они займутся любовью впервые, он будет знать наверняка: он готовился, чтобы сделать всё как надо именно для неё.

Лира продолжает взрослеть, как растут её страх и ненависть, которую Кириан считает наигранной. Он твердит это себе, глядя, как она ест на пирах после казней, аплодирует на судилищах ведьм или, попивая чай, подписывает приказы о разрушении древних храмов.

Однажды ночью, после того как они занялись любовью, Кириан одевается быстрее, чем обычно, и когда Лира с опасной холодностью спрашивает его, боится ли он, что Эрис обнаружит его и обезглавит, он вновь одаривает её той улыбкой, которая всегда вовлекает её в безрассудства.

Они вместе ускользают из Королевского дворца Сирии и оказываются в деревушке, где Лира не решается снять капюшон своей накидки. Кириан берёт её за руку, взбирается на стол, снимает рубашку и ложится, чтобы ему набили татуировку на плечо и грудь, не отрывая взгляда от Лиры. Он пытается уловить каждый её жест, пока татуировщица вырезает символы на его коже, но не может понять, о чём она думает. Когда всё закончено, он спрашивает её, не хочет ли она сделать что-то подобное — чтобы помнить, откуда она родом и кому они верны.

И Лира разбивает ему сердце.

— Ты сделал татуировку дьявола, — говорит она ему, совершенно напуганная.

— Дьявола не существует. Это Гауэко, бог-защитник в бою и символ нашего народа, нашей силы и мужества.

— Это глупость, — возражает Лира. — И ты рискуешь своей головой ради этого.

Кириан не спорит. Он позволяет всему, что бурлит внутри, утихнуть, пока не остаётся только одно оправдание: «она боится». Но на обратном пути он не разговаривает с ней. Он слишком зол, слишком разочарован, пытаясь справиться с тревогой и страхом того, что, возможно, не исполнил свой долг — «обеспечить Волкам королеву, которой они заслуживают».

Когда они замечают стены дворца, Лира останавливает его, прижимает к влажной коре дерева и, хотя они только что занимались любовью, начинает раздеваться перед ним. И Кириан снова целует её, позволяя себе плыть по течению.

Ни один из них не замечает красных глаз волка, наблюдающего за ними из тьмы полуночи.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 26

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Дверь, соединяющая наши комнаты, открывается только на рассвете. После того, как я сожгла одежду, которую купила, я едва смогла прилечь на пару часов, но сон так и не пришёл. Я так устала, что не нахожу в себе сил встать с края кровати.

От жизни, которую я никогда не проживу, остался лишь пепел в камине.

— Входи.

Кириан осторожно входит.

Он осматривается вокруг, будто надеется найти следы моего разговора с соргинак.

— Удалось? — спрашивает он.

В его голосе настоящая надежда, и мне ненавистно, что мне придётся её разрушить.

— У нас два варианта. Первый — ждать, когда Тартало призовёт нас, и просить его разорвать собственную сделку.

Кириан выпускает хриплый смешок и садится рядом, аккуратно выдерживая дистанцию.

— А второй?

— Отрезать руку и молиться богам, что этого будет достаточно, — отвечаю, чувствуя, как ком подступает к горлу.

Кириан молча смотрит на меня, будто ожидает, что я вот-вот объясню шутку. Но я этого не делаю, и он сглатывает, поднимает брови и отводит взгляд, уставившись в зеркало напротив.

— Какова вероятность, что ампутация руки отменит сделку?

— Думаю, не слишком велика, — отвечаю.

— Ты говорила о молиться богам, — замечает он.

— Любой бог подойдёт, если спасёт нас, — быстро отвечаю я.

Кириан слегка улыбается.

Вновь наступает тишина, принося с собой мысли, с которыми я только начала мириться. Кириан глубоко вздыхает.

— Ты не вернулась в таверну прошлой ночью. Я думал, мы договорились, что ты найдёшь меня, прежде чем вернуться сюда.

— Прости, — говорю я. — Мне стало плохо.

Кириан проводит рукой по своим тёмным волосам, ещё больше их взъерошивая.

— Не переживай. Это понятно. Никаких проблем не возникло, да?

— Нет. Никаких, — отвечаю. — Думаю, лучше вернуться в Армиру, — добавляю, прежде чем он продолжит говорить или начнёт задавать вопросы.

— Да. Это будет правильно. — Он снова качает головой. Кажется, он всё ещё пытается осознать то, что я сама ещё только начала осмысливать. — Вернёмся домой.

Путешествие назад заканчивается, и я так и не прихожу к ясному выводу.

Возможно, мне стоит смириться. Возможно, больше нечего делать, кроме как вернуться ко двору Львов и ждать.

Я пыталась не думать об этой ночи и о Кириане. Вот почему почти не смотрела на него в пути. Но сейчас я позволяю себе задержаться на его серьёзном профиле, его широких плечах, сильных руках, когда он сходит с лошади, и его уверенной походке.

Укол вины охватывает меня, когда я осознаю, что снова приняла бы все решения, которые приняла прошлой ночью, но вскоре избавляюсь от этого чувства.

Мысль о страшной смерти от рук Тартало помогает довольно сильно.

Нас встречает дворецкий и не позволяет ни Кириану, ни мне подняться в наши покои.

— Сюда. Вас ждут, — говорит он торопливо.

— Кто? — спрашивает Кириан, снимая накидку.

Нам едва дают время снять их, как тут же подгоняют следовать за дворецким в другую комнату.

— Сюда, сэр, — настаивает он. — Он не может ждать.

— Кто? — начинаю беспокоиться я.

Дворецкий останавливается перед закрытой дверью, собираясь ответить на наши вопросы, но, похоже, не может этого сделать.

И это плохой знак.

Вместо этого он натягивает извиняющуюся улыбку, стучит в дверь и объявляет о нашем прибытии.

Он не стал бы объявлять о нашем приходе сёстрам Кириана и Нириде, не так ли?

Он открывает двери, позволяя нам войти в комнату, которая, судя по всему, служит библиотекой. Полки, заполненные книгами, покрывают все стены, у большого окна, выходящего на заснеженный сад, стоит письменный стол, а рядом с ним — стол с креслами и диванами вокруг.

Сёстры Кириана сидят на одном из диванов, а напротив них...

— Капитан Кириан.

Крепкий мужчина, чьё присутствие наполняет комнату, сидит на одном из диванов. Его руки раскинуты на спинке, в позе, лишённой всякого достоинства, что, однако, лишь подчёркивает его уверенность в том, что он выше всякого этикета. Его светло-серые глаза кажутся пустыми, настолько они ясны. Тёмно-русые волосы обрамляет корона, которая на несколько мгновений приковывает моё внимание: отполированное золото, элегантная композиция, не лишённая царственности, с инкрустированными рубинами, а по бокам — изображение двух львиных пастей, искусно вырезанных с безупречным вкусом.

Кириан выпрямляется, словно его обожгли раскалённым железом.

Несмотря на все портреты, которые я видела, несмотря на все уроки, на которых я изучала каждую черту его лица, я, похоже, до конца не осознаю, кто передо мной, пока не чувствую смятения и напряжения, исходящих от Кириана.

— И моя дорогая невеста: Лира, — мурлычет он. — Разве ты не поприветствуешь меня как следует в честь нашей встречи?

Эрис. Наследник трона.

Он встаёт и раскрывает руки, снова демонстрируя, что стоит выше всех протоколов.

Он может себе это позволить. Однажды он станет королём.

Я преодолеваю удивление и возвращаюсь к своей роли, надеваю маску и напоминаю себе основы.

— Ваше Величество, — приветствую его и делаю сдержанный поклон. — Приятно снова видеть вас.

Эрис смотрит на меня с недовольством, как будто этот поклон не оправдал его ожиданий, и идёт ко мне, пока не оказывается прямо передо мной. Он берёт меня за плечи, возможно, слишком сильно, я чувствую, как его пальцы вонзаются в моё тело, пока он целует меня в обе щеки, не оставляя мне выбора, кроме как стоять и ждать.

— Лира. Думаю, пора тебе обращаться ко мне на "ты". В конце концов, нас связывает определённая... близость. — Он с явным интересом оглядывает меня с головы до ног. — Что это на тебе надето?

Я бледнею.

Вот почему он так смотрел на меня.

Я не потрудилась переодеться перед встречей и даже не надела одно из дорожных платьев. Эрис с явным отвращением смотрит на мои кожаные брюки и грязные сапоги.

— Скромная одежда, чтобы не привлекать внимания в пути. — Мне удаётся сохранить ровный голос. — Что ты... что ты здесь делаешь?

Эрис отпускает меня и немного отходит. Сёстры Кириана внимательно следят за сценой с дивана, а сам Кириан стоит рядом, весь в напряжении.

— Мне дошли слухи о твоём путешествии на север. Я был огорчён, узнав, что ты не собираешься заехать в Ликаон. Поэтому я отправился к двору, в Уралуру, чтобы найти тебя. — Он пожимает плечами и отворачивается, чтобы снова удобно устроиться на диване, раскинувшись на всю его ширину. — К моему удивлению, тебя там тоже не оказалось, но герцоги рассказали мне, что ты отправилась в семейное поместье капитана. Вот я и приехал за тобой, — добавляет он устало и громко вздыхает. — Но тебя не оказалось и здесь.

Я скрещиваю руки на коленях, осознавая, что оскорблённый или униженный Эрис — это серьёзная угроза.

— Думаю, раз тебе известны детали нашего путешествия, ты также понимаешь нашу цель, — говорю я осторожно, не позволяя страху овладеть мной.

— Я знаю, какова была его цель, — подчёркивает он, указывая на капитана. Его лицо становится суровым, голос приобретает угрожающий оттенок. — Капитан Кириан должен был найти способ разорвать сделку. Что я могу с этим поделать? Но ты? Какой смысл для Львов в том, что ты проводишь две ночи наедине с северным капитаном без охраны?

Меня мутит от его слов.

— Эрис, если ты позволишь, я могу объяснить всё в более подходящем месте, наедине и...

— Хватит!

Эрис прижимает руку ко лбу с силой, прежде чем снова встать и подойти ко мне двумя длинными шагами.

Его лицо стало жёстким, и в нём не осталось ничего доброго, когда он остановился всего в нескольких сантиметрах от меня. Кириан делает шаг вперёд, но Эрис поднимает голову и бросает на него предупреждающий взгляд, который не требует слов.

Он снова смотрит на меня сверху вниз, излишне приближаясь.

— Мне плевать, с кем ты трахаешься, но ты не можешь выставлять это напоказ, — сквозь сжатые губы говорит он. — И сними это с себя. Ты сейчас в присутствии своего будущего короля.

Он резко проходит мимо нас, громко дважды стучит в дверь, чтобы дворецкий открыл её с другой стороны.

— Мы уезжаем во дворец Уралур. Сейчас же, — приказывает он и покидает комнату.

Мы остаёмся в тишине, пока Эдит не встаёт с дивана с серьёзным выражением лица. Она проходит мимо меня, не глядя, и поворачивается к своему брату.

— Я тебя предупреждала, — говорит она тихо.

Она выглядит скорее напуганной, чем сердитой.

— Эдит... — Кириан поднимает руку, будто собираясь остановить или утешить её, но она отталкивает его рукой и отступает назад.

Аврора тоже поднимается.

— Это правда, что вы спите?

— Нет, — отвечает Кириан.

Эдит не пытается скрыть своё удивление. Аврора переводит взгляд на меня.

— А ты не хочешь ответить?

— Зачем? Ведь твой брат уже ответил, и ты знаешь, что он говорит правду, — проглатываю комок в горле и надеюсь, что она этого не заметила.

— Будь осторожен, — предостерегает она его. — Эдит права. В конце концов, будет жалко, если ты потеряешь голову из-за того, что разозлишь бесполезного человека с короной.

— А ты должна понизить голос, — одёргивает её сестра, с тревогой посмотрев на меня. — Тебе нужно уйти, пока ситуация не ухудшилась. Ты больше не желанный гость в нашем доме.

— Эдит... — шипит Кириан.

Я поднимаю руку.

— Она права. Лучше мне уйти.

Кириан проводит рукой по своим волосам.

— Я предупрежу Нириду и подготовлю наших людей, — решительно говорит он, направляясь к двери.

— Нет. — Останавливает его Эдит. — Лира уйдёт одна.

Кириан быстро возвращается к нам.

— Я её охранник, и я провожу её.

— Уже нет, — резко отвечает она. — Ты хочешь ещё больше его разозлить? Отступи и молись, чтобы он забыл, что ты существуешь.

— Я не собираюсь делать этого, — возражает он, не раздумывая.

Горечь подступает к моему горлу.

— Эдит права, — вмешиваюсь я. Трое оборачиваются ко мне. — Нам обоим не пойдёт на пользу, если тебя увидят слишком близко ко мне и готовым изменить свои планы ради моих. Возьми несколько дней, найди ещё соргинак, проведи время с сёстрами... В любом случае, скоро я вернусь на юг, и у нас с тобой не будет общих дел.

Эдит хмурится. Я сосредотачиваюсь на ней, чтобы не смотреть на её брата — на то, как он смотрит на меня, с замешательством на лице.

— Вы не нашли то, что искали? — осторожно спрашивает она.

— Нашли, но ответы оказались не теми, что мы ожидали. — Я изображаю улыбку и поворачиваюсь к Кириану. — По крайней мере, мы попытались.

Я протягиваю ему руку, и он спустя долгие, мучительно долгие секунды протягивает свою в ответ. Я сжимаю её, словно завершаем сделку.

— Пожелайте мне удачи в пути, — прошу я. — И попрощайтесь с Ниридой за меня.

— Удачного пути, — серьёзно говорит Эдит. — Вы приняли самое благородное решение.

Я киваю и ухожу, не оглядываясь назад, прежде чем успею передумать.

Солдаты охраны Эриса сопровождают нас обратно во дворец Эрея, где нас встречают, как встречают королей. Сегодня вечером в его честь устраивают банкет. Герцогиня Зания устроила игры и представления, чтобы развлечь гостей, и я сижу рядом с Эрисом как его спутница.

К счастью, он не уделяет мне слишком много внимания.

Эрис просто сидит рядом, время от времени бросая на меня взгляд, особенно под конец вечера, когда вино струится по его венам, а развлечения начинают затягиваться.

Я извиняюсь, прежде чем ему придёт в голову предложить уйти вместе, сославшись на усталость после путешествия, и ухожу в свои покои.

С окна я вижу тусклый свет, удаляющийся в небе. Теперь я понимаю, что это всего лишь угасающие искры от яркого пламени, и что-то в моём сердце содрогается, хотя я не хочу знать, что это.

Когда я собираюсь раздеться, слышу шум в прихожей. Моя рука тут же тянется к кинжалу на бедре, я уже собираюсь прижаться к стене и приготовиться к нападению, как вдруг в дверном проёме появляется знакомое лицо.

— Дана! — восклицаю я, сердце подступает к горлу. — Что ты здесь делаешь?

Дана кладёт руку на грудь, смущённая.

— О, принцесса, простите меня. Я не хотела вас напугать.

Её глаза следуют за моими пальцами к кинжалу, который я сжимаю.

Я устало вздыхаю и кладу его на туалетный столик.

— Всё в порядке, — говорю я. — Просто я не услышала, как ты вошла. Я даже не знала, что ты здесь. Что ты делаешь в Эрея?

Дана дарит мне мягкую улыбку.

— Её величество Моргана подумала, что вам может понадобиться моя помощь.

Я опираюсь на столик и склоняю голову вперёд, пока волосы не скрывают моё лицо.

— Она отправила тебя следить за мной, — понимаю я. — Она должно быть в отчаянии, если послала тебя, зная, что ты предана мне. У неё для тебя какое-то поручение?

— Нет, моя госпожа, — отвечает она.

Это странно, но, возможно, её прибытие связано с Эрисом. Может, Моргана знала, что её сын приедет, и захотела, чтобы рядом был кто-то из её двора... даже если это моя служанка.

— Позвольте мне помочь вам с волосами, — предлагает она, и прежде чем я успеваю ответить, у неё уже в руках расчёска. — Кажется, они сильно запутались.

Я сажусь перед туалетным столиком, смирившись, и закрываю глаза, когда она начинает бережно расчёсывать мои волосы.

— Путешествие было продуктивным? — спрашивает она.

— Не особо, — отвечаю я.

— О, это большая жалость, — вздыхает она. — И всё же, когда я разбирала ваш багаж, то заметила, что вы были заняты новыми книгами.

Я открываю глаза.

— Это тебя не касается, — резко говорю я. — Не трогай мои вещи без моего разрешения.

— Простите, я не думала… что вам это будет важно.

Её пальцы продолжают расчёсывать мои волосы, хотя на её лице виден страх, а в её карих глазах растёт беспокойство.

Я снова вздыхаю.

— Не важно. Ты ведь просто выполняла свою работу, — устало говорю я.

— Да. Выполняла, — признаёт она, уже немного расслабившись. — И я много работаю, знаете ли? Иногда стараюсь и стараюсь, а этого даже не замечают…

Я приподнимаю бровь.

— Что черт возьми с тобой, Дана?

Она качает головой, словно её что-то глубоко задело, и она пытается сдержаться.

— Просто… поездка была долгой, и её величество Моргана не оставила мне выбора. Я не могла решить ничего сама, и я… Ох, я снова перегибаю.

— Всё в порядке. Я понимаю. Ты устала. Я тоже. Давай я закончу переодеваться сама, а ты иди спать.

Несмотря на мои слова, Дана не выпускает расчёску из рук. Её пальцы продолжают держать прядь моих тёмных волос, пока она мягко проводит по ним расчёской.

— Как думаете, я хорошо справляюсь с работой? — спрашивает она.

— Да, справляешься, — отвечаю я быстро, желая поскорее закончить этот разговор. — А теперь ты можешь идти…

— Но почему же вы не заметили изменений? — настаивает она.

— Что?

— Изменений, госпожа, — шепчет она с мягкой улыбкой. — Я использовала такой замечательный тоник и старалась так сильно, что шрам на моей щеке исчез, но вы этого не заметили.

Её улыбка появляется ровно в тот момент, когда до меня наконец доходит.

Я пытаюсь встать, но она оказывается быстрее. Её руки погружаются в мои волосы, и она резко тянет меня назад. Она прижимает своё лицо к моему и улыбается мне через зеркало.

— Глупая беспечная ворона, — мурлычет она. — Разве ты уже меня не помнишь?

Я пытаюсь вырваться, протянуть руку к кинжалу, который оставила на туалетном столике, но она не даёт мне этого сделать.

— Подожди. Может, это освежит твою память.

Её лицо начинает меняться у меня на глазах: нос, подбородок, брови, губы… Я наблюдаю за этой трансформацией, сердце колотится в груди, пока зеркало не показывает нам два одинаковых лица.

Хотя внешне нет никаких различий, ничего, что выдало бы её, я вижу в её выражении и в её самодовольной ухмылке то, что не оставляет сомнений.

— Алия.

Только она могла быть такой гордой и самоуверенной, чтобы принять миссию, которая должна была испортить её лицо, и при этом отказалась это сделать. Только она могла бы поставить под угрозу существование всех Ворон, превратившись в Лиру в том же помещении, где нахожусь я.

— Рада тебя снова видеть, Бреннан.

Имя моего наставника касается какой-то глубокой струны внутри меня, возвращает в Орден, к нашей болезненной соперничести и навязчивому стремлению угодить человеку, для которого мы обе были лишь активами.

Он был бы очень разочарован, узнав, что Алия так легко обманула меня.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, Алия отталкивает меня, и я тут же встаю.

Алия уже сделала шаг назад, подняв руки, когда я хватаю свой кинжал и направляю его на неё. Она спокойно принимает облик Даны, не моргнув и глазом.

— Спокойно, пташка. Я пришла только передать тебе послание, не более.

— От Ордена?

Она улыбается.

— Они думают, что ты делаешь что-то слишком странное, — объясняет она, разглаживая невидимую складку на юбке. — Меня послали напомнить тебе о твоём месте.

— Можешь сказать им, что они могут не волноваться. Если я и отклонилась от курса, то лишь потому, что того требовала ситуация. Скоро я вернусь ко двору Львов, и жизнь Лиры снова станет рутинной и скучной.

Алия снова злобно улыбается.

— О, не беспокойся. Они не ждут ответа. Им просто нужно было, чтобы я тебя предупредила. — Она пожимает плечами, явно наслаждаясь ситуацией. — Мне приказали оставаться поблизости, чтобы ты не сбилась с курса.

Я сдерживаю проклятие.

Теперь, с Алией поблизости, мне придётся быть ещё осторожнее. А ситуация и так уже достаточно осложнилась с появлением Эриса, чтобы добавлять к этому ещё и её.

— Ладно, — пытаюсь скрыть раздражение и сделать вид, что меня это лишь чуть беспокоит. — А теперь оставь меня в покое, я хочу спать.

Алия разворачивается и уходит. Даже в её походке я вижу что-то, что совершенно не свойственно Дане.

Дана...

— Алия, — останавливаю я её.

Она оборачивается и хмурится.

— Ты больше не можешь называть меня так, — напоминает она.

Я глубоко вдыхаю.

— Она страдала?

Алия внимательно смотрит на меня, словно решая, стоит ли отвечать. В конце концов, она пожимает плечами.

— Немного, — отвечает она.

Я не получу ответа, который искала, да и, возможно, не хочу его. На этот раз она уходит, выходит из комнаты, а затем из моих покоев. Я остаюсь одна, задаваясь вопросом, насколько хуже может стать эта ситуация.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 27

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Говорят, игры длятся до самого утра.

Я использую отсутствие Эриса и герцогов, которые спят после ночи, полной излишеств, чтобы пересмотреть свой маскарад и убедиться, что не осталось никаких слабых мест, за которые Алия могла бы зацепиться.

Если её послали следить за мной, а не заменять меня, значит, моё прикрытие — поездка на север в знак доказательства верности — всё ещё считается надёжным. Странным, как она сама сказала, но надёжным. Однако причина, по которой я сопровождала Кириана в семейное поместье Армиры, будет сложнее объяснить. Возможно, это окажется невозможно.

По крайней мере, его здесь нет. Это даёт мне время привести мысли в порядок, установить границы и снова осознать, что мне придётся носить ту же маску с ним всегда, нравится мне это или нет.

Может, лучше всего будет вернуться с Эрисом в Сирию, разорвать здесь наши пути, и пусть каждый примет решение о Тартало самостоятельно.

Когда я думаю об этом, в моей груди возникает болезненный узел печали.

И я слишком хорошо осознаю, что не должна так себя чувствовать.

К счастью, я могу поесть одна в своих покоях. Приказываю разжечь камин и принимаю решение, оставляющее горький привкус пепла на языке: я сжигаю три рукописи.

Если Алия ещё не подозревает, почему меня могут интересовать ведьмы, лучше не давать ей больше поводов для расследований. Я читаю столько, сколько могу, а затем уничтожаю их навсегда.

Когда наступает вечер, я измотана, несмотря на то, что весь день провела в уединении. Я подготовилась, как меня учили, хотя часть этой подготовки теперь направлена на защиту от самих Воронов. Я пересмотрела свои решения, мысленно оправдала их и снова надела свою маску: мой способ говорить, думать, двигаться... всё должно быть безупречно.

Сегодня вечером Эрис вызывает меня на очередной банкет, на который приглашена местная знать и некоторые из старших жрецов главных святилищ Эрея.

В дальнем углу зала играет струнный оркестр, сопровождая вечер спокойными мелодиями, поверх которых слышны смех и разговоры гостей. Все уселись за большой стол, уставленный бесчисленными яствами. На возвышении, которого раньше не было, Эрис занимает трон.

— Моя прекрасная невеста, — объявляет он, раскинув руки, как только видит меня входящей, — Подойди ближе.

На нем элегантный костюм: темно-синий двубортный пиджак, который слегка раскрыт сверху, чтобы показать жилет, подходящий по цвету, и узкие брюки с высокой талией. Без сомнения, он тщательно продумал свой наряд, либо это сделал за него искусный портной. Это элегантность, готовая к бою.

На его голове корона с рубинами и львами, символами его рода.

Я киваю герцогам в знак приветствия. Интересно, что они думают о том, что наследник ходит здесь, требует и получает всё, присваивая себе их дворец.

Я поднимаюсь по ступеням трибуны и замираю, когда оказываюсь перед ним.

— Принесите стул для принцессы! — кричит он.

Пара слуг спешит исполнить его желание, и в мгновение ока рядом с троном появляется стул. Он нетерпеливо похлопывает по сиденью.

— Иди, садись. А вы принесите ей вина!

— Ты очень любезен, но я не хочу пить, — бормочу я.

Никто, похоже, меня не слышит, а если и слышит, то игнорирует. Эрис, который явно расслышал, берет бокал с подноса, поданного слугами, и вкладывает его мне в руку, пока я сажусь рядом с ним.

Отсюда Эрис видит и контролирует всё.

— Двор, должно быть, был невыносим, пока я не приехал, — замечает он. В его руке тоже бокал, из которого он делает значительный глоток. — Хотя ты, похоже, развлекалась.

— Эрис, я…

Он поднимает руку, прерывая меня.

— Я уже говорил, что меня совершенно не волнует, с кем ты спишь, — повторяет он.

В его голосе больше нет той холодной ярости, что была вчера, когда каждый его жест, каждое движение казались наполненными гневом… Но я знаю, что это всего лишь маска, и его слова все еще ядовиты.

О наследнике короны мне рассказывали, что он был избалованным ребенком, а затем юношей уже с неисправимыми пороками. До нас доходили слухи о его вспышках насилия в отношении прислуги: молодой лакей, оставшийся с переломанными пальцами, солдат гвардии, попавший к врачу с такими опухшими глазами, что не мог их открыть, горничная королевы, которая, побывав в его комнате, больше не появлялась при дворе…

Лира его боялась.

А если Лира боялась его, это о многом говорило.

— Моя мать написала мне, — неожиданно говорит он.

Я прочищаю горло.

— Надеюсь, с ней все хорошо.

Эрис издает грубый смешок и снова делает глоток.

— Конечно, с ней все в порядке. Это же Моргана. Она написала не об этом, — добавляет он. — Она предупредила меня о твоем путешествии и сообщила о твоих намерениях.

Я стараюсь, чтобы напряжение не отразилось на моем лице, и сижу неподвижно в кресле.

— Моих намерениях?

Эрис осушает свой бокал одним глотком и делает знак слуге, который не сводит с нас глаз, чтобы тот принес ему еще.

— Продемонстрировать свою верность, укрепить власть Львов… — Он лениво машет рукой, беря новый бокал. — Мама считает, что ты слишком стараешься доказать, что достойна меня, и, возможно, настало время показать, что и я проявляю некоторый интерес.

Мое сердце начинает биться быстрее. Если Моргана намекает на что-то подобное, это может значить только одно — у нее есть конкретный план.

— Мне вполне комфортно ждать нужного момента, — говорю я с наигранной любезностью. — Я ни в коем случае не чувствую себя обделенной, Эрис.

— Клясться не нужно, — хмуро отвечает он, но все же продолжает улыбаться. Мне все сложнее поддерживать свою маску для публики. — Дело в том, что Моргана считает, что я уже в нужном возрасте. Она думает, что, приближаясь к тридцати, я обязан взять на себя ответственность, и одна из этих обязанностей — произвести наследников.

У меня кружится голова. Я делаю глоток вина, потому что вдруг почувствовала сухость во рту.

— И Моргана знает, что наследники появятся только тогда, когда корона на моей голове, — он делает небрежный жест в сторону короны, — будет не только короной принца. Итак, мы здесь.

— Моргана… Она собирается передать тебе трон? — спрашиваю я, едва слышно.

— Нет, — отвечает он. И вновь делает большой глоток. — Она еще не согласилась. Ждет, что я устану и уступлю, а я жду, что сдастся она. — Он пожимает плечами. — Как бы то ни было, моя прекрасная невеста, нам придется пожениться очень скоро. Разве ты не прыгаешь от радости?

Я цепляюсь за край стула, почти не осознавая этого, и заставляю свои руки вернуться обратно на колени, изображая спокойствие.

— Это хорошая новость, — шепчу я.

— По крайней мере, дети не будут уродливы, — заявляет он и оглядывает меня с ног до головы, не заботясь о том, что мы находимся в зале, полном людей, которые следят за каждым нашим движением. — Ты изменилась с последней встречи. Сколько тебе теперь лет?

Я проглатываю то, что мне бы хотелось сказать в ответ на его похотливый взгляд и это замечание.

— Девятнадцать.

Эрис осушает второй бокал. Интересно, сколько он выпил до того, как я пришла.

— С этого момента ты будешь спать только со мной, — заявляет он на глазах у слуги, который подносит ему очередной бокал. Его не волнует, кто может услышать или как он унижает меня на глазах у других. — Я не хочу, чтобы дети напоминали какого-то придворного неудачника или, что хуже, капитана северянина.

— Можешь быть уверен, что беспокоиться тебе не о чем.

— Я знаю. — Улыбается. Эта его улыбка начинает вызывать у меня ненависть. — У тебя не хватит смелости бросить мне вызов.

Он поднимает руку и зовет еще одного юнца, который быстро подходит, бледный, с выражением ужаса на лице. Эрис не сразу говорит, что нужно. Сначала он поворачивается ко мне.

— Я воспользуюсь своим пребыванием здесь, чтобы подавить восстания.

— Восстания? — удивляюсь я.

— Ходят слухи о мятежах, — устало говорит он. — Ерунда. Поганые язычники нервничают из-за Месяца Волков. Я должен казнить несколько соргинак и повесить пару крестьян, придерживающихся старых традиций, чтобы успокоить всех. Завтра я отправлюсь в путь со своей охраной. А ты останешься ждать здесь. — Он поворачивается к слуге. — Объяви, что я уезжаю.

Юноша, не готовый к таким объявлениям, колеблется, опасаясь нарушить протокол или разгневать принца. В конце концов он прочищает горло и произносит без должной торжественности:

— Принц-наследник покидает пир!

Все за столом переглядываются и встают в знак уважения.

Теперь каждый в зале смотрит в нашу сторону, но Эрис не торопится.

— Скажи девушке в зеленом платье, что её ждёт принц в своих покоях.

Я отвожу взгляд, испытывая стыд. Молодой слуга открывает рот, сбитый с толку.

— Милорд, вы имеете в виду маркизу из…?

Эрис машет рукой, прерывая его.

— Думаешь, я знаю, какая она маркиза? Девушка в зеленом, дурак.

— Да, ваше величество. Прошу прощения, сэр.

Юноша быстро уходит, чтобы выполнить приказ. Хотят они того или нет, этой бедной девушке придется явиться в покои принца этой ночью, ведь отказаться — не лучшая идея для неё или её семьи.

Эрис встает и смотрит на меня сверху вниз, разглаживая жилет.

— Мы с тобой тоже переспим до свадьбы, — говорит он мне.

Самое ужасное в том, что это не угроза. Это просто факт, незыблемая идея, против которой, как и та женщина, которой не повезло привлечь его внимание, я ничего не могу возразить.

— Я не собираюсь жениться, не зная, на что иду, — добавляет он и спокойно покидает трибуну под пристальными взглядами всех.

Юноша уже передает новость девушке в зелёном платье, и я не хочу знать, какая будет её реакция.

Скорее всего, ей это покажется возможностью. Может быть, она даже не воспримет это как приговор.

Этой ночью я просыпаюсь от грозы, которой нет за окном.

Нет грома, ни дождя. Только тихо падающий снег, который укрывает сад под покровом ночи.

Я больше не могу заснуть, потому что каждый раз, когда закрываю глаза, мне снятся сцены, которые я не знаю, грани которых мой разум заполнил историями, о которых я лишь смутно догадываюсь.

Мне снится лакей с переломанными пальцами и то, как Эрис ломал их один за другим, не переставая улыбаться. Мне снится охранник с заплывшими глазами, выигравший карточную партию и наказанный за то, что унизил принца. Мне снится горничная, которая больше не появлялась, после того как провела вечер с человеком, считавшим её своей собственностью.

Мне снится будущее, в котором я не смогу ему ни в чем отказать.

А потом, перед рассветом, мне снова снится колыбель, роды на закате и мои родители, без лиц.

Я так и не узнала, что с ними случилось. Всегда хотела верить, что они умерли, потому что мысль о том, что они могли бросить меня или продать Ордену, была слишком болезненной для ребёнка, которому не было за что держаться, кроме странного сна.

Прошлое, которого не было, и будущее, которое меня ждет, переплетаются, и я просыпаюсь с ужасным чувством, что теряю контроль над своей жизнью. Возможно, я потеряла его с того момента, как меня забрали в Орден Воронов.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 28

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

— Нет. — Голос Нириды непоколебим, а выражение лица напоминает капитана, способного вести армии в бой, не колеблясь ни на мгновение.

— Она одна, — отвечаю я, но продолжаю укладывать припасы в сумки.

— Так было всегда, — тихо говорит она. — Ты помнишь?

Холод снаружи пронизывающий. Из её губ вырывается облачко пара, когда она поворачивается ко мне лицом, чтобы остановить меня.

— Если Эрис узнает, что вы спите, и ты появишься там вот так, всего спустя день после того, как её забрали...

— Мы не спим, — рычу я.

Нирида хмурится, но что-то в моем лице заставляет её поверить мне.

— Эрис думает, что да. Вы спали, даже если теперь это не так. Это опасно, как для неё, так и для тебя; особенно для тебя. Моргана не допустит, чтобы такая важная фигура, как Лира, пострадала, но ты — всего лишь капитан с севера, которого она, к тому же, презирает.

Она делает два шага ко мне и берёт меня за руки, чтобы остановить. Кажется, она никогда так не делала раньше. Возможно, поэтому я подчиняюсь.

— Пора остановиться.

Я заставляю себя посмотреть на неё.

— Это то, чего ты хочешь? Чтобы я оставил её на произвол судьбы, позволил выйти замуж за этого подлеца, а потом, однажды, мы снова встретились, чтобы Тартало нас сожрал?

— Я такого не говорила.

— Я знаю, что ты её ненавидишь, но даже ты понимаешь, насколько важна Лира для нас, для... — Я снижаю голос, и следующие слова звучат почти шёпотом. — Для севера.

Нирида бросает взгляд назад, как по рефлексу, прежде чем ответить.

— Я её не ненавижу, — возражает она и качает головой. — Она не такая, как я думала. И я понимаю... понимаю, что ты в ней нашел.

С моих губ срывается горький смешок.

— Так было не всегда, поверь.

— Кириан. — Нирида сжимает мои руки сильнее, будто пытаясь привлечь моё внимание. — Сделай то, что она просила. Исследуй всё сам, найди решение, а потом мы уже будем думать, что делать.

Мне нравится это «мы». Я знаю, что она сказала это неосознанно, но в этом есть своя закономерность.

Я тяжело вздыхаю.

— И что ты предлагаешь?

— Поговори с соргинак.

— Она уже говорила с ними. Они ничего ей не дали.

— Попробуй ещё раз — настаивает она. — Они не единственные существа с магией на этой земле. Есть джины, феи, Гауэко...

Я уже готов возразить, но прикусываю язык. Она права. Альтернатива невыносима. Я не могу преследовать её без плана, но и оставаться здесь в ожидании я тоже не могу.

— Найдём соргинак, — решаю я.

Мы отправляемся немедленно. Нирида идёт со мной, хотя я её об этом не прошу. Атмосфера здесь не такая враждебная, как в Лиобе. Мы не выслеживаем ведьм силой и обманом. Люди знают нас, знают, что мы делаем, что ищем, и помогают. Именно Нириде рассказывают о шабаше, который располагается на границе территории Эрея, недалеко от Сулеги. Однако, когда мы приезжаем в эту деревню, затерянную среди леса вдали от города, нас не встречают с распростёртыми объятиями.

Девочка, увидевшая нас на входе, бросается предупредить о нашем прибытии. Один за другим мы замечаем, как костры, горевшие для того, чтобы не дать деревне погрузиться во тьму с наступлением ночи, гаснут по мере нашего продвижения.

Нас здесь не ждут.

Несмотря на это, никто не выходит сказать нам, чтобы мы повернули назад. Мы продолжаем путь, пока не находим мужчину, сидящего за прилавком с сушёными травами и специями.

— Мы ищем матриарха, — говорим мы ему.

Он не отвечает. Лишь смотрит на нас с любопытством, словно задаваясь вопросом, кто осмелился подойти так смело, и указывает головой направление.

Когда мы проходим улицу, которую он указал, перед нами остаётся только одна хижина с горящими огнями, и именно туда мы направляемся.

Главная дверь открыта. В дверном проёме нас ожидает женщина средних лет с суровыми чертами лица и спокойным взглядом, скрестив руки на груди.

— Зачем вы пришли, капитаны? — спрашивает она.

Значит, она нас знает.

— Мы просто хотим поговорить, — отвечаю я.

— Разве не слишком поздно для разговоров?

— У нас мало времени, — отвечает Нирида. — Поэтому мы будем краткими и вскоре уйдём.

Ведьма не отвечает, и на мгновение я боюсь, что она захлопнет дверь перед нашими носами. Наши солдаты стоят позади, но я не думаю, что на этот раз они смогли бы что-то сделать, как и наши угрозы. Поэтому я с облегчением вздыхаю, когда она отступает в сторону, позволяя нам войти.

Она проводит нас через весь дом, а затем через небольшой сад, пока мы не оказываемся перед стеклянной оранжереей, которая резко контрастирует с простотой и ветхостью деревянной хижины.

Зрелище очень похоже на то, что мы видели у ведьм Лиобы: за столом, уставленным растениями, цветами, корнями и стеклянными флаконами, сидят пять женщин. Там же, спокойно восседая, ждёт старуха с собранными под белый платок волосами.

Она предлагает нам сесть, и мы подчиняемся под пристальными взглядами остальных пяти женщин, которые молчат.

— Капитаны, — приветствует она нас. — Что вам нужно?

— Она нас знает, — отмечает Нирида.

— Ваша репутация вас опережает.

Ее взгляд быстрый: признание, уважение. Отлично. Она действительно знает кто мы, и не думает что мы устроим резню ее людей как в Лиобе. Возможно это будет в нашу пользу.

— Значит, возможно, вы знаете, что мне нужна помощь, чтобы разорвать сделку, — говорю я.

Старуха поднимает голову и внимательно смотрит на меня.

— Насколько я понимаю, капитан, вы заключили две сделки, — тихо произносит она.

Нирида вскидывает брови, а затем я слышу, как она бормочет ругательство, поняв, о чем идёт речь.

— Я не намерен разрывать сделку, которую заключил с ведьмами, — обещаю я. — Я человек слова.

— Зато вы хотите разорвать сделку, которую заключили с Тартало.

— Я её не заключал, — отвечаю, готовясь. — И если вы знакомы с условиями, то, думаю, поймёте, что я с ними не согласен.

Старуха улыбается. Её лицо спокойно, покрыто морщинами, веснушками и пятнами от солнца. Её карие глаза, цвета земли после дождя, смотрят на меня так, будто знают обо мне то, чего я сам не знаю.

— Думаю, тот, кто заключил эту сделку, уже задавал этот вопрос некоторым из нас.

— Да, задавал, но не спрашивал больше. Не искал других решений, — отвечает за меня Нирида. — Мы хотим знать... Нам нужно знать, есть ли кто-то ещё, кто способен разорвать её, кроме Тартало.

Слегка заметное движение позади старухи, среди остальных соргинак, но никто не говорит ни слова.

— Да, есть, — отвечает старуха.

Нирида подаётся вперёд на своём месте. Я тоже напрягаюсь, настороженный.

— Есть кто-то поблизости? Кто-то или... что-то? Может быть, Гауэко?

— Гауэко не исполняет желания, он выносит приговоры, — отвечает старуха.

— А гоблины? — пробует Нирида.

— Если вы имеете в виду гальцагорри, то они не настолько могущественны, чтобы исполнять желания, — парирует она.

— А Мари? — спрашивает Нирида, в отчаянии.

— Конечно. Почему бы вам не начать молиться? Возможно, мать всех богов услышит мольбы двух смертных.

— А Ламия? — продолжает Нирида.

Старуха на мгновение замолкает.

— Ламия могущественна.

— Она здесь? На севере? — спрашиваю я.

— Она повсюду, — отвечает та. — В любой пещере возле воды. Также в Эрея, недалеко от Уралур, есть природное святилище, где она появлялась несколько раз.

Нирида, как всегда, не теряя времени, достаёт карту из своего жилета и просит старуху указать на ней место.

Старуха не колеблется, наклоняется, осматривает карту и указывает пальцем.

Нирида долго смотрит на карту, запоминая расположение, а я продолжаю наблюдать за старухой.

— Она поможет нам разорвать сделку?

— Я не знаю, — честно отвечает старуха. — Может быть, да, а может, и нет. Возможно, она даже не покажется.

— От чего это зависит? — мне необходимо знать.

— От её намерений, от удачи, от судьбы... — Пожимает плечами. — Кто знает. Капитаны, вам пора уходить.

Нирида встаёт без раздумий. Женщина, которая привела нас сюда, всё ещё ждёт на входе.

— Пойдём, — подгоняет меня капитан.

Я всё ещё размышляю о наших вопросах, об её ответах и тщательно подобранных словах.

— Она сказала, что есть кто-то, кто может разорвать сделку, но не знает, является ли этим кем-то Ламия, — осторожно замечаю я.

— Вы не ослышались, капитан.

— Кто это? — спрашиваю я напрямую.

Молчание заполняет пространство, как что-то плотное и тяжёлое.

— Каждый раз, когда задавали этот вопрос, ведьмы, которые знали правду, отвечали честно, без уловок и лжи. А теперь, капитан, прежде чем начать злоупотреблять нашим гостеприимством...

— Пойдём, Кириан, — вмешивается Нирида, прекрасно понимая предупреждение в её голосе и внезапно угрожающей атмосфере.

— Кто? — настаиваю я.

Две ведьмы за спиной старухи делают шаг вперёд. Она поднимает руку, чтобы остановить их, а затем встаёт передо мной.

— Ответ всегда был прост: тот, кто заключил сделку. А также, возможно, кто-то столь же могущественный, как Тартало. Является ли это существо Ламией, мы не знаем. Это всё, что мы можем сказать, похищенный ребёнок. Мы благодарны за всё, что вы сделали, чтобы защитить, за всех, кого вы спасли, за всю кровь, которая не была пролита... но наша благодарность заканчивается здесь, и отныне любое требование, просьба или даже мольба будут восприняты как враждебные.

— Кириан, — мягко, но настойчиво повторяет Нирида.

Что-то всё ещё беспокоит меня, даже после её ответа. Какой-то назойливый зуд, будто что-то не сходится, что-то ускользает, а мой инстинкт редко подводит меня.

Тем не менее, я не собираюсь испытывать судьбу.

Я глубоко вдыхаю, киваю старухе и встаю.

— Спасибо.

Мы покидаем это место сразу, под пристальными взглядами тех, кто наблюдает за нами из своих домов. Нирида выглядит довольной или, по крайней мере, обнадёженной. Я же ухожу из этого ковена с каким-то странным ощущением, будто кто-то или что-то постукивает меня по спине.

Обернись. Обернись. Обернись...

Я поворачиваюсь, пока мы уходим, но в темноте не вижу ничего.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Майтеминду

Maitemindu, на языке магии, означает «влюблённый».

Множество заклинаний ведьмы изобрели, чтобы лечить тех, кто страдает, ведь maite означает «любовь», а mindu — «рана». Буквальный перевод слова — «раненый любовью».

Однажды Кириан навещает ведьм. Это не соргинак, просто ведьмы севера, и они не знают, кто он и чем занимается. Он представляется им как простой смертный, парень, который хочет прекратить страдания из-за человека, что раз за разом причиняет ему боль.

Он готов заплатить любую цену, и ведьма, которая должна сотворить магию, тоже готова. Она годами практикует чары и отлично знает закон тройного возврата, так что помощь юноше не станет для неё жертвой.

Однако что-то идёт не так.

Заклинание не завершено, и плата не взята.

Ведьма говорит Кириану, что не может это сделать, потому что его ранит не любовь.

Так что Кириан возвращается во дворец с пустыми руками.

На приёме для капитанов севера Лира игнорирует его, и даже во время бала не удостаивает ни единого взгляда. Тем временем Кириан продолжает ломать голову, что же пошло не так.

Незадолго до того, как он покидает прием, принцесса передаёт ему записку, в которой просит встретиться с ней позже. Нирида не читает её, но ей это и не нужно. Капитан пытается отговорить его. Она напоминает ему, сколько раз Лира насмехалась над его привязанностью к своей земле и к тому, что он потерял. Она вновь упоминает тот случай, когда Лира перестала отвечать на его письма несколько месяцев безо всякой причины. И в заключение она указывает на то, что ни один человек, достойный его, никогда бы не ударил его по лицу в порыве гнева.

Кириану не нужно вспоминать все эти случаи; он прекрасно помнит последнее оскорбление, которое привело его к ведьме сегодня. Прошлой ночью он спал с Лирой, и вскоре после этого, когда он ещё не успел отдышаться, лежа в постели, а она закутывалась в шёлковый халат, её поведение резко изменилось. Она попросила его уйти и больше не беспокоить её, а когда он спросил, не могли бы они немного поговорить, ведь он скучал по ней, она ответила, что не хочет этого, потому что терпеть не может, когда он открывает свой «языческий рот».

Несмотря на это, сегодня он вновь ждёт её в своей комнате, потому что в записке она извинилась, а для Лиры это, по его мнению, большой шаг.

Он не понимает, почему заклинание не сработало. Кириан не осознаёт, что то, что причиняет ему такую боль, вовсе не любовь.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 29

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Мне остаётся только ждать.

Мои действия сильно ограничены с тех пор, как Алия стала следить за каждым моим шагом, будучи моей личной служанкой, и почти весь день я провожу в раздумьях о том, что моё будущее уже предопределено.

Именно этого от меня ждали, именно этого я должна была ожидать, и всё же приближение этих событий приносит с собой горечь и мрачные эмоции, которые мне не позволено испытывать.

Час за часом я смотрю в зеркало, смотрю на отражение Лиры и напоминаю себе, что это моя роль и мой путь.

Я несколько раз ловлю себя на том, что играю с эгузкилоре, крутя его между пальцев и размышляя, не стоит ли мне уйти в лес и избавиться от него. Избавиться от всего, что может привести Алию к разгадке браслета, кажется самым разумным. Но у меня не хватает сил это сделать.

Не знаю почему.

Вскоре приходят новости о подавленном восстании, судах и сожжении ведьм. Эрис тоже исполняет свою роль.

Однажды утром день начинается без снега. Солнце светит так ярко, что часть накопившегося снега начинает таять. Однако, несмотря на солнечные лучи, к полудню снова начинается снегопад.

Эффект волшебный, почти нереальный. Я выхожу в сад, чтобы понаблюдать за этим и насладиться этим маленьким удовольствием. Солнце согревает мои щеки, в то время как снег холодит кончики пальцев, и я закрываю глаза, чтобы проникнуть этим ощущением.

Далёкое ржание лошади заставляет меня открыть глаза, и я замечаю кортеж, приближающийся по дороге, ведущей в лес. Думаю, что это может быть Эрис, но вскоре вижу две фигуры во главе.

Кириан.

С ним Нирида.

Моё сердце бьётся так, как не должно, когда я вижу его, и я заставляю себя успокоиться, спросить себя, насколько неприятным может оказаться этот сюрприз для меня и как я должна действовать, теперь когда Алия наблюдает, а Эрис так близко.

Каждую секунду до их прибытия я трачу на то, чтобы избавиться от любого следа иной Лиры, что могла бы остаться во мне.

— Добро пожаловать, — говорю я Нириде. — Думаю, герцоги вас не ждали.

— У Кириана есть идея, как разорвать договор с Тартало, Лира, — говорит она вместо приветствия.

Я вынуждена посмотреть на него. Его голубые, красивые и печальные глаза, прямые губы без улыбки.

— Всё изменилось, — скромно отвечаю я. — Неуместно, чтобы мы встречались без свидетелей, и неуместно, чтобы я помогала в чём-то, что связано с язычниками.

Кириан не подаёт виду, но Нирида да. Она недвусмысленно поднимает брови и фыркает.

— Ты собираешься нам помочь? Буду рада посмотреть, как ты снимешь этот золотой браслет сама.

Мне нечего ответить на это. Я натягиваю на лицо улыбку, если кто-то смотрит из окон, и прощаюсь.

— Капитаны...

Кириан хватает меня за руку, прежде чем я успеваю вернуться в дом.

Моё сердце начинает биться быстрее.

— Мы знаем, что Эриса здесь нет, — говорит он серьёзно. — Он занят убийством невинных, и у тебя есть определённая свобода до его возвращения. Попробуй ещё раз, пока не стало слишком поздно.

Я задерживаю дыхание.

Его пальцы на моём запястье вызывают запрещённые воспоминания о его руках на моём теле.

Всё моё существо натренировано для того, чтобы дать очень конкретный ответ. Однако я шепчу:

— Моя служанка здесь. Она не должна ничего узнать.

— Дана? — удивляется он.

Кириан отпускает меня, и я снова могу дышать.

— Да. Её прислала Моргана.

— Дана не должна стать проблемой, — говорит он. — Она никогда не осмеливалась совать нос в твои дела и никогда не доносила на тебя королеве.

— Теперь у неё... есть интересы, которые делают её опасной. Мы будем осторожны.

Кириан кивает, больше не задавая вопросов. Нирида кладёт руку на бедро.

— Да, да... Никаких служанок. Поняла. Тебе придётся объяснить своё отсутствие сегодня.

— Сколько времени?

— Пару часов, — отвечает Кириан. — Три, самое большее.

— Куда мы идём? — хочу знать я.

— Ищем Ламию, — отвечает Нирида.

Я поворачиваюсь к ней и удерживаю её взгляд, настороженная. В памяти всплывает образ грота над морем и несбывшегося желания.

— Это выглядит как последний отчаянный шаг, не находите?

— Ты знаешь легенду? — удивляется она.

Неловко. Я проявила неосторожность.

Я бросаю быстрый взгляд на Кириана, который не выглядит удивлённым, и спешу сплести хорошую ложь.

— Я много узнала с тех пор, как всё это началось. Я знаю легенды. Никто точно не знает, где она находится, правда ли, что она исполняет желания в обмен на свой гребень, и существует ли он вообще. Думаю, ждать здесь было бы так же продуктивно, как искать её.

— Ведьмы считают, что если кто-то и может разорвать договор, то это она, — шепчет Нирида.

Я снова смотрю на Кириана, который скрестил руки на груди и молча наблюдает. Похоже, он не совсем согласен, как будто знает что-то, чем не делится. Однако он не возражает.

— Ее несколько раз видели в пещере недалеко от Уралура, — добавляет Нирида. — Мы ничего не потеряем, если попробуем.

Кажется, они оба уже знают, что я скажу, прежде чем я киваю.

Я уже делала это однажды. Я уже гналась за невозможным желанием, когда была всего лишь ребёнком.

На этот раз ничего не изменилось. Я тоже цепляюсь за последнюю надежду, потому что вернуться во дворец, ждать возвращения Эриса, чтобы он предъявил свои законные права, надел мне корону и запер меня, выбросив ключ, — слишком тяжело.

Поэтому я принимаю этот последний прыжок веры и иду готовиться.

Алия точно узнает об этом, в этом нет сомнений.

Моё исчезновение вместе с прибытием капитанов не может быть совпадением, и хотя герцогам всё равно, я знаю, что Алия уже строит свои теории.

Если мне удастся разорвать договор, мне всё равно.

Мы идём пешком по горным тропам. Уже какое-то время мы следуем за течением ручья. Длинные, красивые и необычные цветы, растущие по обе стороны от нас, свидетельствуют о том, что эти воды насыщены магией.

— Ты останешься снаружи, — предупреждает Нирида Кириана.

Я слышала бесчисленные легенды о Ламии, существе невероятной красоты, живущем в пещерах у рек и источников. Ни одна из этих легенд не сходится в описании её облика: одни говорят, что у неё вместо ног рыбий хвост, другие приписывают ей когти, как у птицы, на ногах, а третьи — перепонки, как у утки. Но все они согласны в одном — её красота настолько ослепительна, что мужчины сходят с ума при виде её.

— Я не собираюсь оставаться снаружи, — прерывает Кириан.

Пожалуй, сейчас самое время это обсудить, потому что, судя по буйной растительности, что растёт вдоль ручья, мы приближаемся. Стволы деревьев здесь кажутся толще, папоротники гуще. Мох на камнях имеет насыщенный тёмно-зелёный цвет.

— Мы не знаем, что она может сделать с тобой, — разумно замечает Нирида. — Говорят, если мужчина подвержен её магии, он может потерять рассудок.

— Думаешь, она существо тьмы? — спрашиваю я.

— Неизвестно, — отвечает Нирида, быстро продвигаясь вверх по склону. — Некоторые говорят, что она соблазняет и обманывает мужчин, превращая их в своих рабов. Другие утверждают, что её красота — это проклятие, которым она сама не управляет, и что она живёт в уединении, чтобы не причинять зла, несмотря на то, что способна исполнять желания.

— Надеюсь, что её уединение добровольное, — замечаю я.

Течение ручья усиливается. Наклон горы начинает выравниваться, пока мы следуем за потоком воды.

— Это неважно, потому что мы не собираемся проверять, — уверенно говорит Нирида. — Кириан, ты останешься снаружи.

— Способ избавиться от влияния Ламии, если ты ему подвержен, — это боль. — Он обнажает кинжал и передаёт его Нириде. — Если я буду вести себя странно, воткни его мне в бедро.

— Если ты станешь странным просто от того, что не послушал меня, я проткну твоё сердце, — мрачно парирует она.

Кириан тихо смеётся, хотя это не тот радостный смех, который я однажды слышала и который до сих пор эхом отзывается в одном тёмном уголке, надёжно запертом и принадлежащем только мне.

— Хорошо. Я разрешаю, — отвечает он, понижая голос. — Кажется, мы приближаемся.

Это место, где рождается ручей — пещера в горе, из которой вытекает поток. Перед ней раскинулся небольшой пруд, усеянный десятками камней и окружённый растительностью, нехарактерной для холодной северной зимы. Пышные цветы всех оттенков, крупнолистные папоротники и кустарники с дикими ягодами.

Птицы не перестают щебетать, несмотря на наше присутствие, а свет, отражаясь от воды, играет на её поверхности радужными отблесками. И среди звука ручья и птичьего щебета слышится тихий шёпот, словно стоны, пронизанные невыразимой грустью.

Нирида останавливается. Вслед за ней замирает и Кириан.

Кажется, я последняя, кто её замечает.

У входа в пещеру, на гладком камне, сидит женщина, расчёсывая свои невероятно длинные волосы изящными пальцами.

Не могу поверить.

Не может быть, что всё так просто.

Она находится достаточно близко, чтобы мы могли разглядеть её черты, когда она поднимает голову и смотрит на нас большими карими глазами, покрасневшими от слёз. Её ресницы влажные, а щёки порозовели..

Несмотря на слёзы, из-за которых время от времени с её губ срывается протяжный, жалобный стон, она прекрасна; вероятно, это самое красивое существо, которое я когда-либо видела. Её кожа словно сияет и на вид кажется бархатистой, а её губы полные и соблазнительные, цвета спелой клубники.

— Это... это она, — поражённо шепчу я. — Это действительно она.

Девочка, что когда-то искала её, чтобы попросить вернуть родителей, пробуждается где-то глубоко в моей душе.

— Ведьмы говорили правду, — пробормотал Кириан, вырывая меня из транса. — Пойдём ближе.

Я наблюдаю за ней. Она кажется обычной.

Мы трое начали двигаться к ней по берегу, не заботясь о том, что наши ботинки утопают там, где вода захватила кусок скалы.

— Почему она плачет? — внезапно спросила Нирида.

Никто из нас не ответил, слишком напряженные, и мы продолжали осторожно приближаться.

Вблизи красота Ламии становилась еще более яркой, почти болезненной. Она казалась музой для невозможной картины, живой скульптурой, чье тело плавно раскачивалось в такт печальному стону, от которого у меня побежали мурашки по коже.

— Ты Ламия? — спросил Кириан.

Я была благодарна, что заговорил именно он, потому что сама не знала, как начать разговор с существом, живущим так же долго, как эта гора.

Женщина подняла лицо. На ней было легкое белое платье из изысканной ткани, которая намокла внизу.

Ее ног я не видела.

Я сглотнула.

— Да, это я, — ответила она. Даже голос ее был прекрасен, мягкий, как колыбельная. — Кто вы? Почему вы нарушаете мою скорбь?

— Она очень печальна, — прошептала Нирида рядом со мной, пораженная.

Я слегка коснулась её руки, чтобы напомнить о самообладании. Да, она выглядела по-настоящему печальной, глубоко печальной… настолько, что её скорбь, казалось, исходила из самой кожи. Но нам нужно было сосредоточиться.

— Нам нужна твоя помощь.

Ламия запрокинула голову и испустила стон, который эхом разнесся по всем уголкам пещеры за её спиной.

Я задумалась, что же там внутри, есть ли там кто-то живой… или мертвый.

— Я помогала многим мужчинам на протяжении лет, — с горечью сказала Ламия . — И немногие из них оставались верными после этого.

— Мы готовы помочь тебе, если сможем, — ответил Кириан.

Он, казалось, оставался спокойным, гораздо более спокойным, чем я, не в силах оторвать взгляд от пещеры за спиной Ламии. К счастью, на Кириана, похоже, не действовала магия, отнимающая рассудок, если, конечно, она существует.

— Мы сможем, — решительно добавила Нирида, глядя на Ламию с тем же выражением, которое я старался скрыть.

Ламия повернулась к ней, как будто впервые заметила капитана. Её пальцы без остановки проскальзывали по длинным светлым волосам, почти отчаянно продолжая расчесывать их.

— В последний раз у меня украли мой золотой гребень. Без него я не могу причесаться, моя магия слабеет, скорбь пожирает меня…

Золотой гребень.

В некоторых легендах говорится, что он существует, и правда, что его неоднократно похищали, ведь жадные мужчины попадались под его чары. В других — он всего лишь миф, уловка, чтобы заманить доверчивого человека в её ловушку.

—Мы должны помочь ей, — шепчет Нирида.

—Мы не знаем, где находится гребень, — отвечаю я. — Может, мы можем помочь в чём-то, что действительно в наших силах?

Ламия всхлипывает. Её стоны становятся громче на мгновение, прежде чем она переводит на меня взгляд.

—Возможно, вы могли бы сделать для меня другой гребень, — тихо произносит она, печальная. — Хотя он никогда не будет таким же.

—Мы вернём тот, что у тебя украли, — внезапно уверенно говорит Нирида. — Скажи, кто это был.

Я почти уже собираюсь её одернуть, как вдруг Ламия двигается. Кровь стынет у меня в жилах, когда я вижу, как она вытягивает ноги из-под ткани платья, грациозно сходит на землю и направляется к нам… к ней.

Под подолом платья видны перепончатые ступни, совершенно не похожие на человеческие. Я не могу оторвать от них взгляда, пока она приближается, словно призрак.

Внезапно она протягивает руку, и всё моё тело напрягается, когда её нежные пальцы касаются щеки Ириды.

—Ты чувствуешь мою потерю, верно?

Капитан кивает.

—Нирида, — предостерегает её Кириан.

Но она, кажется, не слышит.

—Это было много лет назад, вероятно, ещё до того, как родились твои бабушки и их бабушки, — произносит Ламия, не отнимая руки от её лица.

В её глазах мелькает нежность, когда она одаряет её невинной улыбкой.

—Тогда мы достанем тебе другой золотой гребень, — настаиваю я, пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

Ламия снова нежно проводит по щеке Ниириды, которая закрывает глаза от её прикосновения, а затем отступает, чтобы вновь взобраться на камень.

—Мы не можем этого сделать. Ты же слышала, она сказала, что он не будет таким же, — возражает Нирида.

Ужасная догадка скользит по моей спине, как змея.

—Нирида, уходи. Сейчас же, — шипит Кириан.

Он тоже понял.

Она… Нирида зачарована.

То, как она смотрит на Ламию, грусть, отражающаяся в её глазах, и напряжение её тела, которое, кажется, стремится последовать за ней, не оставляют сомнений.

—Я не могу бросить ее, — говорит она нам, словно сама мысль об этом пугает её до ужаса. — Вы должны достать ей гребень.

—Нирида. — Я пытаюсь ухватить её за руку, чтобы заставить посмотреть на меня, но она продолжает смотреть на Ламию, которая наблюдает за происходящим в молчании. — Ты должна уйти. Мы закончим сделку.

—Я не могу. Вы собираетесь заключить другую сделку. Вы оставите её без гребня. — Она кажется готовой заплакать. — И тогда она останется одна. Она снова останется одна в этой пещере.

—Нирида. Уходи! — яростно кричит Кириан, охваченный тревогой.

Он тоже пытается ухватить её за руку, но она выскальзывает. Нирида делает несколько шагов вперёд. Не к Ламии, а в сторону пещеры.

Новый блеск загорается в её глазах.

Кириан кажется охвачен ужасом.

—Идите за гребнем. Найдите его, а пока я останусь с ней. Чтобы она не была одна.

—Нирида, ты должна уйти, — настаивает он, бессильно.

—Она больше не останется одна, — продолжает она, не слушая.

—Нирида… — тихо произносит он.

—Я буду ждать в её пещере, с ней, и мы будем вместе. Всё будет хорошо. Она больше не будет одна, а я…

Я быстро подхожу, хватаю её за запястье и выхватываю кинжал, который она носит на поясе, прежде чем беспощадно вонзить его ей в руку.

Глухой вскрик срывается с её губ, когда сталь проникает в плоть.

Кириан замолкает.

Она прерывает свой сбивчивый монолог.

Я смотрю ей в глаза, распахнутые и шокированные, и резко вытаскиваю кинжал. Кровь хлынула из раны, и Нирида, прижимая руку, пытается остановить кровотечение.

—Ты должна уйти. Сейчас же, — говорю я.

—О, боги… — шепчет она, испуганно.

Хорошо. Она пришла в себя.

—Нирида, — настаиваю я. — Если у тебя снова возникнет желание вернуться, воткни это себе в ногу, — говорю я и возвращаю ей кинжал.

Она крепко его сжимает, разворачивается и убегает, не оглядываясь. Спотыкается на своих ногах раз, прежде чем восстановить равновесие и исчезнуть.

Кириан некоторое время продолжает смотреть в ту сторону, откуда она ушла, будто не доверяет.

—Сделка справедлива, — говорит Ламия, привлекая наше внимание. Она снова расчесывает длинные волосы руками, а из глаз её продолжают катиться слёзы, которые она не может сдержать. — Принесите мне другой золотой гребень, и я исполню ваше желание.

—Договорились, — обещаю я ей.

Я хватаю Кириана за рукав и тащу его за собой, удаляясь. Мне совсем не хочется выяснять, действует ли её магия на нас, или же теперь, когда Нирида ушла, она захватит одного из нас.

Мы продвигаемся в напряженной тишине, торопливо, пока не замечаем её, спускающейся с горы уже далеко от ручья.

Нирида оборачивается к нам. Она бледна, её свитер и накидка покрыты пятнами крови. Кусок рубашки она разорвала и перевязала им рану на руке.

—Слава богам, вы в порядке, — тихо говорит она.

—А ты? — спрашивает он. — Как ты себя чувствуешь?

—Бывало и лучше, но я выживу, — отвечает она, с небрежной усмешкой, словно отмахиваясь от важности этого.

Кончики её светлых волос тоже испачканы кровью.

—Извини, — прошу прощения я, бросив взгляд на её прижатую к телу руку.

—Нет. О чём ты говоришь? Я бы зашла в эту пещеру, если бы не ты. — Её губы плотно сжаты. — Знаете, у меня до сих пор есть желание вернуться. Но я понимаю, что это безумие.

Кириан тихо усмехается.

—Рад, что ты это осознаёшь. Там наверху ты, похоже, не была склонна к рассуждениям.

—Что ты почувствовала? — спрашиваю я с любопытством.

—Пустоту, — отвечает она. — Глубокую, ледяную печаль… Невозможную для переживания. А она чувствует это каждый день, всегда.

Я мягко провожу рукой по её спине и слегка подталкиваю вперёд, чтобы мы продолжили идти как можно быстрее. Мы не хотим, чтобы она передумала и побежала обратно.

—Я тоже это почувствовал, — признаётся Кириан, пока мы спускаемся. — Не так сильно, — уточняет он. — Но я ощутил… её скорбь.

—И я тоже, — признаюсь. По спине пробегает холодок. — Как думаете, что там в пещере?

—Предпочитаю не знать, — отвечает Кириан.

Нирида не находит слов, чтобы ответить.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 30

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Кириан занимается доставкой золота в литейню и даёт точные указания о том, что нам нужно. Тем временем Нирида отправляется к целительнице, а я возвращаюсь во дворец, делая вид, что только что вернулась с долгой прогулки.

Алия ждёт меня на крыльце, беседуя с другими придворными дамами.

— Принцесса, — приветствует она меня мягко и поднимается вместе с остальными, чтобы сделать реверанс. — Вы заставили меня волноваться.

— Я просто вышла прогуляться, Дана, — отвечаю сухо. — Если бы ты выполняла свою работу, как следует, у тебя бы не было времени беспокоиться о глупостях.

Я захожу внутрь, не задерживаясь, чтобы увидеть её реакцию, и с трудом сдерживаю улыбку.

Меня радует, что подобные колкости никого не удивляют. На этот раз мне даже на руку привычка Лиры к пренебрежению.

Алии, должно быть, ужасно неприятно проглотить ответ и униженно опустить глаза, как будто она действительно обижена.

Следующие часы я провожу, расхаживая по своей комнате, как зверь в клетке. За день, я убеждаюсь, что за мной никто не следит, и отправляюсь на поиски Ниридa.

Но прежде чем добраться до её покоев, открытая дверь небольшой читальной комнаты заставляет меня остановиться. Я вижу Кириана раньше, чем он замечает меня. Тем не менее, останавливаюсь достаточно надолго, чтобы он ощутил моё присутствие.

Он поворачивает голову ко мне, сидя на одном из диванов, и ждёт.

Я оглядываюсь по сторонам, прежде чем войти и закрыть дверь за собой.

— Хотела узнать, как там Нирида, — объясняю я.

Кириан улыбается с лёгкой усмешкой и поворачивается к столу перед собой, на котором стоит его бокал.

— Это не в твоём стиле, не так ли? — Я остаюсь у двери и колеблюсь. Колеблюсь достаточно, чтобы он это заметил. — Хочешь мне что-то сказать, Лира?

Мне не следовало бы здесь находиться. Следовало бы уйти, убедиться, что Алия меня не заметила, и попытаться оставаться в тени, пока мы не добудем золотой гребень. Тем не менее, я запираю дверь на замок, не оглядываясь, и прохожу к центру комнаты.

Она маленькая и тихая, место, где можно уединиться для чтения или отдыха с несколькими друзьями.

Здесь всего три дивана, но они достаточно просторные, чтобы человеку такого роста, как Кириан, было на них удобно лежать. Одна из стен — это прозрачная стеклянная панель, через которую проникает золотой свет заката. Напротив нас — камин, над которым висит зеркало в позолоченной раме, почти до самого потолка. Два белых шкафа, полные небольших скульптур и диковин, обрамляют его по бокам. Книги расположены в глубине, вдали от огня, на просторной книжной полке.

Я сажусь на диван рядом с Кирианом, сохраняя расстояние.

— Почему ты вернулся? — спрашиваю я.

Кириан кажется погружённым в раздумья, подбирая ответ.

— Разве желание спасти свою жизнь — недостаточная причина?

Я медленно качаю головой.

—Ты мог бы спасти её, не переступая порог этого дворца. Сегодня я тебе не была нужна вовсе.

—Мы не знаем, что стало бы с Ниридой, если бы не...

—Нет, — перебиваю его. — Ты бы помог ей так же, как и я. Ты знаешь, что я была тебе не нужна, но всё равно пришёл за мной. Даже если ты чувствовал долг передо мной и хотел спасти и меня, ты мог бы осуществить план, не сказав мне ни слова, и всё равно спасти мне жизнь.

Кириан остаётся в тишине. Его голубые глаза пронзают меня, несмотря на то, что он сам находится в затруднении.

—Чего ты хочешь от меня услышать? Я подумал, что тебе захочется спасти саму себя.

Я прикусываю губы, собираясь с духом.

—Когда мы передадим гребень Ламии, всё это закончится; получится или нет, мы с тобой снова станем двумя чужаками, которые терпят друг друга с вежливой холодностью.

—Мы с тобой никогда такими не были.

—Да, в глазах окружающих, — говорю я, сдавленно. — И мы вернёмся к этому, также и между нами. То, что мы сейчас делаем, слишком опасно и не приносит пользы.

—Помнится, недавно мы уже вели похожий разговор, и с тех пор ты украла у меня два поцелуя и кое-что куда более дерзкое, о чём я обещал больше не вспоминать, принцесса.

Сердце ускоряет свой ритм.

—На этот раз я говорю серьёзно. Посмотри мне в глаза, Кириан. Посмотри и скажи мне, пытаюсь ли я оттолкнуть тебя ради каприза или хочу причинить боль. Посмотри и скажи, что я неискренна, когда обещаю, что это ради твоего же блага.

Кириан внимательно наблюдает за мной, не показывая ни малейшего изменения в своём лице, пока не наклоняется вперёд.

—Я смотрю, — говорит он, не отводя взгляд от моих глаз, — и вижу лишь причину, по которой не собираюсь делать то, о чём ты просишь.

Я тоже наклоняюсь, и почти сразу жалею об этом движении, но не отступаю, несмотря на то, как близко сейчас наши лица.

—Я не люблю тебя, Кириан, и никогда не любила. И ты сам, глубоко в душе, знаешь, что то, что ты ко мне чувствуешь, тоже не настоящее; это всего лишь мечта, сотканная из ночного кошмара, который мы пережили вместе.

—Раньше я бы с тобой согласился, — отвечает он низким голосом. — И приложил бы все усилия, чтобы забыть тебя, зная, что это лучше для нас обоих, особенно для меня. Но сейчас я не могу сделать то, о чём ты просишь.

—Почему? — спрашиваю я.

—Из-за твоих глаз, — отвечает он.

Молчание ложится между нами, словно ласковое прикосновение, пока моё сердце стучит в бешеном ритме.

—Что ты имеешь в виду? — произношу я едва слышно.

—Твои глаза стали другими. Что-то изменилось в твоём взгляде. Раньше я бы смог забыть тебя, но теперь не в силах отпустить ту, в кого ты превратилась.

Я отодвигаюсь чуть назад, потрясённая, но Кириан не позволяет мне уйти далеко. Он приближается ко мне на диване.

—Ты не знаешь, что говоришь, — шепчу я, почти беззащитная.

—Знаю, конечно. Нет никого в этом мире, кто знал бы тебя лучше, чем я, и ты не можешь отрицать, что изменилась. Я не буду говорить, стала ли ты смелее или сострадательнее… Это нечто большее. Я вижу это в твоих глазах, в том, как ты двигаешься, как дышишь…

Кириан поднимает руку и нежно проводит ею по моей щеке. Я закрываю глаза, не осознавая этого, чувствуя шершавость его ладони в контрасте с нежностью жеста.

—Кириан… — пытаюсь возразить я.

Он понял. Он понял это до боли точно, и то, как сильно мне это нравится, становится мучительно и жестоко.

—Я понимаю, — вдруг говорит он, и я открываю глаза, встретив его взгляд совсем рядом, на расстоянии поцелуя. — Понимаю, что ты уже не та, что прежде, и что поэтому не можешь чувствовать ничего ко мне, к такому, как я.

Я слегка качаю головой, и это движение отстраняет его руку, даже если я не хотела этого.

—Нет. Дело не в этом, — возражаю я.

—Ты не ранишь меня, — шепчет он, заставляя себя улыбнуться. — Я знаю, что то, что мне так нравится в тебе, — это то же самое, что сейчас отталкивает тебя от меня.

Моё сердце сжимается.

—Дело не в тебе, Кириан, — уверяю его я. Он лишь усмехается сухо и безрадостно. — Это… это не так. С тобой всё в порядке. Абсолютно всё.

—Как ты можешь смотреть мне в глаза и так лгать? Мне? Ты знаешь, на что я пошёл, кого пришлось убить. Ты знаешь, какие сделки я заключал с теми, кто уничтожал наши семьи… А теперь ты лучше этого.

Я глубоко вздыхаю.

Лира не заслуживала этого. Совсем.

И я тоже.

Тем не менее, он видит меня. Кириан смотрит на меня так, как не смотрел ещё никто. Он чувствует перемены, он каким-то образом знает, что я другая. Сердце бьётся так сильно от всего неправильного, что я боюсь, оно вот-вот разорвётся.

—Кириан… — шепчу я, не находя нужных слов. — Я тебе не подхожу.

—Мне всё равно, — отвечает он, почти касаясь моих губ.

И несмотря на то, как близко он сейчас, я знаю, что он не поцелует меня. Я знаю, что он не переступит черту, которую всегда позволял переступать лишь мне.

Это извращённо и беспощадно, и боль не даёт мне ясно мыслить. Моя голова переполнена всем тем, что разъедает меня изнутри:

Договор, который вскоре нас убьёт.

Помолвка с Эрисом.

Алия.

Вороны и все те, кого они принесли в жертву.

Элиан.

Кириан.

Кириан и тот самый взгляд, каким он на меня смотрит.

Кириан и эта тьма, которая заставляет его верить, что он меня недостоин.

Недостоин меня…

—Та, кем ты стала, заслуживает, чтобы я ждал. И я с радостью буду ждать вечно, если это позволит мне быть рядом с тобой.

Что-то внутри меня ломается.

Я знаю, что снова принимаю ужасное решение, и всё равно мне всё равно. Я наклоняюсь к нему, беру его лицо в свои ладони и целую. Это движение настолько импульсивное, что застаёт Кириана врасплох. Я ощущаю низкий звук, вибрирующий против моих губ, глухой стон, поглощённый поцелуем и растворяющийся между нами, когда его губы начинают требовать большего.

Его рот приоткрывается, словно прося разрешения. Его рука опускается на мою, на его собственную щёку, а затем находит мою шею. Он гладит её большим пальцем, затем скользит за мою шею, а его тело движется вперёд, прижимаясь ко мне каждым своим жестом. Его пальцы запутываются в моих волосах, слегка дёргают, открывая мою шею, и он отстраняется, чтобы поцеловать её с нетерпением.

Моё тело содрогается от его прикосновений, я запрокидываю голову, позволяя ему продолжать. Почти ощущаю его улыбку против своей кожи — довольную, триумфальную. Однако я почти не даю ему возможности действовать. Прежде чем его руки начинают прокладывать опасный путь, я слегка толкаю его, укладывая на диван. Сюрприз отражается на его лице вместе с чем-то ещё. Он смотрит на меня снизу, внимательно следя за каждым движением, его взгляд словно впитывает мой образ, скользит по моему телу вверх и вниз, останавливаясь на каждом изгибе, каждом жесте. В его глазах сияет обещание чего-то тёмного, когда я сажусь ему на колени и провожу руками по его груди.

Его пальцы впиваются в мои бёдра, когда мои руки расстёгивают его жилет, а затем и рубашку. Я тяну за ткань, освобождая его тело. Он приподнимается, пока я продолжаю сидеть на нём, сосредоточенно избавляясь от всего, что мешает — и моего, и его.

Его руки неуклюже справляются с завязками на моём платье и корсете. Ему удаётся снять их быстро, словно он занимался этим всю жизнь, и он обнаруживает под ними амулет с выгравированным цветком эгузкилоре, который он мне подарил, а я так и не решилась уничтожить. Он снова наклоняется, чтобы целовать мою шею и плечи, едва смотря на то, что делает, словно его движения управляются чем-то первобытным и необузданным.

Я обвиваю его спину руками, ищу его губы, чтобы украсть у него ещё один глубокий, жадный поцелуй, который мне сейчас кажется недостаточным. Глухой звук вырывается из его горла и скользит, как ласка, по каждой чувствительной частице моего тела. Вдруг, между поцелуями, я чувствую его пальцы на своих бёдрах. Они проникают под ткань юбки и продолжают двигаться вверх, пока не касаются края моего нижнего белья.

Он не останавливается на этом. Я чувствую его пальцы под тканью, и моё тело содрогается вопреки моим желаниям. Я выгибаюсь над ним, и Кириан двигается, чтобы снова удобно устроиться, заставляя наши тела соприкасаться так, что я снова изгибаюсь, чтобы ощутить ту же самую искру, сияющую в его глазах. Он кусает нижнюю губу, хватает меня за шею и целует, словно не в силах себя сдержать.

Именно его потеря контроля заставляет меня потерять остатки своего. Я тоже его ищу, тоже играю, провоцируя его, пока мои руки не доходят до его пояса. Пальцы скользят по его напряженному члену, и я чувствую, как он содрогается даже сквозь тонкую ткань, разделяющую наши тела.

Кириан тяжело дышит, и этот звук такой глубокий, что я едва могу сопротивляться желанию услышать его снова. Поддавшись новому порыву, он наклоняется ко мне, прижимает губы к моему уху и медленно шепчет:

—Теперь, когда я собираюсь оказаться в твоей постели, может, самое время сказать мне твоё имя.

Мой инстинкт срабатывает быстрее, чем разум, заставляя меня напрячься, даже не понимая почему.

—Что? — выдыхаю я, потеряв голос.

Его губы скользят по моей шее, прежде чем он снова заговорит, очень тихо, как будто это просто признание в любви.

—Твоё имя. Я хочу знать, с кем я сейчас.

Холодный пот стекает по моей спине, когда до меня доходит.

Нет. Этого не может быть. Это должно быть что-то другое; паранойя заставляет меня представлять худшее.

Я позволяю беспечной усмешке вырваться из моего горла.

—О чём ты говоришь? — Пытаюсь отчаянно снова его поцеловать, пока мой разум судорожно ищет выход. — Прекрати нести чушь и снова поцелуй меня. Твои губы не там, где должны быть.

Кириан смеётся, но я ни на мгновение не думаю, что его хриплый смех предвещает что-то хорошее.

—Хорошо. Я верну свои губы туда, где им положено быть. А ты можешь сказать мне, кто ты, позже.

Чёрт.

Всё происходит слишком быстро. Я вижу, как он улыбается, наклоняется, чтобы снова поцеловать меня, и тогда я принимаю решение.

Я выхватываю кинжал, который он носит у бедра, и резким движением толкаю его, прижимая клинок к его горлу.

Сердце колотится как безумное, пока я изо всех сил стараюсь сохранить самообладание.

Кириан лежит передо мной, обнажённый по пояс. Он смотрит на сталь без малейшего страха, а потом переводит взгляд на меня с улыбкой, которая пугает меня.

—Кажется, так мы и познакомились, — бормочет он.

Это правда.

Меня бросает в дрожь. Теперь нет никаких сомнений. Нет пути назад.

Я смотрю на него и понимаю, что больше ничего не могу сделать, ничего не могу сказать.

Он всё знает. Но как?

Сердце бешено стучит, мои пальцы сжимаются на рукояти кинжала, когда он слегка запрокидывает голову, и клинок касается его кожи, оставляя след.

Я наблюдаю за двумя каплями крови, стекающими по его шее, полностью оторванная от реальности, в то время как всё моё существо, натренированное годами, призывает меня сделать следующий шаг и покончить с проблемой.

—Ты собираешься убить меня?

В его голосе нет ни тревоги, ни упрёка. Он спрашивает серьёзно. Ему действительно интересно, что я задумала. Тогда я замечаю нечто странное. Он не двигается, даже не пытается сопротивляться. Он мог бы бороться. Мог бы с лёгкостью оттолкнуть меня. Это бы его ранило, но у него больше силы, и ему не составило бы труда скинуть меня, прижать к дивану и нацелить на меня клинок.

Но он даже не пытается.

Его светлый, спокойный взгляд удерживает мой, пока внутри меня всё переворачивается, горит и рушится.

Вдруг два громких удара в дверь заставляют меня вздрогнуть, и я едва не перерезаю ему горло.

Мои пальцы дрожат.

—Принцесса! — Это голос Даны… Нет, Алии. — Наследник прибыл и требует вашего присутствия в главном зале.

Наследник?

Меня охватывает головокружение.

Кириан не шевелится. Я тоже не отрываю от него взгляд.

—Принцесса! — настаивает Алия с другой стороны двери. — Не думаю, что стоит заставлять его ждать.

Я проглатываю проклятие.

Она наверняка знает. Должно быть, видела, как я вошла сюда следом за Кирианом.

—Скажи ему, что я буду там немедленно. Живо!

Это катастрофа.

—У тебя хватит времени убить меня и избавиться от тела, прежде чем встретишься с ним? — спокойно спрашивает Кириан.

Если он замечает дрожь моей руки, то никак не показывает этого. Его глаза остаются прикованными к моим. Он поднимает бровь, ожидая моего ответа.

—Чёрт, — вырывается у меня.

Я отступаю назад, бросаю кинжал на пол, как можно дальше от себя, и с трудом поднимаюсь на ноги.

Кириан опирается локтями на диван и смотрит, как я пытаюсь поправить платье и быстро завязать шнурки.

Я даже не убеждаюсь, что юбка в порядке, когда выхожу из комнаты, захлопываю за собой дверь и бреду прочь без определённого направления.

Я едва справляюсь с дрожью в ногах, а пальцы то сжимаются, то разжимаются снова и снова, пока я пытаюсь сосредоточиться, придумать план, чтобы действовать, теперь, когда всё пошло к чертям.

Но я не нахожу его.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 31

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Это самый длинный ужин в моей жизни.

Эрис вновь занимает трон, в то время как все остальные располагаются за длинным столом, уставленным яствами и игристым вином. Подают мясо дичи, вероятно, оленя или лося — то, что северяне никогда не осмелились бы поставить на стол, так как верят, что их боги могут принимать эти облики, и считают это неуважением. Также подают жареные овощи со специями, тушёные бобы с мясом и блюда, доверху наполненные разнообразными сырами, характерными для королевства Львов.

Я задумываюсь, есть ли здесь кто-то, какой-нибудь северный аристократ, который во время войны встал на сторону Львов, но чувствует себя неуютно из-за оленины. Если такие есть, никто не осмеливается сказать об этом вслух.

Рядом с троном ставят ещё один стул, и мне указывают на это место. В течение первых блюд Эрис напрямую ко мне не обращается. Он в хорошем настроении, время от времени встаёт и прогуливается между стульями, громко рассказывая о своих подвигах или шутя с каким-нибудь аристократом.

Кириан появляется до того, как подают второе блюдо, и у меня уходит земля из-под ног.

Я не свожу с него глаз, пока он не занимает место среди других членов армии, далеко в конце стола, и надеюсь, что Эрис в столь хорошем настроении, что не обратит внимания на его присутствие.

Сведет ли это его с ума?

В конце концов, в глазах Эриса мой любовник, с которым он застал меня далеко отсюда, вернулся во дворец в его отсутствие.

Не удивительно, если он решит что-то предпринять.

К счастью, он настолько занят рассказом о своих подвигах, что не замечает его, даже если я не отрываю от Кириана взгляда.

—Я отдал приказ казнить двадцать семь ведьм и практиков зла, — говорит Эрис, обращаясь ко мне.

Отражение огня свечей добавляет кровавый оттенок рубинам его короны.

Волнуюсь настолько, что не сразу понимаю, что он обращается ко мне.

—Двадцать семь? — переспрашиваю я, удивлённая. — За время твоего правления в Ликаоне?

Эрис громко смеётся.

—Нет. На этой неделе, во время чистки в Уралу□ре, — рассказывает он. Затем делает жест слуге, чтобы тот подал ему блюдо с жареными лакомствами, в основном с овощами и рыбой. — Эти болваны со своими языческими суевериями беспокоятся о том, что в месяце отсайла произойдёт какое-то чудо. Всё, чего они добились, — это того, что мы усилили дозор.

—Двадцать семь ведьм — это слишком много. — У меня скручивает живот.

—Некоторые из них были всего лишь сообщниками. В обычное время таких людей просто заключают под стражу и не приговаривают к смерти, но в нынешних условиях нужно было пресечь проблему на корню.

На мгновение я забываю о Кириане, о настоящей Лире, и поворачиваюсь к нему.

—Массовые казни не утихомирят восстания. Напротив, они вызовут ещё большее возмущение.

Эрис берёт одно из лакомств с блюда, которое слуга держит перед ним, и поворачивается ко мне, словно смотрит на насекомое.

—Что ты знаешь о политике?

Я прикусываю язык.

—На самом деле, ничего.

Он откусывает кусок другого угощения и отвлекается, выбирая следующее.

—Тебя, больше чем кого-либо, должно радовать, что я нахожу поводы избавиться от язычников.

Я знаю, что бы ответила Лира. Поэтому беру себя в руки и слегка выпрямляюсь, как будто слова не давят мне на плечи.

—Это чума, которая нам не нужна.

—Тебя обрадует узнать, что в одном из восточных поселений всех мужчин заключили под стражу до тех пор, пока не утихнут волнения.

—Лучше предотвратить.

Эрис улыбается, довольный, и делает знак слуге, чтобы предложить мне блюдо.

После банкета оркестр начинает играть, пока столы убирают, а гости перемещаются по залу, собираясь в небольшие группы и продолжая беседовать, пока вечер перетекает в ночь.

Кириан остаётся поблизости. Я вижу его снова и снова среди людей, беседующего как ни в чём не бывало. Нирида приходит чуть позже, и я вижу, как он разговаривает и с ней.

Они оба избегают смотреть на меня, и я задумываюсь, знает ли она уже.

Сколько времени у Кириана были подозрения? И почему он ничего не говорил раньше? Это произошло сегодня? Я сделала что-то, что могло выдать меня?

Два громких хлопка заставляют оркестр замолчать, а всех остальных обернуться к нам, к Эрису.

—Было приятно провести этот вечер с вами, — говорит он доброжелательно, словно всего лишь хозяин, угождающий своим гостям. — Теперь, боюсь, мне пора удалиться на отдых.

Эрис встаёт, и я вижу, что в его движениях уже ощущается действие вина. Вдруг он смотрит на меня сверху вниз и протягивает мне руку.

Он просит меня сопровождать его.

Сжав губы, я поднимаюсь, ведь публичное приглашение нельзя отвергнуть. Абсолютно нельзя.

Я беру его за руку и позволяю вести меня вниз по лестнице и через зал к выходу.

Последним взглядом я замечаю, что Кириан наблюдает. Наши взгляды встречаются, и холодок пробегает по моей спине.

Мы покидаем зал.

Шаг за шагом удаляемся от шума и музыки, которая снова заиграла. Голова идёт кругом, пока я пытаюсь собраться: слишком много нужно осмыслить, слишком много решить.

Когда мы подходим к его покоям, я останавливаюсь и слегка отступаю, чтобы сделать вежливый реверанс.

—Я тоже устала, Эрис. Если позволишь…

Он хватает меня за запястье. Слишком сильно.

—Ты пойдёшь со мной, — говорит он, как будто не допускает и мысли , что я могу отказаться.

Я вспоминаю его слова, его угрозу… когда он уверил меня, что до свадьбы мы переспим.

—Не хочу тебе докучать, —мягко говорю я , — но мне действительно нужно поспать. Завтра утром мы можем позавтракать вместе, если…

Он тянет меня за запястье, не дослушав, и без церемоний втаскивает в свои покои.

Сердце бешено колотится, когда он закрывает дверь и входит внутрь. Я остаюсь у входа, не решаясь пошевелиться.

Первым делом он наливает себе бокал из уже начатой бутылки крепкого алкоголя.

—Ты меня боишься, Лира?

Я сглатываю. Перебираю свои варианты, которых крайне мало. Если бы это была задача на Решение Проблем, я бы сдала её на отлично. Теоретически, я знаю, чего ожидают от поведения Лиры, от моего поведения. И это должно было бы быть всего лишь формальностью.

Должно было бы.

—Не смотри на меня так, — говорит он хмуро, когда я молчу слишком долго. — Я ничего тебе не сделаю.

Его слова не ослабляют ком в моём горле.

—Чего ты хочешь тогда?

—Хочу поговорить.

—Нельзя подождать до завтра?

Эрис хмурится. Ему не нравится, что я отвечаю так.

Он делает шаг ко мне, и хотя я пытаюсь стоять на месте, он подходит так близко, что мне приходится отступить, стараясь, хоть и безуспешно, сохранить хотя бы немного личного пространства. Эрис смотрит на меня сверху вниз. Его глаза слегка покраснели от алкоголя и праздника, а тщательно уложенные волосы немного взъерошены. Светлая прядь небрежно падает на лоб.

—Что тебя так пугает?

—Я не боюсь, — отвечаю я.

Он приподнимает бровь.

—Так. Ты слышала слухи, да? — На его лице появляется хитрая улыбка. — Это тебя и беспокоит? То, что я могу сделать с тобой в спальне?

Я сглатываю. Конечно, я слышала слухи. Лира знала о них и тоже боялась, хотя она понимала, что однажды наступит момент, когда ей придётся зачать от него наследника.

—Я знаю, что ты благородный человек, — лгу я. — И не навредишь будущей королеве.

Грубый смех вырывается из его горла. Его дыхание пахнет вином.

Вдруг я ощущаю его пальцы на своём горле. Этот жест настолько отличается от прикосновений Кириана, что меня тошнит.

Он слегка сжимает мою шею, и все мои инстинкты кричат в тревоге, но я твердо остаюсь на месте, когда он заставляет меня поднять лицо к нему.

—Когда наступит время, а оно скоро настанет, я буду самым настоящим джентльменом. Тебе не о чем беспокоиться.

Его глаза скользят вниз по моему телу — от лица к груди, бёдрам и ногам.

—О чём ты хотел поговорить? — удаётся мне спросить.

Его большой палец медленно скользит по моему горлу, не отпуская меня.

—Что ты думаешь о нашем союзе?

Я моргаю, пытаясь сосредоточиться.

—Это честь и большая ответственность — стать...

—Нет, — резко прерывает он, раздражённый. — Я хочу знать правду. Хочу знать, чего ты ожидаешь от нашего союза, хочешь ли, чтобы это произошло скорее, согласна ли ты с Морганой. Хочу знать, хочешь ли ты, чтобы мы поженились, даже если у меня не будет короны.

Не понимаю, почему он задаёт этот вопрос. Должно быть, у него действительно много сомнений, если он спрашивает об этом Лиру.

Лира должна была бы ответить, что да, она согласна с Морганой, что союз приблизит его к трону и укрепит нашу власть, даже без короны… но я этого не говорю.

—Думаю, что ты прав, соглашаясь ждать, — едва выдыхаю я. Стараюсь звучать разумно, уверенно и слегка выпрямляюсь, даже если это приближает моё лицо к его. — Думаю, тебе стоит проявить твёрдость и убеждённость.

Его взгляд опускается к моим губам, и все инстинкты внутри меня кричат, чтобы я отступила, ушла через ту дверь, которая не заперта, и не оглядывалась. Но я остаюсь неподвижной, несмотря на тошноту.

—Хорошо, — выносит он вердикт, довольный моим ответом.

Он не ожидал этого. Кто бы ожидал? Я тоже. Если Алия каким-то образом узнает об этом и передаст Ордену...

—Тебе ещё что-то нужно?

Он облизывает губы.

—Мы должны будем переспать, ты это знаешь. И сделаем это до свадьбы. Хочешь, чтобы мы сделали это прямо сейчас?

Похотьискриться в его глазах, когда он говорит это.

—Я не шутила, когда сказала, что мне нужно спать.

Коварная улыбка мелькает на его губах. На несколько мгновений, пока он держит меня за шею, я представляю, как он пренебрегает моими словами, и всё равно приближается … и у меня подкашиваются ноги.

Не думаю, что вся подготовка у Воронов научила меня принимать что-то подобное.

Нет. Я не готова.

Возможно, с ужасом думаю я, и никогда не буду.

—Хорошо. — Он отпускает меня, и я наконец вздыхаю. Эрис отступает на шаг и делает глоток из бокала. — Спокойной ночи. Ты можешь идти.

Он делает жест рукой, и я изо всех сил стараюсь не кинуться к двери, и не выбежать, пошатываясь. Я делаю лёгкий реверанс и ухожу оттуда с колотящимся сердцем.

Я делаю три шага, прежде чем наклониться в углу и выблевать.

Мои руки дрожат, когда я отбрасываю волосы с лица, выпрямляюсь и оглядываюсь. Никого, кажется, нет, и я не задерживаюсь, чтобы испытывать судьбу. Быстро ухожу оттуда и возвращаюсь в свои покои.

Выпиваю бокал самого крепкого напитка, что нахожу, чищу зубы и принимаю ванну, которая оказывается слишком короткой и не снимает напряжения, словно въевшегося в мою кожу.

Поэтому я принимаю решение. Выхожу, вытираюсь и одеваюсь, собирая все остатки решимости и силы, и захожу в покои Кириана без стука.

Перехожу через гостиную и вхожу в спальню.

Капитан лежит на кровати, уставившись в потолок. Как только он меня видит, сразу поднимается.

Я глубоко вдыхаю.

Я не знаю, как это пережить. Я не знаю, как он отреагирует, и не знаю, как отреагирую я. В который раз, как и почти всегда с Кирианом, я понятия не имею, что произойдёт дальше.

Он медленно приближается ко мне.

Он всё ещё в одежде, но снял жилет, оставив только белую рубашку с чуть расстёгнутым воротом, которая, если бы не жар от камина, не согрела бы его.

Его тёмные волосы слегка взъерошены, на концах немного вьются, непослушные, а в его взгляде спокойствие, неуместное в этой ситуации.

—С каких пор ты знаешь? — спрашиваю я напряжённо.

—О чём именно ты говоришь?

Он проходит мимо, сохраняя безопасное расстояние, внимательно наблюдая за мной. Я представляю, как он проверяет, нет ли у меня оружия или признаков опасности; но у меня ничего нет. Я даже не додумалась вооружиться.

И это только ещё одно доказательство моего сумасшествия.

—С каких пор ты знаешь, что я не Лира? — шепчу почти беззвучно.

Произнести это вслух оказалось гораздо страннее, чем я ожидала. Я — Лира. Я всегда была Лирой… или, по крайней мере, так меня учили в Ордене.

Кириан безразлично пожимает плечами. Его движения заставляют меня следить за ним, поворачивать голову, чтобы видеть, куда он идёт, словно волк, выслеживающий свою жертву.

—Трудно сказать точно.

Он улыбается и врёт.

Не важно. У меня есть ещё вопросы, которые я хочу задать.

—Кто-нибудь ещё знает?

—Возможно.

—Кто?

—Чтобы ты могла его убить и избавиться от него?

—Неужели ты думаешь, что, если бы хотела убить тебя, уже бы этого не сделала? Я держала кинжал у твоего горла, — шепчу я.

Мой взгляд невольно скользит к его шее. Я без труда замечаю след от пореза. Холодок пробегает по спине, когда я вспоминаю, что его смерть была реальной возможностью.

—Почему же ты этого не сделала? — хочет знать он.

Он останавливается.

—А почему ты не убил меня? — спрашиваю я.

Кириан делает шаг вперёд, и я сохраняю твёрдость, ожидая его ответа. На его губах появляется лёгкая улыбка.

—Вопросы… сколько вопросов, — бормочет он и поднимает руку. Его огрубевшие костяшки нежно касаются моей щеки, что совершенно не сочетается с его образом.

—И всё же ты не отвечаешь ни на один из них, — замечаю я.

—Ты тоже, — улыбается он, не отрывая руку от моего лица.

Я задерживаю дыхание, представляя, как эти пальцы скользят по моим плечам, груди, к центру моего живота, а потом…

Я отстраняюсь и делаю шаг назад.

—Скажи мне, почему ты не убил меня, Кириан. Это не имеет смысла. Если ты знаешь, что я не она, если ты знал это давно, почему я всё ещё свободна и жива?

Кириан потирает подбородок, задумчиво отводя взгляд, словно обдумывая ответ, который он собирается мне дать.

—У меня есть свои причины, — наконец отвечает он.

—Какие? Думаю, я заслуживаю знать, почему я всё ещё жива.

—Не думаю, что сейчас подходящее время говорить об этом, — отвечает он. — Ты сможешь требовать честности, когда сама будешь её проявлять.

В груди у меня начинает расти чувство, похожее на угрызение совести. Это странное ощущение, особенно когда тебя всю жизнь учили, что не должно его быть.

—Итак, что теперь? — спрашиваю я, чувствуя беспомощность.

—Теперь мы будем ждать, пока изготовят золотой гребень для Ламии, а затем попросим её разорвать наш договор с Тартало.

Я глубоко вдыхаю, но мне всё равно кажется, что воздуха не хватает.

—Нирида знает, что я не Лира?

Кириан наклоняет голову, чуть нахмурившись.

—Нет. Она не знает.

Я киваю, благодарная за ответ, который кажется мне искренним.

—Ты не собираешься рассказать мне ничего больше, правда? — уточняю я.

—Пока нет, — отвечает он с лёгкой жесткостью.

Я чувствую себя потерянной и слишком взволнованной, чтобы найти разумный способ справиться со всем этим. Поэтому я просто делаю вдох, прохожу мимо него и направляюсь к выходу.

—Ты не скажешь мне, кто ты? — спрашивает он.

В его голосе слышится печаль, глубокая тоска, которая заставляет меня вздрогнуть и которую я не до конца понимаю. Почему это боль, а не ненависть?

—Меня зовут Лира, и я была ею последние десять лет своей жизни.

Он долго смотрит на меня, словно пытается понять.

—Сколько тебе лет?

—Столько же, сколько было бы ей сейчас.

—Вы практически одинаковы, — бормочет он, и я слышу в его тоне ту же тревогу, что гложет и меня.

Я вижу его таким же потерянным и одиноким. Я вижу его грустным, потрясённым. Я вижу его человечность…

Я поворачиваюсь к нему.

—Практически? — переспрашиваю.

—Вы очень разные.

—По характеру? — хочу уточнить.

—И внешне тоже. — Он улыбается. — Хотя не думаю, что кто-то ещё это заметил, если тебе от этого легче.

—А как ты это понял?

—Ответ на этот вопрос дал бы тебе подсказки к вопросам, на которые я пока не хочу отвечать, и, думаю, ты это понимаешь. Ты расскажешь мне, как это возможно? Как ты можешь иметь… такую внешность?

Я возвращаю ему осторожную улыбку.

Кириан выпускает короткий, печальный вздох, отводит взгляд на секунду. Я вижу, как он глубоко вдохнул, прежде чем снова посмотреть на меня.

—Мне нужно знать одну вещь.

—Что ты хочешь узнать?

Он тянет секунду, две, три.

—Она сильно страдала?

Я содрогаюсь. Мне не нужно, чтобы он говорил, о ком идёт речь, когда его глаза сверкают такой особенной печалью.

Возможно, он имел в виду это, когда сказал, что недавно потерял кого-то, кого любил? Осознал ли он тогда, что Лира мертва?

Если так, он понял это в день запуска фонариков, а может, и раньше. Возможно, именно поэтому он тогда был таким странным.

—Только в конце, — отвечаю я честно. Сглатываю и понижаю голос. — Мне жаль.

Он напрягается.

—Ты убила её?

—Да.

Я жду реакции. Жду ответа, возможно, физического. Не понимаю, почему он не злится сильнее. Не понимаю, почему он не делает шаг вперёд, чтобы убить меня. Это было бы логично. Это то, что сделал бы любой.

Но Кириан ничего не делает. Абсолютно ничего.

Он лишь кивает.

—Спасибо за честность.

У меня сжимается сердце, и я закрываю глаза на мгновение, чтобы набраться хоть немного смелости для завершения этого разговора, который я никогда не представляла.

Разговора неожиданного, искреннего и невыносимо жестокого.

—Моя жизнь в твоих руках.

—Я это понимаю.

Он больше ничего не скажет. Не скажет, ждёт ли подходящего момента, чтобы предать меня, хочет ли мучить меня или же добиться от меня чего-то. Он не скажет.

И я понимаю, что пора уходить.

Я делаю вдох, поворачиваюсь и направляюсь к двери. Когда моя рука касается дверной ручки, его голос останавливает меня.

—Всё, что я сказал ранее, было правдой, — признаётся он.

В его словах звучит боль.

Я слегка оборачиваюсь через плечо и вижу его стоящим в дверном проёме, серьёзного и измученного.

—Когда? — спрашиваю я, хотя подозреваю, о чём он говорит.

—До того, как ты приставила кинжал к моему горлу.

Моё сердце начинает биться быстрее, и я прижимаюсь лбом к двери, стараясь успокоиться, прежде чем снова заговорить. Но тепло его кожи, когда он приближается и касается моей шеи, делает это невозможным.

—Думаю, тебе несложно понять, почему я ненавижу себя за то, что чувствую это, — его дыхание касается моих обнажённых плеч. — И почему я ненавижу тебя за это.

Я разворачиваюсь к нему, и Кириан упирается руками в дверь по обе стороны от моего лица. Он настолько близко, что я на мгновение замираю, забыв, как дышать.

Жестокий водоворот эмоций — страх, сожаление и желание — толкает меня произнести следующую просьбу:

—Поцелуй меня.

Кириан хмурится, а затем понимает. Осознание загорается в его глазах, потемневших от собственных демонов: я предлагаю ему освобождение, последний поцелуй, ключ, чтобы разорвать цепи, которые он так долго носил.

Он рычит и наклоняет голову, словно моя просьба его раздражает, возможно, из-за всего, что она несёт с собой.

—Поцелуй меня, — повторяю я. — Поцелуй меня, и пусть это будет в последний раз.

—Принцесса… — предупреждает он.

—Кириан, — настаиваю я.

Я не могу поверить, что мой голос звучит так уверенно.

Наконец, Кириан реагирует и целует меня. В его поцелуе нет ни капли нежности, когда он прижимает меня к двери и пожирает в жадном, яростном поцелуе, от которого перехватывает дыхание.

В этот момент это всё, что имеет значение: его тело, прижатое к моему, его грубые руки, его требовательный рот.

Нет ни игры, ни соблазна. Поцелуй беспощаден и почти жесток. Глухой стон вырывается из его горла, и мои ноги подгибаются. Он чувствует это и отвечает, сжимая меня ещё крепче.

Он прижимает свои бёдра к моим, и я ощущаю его желание, несмотря на всю ту ненависть, которую он, должно быть, ко мне испытывает.

Прежде чем я успеваю даже помечтать о том, чтобы почувствовать это снова, на этот раз без одежды между нами, возможно, прямо здесь, у этой двери, на трюмо или под его телом на кровати, Кириан резко отстраняется.

Он крепко хватает меня за подбородок.

—В следующий раз, когда я поцелую тебя, это будут не эти губы, полные лжи.

Его слова режут, и я тысячу раз проклинаю себя за то, что думаю об этом сейчас. Я не должна была об этом думать.

Этот поцелуй был последним.

Долг оплачен, и на этот раз я выполнила все его условия, все его уловки и требования. Я попросила, и он меня поцеловал.

Больше ничего не осталось.

Прежде чем я успеваю это сказать, Кириан с силой дёргает за дверную ручку и выходит из комнаты, яростно покидая её.

Я не знаю, куда он направляется, ведь это его покои, и несколько долгих секунд я стою одна, глядя в пустой коридор, не думая о том, что кто-то может увидеть меня здесь.

Собравшись с силами, я возвращаюсь к себе, и этой ночью лишь усталость позволяет мне уснуть беспокойным сном, прерываемым то кошмарами, то странно сладкими сновидениями, которые пугают меня ещё больше.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Гуарги

Из всех тёмных существ, возможно, самыми непонятыми являются гауарги. Это не их вина, а проблема смертных, которые слишком буквально воспринимают всё вокруг и не замечают тонкостей.

На языке магии gau означает «ночь», а argi — «свет». Полное имя этих существ переводится как «свет ночи». Их задача — быть светом в темноте для заблудившихся смертных.

Гауарги являются не каждому, но они испытывают симпатию к тем, кто сильнее всего сбился с пути.

Кириан видит их уже много лет, но редко правильно толкует их знаки.

Однажды ночью, после неудачной охоты на хиру, гауарги упорно показывают ему путь, ведущий обратно в лес, из которого он только что вышел. Хотя Кириан всегда доверяет магическим силам, на этот раз он считает, что они ошибаются, и уходит из леса.

Сегодня ночью, после того как он пробрался в покои Лиры, принцесса в сердцах злится на его замечание и решает быть жестокой с ним: насмехается над его татуировками и кожаным ремнём, которым он стягивает свои волосы; называет его «глупцом» и «сентиментальным». Она оскорбляет Нириду, осуждая Кириана за дружбу с грубой и вульгарной женщиной. Затем она спрашивает его, спал ли он с его последним завоеванным мужчиной, который хвастался тем, что попал в постель капитана, так как Кириан уже не способен соблазнить других «дешёвых девок».

Кириан уходит. Или, по крайней мере, пытается уйти; но тут Лира, признавшись, что выпила слишком много вина, просит прощения. Она говорит, что её последнее замечание было неуместным и что он волен спать с кем захочет, даже если это противоречит правилам Львов. Она уверяет, что ей не нравятся его татуировки лишь потому, что они подвергают его опасности, и она боится за него. Затем она снимает нижнее бельё, приподнимает подол ночной рубашки и садится на капитана.

Гауарги всё ещё стоят на краю леса, надеясь, что Кириан вернётся и последует за ними прочь от дворца, прочь от этих покоев… прочь от Лиры.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 32

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Рано утром ювелир присылает к нам посыльного.

Золотой гребень готов.

Тем не менее, мы не можем отправиться в путь до вечера, пока Эрис не покинет дворец, чтобы председать на очередном суде над ведьмами. И Лира… Она задерживается дольше, чем я ожидал, прежде чем присоединиться к нам.

Меня пронзает укол боли при мысли о том, что у меня даже нет её настоящего имени, чтобы вызвать её образ в мыслях, но у нас есть гребень, который нужно передать, и Нирида не должна ничего об этом знать; пока нет. Я не лгал, когда сказал, что не открыл ей правду.

Ставки слишком высоки, чтобы рисковать.

—Опаздываешь, — встречает ей Нирида.

Она подходит, закутавшись в накидку, капюшон которой скрывает её лицо. Она держит поводья своей лошади, пока не убедится, что деревья защищают её от любопытных глаз из дворца, и с издевательской лёгкостью вскакивает в седло.

Она натренирована и умеет ездить верхом.

—Моя горничная не сводила с меня глаз, — отвечает она, готовясь к отъезду. — Гребень у вас?

Нирида достаёт его из сумки, и она берёт его, чтобы рассмотреть поближе. Это тонкая работа с красивым рельефом, изображающим изгибы реки и дикие цветы, которые растут по её берегам.

—Отлично. Теперь можешь возвращаться во дворец, — заключает она.

Нирида напрягается, и её лошадь, почувствовав это, начинает беспокойно ерзать.

—Что? Нет. Я собираюсь сопровождать вас до пещеры.

—И речи быть не может, — повторяет она, не оставляя места для обсуждения. — Мы не позволим тебе снова приближаться к Ламии, и меня удивляет, что ты настолько глупа, что хочешь этого.

"Мы". Она сказала: "мы не позволим".

—Я могу пройти путь вместе с вами, — настаивает капитан, бросая на меня взгляд, надеясь на мою поддержку.

—Зачем? — холодно интересуется она. — Ты нам не нужна.

Лире было бы безразлично, если бы Нирида пошла с нами. Возможно, ей даже было бы спокойнее, если бы она была рядом — чтобы у Ламии была более соблазнительная жертва, чем она сама.

О боги…

—Ты останешься здесь, — говорю я, возможно, слишком резко, судя по тому, как обе на меня смотрят. — Лира права, — вынужден добавить я.

—Но… — начинает капитан.

—Ты бы хотела зайти в эту пещеру к Ламии, Нирида? — внезапно спрашивает она.

Нирида открывает рот, застигнутая врасплох.

—Отвечай честно, — побуждает она.

В конце концов Нирида фыркает, снимает сумку, в которой несла гребень, и бросает её ей.

—Я буду ждать вас в первой таверне у въезда в Сир.

—Что тебе делать в Сире? — удивляется она.

Это местечко недалеко от дворца, и я знаю, что в последнее время там неспокойно, но сам не понимаю, к чему это.

—Расскажу потом, — отвечает она, возможно, в отместку за то, что мы не позволяем ей идти с нами.

Она подгоняет свою лошадь и уезжает галопом среди деревьев, оставляя нас одних.

Она смотрит на меня. В её зелёных глазах много вопросов, требующих ответов, и я тут же поворачиваюсь к ней спиной и двигаюсь вперёд, пока она не решит их задать.

Дорога напряжённая и тихая. Когда мы привязываем лошадей к еловому дереву, чтобы продолжить путь пешком по более крутому склону, я замечаю, что уже обогнал её, сам того не осознавая, и она не решается ничего сказать.

Ламия на том же месте, где мы оставили её вчера.

Кажется, прошла целая вечность, а прошло лишь несколько часов.

Она расчёсывает свои длинные волосы пальцами, напевая печальный и зловещий мотив, и наблюдает за нами, пока мы подходим по руслу реки.

—У нас есть твой гребень, Ламия, —медленно говорит она .

Ламия перестаёт расчёсываться и наклоняется к ней, когда она достаёт гребень из сумки. Существо делает ей знак рукой, чтобы она подошла ближе, и после короткого колебания она заходит в воду, погружаясь по бёдра, чтобы приблизиться к скале, на которой её ждут.

Она храбрая. Этого у неё не отнять.

Возможно, она храбрее меня, ведь я осторожно кладу руку на бедро, готовясь к возможной атаке.

Ламия берёт гребень в свои тонкие пальцы и поднимает его, чтобы рассмотреть. На её губах появляется мягкая, едва заметная улыбка, и самозваная принцесса спешит вернуться ко мне, не теряя времени.

—Вы выполнили свою часть сделки, —тихо произносит Ламия . — Взамен вам будет даровано одно желание.

Ламия кладёт гребень к себе на колени. Она не расчёсывается им, просто остаётся на месте и внимательно на нас смотрит.

Моя спутница снимает накидку, открывая обнажённую руку, на которой тут же начинает мерцать магический браслет — символ нашего договора.

—Мы заключили сделку с Тартало и хотим её разорвать, — объясняет она. — Ты можешь это сделать?

—Только тот, кто заключил сделку, может её расторгнуть. Для этого нужно лишь немного магии и правильные слова.

Разочарование накрывает её тяжёлой плитой, она закрывает глаза и шумно вздыхает.

Мгновение чего-то вроде угрызений совести накатывает на меня, когда я понимаю, что всё это не трогает меня так, как должно было бы.

—Значит, ты не можешь разорвать этот договор?

—Нет. Прости меня, — отвечает Ламия, тихо продолжая плакать. — Вы мне помогли, и я желаю помочь вам. Есть ли что-то ещё, о чём вы хотите попросить?

В этот момент она смотрит на меня. Всего на мгновение.

—Ты можешь вернуть умерших к жизни?

—Нет, — отвечает существо, с глазами, полными слёз, которые катятся по её щекам.

Она глубоко вдыхает.

—Есть что-то, что тебе нужно? — снова обращается ко мне.

Я качаю головой, не понимая, откуда в её взгляде этот блеск.

—Нет никого, кого бы ты хотел забыть? — предлагает она.

Грудь сжимается лишь от одной мысли об этом.

—Нет, — отвечаю резко.

Если она говорит о Лире, то забыть боль, которую мне приносила её любовь, означало бы также забыть всё, чему она меня научила. А если речь идёт о ней самой… злость охватывает меня лишь от одной мысли об этом.

—Только одно предупреждение, — говорит нам Ламия. — Вам следует быть осторожными с вашими желаниями. Мы часто не осознаём силу своих стремлений до тех пор, пока они не сбываются.

Честно говоря, мне всё равно, что она попросит. Если я сам не прошу о чём-то великом, если я не прошу о чём-то для Эреи, то именно из-за того, что сказала Ламия. Я не готов менять важное с помощью магии, не понимая всех последствий.

Моя спутница сглатывает, и я готовлюсь услышать её желание.

В последний момент мне приходит в голову, что, возможно, она могла бы пожелать, чтобы я забыл её, забыл её секрет или то, что я к ней чувствую, и меня охватывает паника. Но то, что она произносит, оказывается совсем другим.

—Тогда мы желаем, чтобы ты обрела свой настоящий гребень.

Ламия наклоняет голову и перестаёт плакать.

Я замечаю, что на её коленях вдруг оказывается два гребня.

Новый меньше нашего, его золото темнее, а зубья выглядят старше, и всё же он прекраснее. Я не могу сказать почему.

Ламия берёт его в руки с тёплой, потрясённой улыбкой, прежде чем встать, бросить фальшивый гребень в воду и подойти к нам… нет, к ней.

Существо смотрит ей прямо в глаза, и меня охватывает беспокойство, пока я не замечаю, что в её взгляде светится лишь благодарность.

Ламия осторожно кладёт руку на её щёку и встаёт на цыпочки, чтобы поцеловать её в лоб.

—Спасибо, дочь Мари.

Её глаза широко раскрываются от этих слов, но она не отвечает. Мы оба наблюдаем, как Ламия разворачивается и молча уходит обратно в пещеру.

Теперь от её присутствия остаётся лишь та призрачная атмосфера, что она оставляет после себя.

—Пойдём, —вдруг говорит она .

—Почему она так тебя назвала? — хочу я узнать.

Она идёт быстро, стараясь как можно скорее уйти отсюда. Низ её мокрой юбки прилипает к ногам, пока она пытается пробираться между камнями и папоротниками.

—Я не знаю, — отвечает она, не оборачиваясь.

—Это та сущность, которой ты являешься? Ты дочь Мари? Как Эгузки и Иларги? Как ведьмы?

Она останавливается на бегу и становится передо мной, сжимая юбку как может, и бросает на меня взгляд, который сильно отличается от тех, что бывали у Лиры.

—Я не какая-то сущность, — бормочет она обиженно. — Я человек, как и ты.

—Мари дала тебе эти способности?

—Конечно, нет, — отвечает она, как будто мои вопросы абсурдны и возмутительно невежливы. — Я уже сказала, что не знаю, почему меня так называют.

Я поднимаю брови.

—Кто ещё так тебя называет?

Ей требуется несколько секунд, чтобы осознать, что она сказала.

Она ругается — тоже не в духе Лиры.

—Тартало назвал меня так, когда я заключала договор, — наконец признаётся она. — Некоторые легенды утверждают, что ведьмы — дочери Мари. Возможно, они чувствуют магию во мне и думают, что я одна из них.

—Но ты ведь не одна из них.

Ветер звучит, как шёпот среди ветвей деревьев.

—Нет, — качает она головой. Не похоже, что она лжёт. — Я не ведьма.

—А кто ты?

Глубокий вздох, и она снова идёт между густыми деревьями, ловко обходя шиповник, который тут и там пробивается сквозь листву, и перепрыгивая через самые большие корни.

—Вчера ты разговаривала со мной намного осторожнее. Кажется, ты быстро забываешь свои обиды, — замечаю я.

Она замирает, всё ещё не поворачиваясь, и кладёт руку на шершавую кору дерева.

—Вопрос не в том, кто я, а в том, во что я могу превращаться. — Я вижу, как она смотрит на свои пальцы на мгновение. — Я могу менять форму по своему желанию.

—Могу предположить, что есть и другие, как ты, и что именно поэтому ты здесь, подменяя будущую невесту наследника.

Она бросает на меня осторожный взгляд через плечо и снова направляется вниз по склону к нашим лошадям.

—Я не могу рассказать тебе больше, ради твоего же блага.

—Какая ещё ложь может мне навредить?

—Я серьёзно, — резко отвечает она. — Ты не должен этого знать. Поверь мне. Так будет лучше.

Я проглатываю ответ, который хочется ей дать, и вместо этого решаю слегка подтолкнуть её к продолжению.

—Ты можешь стать кем угодно?

Она бросает на меня быстрый взгляд, и, не останавливаясь, я замечаю, как что-то меняется в ней. Её кожа темнеет, волосы становятся темнее, руки, придерживающие подол платья, неожиданно грубеют, и когда она наконец поворачивается ко мне, на её лице появляется высокомерная усмешка, которую я хорошо знаю, — моя собственная.

—С практикой, тренировкой и энергией — да. Кем угодно, — отвечает она моим голосом.

—Хватит, — говорю я, не в силах сдержать дрожь. — Прекрати это.

—Почему? Тебе же было интересно, разве нет?

Она разворачивается вокруг себя.

Её тело меньше моего. Формы те же, но структура более миниатюрная. Рост тоже не изменился. Возможно, она не может этого сделать. Вот почему я чувствовал, что она чуть выше…

—Это отвратительно, — говорю я. — Остановись, пожалуйста.

Она хмурится. Хмурится настолько, что её взгляд становится тёмным. И я не понимаю, что она хочет сделать, пока не осознаю — это моё собственное выражение лица.

Мне хочется её убить.

—У меня есть кое-что ещё, — говорит она насмешливо и вдруг кривится в ухмылке, немного жестокой и вызывающей. — В следующий раз, когда я поцелую тебя…

Я не даю ей договорить. Шагнув вперёд, я хватаю её за подбородок.

—Какая же ты дерзкая и бесстыжая тварь.

Она меняется у меня на глазах. Очертания шеи, подбородок, скулы, нос — и взгляд, в котором я вдруг вижу нечто ужасно опасное для меня.

Я отпускаю её и отступаю, и, кажется, только тогда она наконец делает вдох.

—Как ты сам видел, я могу копировать любую форму, но не могу изменить свою фигуру. Поэтому плечи были уже, а волосы длиннее. Я также не могу повторить шрамы.

—У тебя есть все шрамы, которые когда-то были у неё, — замечаю я.

Она задерживается на пару секунд, подбирая слова.

—Потому что я тоже получила эти раны.

Судя по её тону, я решаю, что сегодня не стоит углубляться в этот разговор. Вероятно, она и сама не готова сказать мне больше.

—Покажи мне, как ты выглядишь на самом деле, — прошу я, когда мы подходим к лошадям.

—Нет, — отвечает она без колебаний.

—Почему?

Она взбирается в седло и слегка подтягивает мокрую юбку, которая, должно быть, её охлаждает.

—Ты думаешь это игра?

—Ещё пять секунд назад трудно было бы в это поверить.

Она фыркает, убирая с лица непослушную прядь, и подгоняет лошадь, отправляясь по пути в Сир. Я спешу вскочить на своего коня и обгоняю её, чтобы возглавить процесс, ведь вряд ли она знает дорогу.

—Я не видела себя уже десять лет, — признаётся она, глядя прямо перед собой.

—Что ты имеешь в виду?

Её взгляд теряется где-то среди деревьев, в низких ветвях, которые слегка качает ветер.

—Ровно то, что сказала. Я не видела свою настоящую форму уже целое десятилетие.

Значит, это правда, что всё это время она была Лирой. У меня возникает множество вопросов, но её откровенность останавливает меня от дальнейших расспросов.

По крайней мере, на сегодня.

Мы прибываем в Сир после очередного молчаливого путешествия, которое ни один из нас не решается прервать вопросами.

Когда мы подходим к первой таверне у входа в деревню, готовой принять путешественников, я замечаю странную атмосферу. Лишь пара мужчин сидят за стойкой, пьют в одиночестве. Бармен рассеянно протирает стеклянные кружки, а ещё один парень подметает углы, которые и так выглядят чистыми.

В глубине зала, у окна, нас ждёт Нирида.

—Вы справились? — спрашивает она, как только мы подходим.

—Ламия не может разорвать договор, — отвечаю я, усаживаясь напротив Нириды.

Нирида тяжело вздыхает и запрокидывает голову.

—Мы найдём другой способ, — говорит она, поняв, что ни один из нас не собирается ничего добавлять.

Она смотрит на нас поочередно. Прежде чем она сможет понять, что мы что-то скрываем, моя спутница по проклятию кивает.

—Да, что-нибудь придумаем.

Я ни на секунду ей не верю, но звучит она убедительно.

Ламия была моей последней картой, когда она считала, что уже проиграла всё. Не думаю, что теперь у неё хватит сил продолжать бороться, когда всё выглядит ещё мрачнее.

Но сейчас не время беспокоиться об этом.

—Почему мы здесь собрались?

Нирида встаёт, оставляет несколько монет за недопитое пиво и кивает нам, чтобы мы последовали за ней из таверны.

Она не берёт свою лошадь, и мы тоже оставляем своих.

—Эрис вчера хвастался, что стал рукой Божьей справедливости, и я решила проверить, насколько правдивы его похвальбы.

Мы идём по улице, которая также кажется необычно пустой: закрытые рыночные лавки, запертые магазины, пустующая площадь…

У меня появляется плохое предчувствие.

—Эрис убивает невинных, —тихо говорю я .

—Всё хуже, чем мы думали, — отвечает Нирида и смотрит прямо на ту, кого считает Лирой. — Массовые суды, казни, заключения… Они ничего не сделали, Лира. Я боялась, что кто-то из них действительно переступил черту, что они сделали шаг вперёд, когда не должны были… но это не так. Пара праздников, несколько ритуалов — и Эрис с его генералами окончательно потеряли рассудок.

—Я знаю, — признаётся она, к нашему с Ниридой удивлению. — На банкете он похвалялся, что приказал убить двадцать семь человек из одного и того же поселения.

—Это ещё не всё, — говорит Нирида, обнимая её за плечи, когда мы поворачиваем в переулок.

—Что может быть хуже? — спрашивает она.

Нирида останавливается в конце улицы, не давая ей пройти дальше.

—Я хочу, чтобы ты знала: я привела тебя сюда, не для того чтобы причинить боль, — говорит она.

Я смотрю через её плечи. Могу различить только часть площади.

—Нирида… — предупреждаю я, чувствуя напряжение и начиная догадываться, почему она привела сюда именно её и не рассказала мне обо всём этом наедине.

—Она должна это увидеть, Кириан. —Капитан кусает губы и снова смотрит на ту, кого считает своей принцессой. — Раньше я действительно думала, что ты можешь закрыть на такое глаза, и не стала бы приводить тебя сюда; но сейчас всё иначе. Сейчас я знаю, что ты обязана это увидеть.

Она с трудом вдыхает, пытаясь заглянуть через плечо, нетерпеливая и… испуганная. Страх светится в её зелёных глазах.

—Ты не обязана это делать, — говорю я, кладя руку на её поясницу, чтобы привлечь её внимание. — Нирида расскажет тебе, что здесь происходит, и тебе не обязательно всё видеть самой, верно? — мягко подталкиваю я капитана.

Нирида нехотя кивает и снова смотрит на неё, положив руки ей на плечи.

—Я расскажу, если ты чувствуешь, что не сможешь это выдержать.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но слова ей не даются.

Наконец, она кивает, и я тихо чертыхаюсь.

Когда Нирида отступает в сторону, позволяя ей пересечь улицу, я бросаю на капитана укоризненный взгляд.

—Мне не нравится, когда играют нечестно, — предупреждаю я.

—Я ещё даже не начинала играть нечестно, — парирует она. — И в данной ситуации это необходимо.

Хотя я догадываюсь, какие ужасы нас ждут на площади Сир, я всё равно оказываюсь не готов к этому зрелищу.

Лишь в немногих войнах, которые я вёл, мне доводилось видеть нечто столь жестокое.

Вся площадь окружена ужасающими жертвами: погребальные костры с обгоревшими телами, пики с насаженными на них мертвецами и доски, к которым буквально прибиты тела.

Её ноги подкашиваются, и, пока я слишком ошеломлён сценой, чтобы удержать её, Нирида успевает подхватить её, не дав ей рухнуть на землю.

—Осторожно, — бормочет она.

По крайней мере, в её голосе слышатся нотки сожаления.

Я быстро обхватываю её за талию, беру за руку и притягиваю к себе, разворачивая лицом к своей груди.

—Думаю, достаточно.

Хотя она с силой сжимает мою руку, она не принимает мою ложную защиту и едва заметным толчком высвобождается из объятий. Полагаю, у неё просто не хватает сил сделать это более решительно.

—Зачем? — спрашивает она.

Её взгляд снова устремляется к кострам и телам.

Некоторые из досок, к которым прибиты тела, имеют священную форму двуглавой змеи.

Площадь пуста, все окна закрыты, занавески опущены. Этот спектакль продлится ещё несколько дней, пока солдаты не разрешат людям снять своих мёртвых и оплакать их.

—Предполагаемое восстание мятежников, — говорит Нирида. — Это неправда, Лира. Их единственное преступление — протест против сожжения ведьм. Люди злятся, а Эрис потерял контроль.

Она пытается смотреть на капитана, но её взгляд всё равно блуждает по жутким зрелищам на площади.

—Что могу сделать я? — спрашивает она.

Нирида бросает на меня быстрый взгляд.

—Ты будешь будущей королевой, — говорит Нирида. — И, возможно, пришло время…

—Нет, — резко прерываю её.

Нирида выдерживает мой взгляд, словно размышляя, сколько успеет сказать, прежде чем я смогу её остановить.

—Сейчас не время, — предупреждаю я.

В воздухе витает угроза.

—Что она имеет в виду? — спрашивает она.

Её взгляд всё ещё не находит моего.

—Ты уже достаточно увидела. Нирида привела тебя сюда в надежде, что ты вмешаешься, но она забывает, что в данный момент ты ничто для наследника, — объясняю я.

Девушка, которая станет королевой, кажется достаточно потрясённой, чтобы не оспаривать мои слова и оставить это так. Я вздыхаю с облегчением, но чувство тяжести в груди остаётся, пока я кладу ей руку на спину и веду обратно в переулок.

—Думаю, нам пора уходить.

—Да, не стоит, чтобы нас видели здесь, — соглашается капитан.

Мы проделываем большую часть пути обратно в молчании, моя рука остаётся на её спине, и она не показывает, что ей это не по душе. Более того, кажется, что она почти прислоняется к моей руке, как будто ищет моего прикосновения.

Возможно, я себе это просто воображаю.

Когда мы подходим к таверне, она останавливается.

—Нирида, я понимаю, зачем ты привела меня сюда, — внезапно произносит она. Что-то загорается в глазах капитана, но она сдерживается и молчит. — И я ничего не могу сделать. У меня нет реальной власти.

—Насколько я помню, ты подписывала приказы на казнь в прошлом как будущая королева-консорт, — отмечает Нирида с тактичностью, насколько это возможно при таких словах.

Она глубоко вдыхает.

Нет. Это сделала не она. Это сделала Лира.

—Да, так и было, — признаёт она, оставаясь в роли. — Но это было символически, в столице, под руководством и надзором Моргана. Если ты предлагаешь мне сделать то же, чтобы помешать казням, мои приказы лишь временно их задержат, вызвав замешательство и заставив перепроверить моё право на это, но при этом сильно разозлят Эриса.

В глазах Ниридыы мелькает хитрый огонёк.

—И ты бы была готова сделать это? Даже если это выиграет нам только немного времени и навлечёт на тебя гнев Эриса?

—Да, — отвечает она без раздумий. Затем, словно борясь с собой, качает головой. — То есть, если бы это принесло пользу, я бы сделала это, но… это не поможет.

Её второй ответ более соответствует её сущности, но это уже не важно. Нирида увидела колебание, поняла, что её первый порыв был спасти людей, пусть даже это бесполезно, непрактично и почти наивно.

—Мы не просим тебя что-то делать, — заверяю её. — Нирида и я убили гораздо больше людей, чем на этой площади, по приказу королей, верно?

С предостерегающим взглядом Нирида кивает.

—Я просто хотела, чтобы ты знала. Возможно, однажды у тебя появится сила что-то изменить.

Она оглядывается через плечо. Отсюда площади не видно, не видно даже зданий, которые её окружают; но в её взгляде что-то темнеет, словно она продолжает видеть эти ужасы снова и снова.

Она пускает свою лошадь галопом и обгоняет нас по дороге обратно во дворец, и в этот момент Нирида слегка натягивает поводья своей лошади и кивает мне.

—Мы должны сказать ей. Сейчас, — бормочет она настолько тихо, чтобы она не услышала.

—Нет, — отвечаю твёрдо. — Она не готова.

Нирида смотрит на меня с упрёком.

—Я вижу её более готовой, чем когда-либо.

Меня пронзает чувство вины за то, что скрываю от неё всю правду. Но я должен подойти к этому осторожно, если не хочу, чтобы всё разлетелось на куски.

—Скоро, — твёрдо произношу я.

Мы продолжаем путь в молчании, погружённые каждый в свои мысли.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 33

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Кириан снова поддерживает меня за спину, когда я спешиваюсь и едва не спотыкаюсь.

Чёрт.

То, что они сделали на площади, потрясло меня сильнее, чем я готова признать. Я тут же выпрямляюсь и разглаживаю юбку платья, которое до сих пор не начало сохнуть.

Между нами повисает вопрос: а что теперь?

Мы уже отвергли все наши планы по разрыву договора с Тартало, и у нас больше ничего не осталось.

Тем не менее, кажется, что оба мы слишком устали, чтобы думать об этом сейчас всерьёз.

Я прощаюсь с двумя капитанами всё ещё шокированная, с чувством бессилия, гнездящимся в желудке, и угрызениями совести, грызущими меня по пятам, и без конца повторяю себе, что это не моё дело.

Когда я подхожу к коридору, ведущему к моим покоям, позади слышатся шаги.

—Принцесса, — приветствует меня Алия с лукавой улыбкой.

—Уходи, — рычу я, не в силах справиться с ней сейчас.

—Но у меня для вас сообщение, — мурлычет она. — И мне кажется, вам понадобится моя помощь, чтобы подготовиться.

Я останавливаюсь перед закрытой дверью своих покоев и раскрываю записку, которую она мне протягивает. Она подписана Эрисом.

У меня перехватывает дыхание, оно становится холодным, как лёд.

—Что это? — удаётся мне вымолвить.

—Это ответ на ваш вопрос, — отвечает она с явным удовольствием. — Он написал, что ждёт вас в королевских покоях прямо сейчас. Может быть, вам стоит поменять юбку, — добавляет она, с лёгкой насмешкой поднимая бровь.

Гнев захлёстывает меня. Я распахиваю дверь, хватаю Алию за руку и затаскиваю её внутрь, пока мы не остаёмся одни. Я прижимаю её к стене.

—Что ты сделала? — шиплю я.

—То, что должна была сделать ты, — отвечает она, не скрывая упрёка. — Моргана хочет, чтобы её сын женился и остепенился, а Эрис особенно заинтересован в Лире. Орден это знает и задаётся вопросом, что ты делаешь всё это время. С небольшим толчком в нужном направлении вы будете счастливо обручены уже через несколько недель.

Я отстраняюсь от неё.

—Они слишком наивны, если в Ордене думают, что я могу заставить Эриса жениться так скоро.

В её глазах мелькает холодный блеск, совсем не свойственный Дане.

—У принца уже есть сомнения. Всё, что тебе нужно, это появиться в его покоях и направить эти сомнения в нужное русло. Думаю, ты понимаешь, о чём я.

Она улыбается, и у меня переворачивается в желудке, но я напоминаю себе, кто она и кем, как предполагается, являюсь я.

Возможно, её прислали следить за мной и напомнили, что моя основная цель — выйти замуж за наследника; но, конечно, не просили её проявлять инициативу.

—Ты вмешиваешься туда, куда тебе не положено, Алия, — произношу я медленно. — Будь осторожна, потому что я уже устала от твоих попыток вмешаться в мою миссию.

—Меня послали, чтобы убедиться, что ты не свернёшь с пути, — отвечает она, ничуть не испугавшись. — И сейчас ты сходишь с него. Ты знаешь, что должно быть следующим шагом.

—Я не собираюсь спать с Эрисом.

—О, конечно, ты это сделаешь, но прежде тебе следует избавиться от одной помехи. — Она делает паузу, не сводя с меня взгляда. — Убей своего капитана.

По спине пробегает ледяной холод.

—Каждое решение, которое я принимала, будучи Лирой, было тщательно обдумано, — отвечаю я без колебаний. — Я не собираюсь убивать Кириана, и ты больше не вмешаешься в мою работу, иначе я позабочусь, чтобы тебя казнили за измену.

Алия ухмыляется с самодовольством.

—Как бы то ни было, думаю, сейчас тебе стоит встретиться с наследником. Он, должно быть, с нетерпением ждёт, что ты собираешься ему сообщить.

Я сдерживаю проклятие, чтобы не показать ей, насколько меня злит вся эта ситуация, и хватаю её за руку, чтобы проводить к выходу.

—Ты предупреждена, — говорю я.

—Ах, благодарю за предупреждение. В ответ скажу, что и тебе следует быть осторожнее с… этим.

Она указывает на что-то на моём лице.

—Хватит игр, Алия.

Она весело смеётся и освобождается от моего захвата, оставляя меня в замешательстве.

—Ну надо же, как интересно. — Она улыбается. — Ты ведь делаешь это не нарочно, правда?

Меня охватывает дурное предчувствие. Возможно, именно поэтому я позволяю ей взять меня за запястье и подвести к зеркалу на туалетном столике.

—Видишь? — спрашивает она.

Зная Алию, это вполне может быть уловкой, но в её поведении есть что-то, что заставляет меня засомневаться.

—О чём ты?

Она поднимает брови и качает головой. Затем, медленно, превращается в Лиру. Подходит к зеркалу и затем берёт моё лицо в свои руки, приподнимая его так, чтобы наши отражения были на одном уровне.

—Теперь видишь?

Сердце начинает колотиться, когда я понимаю, что она имеет в виду.

Глаза.

Глаза совершенно другие. И это не её глаза оказались неправильными.

Чёрт! Я быстро сосредотачиваюсь и возвращаю им прежнюю форму.

Алия выпускает презрительный смешок и направляется к двери.

—Будь осторожна с этим, пташка. И веди себя хорошо с принцем, — мурлычет она. — Я узнаю, если ты поступишь иначе.

Дверь закрывается за ней, и я слышу, как её шаги удаляются по коридору. Записка, которую она принесла, валяется на полу — я, видимо, уронила её.

Хочу я того или нет, но должна предстать перед Эрисом и быстро придумать, что же, чёрт возьми, ему сказать.

Эрис открывает дверь почти сразу после того, как я стучу.

Я не понимаю, что именно мне кажется странным в нём, пока не осознаю — в его руке нет бокала, как это было в прошлые разы. Видеть его без алкоголя — что-то новое, и пока я не знаю, сыграет ли это мне на руку.

—Принцесса, — приветствует он меня с попыткой приветливой улыбки. — Чем я могу помочь своей прекрасной невесте?

Я тоже улыбаюсь.

У меня не было много времени на раздумья, но я всегда была хороша в импровизации. Без сомнения, Алия надеялась, что наш разговор пойдёт в другом направлении, и мне, наверное, было бы несложно удовлетворить её пожелания, зная, как охотно Эрис готов исследовать те границы. Но у меня другие планы.

—Я обеспокоена.

Эрис наклоняет голову, и его корона со львами остаётся неподвижной. Похоже, его тщеславие весит намного больше всего этого золота, если он никогда не снимает её.

—И что может беспокоить тебя, принцесса?

Он жестом предлагает мне следовать за ним, и мы проходим в гостиную. Двухстворчатые двери, ведущие в спальню, распахнуты настежь, и один взгляд внутрь вызывает у меня холодок по спине. Я напоминаю себе, что нужно быть быстрой и убедительной, если я не хочу испытать свою удачу. Последнее, чего мне хочется, — чтобы он решил, будто я пришла к нему в спальню.

—Народ Эреи встревожен, — объясняю я и сажусь на диван, который он мне указывает. — Невинные страдают за грехи язычников, — осторожно добавляю я.

Эрис направляется к небольшому деревянному шкафчику и вздыхает, доставая тёмный ликёр и разливая его в два бокала. Он садится рядом и протягивает один из них, даже не спрашивая.

—Война такова. Не ожидаю, что такая, как ты, это поймёт, но те из нас, кто обучен её искусству, знают, что иногда народ должен приносить жертвы. Через несколько лет они забудут обо всём этом и будут любить нас как короля и королеву, которые их освободили.

Я стискиваю зубы и выдавливаю улыбку. Мне хотелось бы сказать ему, что я знаю о военной стратегии больше, чем он способен усвоить за всю свою жизнь, но я этого не делаю.

—Прошу прощения. Ты прав, — вынуждаю себя сказать. — Кто лучше тебя может принимать трудные решения.

Эрис удовлетворённо улыбается и делает глоток из бокала.

—Повезло, что тебе не приходится их принимать, не правда ли?

Я киваю. Оставляю свой бокал нетронутым на столе и кладу руки на колени, прежде чем снова повернуться к нему.

—Спасибо за объяснение и за то, что принял меня. Это всё, что я хотела сказать. Увидимся завтра на...

Эрис хватает меня за запястье.

Чёрт.

—Это всё?

Я улыбаюсь.

—Да. Надеюсь, что моя записка не встревожила тебя. Полагаю, иногда я могу быть немного драматичной.

—Ты не встревожила меня, — отвечает он, но не отпускает. Его большой палец нежно скользит по моей руке. — Скорее, заинтриговала.

Я сжимаю губы.

—Прости, если тема оказалась не такой интересной, как ты рассчитывал.

—Она могла бы стать интересной, если бы ты захотела. Ты уже думала над моим предложением?

Я изо всех сил стараюсь сохранить спокойное выражение лица.

—Прости, если моё присутствие здесь тебя сбило с толку или если моя записка дала понять что-то неподобающее, но моё мнение не изменилось с нашего последнего разговора.

Я мягко высвобождаю руку из его хватки и поднимаюсь, но Эрис резко тянет меня обратно на диван, так что у меня по коже пробегает холодок.

—Ты думаешь, я дурак? — проводит он рукой по своей голове, приглаживая несколько выбившихся прядей.

—Если я сделала что-то, что...

—Ты прекрасно знаешь, что делаешь, Лира, — сквозь зубы произносит он с раздражением. — Может, ты решила не хотеть ничего от меня прямо сейчас, но ты написала эту записку с совершенно иными намерениями.

Клянусь всеми Воронами, я медленно убью Алию.

—Возможно, я случайно дала понять, что...

—Не смей меня оскорблять, — рявкает он, опасно приближаясь ко мне. Он хватает меня за шею, и его пальцы поднимаются вверх, пока большой палец не касается моего нижнего губы. — Я тебе страшен, да?

Я не могу ответить.

Эрис оглядывает меня с явным пренебрежением, как будто смотрит на свою собственность. Он поднимает моё лицо ближе к своему.

—Думаю, ты тоже хочешь этого. Умираешь от желания попробовать, — шепчет он, касаясь моих губ. — Но тебя пугают слухи. Скажи мне, что ты любишь когда делает твой капитан, и я постараюсь удовлетворить тебя, моя принцесса.

—Прямо сейчас ты смог бы удовлетворить меня, если бы отпустил, — огрызаюсь я, разъярённая.

Эрис сверкает глазами, и вместо того чтобы ослабить хватку, опускает руку к горлу и сжимает всё крепче, пока во мне нарастает тревога.

—Ты не будешь так со мной разговаривать.

Я пытаюсь убедить себя, что он не сможет причинить мне настоящего вреда, если не захочет политического конфликта. Но его пальцы безжалостно впиваются мне в шею, и воздух покидает мои лёгкие с угрожающей быстротой.

—Эрис... — шепчу я, без сил. — Ты делаешь мне больно.

Принц делает последнее болезненное сжатие, прежде чем отпустить меня. Однако он не отступает. Я вижу, как он что-то обдумывает, пока его взгляд не становится мутным, и в моей душе поднимается тревога.

Я не успеваю понять, что он задумал, потому что в дверь стучат дважды. Эрис встаёт, чтобы встретить солдата, который выглядит смертельно напуганным, будучи тем, кто принес эту новость.

Я настолько взволнована, что не могу разобрать, о чём они говорят. Лишь когда Эрис оставляет дверь открытой и возвращается в гостиную, направляясь к своей спальне в раздражении, а затем появляется оттуда с оружием, я начинаю догадываться о происходящем.

—Ты и я, принцесса, закончим это, когда я вернусь.

Я сглатываю, пытаясь подавить нервозность.

—Куда ты идёшь?

—Новый мятеж, на этот раз более серьёзный. Они убили нескольких солдат и укрепились в театре.

Лучше так, думаю я. Чем дольше он будет вдали от меня, тем лучше.

Я не жду ни секунды после его ухода и тут же поднимаюсь на ноги и покидаю его покои как можно быстрее.

Какая-то тёмная, мстительная часть меня хочет разыскать Алию и исполнить свои угрозы за ту ситуацию, в которую она меня поставила, но прежде чем я успеваю осознать, куда направляюсь, я оказываюсь перед дверью совсем других покоев.

У меня пересыхает в горле, когда я понимаю, куда меня привели ноги, и я качаю головой, собираясь уйти прочь.

Я не могу обратиться к Кириану.

Но что-то в груди болезненно сжимается, и я не могу заставить себя вернуться в свою комнату одна. Тогда я решаю поискать Нириду.

Я знаю, что она не моя подруга. Знаю, что не должна обращаться к ней, и всё же стучусь в её дверь.

Всё это — слишком много: площадь, тела, моя миссия, рушащаяся на глазах, нерушимый договор с Тартало… Впервые за долгое время я осознаю, что не хочу оставаться одна.

Но Нирида не отвечает.

Я обнаруживаю её покои запертыми и вскоре узнаю от слуги, что оба капитана покинули дворец некоторое время назад.

—На помощь наследнику? — уточняю я.

—Нет. Они ушли без своих солдат.

Я понятия не имею, куда они могли направиться, но мне не должно быть до этого дела. Пытаясь избавиться от странного чувства, осевшего на коже, я принимаю долгую ванну и ложусь в постель без ужина; желудок настолько сжат, что я не могу даже думать о еде.

Возможно, именно это заставляет меня проснуться посреди ночи — среди тревожных кошмаров, скрытых секретов и тех глаз, что я не видела десять лет и которые теперь смотрят на меня из зеркала.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 34

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Я вижу их прибытие с одного из балконов верхних этажей.

Грохот копыт по лесу настолько мощный, что они не могут остаться незамеченными, даже если замедляют шаг, приближаясь и спешиваясь, чтобы не привлечь внимания.

Первая утренняя заря ещё не касается небес, которые остаются тёмными, как пасть волка, и они — лишь две тёмные тени, сливающиеся с темнотой, когда навстречу им выходят ещё несколько человек: их солдаты.

Я говорю себе, что это любопытство заставляет меня прокрасться в его покои и ждать, но коварная, более разумная часть меня настойчиво спрашивает, вся ли это правда.

Этой ночью мне всё равно.

Я успеваю оглядеться. В камине горит огонь; возможно, один из слуг оставил его так, чтобы капитан мог согреться, когда вернётся. Кровать заправлена, и спальня совершенно прибрана, ничего не выбивается из своего места.

Как только я слышу, как открывается дверь, подхожу к его столу и прислоняюсь к нему бедром, чтобы он не попытался убить меня по ошибке.

Его удивление отражается в глазах лишь на мгновение. На смену ему приходит маска, трудно поддающаяся описанию, — на этом красивом, но измазанном чем-то тёмным лице, что может быть грязью… или землёй.

—Доброй ночи, — приветствую его.

Кириан одаривает меня осторожным взглядом, закрывая дверь и сбрасывая накидку. Я сразу замечаю его сапоги, покрытые грязью, грязный жилет и те пятна на лице, которые переходят на ворот рубашки. Я понимаю, что это не грязь.

—Где вы были?

—Не сегодня, — отвечает он угрюмо.

—Не сегодня?

—Сегодня мне не до игр, — говорит он, направляясь к ванной, не глядя на меня. — Ни до запутанных сделок, ни до лжи, ни до тайн. Не сегодня, — повторяет он.

Почти непроизвольно следую за ним и задерживаю дыхание, когда он сбрасывает жилет, кидает его на пол и начинает расстёгивать рубашку. Повернувшись ко мне, он не снимает её, оставляя пуговицы расстёгнутыми и открывая обнажённую грудь, татуировки и шрамы.

—Я не хочу сделок, лжи и тайн, — говорю я. — Что с тобой произошло?

—Восстание, — наконец отвечает он. — Мы отправились, чтобы помочь Эрису.

У меня сжимается живот.

—Мы же договорились: никакой лжи, — тихо говорю я.

Кириан останавливает пальцы на пуговице у запястья. На мгновение он замирает, оценивая ситуацию, оценивая меня.

—Да, мы отправились к месту восстания, — наконец говорит он. — Но мы не помогали Эрису.

Мне становится трудно дышать.

Кириан пристально наблюдает за мной после того, как выдал столь прямую и разрушительную информацию, которая должна перевернуть всё с ног на голову. Я знаю, что он оценивает моё выражение лица, очень тщательно изучает мою реакцию.

И первое, что я делаю, всё, что я могу сделать, — это отвернуться.

Это слишком.

Это превосходит меня во всех смыслах, которые я пока не могу понять.

Не знаю, что делать с его признанием, поэтому поворачиваюсь и иду к двери его покоев, готовая уйти, вернуться в свою постель и притвориться, что ничего не слышала, что не ношу на левой руке клеймо обречённости и что северный капитан не раскрыл, что я не настоящая Лира.

Тем не менее моя рука замирает на дверной ручке. Интуиция сковывает пальцы, внутри что-то словно гудит, навязчиво, тяжело, не утихая. Я даже не успеваю коснуться двери.

Я разворачиваюсь, возвращаюсь к Кириану и останавливаюсь напротив него. Во мне поднимается что-то, что очень похоже на смелость, что-то, что призывает остаться, продолжить и добраться до истины… даже если она окажется сложной или болезненной.

Он продолжает смотреть на меня, наполовину обнажённый, покрытый кровью и не двигая ни единого мускула. Кажется, он так же удивлён, что я не ухожу.

—Почему ты не убил меня, Кириан?

В этой тишине единственное движение, которое нарушает спокойствие, — это глубокий вдох.

—Сначала я умоюсь, — заявляет он и поворачивается к умывальнику, чтобы наполнить его водой и смочить тряпку.

Я поднимаю подбородок, готовая спорить, если это заявление не будет сопровождаться обещанием ответа.

—А потом ты ответишь?

Он мог бы отказаться; мог бы потребовать от меня ответов в обмен. Однако, пока он проводит влажной тряпкой по груди, отвечает:

—Да.

Я глубоко вздыхаю. Мне этого достаточно.

Я смотрю на него несколько секунд, пока он протирает тканью грудные мышцы, затем проводит по жёстким линиям пресса. Это почти гипнотизирует.

Двигаясь по какому-то внутреннему порыву, я вырываю тряпку из его рук, и он слегка отстраняется, насторожённый, когда я поднимаю её к его лицу. Я подношу её медленно, давая ему понять свои намерения, и он больше не двигается, когда я начинаю аккуратно мыть его.

Кириан наблюдает за мной вблизи, напрягается от каждого моего движения, а я осторожно держу его за подбородок, продолжая проводить влажной тканью по его коже.

От его тела исходит тепло, не сочетающееся с зимой за окном. Тишину нарушает только его дыхание и моё, пока мои пальцы убирают кровь с его челюсти и шеи.

Он ничего не говорит, и я тоже молчу.

Он не спрашивает, почему я ему помогаю, и, думаю, я не смогла бы дать честный ответ, даже если бы захотела, потому что сама не до конца понимаю это.

Мои руки сами тянутся к нему, каждая клетка во мне жаждет этого момента. В этом жесте есть какая-то близость, и, кажется, он тоже понимает это.

Я думаю о его словах, о его признаниях; о тёмных желаниях, из-за которых он ненавидит и себя, и меня. Я думаю обо всех причинах, по которым мы должны держаться подальше друг от друга, и сегодня решаю, что они не имеют значения; по крайней мере, не сейчас, пока я позволяю нам этот момент.

Когда я заканчиваю, я передаю ему влажную тряпку, и его пальцы, принимая её, задерживаются на моих на мгновение.

—Тебе бы принять ванну, — тихо предлагаю я.

Мне приходится заставить себя отвести взгляд, и я ухожу в гостиную, чтобы дать ему немного уединения.

Скидываю тяжёлую накидку, прикрывавшую мои плечи и скрывавшую знак Тартало, и аккуратно кладу её на спинку стула у стола. На мне тонкая, изящная сорочка, и жар от пылающего в камине огня согревает комнату достаточно, чтобы мне стало комфортнее без накидки.

Через некоторое время я слышу, как открывается кран, и понимаю, что он последовал моему совету.

Когда я вижу его в дверях, тут же поднимаюсь на ноги.

Его тёмные волосы слегка влажные и зачёсаны назад. Следов крови, покрывавшей его тело, больше нет — остались лишь несколько неглубоких порезов и мелкие царапины, а на лице, кроме маленького пореза на губе, ничего не заметно.

Он выходит из ванной в брюках, которые едва держатся на его бёдрах, и в расстёгнутой чёрной рубашке, что придаёт ему вид, пожалуй, даже более вызывающий, чем если бы он был вовсе без неё.

Мой взгляд непроизвольно ищет новые раны, ушибы, хотя я сама не понимаю, зачем, но, кажется, он относительно невредим.

Столько вопросов роится у меня в голове, что я не знаю, с чего начать, и позволяю ему подойти и смотреть на меня серьёзным взглядом, не говоря ни слова.

Когда между нами остаётся лишь один шаг, я задаюсь вопросом, что кроется за этим взглядом, обжигающим, полным чего-то неуловимого — может, ответ на мои вопросы или реакция на мои поступки. В этот момент он поднимает руку, и его пальцы нежно касаются моей челюсти.

—Это сделал он? — спрашивает Кириан хриплым голосом.

Я не отвечаю сразу, потому что не понимаю, о чём он говорит. Я просто смотрю в его потемневшие глаза, на приоткрытые губы, на эту почти свирепую решимость на его лице.

Я сглатываю и отстраняюсь от него на секунду, чтобы заглянуть в ванную, откуда всё ещё доносится приятный пар. В зеркале, запотевшем от влажного воздуха, я замечаю на шее красные следы, которые начинают проступать, очерчивая форму пальцев Эрис.

Кириан пришёл сюда весь в крови, и при этом волнуется о следах, которые исчезнут уже завтра.

Я тру их, пытаясь избавиться от воспоминания о страхе и тошноте, но он неожиданно останавливает меня.

Он убирает мою руку и поднимает мой подбородок, оглядывая рану со взглядом, полным ярости.

—Я отрежу ему пальцы один за другим, а потом оторву ему голову.

Контраст между жестокостью его слов и нежностью рук ошеломляет. Что-то тёплое разливается в моей груди, но я заставляю себя выпрямиться и твёрдо заговорить .

—Нет. Ты этого не сделаешь.

Кириан, кажется, удивлён моим отказом. Да и я сама не меньше удивлена.

Мне хочется спросить, почему ему это важно, что горит в этой ледяной ярости, но мне страшно услышать ответ.

Он не спорит, не возражает, и в его взгляде появляется что-то мягкое, когда его пальцы оставляют мой подбородок и медленно опускаются, касаясь косточки на ключице.

—Твои вопросы, — шепчет он. — С чего ты хочешь начать?

Меня поражает открытость его слов — нет ни границ, ни требований. Нет никаких условий.

—Как ты понял, что я не она?

Кириан ухмыляется, и его улыбка вспыхивает затаёнными намерениями.

—Незаметные мелочи, почти неуловимые, — шепчет он, и его пальцы покидают мою кожу лишь на мгновение, чтобы снова ухватить меня за подбородок.

Я затаиваю дыхание, когда он приближается, поворачивает моё лицо и медленно касается нежной зоны за ухом.

—Шрам, — понимаю я.

Он, должно быть, заметил его, когда меня отравили. Кириан, внимательно изучивший каждый дюйм этого тела, конечно, сразу же понял, что раньше этого шрама не было.

Я вздыхаю, частично с облегчением от ответа, а частично… с разочарованием.

Даже не знаю, почему я должна была это почувствовать.

Я замечаю, что Кириан улыбается.

—Но это не вся правда. Задай мне следующий вопрос. Спроси, почему я никому не рассказал об этом.

Я молчу секунду, набираясь смелости.

—Скажи, — прошу я.

—Я подозревал это давно, но вы были так похожи, ты знала такие детали её жизни… что это казалось мне безумием. Я думал, что схожу с ума. — Он слегка грустно улыбается. — Я подозревал это какое-то время, но подтвердил только в день языческой церемонии на Отсайла.

—Фонарики?

Он кивает. Его взгляд медленно поднимается по моему лицу, пока не останавливается на моих глазах.

—Я увидел в твоих глазах то, чего никогда не видел в глазах Лиры.

Поэтому он плакал. Поэтому у него тогда навернулись слёзы.

Он только что осознал, что человека, в которого он был влюблён годами, больше нет.

—Я позволила форме моих глаз измениться случайно? — спрашиваю, вспоминая случай с Алей.

Кириан медленно качает головой.

—Дело не в глазах. Дело в том, как ты смотришь: понимание, надежда… — Он глубоко вдохнул, и я вижу, что говорить об этом ему так же трудно, как и мне, возможно, даже труднее. — Лира никогда бы не отреагировала так, как ты, на ту казнь. И уж точно не позволила бы себя отвести на языческий праздник и уж тем более не улыбнулась бы, как ты.

И вдруг я понимаю. Осознаю, где кроется ответ на мой вопрос, и мне становится трудно дышать.

Кириан подтверждает:

—Я не выдал тебя, потому что с тобой у нас появился шанс, которого с Лирой никогда бы не было.

—Чем могу помочь я? — бормочу я, не думая, в отчаянии. — У меня нет настоящей власти.

—Ты будешь королевой, — отвечает он, тоже как по инерции.

Правда зависает между нами на несколько секунд. Я осмысливаю её, проглатываю, и её последствия пронзают какую-то часть меня. Неспособная выдержать его взгляд дольше, я отворачиваюсь и выхожу из ванной.

—Значит, вот почему ты оставил меня в живых? — Что-то жжёт внутри, в груди. — Теперь у тебя есть чем манипулировать мной. Однажды я стану королевой, и как королева буду вынуждена исполнять твои желания, чтобы ты не рассказал, кто я на самом деле. Если я ещё жива, то только потому, что ты можешь использовать меня.

Кириан идёт за мной. Ещё до того, как я вижу его лицо, я слышу по его тяжёлым шагам внезапный всплеск ярости. Секунду назад он был за моей спиной, а сейчас — передо мной.

—Я никогда не поставлю твою жизнь под угрозу, — отвечает он, раздражённый. — Ты оскорбляешь мою честь, говоря обратное, — произносит он медленно.

У меня пересыхает в горле. Разум подсказывает, что лучше промолчать, прикусить язык и обдумать слова. Но то же самое чувство, которое учащает сердцебиение, мешает мне молчать.

—А почему нет? Почему бы тебе не использовать меня? — спрашиваю я с болью. — Я убила женщину, которую ты любил. Я обманула всех, лгала тебе, манипулировала тобой и использовала.

Что-то ожесточается в его взгляде, в суровых линиях его челюсти.

—Мы оба это делали, — шепчет он, и мне кажется, что в его голосе есть настоящее сожаление. — Я тоже лгал тебе.

Я вспоминаю его слова, которые вчера разбили меня, его обещание, что он не забудет меня, потому что видел во мне что-то другое.

—Вчера ты играл, когда говорил, что я изменилась, и что поэтому ты меня не заслуживаешь, — осознаю я.

И внутри что-то ломается.

Комната погружена в темноту. Нас освещает лишь отблеск огня в камине. Пламя колышется, и тени танцуют на теле Кириана.

—Правда в том, что я тщательно выбирал слова, — признаётся он, серьёзен и невозмутим. — Но ничто из сказанного не было ложью.

Я горько усмехаюсь.

—И мне нужно этому верить?

—У тебя есть все основания не верить мне, как и у меня — не верить ни одному твоему слову.

Я поднимаю подбородок.

—Ты нарочно создал эту ситуацию. Ты сказал это специально, потому что знал, какое влияние это окажет на меня. — Я делаю паузу, набираясь смелости для следующего вопроса. — Ты решил это до того, как решил остановить меня?

Кириан делает шаг ко мне, вторгаясь в моё пространство. Я тут же отступаю назад.

—Ты спрашиваешь, жалею ли я, что не уложил тебя в свою постель?

—Да, — отвечаю я, и голос мой звучит слишком тихо.

Кириан делает ещё шаг, и я снова отступаю. Дело не в том, что я ему не доверяю; я не доверяю себе, когда он так близко.

—Я сказал это, думая, что ты выдашь себя, — признаётся он. Его голос, тёмный, едва ли громче шёпота. — Я не думал, что ты поцелуешь меня, и тем более не предполагал, что ты пойдёшь дальше.

Я затаиваю дыхание.

—Я бы это сделала. Я пыталась установить границы с тобой, но была готова разрушить все свои правила, когда услышала, как ты сказал, что я стала другой. — Я отворачиваюсь и иду, но останавливаюсь, понимая, что направляюсь в сторону спальни. — В какого человека это меня превращает?

Кириан подходит ко мне, и на этот раз я не отступаю.

—Мы оба лжём. Всё ещё продолжаем лгать.

Он говорит о повстанцах? О том, что он сделал этой ночью? Мне ясно, на что он намекает в моём случае: моя личность, моя форма, моё сущность…

Я ощущаю покалывание в пальцах.

—Я лгала тебе больше, чем ты думаешь, — признаюсь я, с комком в горле.

Кириан смотрит на меня серьёзно. Я ощущаю, что он собирается что-то сказать, что, возможно, попробует оправдать меня. Но его пальцы лениво скользят по моему подбородку, направляя моё лицо вверх.

На миг я представляю, что он целует меня, что я позволяю ему забрать вину губами, что он топит мои сожаления в ласках, и что каждый проблеск темноты исчезает в его поцелуе.

Но Кириан ждёт.

Он даёт мне пространство, чтобы я сама сделала выбор, и сегодня ночью я решаю быть честной.

Я отступаю, и он отпускает меня.

Подхватываю с дивана свою накидку, снова накидываю её на плечи и покидаю его покои.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Вороны и волки

Вороны служат Ордену и убеждены, что Орден, в свою очередь, служит высшей цели; цели, которая приносит пользу земле, по которой они ступают, и существам, населяющим её.

Никто из них никогда не задавался вопросом, кому выгодны их лживые схемы и перемены в судьбах, которые они вызывают. Никто не задумывался, каким образом Добро может подразумевать выбор конкретного верховного жреца или почему их миссии обогащают торговца, продающего ткани.

Вороны не могут задаваться этими вопросами, потому что тогда их жизнь потеряла бы всякий смысл.

Им сказали, что их существование само по себе — грех, что они обречены вечно блуждать во тьме, и единственная их надежда на искупление — это посвятить свою жизнь цели, которую даже не объяснили.

Она не знает, когда это случилось. Даже не пыталась об этом думать; но она зла.

Зла за Воронов, что погибли ради Ордена, за то, что случилось с Алией и с Элианом.

Но больше всего она злится на саму себя.

Злится за то, что уже десяток лет не видела своего настоящего облика, за то, что лгала так долго, что уже не знает, что остаётся в глубине всех этих фальшивок...

И эта ярость питает ее.

Питает что-то первобытное, что даже не подозревает, что дремлет в ней.

Эта ярость воет ее имя, как Волк.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 35

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

К полудню к нам доходят новости о мятежниках.

Эрис подавил восстание, зачинщики были заключены под стражу, а среди солдат наследного принца лишь незначительные потери.

Ни Нирида, ни я не можем спросить, сколько язычников погибло, прежде чем они сдались.

Его армия прибывает вскоре после этого. Я вижу ту, что однажды станет королевой, облачённую в элегантное платье оттенков оранжевого и красного, привлекающее все взгляды, когда она идет по коридору и останавливается в центре, среди других аристократов и слуг, которые приветствуют вернувшихся аплодисментами; точно так, как поступила бы Лира.

— Когда же наступит момент? — спрашивает Нирида рядом со мной.

— Ещё нет, — отвечаю.

Она бормочет проклятие и уходит из моих покоев. Не думаю, что она собирается приветствовать принца; не могу представить её аплодирующей и улыбающейся.

Остаток дня я провожу, делая заметки, которые потом сжигаю в камине, и, когда решаю спуститься к своим солдатам, встречаю её в коридоре.

Она все ещё в том самом оранжевом платье, которое так понравилось бы настоящей Лире, с затянутым в талии корсетом с изящными лентами, широкой юбкой и высоким воротником, украшенным камнями.

Проходя мимо она оборачивается и останавливается на мгновение, но даже не здоровается. Её лицо не выдает эмоций, и она идет дальше. Когда она останавливается перед дверью в покои, которые ей не принадлежат, я понимаю, что это должно быть крыло, предназначенное для принца.

— Все в порядке? — спрашиваю.

— Замечательно, капитан. Выполняйте свои обязанности, — отвечает она и поворачивается, чтобы войти.

У меня появляется порыв пойти за ней и вывести её оттуда, но я сдерживаюсь.

Если она решила войти туда одна после всего, что он ей сделал, у неё, должно быть, есть веская причина, и она не раз доказывала, что вполне способна о себе позаботиться. С легкой тревогой в душе я удаляюсь.

Эрея уже давно неспокойна, и присутствие принца, его показательные наказания и подавление не помогают народу успокоится.

Герцоги стараются сделать вид, что все идет хорошо, а та, что играет роль Лиры, оказывает приглашённым честь своим присутствием на играх, балах и банкетах. К счастью, Эрис снова уехал подавлять другое восстание и вводить дисциплинарные меры: казни, пытки… Кто знает, какие ужасы пришлось пережить людям.

Нирида воспринимает это хуже, чем я, но пока держится.

Лживая Лира избегает меня.

Прошло всего три дня с тех пор, как она вошла в мои покои, и я рассказал ей полуправду, которая, я знаю, причиняет ей боль.

Однажды ночью я увидел её у окна её покоев. На улице шел снег, и дыхание, вырывающееся из её губ, превращалось в пар. Она, должно быть, поняла, что я намереваюсь подойти к входу, потому что покачала головой, не отрывая от меня взгляда, и я понял, что она не хочет, чтобы я искал её.

Я тоже не осмелился подойти к ней на людях.

Сомневаюсь, что она избегает меня только из страха перед слухами или гневом Эриса. Она могла бы попросить меня уйти из Уралура, так же как в тот раз попросила не возвращаться во дворец вместе с ней. Она ведет другую битву, возможно, более сложную, пока пытается переварить наш разговор.

Сегодня ночью наследник возвращается, и герцоги организуют очередной банкет в его честь, с музыкой и танцами, на который соберётся весь двор.

Протяжённые столы, покрывающие половину зала, занимают пространство, оставленное для музыкантов и танцоров. Впереди всех столов стоит меньший, предназначенный только для принца Эриса и самых значимых персон королевства, так что у них будет прекрасный обзор всего происходящего.

Капитаны армии, в том числе и мы, северяне, расположились в самой дальней части одного из длинных столов.

Отсюда Нирида и я наблюдаем, как входит Эрис, сопровождаемый герцогами, за ними следует она, а принц занимает центральное место за своим столом, где трон обозначает место почета.

— Можете садиться, — объявляет принц. — Ешьте, пейте и наслаждайтесь музыкой.

Все послушно садятся, и зал наполняется приглушённым гулом праздных разговоров, злословием о нарядах других аристократов и критикой еды.

Замечаю, как Эрис подзывает одного из слуг, который поспешно выполняет приказ, и вскоре тот, явно спеша, направляется к нам.

— Что, черт возьми, происходит? — начинает Нирида. — Что ты натворил? — спрашивает она.

Я молчу, потому что слуга уже подбежал к нам.

— Наследный принц требует вашего присутствия, — сообщает он.

— Его присутствия или нашего? — уточняет Нирида, не выказывая ни капли страха.

— Капитана Кириана, госпожа.

Она смотрит на меня прищуренными глазами, но мне нечего ей ответить. Я встаю и следую за слугой, которому, похоже, весьма неудобно придерживаться более размеренного и сдержанного темпа.

Эрис наблюдает за мной, когда я подхожу, словно ждет старого друга, с притворно-сладкой улыбкой, увлеченно пережевывая пищу.

—Капитан, — приветствует он меня. — Мне приятно, что вы почтили нас своим присутствием на банкете и при дворе.

Я внимательно жду продолжения.

Рядом с ним лже-Лира тоже смотрит на меня с осторожностью. По выражению её лица я понимаю, что она тоже не знает, что задумал Эрис, и это меня напрягает.

— Для меня честь, — вынужден ответить я, но улыбнуться не получается.

Дворяне украдкой поглядывают на нас с нескрываемым любопытством. Те, кто сидят за этим столом, могут слышать принца и заинтересованы не меньше моего.

— Почему бы вам не встать за принцессой Лирой? — предлагает он. — Так вы сможете её охранять, ведь именно для этого вы здесь, верно?

— Среди прочего, — отвечаю я и послушно перемещаюсь за её стул, чуть поодаль от Эриса.

На мои слова она бросает на меня предостерегающий взгляд.

Эрис громко смеется, словно его это действительно забавляет.

— Да, среди прочего. Как там с проклятием Тартало? Удалось его снять?

— Боюсь, что нет, — отвечаю я, сдерживая напряжение.

Все еще не понимаю, зачем меня сюда вызвали. Он что, решил продемонстрировать мне свою власть?

— На теле капитана Кириана лежит проклятие, — сообщает Эрис остальным гостям. — Он когда-нибудь вам его показывал?

Герцог Бахам осторожно отвечает, что нет.

Эрис хлопает в воздухе и указывает на меня рукой, продолжая есть.

— О! И чего же вы ждете, капитан? До меня дошли слухи, что вы любите выставлять напоказ свои боевые раны. Почему бы вам не порадовать нас столь редким зрелищем?

Она смотрит на него, явно растерянная, и, кажется, немного напуганная.

— Если настаиваете, — отвечаю я и начинаю расстегивать пуговицы на жилете.

Эрис смеется.

— Прекрасно! Прекрасно! Капитан покажет вам нечто неслыханное, не виданное уже столетие! Обратите внимание! — с восторгом выкрикивает он.

К этому моменту все смотрят на меня, но я не останавливаюсь. Передаю жилет слуге и начинаю расстегивать черную рубашку. Шепот удивления проносится по столам, когда я обнажаю грудь, и все видят татуировки: волка и переплетенные вокруг него цветочные узоры. Я почти ощущаю, как их взгляды переходят от чернил к золотому браслету на моем левом бицепсе.

Никто не осмеливается сказать ни слова. Все ждут Эриса, который внимательно меня изучает.

— Завораживает, — тихо произносит он. — Браслет, без сомнения, впечатляет, но интересны и эти татуировки.

— Скажу вам, где их набивали, если они вам так нравятся, мой господин.

Эрис не сводит с меня глаз, его улыбка не дрогнула. Он подносит к губам бокал вина, продолжая за мной наблюдать.

На радость всей публике, я медленно оборачиваюсь вокруг себя, поднимая руки и демонстрируя браслет и татуировки, за которые меня могли бы повесить.

Если он пытается доказать, что может выставить меня на показ, что способен приказать мне все что угодно, должно быть, его раздражает видеть, как я спокойно выдерживаю все взгляды.

Я начинаю прохаживаться между стульями, позволяя всем разглядеть поближе, подняться со своих мест и с любопытством ожидать моего приближения. Однако, прежде чем я успеваю завершить круг по залу, Эрис останавливает меня.

— Этого достаточно, — произносит он. — Можете одеться, капитан.

Я возвращаюсь к своей рубашке и жилету, послушно надеваю их и снова становлюсь рядом с ними.

— Надеюсь, тебе понравилось это зрелище, дорогая, — говорит он ей, наклоняясь так, чтобы это слышали только мы трое. — Боялся, что ты не сможешь появиться на публике сегодня, — добавляет он, беря её за подбородок в жесте, который, если бы не её реакция, мог бы показаться даже нежным, соблазнительным. — Ты великолепно скрыла синяки. Поздравляю.

Всё во мне пылает. Одна часть меня хочет выхватить меч и покончить с этим; другая — преклонить колени рядом с ней, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Но я не могу позволить себе ни того, ни другого. Вместо этого я позволяю ярости завладеть мною, выискивая на её лице следы ударов и ожидая объяснений; но в её зелёных глазах вижу лишь удивление.

Эрис берёт её за руку и кладет её поверх своей на стол, одновременно высоко подняв подбородок.

— Дорогие герцоги, друзья, капитаны! У нас есть объявление!

Все сразу замолкают и поворачиваются к принцу, жаждая новых сюрпризов.

— Мне приятно объявить вам, что моя прекрасная невеста и я, наконец, собираемся пожениться.

Его слова падают на зал, как каменная глыба. Несколько секунд царит тишина, и затем гости взрываются аплодисментами и поздравлениями. В шуме и среди голосов кто-то смело выкрикивает:

— Долгая жизнь наследнику Эрису!

— Да здравствуют Львы!

— Да здравствуют молодожёны!

Я остаюсь напряжённым и неподвижным, наблюдая, выжидая, и среди этого шума и хаоса, среди добрых пожеланий, жадных взглядов и смеха Эриса она смотрит на меня.

Это всего лишь миг, но его достаточно.

Я вижу замешательство, удивление и, глубоко в её зелёных глазах, страх.

Я не покидаю зал, пока не уходит она, сославшись на усталость. Я не настолько глуп, чтобы принять это за настоящее приглашение сопроводить её, и вынужден отстать.

Меня перехватывает Нирида, прежде чем я достигаю выхода.

— Что только что произошло? — спрашивает она.

— Знаю не больше твоего, — отвечаю я.

Она хмурится и смотрит на Эриса издалека.

— Лира не говорила тебе, что они собираются пожениться так скоро?

Я обдумываю свои слова.

— Не думаю, что она знала, — признаюсь.

— Мне всё это не нравится, — бормочет она. — Ни одно из этих событий мне не по душе.

— Мне тоже, — отвечаю.

Я вынужден согласиться, хотя капитанша даже не слышала, как принц поздравлял её с тем, что она умело скрыла следы побоев.

Я снова ощущаю вспышку ярости, едва вспоминаю об этом, и понимаю, что мне нужно немедленно уйти. Пробираюсь через коридор и убеждаюсь, что никто не увидит меня входящим в чужие покои, но задерживаться там не имеет смысла, ведь её здесь нет.

Ищу её в малых залах, в комнатах для отдыха и чтения, а также в садах, но её нет ни в одном из этих мест.

Возвращаюсь в свои покои ещё более обеспокоенным, чем был, когда покинул банкет. И испытываю глубокое облегчение, найдя её внутри, стоящей у подоконника и смотрящей на звёзды.

На её лице всё ещё читается потрясение, в глазах — легкая тревога. Когда она поворачивается ко мне с приоткрытым ртом, видно, что она хочет что-то сказать.

Но я не даю ей ничего произнести.

Быстро подхожу к ней и обхватываю её лицо руками, чтобы рассмотреть лучше.

— Он тебя трогал? Снова это сделал? — спрашиваю с яростью.

Она качает головой, но не отстраняется от моего прикосновения.

— Нет. С тех пор, как ты увидел следы на моёй шее, больше нет.

Я пытаюсь вглядеться в её лицо, найти любые признаки, которые могли бы выдать ложь и ещё больше разжечь мою ярость, но её руки останавливают мои.

— Кириан, Кириан… он не трогал меня, — уверяет она. — Всё в порядке, и ты… ты не должен так за меня волноваться.

Её голос слегка дрожит под конец. Мне хочется поспорить, но я этого не делаю, потому что понимаю, откуда рождается эта неуверенность. Каким-то образом мне удаётся успокоиться, и я отступаю на шаг, ведь действительно, похоже, с ней всё в порядке.

— Тогда почему он сказал это? И что это всё было? Когда вы решили пожениться?

Она качает головой и, похоже, собирается сказать, что не знает, когда глубоко вздыхает и прижимает руку ко рту.

— Что случилось?

— Думаю, я поняла, что произошло. — Она зажмуривается, с силой закрывая глаза. — Он думает, что причинил боль мне, но это не так.

Я жду, недоумевая.

— Тогда как же…? — Я не заканчиваю вопрос, потому что вдруг понимаю. — Здесь, во дворце, есть и другие, такие, как ты, не так ли?

Ей трудно ответить.

— Да. — Она отходит в сторону, нервно ходит из угла в угол, но потом, собравшись с мыслями, подходит обратно и уверенно смотрит мне в глаза. — Скажи мне ещё раз, когда ты понял, что Лира мертва.

Я колеблюсь, но её настойчивый взгляд заставляет меня подчиниться.

Когда я называю ночь церемонии Отсайла, она выглядит облегчённой и, кажется, наконец-то вдыхает полной грудью.

Едва уловимый миг — и она снова в движении. Присев, приподнимает подол платья и вытаскивает кинжал, спрятанный у бедра.

— Тебе придётся мне довериться, — бросает она.

Она знает, что я это сделаю. Чёрт, конечно, сделаю. Возможно, однажды это мне дорого обойдётся, но сейчас…

Я позволяю ей подойти ко мне с кинжалом в руке, взять меня за затылок, как дерзкой любовнице, и провести лезвием за ухом. Вырывается ругательство, когда лезвие врезается в плоть, но я не отступаю. Чувствую, как кровь тёплыми ручьями заливает ворот рубашки.

— Ты вылечишь эту рану и никому никогда о ней не расскажешь. Этот шрам станет твоим самым охраняемым секретом. Ни один друг не узнает о нём, ни одна любовница не спросит тебя о нём в постели.

Я прижимаю пальцы к ране в бесполезной попытке остановить кровь и в тот же миг, глядя в её напуганные глаза, понимаю, зачем она это сделала.

— Они могут выдавать себя за меня?

— Они могут делать всё, что захотят, — отвечает она, сглотнув. — И про Отсайл никому не рассказывай.

— Не скажу, — отвечаю. Вглядываюсь в её лицо, в то, как она дышит. — Ты в порядке?

Она моргает, словно очнувшись от транса, и её лицо твердеет, становясь менее уязвимым и… больше похожим на Лиру.

— Да. Это должно было случиться рано или поздно, — бормочет она, вновь отворачиваясь и уходя в свои мысли. — Моё положение меняется, но моя миссия — нет.

— И в чём же твоя миссия?

Она смотрит на меня с осторожностью.

— Стать королевой, — отвечает.

Она разглаживает подол платья и поднимает подбородок. На ней синее платье с длинными рукавами, приталенное, с тонкими шнуровками корсета.

— Почему бы тебе не промыть рану? — предлагает она спустя несколько долгих секунд.

Кровь стекает между пальцами. Рубашка к этому моменту уже промокла.

— Ты будешь здесь, когда я вернусь? — спрашиваю я.

Она лишь кивает, и я решаю, что, несмотря на сомнения, должен попытаться. Я иду в ванную, снимаю рубашку и жилет, промываю шею и руки, насколько могу, и тщательно стираю все следы крови с груди.

Когда я выхожу, застываю на месте.

Она сидит в одном из кресел.

На ней всё то же платье, но теперь оно уже сидит на ней иначе, потому что это тело принадлежит не Лире.

Затаившееся воспоминание возвращается и с силой захлестывает меня, и мне не нужно спрашивать, это ли она. Я знаю. Знаю это в самой глубине своей души.

Зелёные глаза, яркие, проницательные, и прекрасные. Изящная линия подбородка, мягкие черты лица и длинные волнистые волосы, цвета заката.

— Одэтт, — шепчу я.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 36

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Мои руки слегка дрожат на коленях. Но я приняла решение и намерена идти до конца. Не знаю, когда именно это произошло, но понимаю, что больше не хочу тащить за собой груз лжи. По крайней мере, не перед ним.

Пусть хотя бы эта ночь, этот момент, станут по-настоящему моими.

— Я сказала, что солгала тебе больше, чем ты можешь себе представить, — шепчу я почти беззвучно.

Кириан делает два быстрых шага ко мне, потрясённый, молча. Его взгляд скользит по мне сверху вниз, и я чувствую себя полностью обнажённой под этими ледяными глазами. В конце концов, я поднимаюсь и подставляюсь под его пристальный взгляд.

— Той ночью, на церемонии, в трактире…?

— Да.

До сих пор не знаю, хочет ли он кричать, уйти или чтобы я ушла.

— Одэтт? — Мой настоящий голос на его устах производит особый эффект, сложный и прекрасный, трогающий самую потаённую и измученную часть меня. — Ты назвала своё настоящее имя?

Почти всё, кем я была, или кем могла бы стать, умерло в тот день, когда мне дали имя Лира; сохранить своё старое, истинное имя, как память, стало единственным способом уцелеть в этом новом мире.

Сказать его кому-то означает очень многое. Возможно, именно поэтому так трудно произнести:

— Да.

Тишина длинная и напряжённая.

И в том, как он смотрит на меня… как его глаза исследуют моё лицо, а затем моё тело: изгиб талии, бёдер, ноги, руки и плечи…

— Скажи что-нибудь, — прошу я. — Ты злишься?

Наконец-то потрясение исчезает с его лица, сменяясь яростным взглядом.

— Я злюсь? — Его голос — холодный шёпот. — На какую из твоих лжи, Одэтт?

Я сглатываю и собираюсь с духом.

— На все.

Кириан издаёт горький смешок.

— Ответь мне на один вопрос, — требует он. — Почему именно сейчас? Почему ты показываешь, кто ты?

Я задерживаю дыхание.

— Ты сказал, что больше не поцелуешь меня в уста, полные лжи, — объясняю я. — Я не хотела, чтобы ты нарушил своё обещание.

Кириан резко втягивает воздух, и на несколько секунд я не знаю, что произойдет дальше. Затем он наклоняется ко мне.

—Это то, чего ты хочешь? — шепчет он.

—Я хочу гораздо большего, — отвечаю я без колебаний.

Без предупреждения он сжимает мое лицо одной рукой, и мне кажется, что вот-вот поцелует меня, пылко, почти жестко, но его губы так и не касаются моих.

—Ты говорила, что не видела свое отражение уже десять лет. Ты уже посмотрела на себя в зеркало?

Медленно качаю головой, не высвобождаясь из его захвата.

—Нет.

—Тогда позволь мне показать, какая ты.

Я не понимаю, зачем он хочет это сделать, но поддаюсь и готова пойти к зеркалу в ванной, когда он внезапно хватает меня за запястье, останавливая.

—У тебя маленький нос, весь в крошечных веснушках, — начинает он.

Я затаиваю дыхание, когда он наклоняется ближе и поднимает пальцы, проводя по моему носу, по переносице и дуге, а затем по левой щеке.

—Кожа словно поцелована солнцем. Брови длинные, темнее волос. Они обрамляют твои глаза, зеленые, но с особым оттенком. Никогда не видел таких глаз.

Его взгляд как будто затерялся в моих глазах, и у меня пересыхает в горле. Я не решаюсь прервать его внимательное изучение и жду, пока он продолжит.

—Они цвета северного леса: глубокие, но не темные. Живые, и если присмотреться… — он наклоняет голову, чрезвычайно сосредоточенный, — можно заметить светлые прожилки. Лучи солнца сквозь чащу.

Я приоткрываю рот. Никто не смотрит на меня так, как ты, думаю я, но не осмеливаюсь произнести это вслух.

—Четкая линия подбородка… — он обводит контур пальцем, затем касается моих губ. Всё мое тело вздрагивает от его прикосновения, — а верхняя губа чуть тоньше нижней, цвета спелых ягод. Это красивые, мягкие губы. — Кириан умолкает, его взгляд застывает на моих губах. — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Затаив дыхание, но без малейшего колебания, отвечаю:

—Сначала поцелуй меня.

—А потом?

—А потом отнеси меня в свою постель.

И Кириан целует меня.

Движение резкое, почти дикое. Он тянет меня за талию, прижимая к себе, и я обвиваю его шею, пока он углубляет поцелуй, которого мне недостаточно. Его губы раскрываются, язык исследует меня, и я ловлю каждое ощущение, каждую сладкую вспышку, что тянет меня к нему.

Он тяжело дышит против моих губ, пока мои пальцы блуждают по его плечам и скользят вниз по груди. Он отстраняется лишь на мгновение, чтобы убрать мои волосы ловкими пальцами и нежно целует шею, скользя языком по коже, от чего у меня вырывается стон удовольствия, освобождая что-то в нем.

—Одэтт, — выдыхает он, снова находя мои губы.

Мое имя на его губах заставляет меня таять еще больше. Я поняла, что с той самой ночи он больше не называл меня Лирой. Он отказался использовать имя, которое мне не принадлежало, и теперь, услышав свое собственное имя в его голосе, я задаюсь вопросом, почему так долго ждала, прежде чем признаться.

Кириан пытается расшнуровать корсет, но вскоре просто дергает за ленты и разрывает ткань, прежде чем снять его. Опускает платье с моих плеч и рук, следуя за тканью, пока оно не скользит вниз по бедрам. Он опускается передо мной на одно колено, глядя на меня с лихорадочным блеском, и, не отводя взгляда, целует край моего белья, затем нежно прикусывает, притягивая его к коже, прежде чем отпустить.

Я вздрагиваю от одной лишь мысли о том, что он может сделать то же самое на моем обнаженном теле. Кириан, заметив мою реакцию, понимает, как сильно он меня мучит одним лишь этим жестом, и, зная об этом, улыбается. Его голос, хриплый и грубый, звучит как приказ:

— На кровать.

Он склоняется, обхватывая меня за бедра, и я легко вскакиваю ему на руки, обвивая его ноги. В тот момент, как я это делаю, чувствую его возбуждение, которое сильно давит мне в промежность, и все здравые мысли оставляют меня.

Кириан несет меня в спальню, и через мгновение я оказываюсь на кровати, а он нависает надо мной. По одной руке с каждой стороны моего лица, колено между моих ног, а в глазах пылает такой голодный взгляд, что кажется, будто он меня расплавит, разглядывая мое полуобнаженное тело.

— Ты уверен, что хочешь этого? — шепчу я.

Его признание, то, как он сказал, что ненавидит себя за свои чувства ко мне, все еще греет мою память.

Кириан темно смеется в ответ, затем снова меня целует, поглощая мои губы, словно не может представить себе ничего другого. Когда он отстраняется, в моем взгляде, должно быть, остается тень сомнения, потому что он наклоняется ко мне и шепчет мне на ухо:

— С тех пор как я узнал, кто ты, я не переставал мечтать об этом. — Он снова немного отстраняется, смотрит на меня. — Но, может быть... может быть, сначала стоит поговорить. Ты этого хочешь?

В его глазах горит желание, и, тем не менее, я знаю, что он готов остановиться, если скажу «да».

В горле пересыхает.

— Нет, — отвечаю я, полностью отдавшись этому безрассудству. — Черт, я не хочу сейчас разговаривать.

Я ищу его руками, тяну за его шею и притягиваю к себе, к своим губам, успев увидеть проблеск улыбки на его лице. Я кусаю его за губу, и он чуть протестует в ответ, но его движения, когда он прижимается ко мне, выдают, насколько он хочет, чтобы я это повторила. Я снова кусаю его сильнее, и Кириан рычит, прижимая мои запястья над головой.

— Тебе придется прекратить это, — хрипит он.

Его бедра совершают резкий, яростный толчок, но контролируемый, и я едва сдерживаю стон.

Он отпускает меня и проводит большим пальцем по моим губам, усмехаясь.

— Ты даже не представляешь, сколько раз я мечтал о тебе в этом положении.

Внутри меня разгорается огонь, когда я ловлю этот его взгляд, вижу его яростные глаза, затуманенные страстью и похотью. Я поднимаю руку, лаская его поверх брюк, и его взгляд темнеет еще больше.

— Я твоя, — шепчу я. — Возьми, что захочешь.

Кириан содрогается от прикосновения, и это словно освобождает его от какой-то незримой цепи. Вдруг я ощущаю его повсюду: его руки на моем теле, его губы на моей коже, его пальцы, расстегивающие застежки моего белья и убирающие его в хаотичном и прекрасном танце. Когда его ремень падает на пол, и он избавляется от брюк и нижнего белья, я глубоко вздыхаю, что вызывает на его лице самодовольную улыбку.

— А что хочешь ты? — роняет он, глядя на меня.

Картина сильного торса с четкими линиями мышц, его мощных рук, татуировок на груди… Он стоит на коленях, пожирая меня взглядом.

— Хочу тебя, — отвечаю я, почти теряя голос. — Тебя всего, рядом со мной, а потом, может быть, и подо мной. Внутри, как можно больше.

Кириан глухо стонет и не теряет ни секунды, чтобы приблизиться и исполнить мою горячую просьбу.

Кириан опирается на кровать рядом со мной, берет мое лицо в ладонь и целует страстно, исследуя языком каждый сантиметр моих губ. Постепенно его рука начинает скользить ниже.

Он сжимает мою грудь, и его пальцы сдавливают сосок, внимательно наблюдая за моей реакцией и наслаждаясь ею, в то время как моя спина выгибается в ответ. Затем он скользит рукой вниз, по моему телу, вдоль живота, мимо пупка и останавливается там, где пульсирует влага между моими бедрами.

Кириан мягко проводит пальцем по самой чувствительной зоне и усмехается, когда я прикусываю губу, стараясь подавить новый стон. Он останавливается, всё ещё с этой дерзкой улыбкой, и я решаю показать ему, что в играх мы равны.

Моя рука медленно скользит вниз по его животу, к члену, и я обвиваю его пальцами под его восторженным и немного затуманенным взглядом. Я наслаждаюсь гладкостью его кожи, теплом, что излучает его тело, полностью отдающееся мне. На миг он теряет контроль, жадно и пылко целует меня, лишая сил и дыхания, его бёдра поддаются моим ласкам, но затем он снова обретает власть над собой, понимая, что перестал меня касаться. И пути назад уже нет.

Его палец проникает внутрь, пока он целует меня в шею, а затем прижимается губами к моему уху. Потом он вводит второй палец, медленно, дразняще.

— Я хочу слышать этот красивый звук, Одэтт, — признаётся он. Я вскрикиваю, и почти чувствую его улыбку у себя на коже. — Так.

Я целую его и ищу его руками, языком, губами… но он продолжает свою мучительную игру, заставляя меня дрожать на его простынях, не давая того, чего я хочу.

— Кириан, хватит… — выдыхаю я.

На этот раз он не смеется, не улыбается. Его взгляд темнеет, и он отстраняется от моего лица, поглаживая моё бедро и колено, слегка приподнимая его и раздвигая мне ноги, оставляя полностью уязвимой.

— Скажи, если я причиню тебе боль.

Он сглатывает, и я замечаю лёгкое волнение на его чертовски красивом лице. Вид этого дикого, сильного мужчины с едва сдерживаемым порывом трогает меня до глубины души.

Кириан занимает своё место, и я вдыхаю глубже, когда он медленно, невыносимо медленно проникает в меня. Он следит за каждым моим вдохом, каждым движением, а я поднимаю бёдра ему навстречу, соединяясь с ним и заполняясь им.

В этот вечный миг не существует ничего, кроме него. Его тела надо мной, его рук, обожающих мою кожу, его запаха, заполняющего всё пространство вокруг.

Он начинает двигаться быстрее, его движения становятся всё глубже, а моё тело постепенно подстраивается под него, мои бёдра находят его ритм, встречая каждую его волнующую атаку, приближая меня всё ближе и ближе к краю.

Мы становимся единым целым, голодные ласки и поцелуи перетекают друг в друга, каждое дыхание движимо первобытной, неутолимой страстью.

Его руки ищут меня, держатся за мою талию и бёдра, как будто он не может перестать прикасаться. Долгий, неспешный поцелуй, в котором его язык изучает каждый уголок моего рта, поднимает меня к небесам. И когда он замедляет ритм, чтобы провести рукой между нами и скользнуть пальцем по самой чувствительной точке моего тела, я разрываюсь в волне чистого наслаждения.

Его губы поглощают мои стоны, а затем он вновь ускоряет движения, делая их глубже, грубее, и в следующий миг Кириан сам отдаётся этому захлестнувшему его чувству вместе со мной.

Его большое и тяжёлое тело обрушивается на меня, и весь воздух покидает мои лёгкие.

Кириан тут же приподнимается.

— Прости, — шепчет он, смеясь у моего уха.

Он отодвигается на бок, но прежде обнимает за талию и поворачивает меня так, что я оказываюсь рядом с ним, и, притянув меня, укладывается на спину. Его сильная рука обвивает меня, а пальцы начинают неспешно гладить моё плечо, и я опускаю голову на его обнажённую грудь.

С каждым выдохом дыхание становится спокойнее, и холод снова даёт о себе знать, и я непроизвольно прижимаюсь к Кириану, ощущая, как его тело излучает невозможное тепло.

Медленно я возвращаюсь к реальности. Туман страсти рассеивается, оставляя после себя ясность, столь же отчётливую, как и это сильное тело, лежащее подо мной.

— Об этом я тоже мечтал, — тихо произносит он.

Снова угрызения совести цепко хватают меня за запястья и лодыжки.

Я до боли ясно осознаю, что этот единственный акт непокорности ни к чему не приведёт. Когда я выйду из этих покоев, всё снова станет как прежде, за исключением того, что у меня останется воспоминание об этой настоящей, идеальной ночи.

Я цепляюсь за это.

Кириан берёт мою руку и мягко расправляет мои сжатые пальцы. Я даже не заметила, что сжала кулак, держась за него. Он подносит мою ладонь к губам и целует каждый сустав по очереди.

— Что будем делать теперь? — спрашивает он. — Чего ты хочешь?

Я содрогаюсь от множества возможных ответов.

Сквозь моё сознание пробегает болезненный перечень возможностей, проникая в мои кости, моё естество, и какая-то жестокая часть меня останавливается, чтобы обдумать их.

Я могла бы больше никогда не принимать облик Лиры.

Я могла бы сбежать и сделать вид, что никогда не знала о существовании Воронов.

А могла бы просто остаться с ним в этих покоях, пока кто-нибудь не выломает дверь.

Но я знаю, что не сделаю ничего из этого.

Сдерживая вздох, я медленно встаю, проверяя, насколько устойчивы мои ноги, всё ещё немного дрожащие. Стараюсь не смотреть на Кириана. Голый, он — воплощение соблазна.

— Я оденусь и вернусь в свои покои, — отвечаю я, стараясь, чтобы боль не прозвучала в моём голосе.

Возвращаюсь в гостиную и поднимаю с пола платье — то, что от него осталось.

Слышу шорох простыней из спальни и оборачиваюсь, чтобы увидеть Кириана, опирающегося на косяк двери и натягивающего брюки.

— Прости за это, — бормочет он, не выказывая ни капли сожаления. — Слишком много лент.

Он одаривает меня хулиганской улыбкой, в которой, тем не менее, виднеется грусть.

Я ненавижу это.

— Ничего страшного.

Я надеваю платье и завязываю его как могу. Теперь жалею, что пришла сюда без накидки. Если кто-то увидит меня до того, как я доберусь до своих покоев, это будет скандал.

Нежное прикосновение к шее заставляет меня остановиться.

Я закрываю глаза, чувствуя его пальцы, скользящие по моей ключице и плечу.

— Я не хочу уходить, — признаюсь, чувствуя себя слабой.

— Не уходи.

— Рано или поздно взойдёт солнце.

— Когда оно взойдёт, решим, что делать, — спокойно предлагает он.

Его голос звучит так уверенно, а рука такая тёплая, что внутри что-то разжимается. Это нелепо и сентиментально, и я только откладываю неизбежное. Но, может быть, это часть меня, которую я раньше не знала и которой хочу поддаться сегодня, этой ночью.

Я поворачиваюсь к нему, поднимаю руки и обвиваю его шею, а он в ответ обнимает меня за талию, поднимает и дарит долгий, медленный поцелуй. Я обхватываю его ногами, прижимаюсь к нему, и он уносит меня обратно в кровать, не прекращая целовать.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 37

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Рассвет не приносит того чувства, которого я ожидал. Вместо этого он дарит нам нечто другое — уводит Эрис и его войско.

Одэтт всё ещё лежит в кровати, укрытая моими простынями, которые теперь пахнут ею.

— Как думаешь, куда он отправился? Новый мятеж?

— Возможно, — отвечаю я, застёгивая рубашку. Останавливаюсь, заметив, как она на меня смотрит. — Я узнаю. Подождёшь меня?

Сквозь окна, занавески на которых я не потрудился задернуть прошлой ночью, уже проникает тусклый свет холодного февральского утра. Свет, к моему сожалению, приносит с собой неуверенность и страхи.

— Обещаю, это стоит того, — ободряю я её.

Одэтт улыбается, но улыбка не достигает её глаз, и она кивает.

— Поторопись.

Я сдерживаю слово и вскоре выясняю, что Эрис отправился в ещё одну горячую точку. Перед тем как вернуться, быстро пишу записку и просовываю её под дверь Ниридy.

Не хочу, чтобы она видела меня. Если увидит, то спросит, почему я не сообщил ей новости лично, почему не собираюсь в путь, не собираю сведения, не участвую. И я не хочу отвечать на это, слишком эгоистично.

Я всё сделаю. Через пару минут, но сделаю.

Затем захожу на кухню и запасаюсь пирожными, хлебом и свежими фруктами, прежде чем вернуться обратно.

Одэтт всё ещё лежит в кровати, словно в прекрасном сне.

Когда я вхожу, она поднимается, укрывается простынями, и её лицо озаряется.

Во имя всех богов. Она невероятно прекрасна.

— У меня были немного другие ожидания, когда ты сказал, что это стоит того, — шутит она, откусывая кусочек фрукта.

Я тоже сажусь на край кровати и выбираю одно из пирожных.

— Разочарована?

— Немного, — улыбается она. — Но и это неплохо.

Я проглатываю желание ответить на эту провокацию непристойным комментарием или, возможно, ещё более дерзким поступком — отбросить завтрак в сторону и наслаждаться ею самой вместо еды. Вместо этого снова поднимаюсь на ноги.

— Я компенсирую это позже, — обещаю.

— Куда ты? — Она смотрит в окно. — Ещё рано, и если Эрис не здесь…

— Мне нужно идти, — быстро говорю я. — Вернись в свои покои. Жди меня там. Я приду за тобой, как только закончу. Скоро.

Она слегка прикусывает нижнюю губу, но жест длится лишь долю секунды. Её выражение слегка омрачается, и грудь вздымается, когда она глубоко вдыхает.

Здесь, в тёплой полутьме мира теней и снов, существует вселенная, в которой мы завтракаем вместе после блаженной ночи без сна. А там, за её пределами, трудно понять, есть ли вообще для нас место.

— Я попрошу, чтобы приготовили противозачаточный настой и отнесли его в мои покои, чтобы ты могла забрать его позже, — говорю я.

Она качает головой.

— Я сама его приготовлю.

— Ты умеешь это делать?

Одэтт слегка улыбается, но не так хитро, как, возможно, ей хотелось бы. Возможно, она считает, что я совсем её не знаю и, возможно, никогда не будет времени узнать её полностью.

Мне хочется сказать ей, что всё, что я уже знаю, достаточно для того, чтобы не волноваться, сколько времени уйдёт на познание остального; но она опережает меня.

— А ты? Что знаешь о лекарствах, противоядиях и ядах?

Я поднимаю брови.

— С чего ты взяла, что я что-то знаю?

— Ты же практикуешь иммунитет к ядам, не так ли?

— Как ты…? — Замираю. Конечно, она знает. Это же она. — Я подумал, что это хорошая идея, учитывая… обстоятельства.

— Ты боялся, что я тебя отравлю, — догадывается она.

— Когда мои подозрения относительно твоей личности стали более серьёзными, я вспомнил тот день, когда ведьмы из Лиобе наложили на тебя проклятие, и все эти склянки с растениями, корнями и токсинами, которые ты, казалось, знала вдоль и поперёк. Тебе было бы до смешного легко это сделать.

— Что ты принимаешь?

Из меня вырывается короткий, резкий смех.

— Пурпурный гриб и морный плющ.

Она улыбается.

— Лучше сочетать это с ядом серебристого паука. Так ты будешь более защищён.

— Может, мне прекратить. Мне не нравится ни вкус, ни тошнота, ни удушье…

Одэтт начинает улыбаться, но её улыбка гаснет, сменяясь куда более мрачной гримасой.

— Лучше не прекращай. Пока нет.

Мне хочется спросить, почему и кого мне опасаться. Мне хочется, чтобы она рассказала, кто её враги, и пообещать защитить её; но мне кажется, это слишком серьёзный разговор для этого момента. Поэтому я подхожу к ней, наклоняюсь и дарю поцелуй, слишком быстрый и скромный, чтобы не поддаться искушению.

—Когда вернусь, поговорим о важных вещах, — обещаю я, — например, что будем делать с нашими браслетами.

Одэтт проводит руками по моим плечам и рукам. Её пальцы касаются ткани рубашки, словно в поиске ответа.

—Одна из вещей, что мучает меня сильнее всего, — это мысль, что ты должен нести это бремя вместе со мной, страдать от той же судьбы…

—Ты спасла мне жизнь, Одэтт.

Когда я произношу её имя, её зелёные глаза поднимаются на меня с удивлением, как будто она всё ещё не привыкла его слышать.

—Если бы я могла вернуться назад, я бы заключила сделку иначе, — шепчет она. — Если бы всё зависело только от меня, если бы это было в моей власти, этот ужасный знак исчез бы с твоего плеча прямо сейчас.

Её пальцы сжимают мой бицепс в тёплом, нежном жесте, вызывая в душе огненный отклик, наполняющий каждый уголок моего существа.

Я снова наклоняюсь, чтобы украсть ещё один быстрый поцелуй, и улыбаюсь.

—Позже.

—Позже, — соглашается она.

И я прощаюсь.

На пути к своим покоям я встречаю Нириду с мрачным выражением лица и подозрительным взглядом.

—Что ты там делал? — спрашивает она

Она уже в своей боевой экипировке: в брюках для верховой езды, рубашке и кожаных доспехах, с блестящими ремнями и оружием, готовая к бою.

—Ничего. Разве я не здесь?

—Не слишком подходяще одет, — замечает она.

—Я заскочу в конюшни перед отправлением, не переживай.

Мог бы переодеться и в своих покоях, но не хотел давать поводов для вопросов и сомнений.

Нирида вздыхает, понимая, что ей придётся подождать ещё немного.

—Это недалеко, чуть южнее столицы. Всё становится хуже очень быстро, Кириан.

—Знаю. — Я глубоко вздыхаю. — Мы отправимся вдвоём, без солдат.

Она соглашается, и мы оба отправляемся в путь.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Дочь Мари

Задолго до того, как она создала ведьм, ещё раньше, чем появились Эгузки и Иларги, Мари дарит жизнь дочери: своей первенце.

Несмотря на то, что это её любимица, рождённая из магии и любви, она не может жить рядом с ней, ибо она не совсем божество.

Она смертна, но её магия более могущественна, чем та, что достанется соргинак. Тёмная магия, сотканная из света и теней…

Дочь Мари не просто смертная, не просто ведьма и тем более не просто тёмное создание. Она одновременно всё это, и ничто из этого.

Девочка обладает силой штормов, моря, земли и огня. Однако она не может использовать её, если не остаётся собой; это её единственное ограничение. На неё не распространяется закон троекратного возмездия, который будет сдерживать чары соргинак, которых Мари создаст позднее, и это не коснётся ни её детей, ни их потомков.

Мари больше не создаст магическое существо с такой силой.

Дочь Мари вырастет, полюбит смертного и родит от него троих детей, которые унаследуют всю её мощь. Она не растворится в крови смертного и из поколения в поколение останется неизменной.

Создания, рождённые из магии и тьмы, распространятся по Земле. Сперва все они будут помнить Первую Дочь и возносить молитвы её матери и отцу, осознавая истоки своих даров.

Но время пойдёт вперёд: наступят войны, катастрофы, на свет явятся новые существа, изменяющие мир и его людей, и постепенно Первая Дочь начнёт исчезать из памяти поколений. Сначала она станет легендой, рассказываемой во время отсаила. Затем она окажется запертой в стенах домов, где старики будут вспоминать её в сказках на ночь. Когда боги перестанут ходить среди смертных, а магия станет чем-то редким, ценным и даже опасным, только самые древние шабаши будут помнить Первую Дочь и начнут называть её ведьмой, хотя она и не ведьма.

В этом неестественном разделении между магическим миром и миром смертных, в разделении, рожденном страхом, шабаши примут существ, рождённых из магии и тьмы, и те найдут в них свой дом. Они будут править шабашами, ведь станут самыми могущественными ведьмами, свободными творить и разрушать по своему желанию, почти как древние боги.

Так будет, пока некоторые смертные не создадут ложного бога и не придумают лживые истории, оправдывающие их страх и зависть к неизвестному и тому, что они не могут обрести.

Спустя годы одна королева прикажет убить любовницу своего мужа, а вскоре после этого знахарка, под пытками солгав, признается, что она соргина, спровоцировав новую войну с магией, которая начнётся в лесу Нирия.

Многие потомки Первой Дочери, лидеры самых могущественных шабашей, соберутся, чтобы защитить лес, но ничто не остановит резню, унесшую тысячи жизней, и это место станет известно как Лес Гнева.

Десятки шабашей будут уничтожены. Одни соргинак сбегут на север, другие спрячутся. И в хаосе войны, в ужасе, некоторые Львы, знающие правду о тех, кто сильнее соргинак, увидят в этом возможность… и украдут десятки детей.

Детей, рождённых из магии и тьмы, детей с первозданным даром Первой Дочери.

Детей, которые окажутся в Ордене, вырванные из семей, лишённые корней и обречённые жить взаперти в клетке из плоти и костей.

Они вырастут, оставаясь не теми, кто они есть на самом деле, пока одна из дочерей Мари не вернётся домой, не разорвёт цепи ради любви и, не осознавая, совершит чудо с помощью своей силы; всего лишь малую часть того, на что она способна.

И будет так, потому что дочь Мари — не просто смертная, не просто ведьма и не просто тёмное создание…

Будет так, потому что дочь Мари также — моя дочь.

Дочь Мари.

Дочь Гауэко.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 38

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Кириан не возвращается к обеду; его нет и весь оставшийся день. Солнце садится, начинается снегопад, и холод загоняет всех, кто прогуливался в садах, обратно в замок.

Когда наступает ночь, я начинаю беспокоиться.

«Скоро» может значить как пару часов, так и несколько дней. Я пытаюсь не делать поспешных выводов, но мысли постоянно возвращаются к той ночи, когда он признался, что помогает повстанцам, и я не могу перестать задаваться вопросом, насколько сильно он рискует сегодня.

Должно быть, это сложно. Вероятно, сложнее, чем я себе представляла. Он сражался за Львов, завоевывал земли, но кара Эриса настолько жестока, что Кириан вынужден был провести черту именно здесь. Как и Нирида.

Я прошу новости о восстании и узнаю, что оно вспыхнуло здесь, к югу от Уралура, столицы королевства. Похоже, на этот раз повстанцы оказали куда большее сопротивление, чем могла предположить королевская стража, и теперь все ждут подкрепления из войска Эриса.

Этой ночью Кириан и Нирида тоже не вернулись.

Я решаю выскользнуть из своей комнаты, прокрасться к их солдатам, которые расположились на этаже для слуг, и спросить, что они знают.

Мне отвечают лишь, что им приказано оставаться во дворце. Никто не хочет говорить больше. Возможно, они и не могут.

Я встречаю рассвет, почти не сомкнув глаз, всё ещё в теле Лиры, которое теперь кажется мне чужим. Смотрю на него в зеркало: на эти черты, которые были моими так долго, на отточенные с годами выражения и на мысли, что теперь живут здесь, и я уже не уверена, мои они или её.

Есть те, которые принадлежат только мне. Я знаю это и цепляюсь за них, даже если они причиняют боль. Мои — это тревога за капитанов, сожаление о лжи и та неопределённость, которая крадёт мой сон.

Моё — и клеймо Тартало, этот толстый золотой браслет, ставший частью моего существа. Проклятие, вероятно, однажды погубит меня, но оно моё. Я выбрала его, чтобы спасти его.

Эрис возвращается к закату. Он привозит с собой гораздо больше солдат, чем увозил, и у меня сжимается сердце, когда я вижу его из окна, спешивающимся и входящим в замок в полном обмундировании.

Я жду там целую вечность, не двигаясь, надеясь увидеть Кириана и Ниридy, благоразумно следующих за всеми остальными.

Но их нет, и кто-то настойчиво стучит в дверь.

— Принцесса, наследник требует вашей явки.

Это Алия.

Я бросаюсь к двери и, хотя уже ждала чего-то подобного, застываю, поражённая, когда вижу её. Она в платье с длинными рукавами и высоким воротником,

скрывающим большую часть кожи, и я задаюсь вопросом, нет ли ещё следов. Её губы разбиты, а весь макияж не может скрыть полностью заплывший глаз.

Я беру её за руку и втягиваю в комнату. Она корчится от боли, что подтверждает, что и под одеждой у неё есть раны, которые я не вижу.

— Что ты натворила? — шиплю я.

— Я сделала то, что считала нужным в тот момент, — отвечает она, слегка поднимая подбородок.

От меня не ускользает её выбор слов. Учитывая, что это Алия, я отказываюсь думать, что это случайность.

— А теперь? Что ты снова натворила?

Она приподнимает брови.

— Думаешь, я только об этом забочусь? — Она качает головой. — Ты ничего не знаешь, пташка. Ни обо мне, ни о своих друзьях. Знаешь, почему наследник зовет тебя?

Леденящий страх пробегает по моему позвоночнику.

—Что случилось?

—Ты ведь даже не представляешь, правда? — Она криво улыбается, и эта улыбка совсем не весёлая. — Капитана Нириду схватили за сговор с врагом.

Воздух исчезает из моих лёгких.

Я знаю, что должна промолчать, но не могу удержаться и задаю ещё один вопрос.

—Где она?

—В подземелье замка, — отвечает она. — Ты не хочешь узнать про своего капитана?

Паника накрывает меня, но я сосредотачиваюсь на её словах. Я знаю, что он не попал в плен, и это может значить только одно из двух.

—Он…?

—Пропал, — отвечает она с раздражением, словно разговор напрягает её. — Когда схватили Нириду, подняли тревогу и ожидали что он нападет, но его не было.

Сердце бьётся в невозможном ритме.

—Ты тоже не представляешь, где он, правда? — Она качает головой. — Ты действительно ничего не знаешь, — добавляет она с оттенком разочарования, которого я не совсем понимаю.

Я стараюсь отстраниться от всех мыслей, от ужаса и страшных предположений, поднимаю подбородок.

—И чего хочет наследник?

—Узнать, что знаешь ты, полагаю. — Она бросает на меня быстрый взгляд. — Хочешь вот так же?

Она указывает на свои синяки на лице.

—Он видел меня после того, как ты была мной, и единственное, что его удивило, — это как хорошо я скрыла следы побоев.

Она выпускает грубый смешок, от которого у меня переворачивается в животе.

—Тебе повезло.

Она не показывалась той ночью, ни в последующие дни. Возможно, если такие же раны остались на её теле, у неё просто не было сил двигаться. Странное чувство сострадания заполняет меня, и в то же время меня охватывает ярость от мысли, что мы — всего лишь пешки, послушные, преданные инструменты, обученные служить.

—Трудно видеть в этом честь, — выплёвываю я, не сдержавшись.

Алия могла бы предупредить меня, насколько опасны такие слова, могла бы угрожать или донести на меня Воронам. Вместо этого она молчит и позволяет мне пройти мимо неё, направляясь к Эрису.

Его стражники сопровождают меня до подземелья — тёмного, холодного коридора, где сырость разрушила часть прохода, и в углах слышится топот бегущих крыс.

Когда мы спускаемся вниз, я жалею, что не надела накидку, потому что ткань этого платья слишком тонка для жуткого холода, исходящего от почерневших стен.

Пламя факелов колышется при нашем приближении, а скрип цепей предупреждает меня, что мы уже близко.

Едва освещённый коридор заканчивается, и я вижу Эриса, стоящего рядом с двумя стражниками.

Мой желудок сжимается, когда я замечаю камеру вдалеке: толстые решётки, пол, покрытый грязью… и холод, который проникает под самую кожу.

— Моя дорогая невеста, — напевает он и протягивает мне руку, словно преданный любовник, приглашая присоединиться.

Я не осмеливаюсь сразу заглянуть внутрь. Мне нужно собраться, подготовиться к своей лучшей игре, и я кладу свою руку на его, ни разу не дрогнув, прежде чем становлюсь рядом с ним. Только тогда я вижу, что внутри камеры.

Нирида сидит, прислонившись к стене напротив, колени подтянуты к груди, видимо, чтобы сохранить тепло.

С неё сняли сапоги, оружие и весь кожаный доспех, оставив только брюки и рубашку. Она грязная и покрыта кровью. На её помятом лице тёмные, засохшие корки, а также синяки, и я сомневаюсь, что все они появились во время боя.

С трудом удерживая бесстрастное выражение, я поднимаю взгляд на Эриса.

— Моя служанка сказала, что вы поймали её с мятежниками.

Эрис одаряет меня улыбкой, будто это хорошая новость, повод для радости.

— Она сказала тебе что-нибудь ещё? Может быть, почему на этот раз случился мятеж или чего хотели мятежники?

Я настораживаюсь.

— Нет, ничего больше.

Раз он спрашивает, значит, причина важна. Я решаю сохранить это в памяти. Уверена, Алия знает что-то, и под нужным давлением…

— Ты не выглядишь удивлённой.

— Я удивлена. Мне и в голову не могло прийти, что капитан…

— Нет? Серьезно? Ты ни о чём не подозревала?

Я яростно качаю головой.

— Если бы я что-то подозревала, то не позволила бы ей сопровождать меня на север, — отвечаю твёрдо.

Эрис внимательно меня изучает. Стражники, что привели меня, как и те, что уже здесь, стоят выпрямившись и молча.

— Значит, ты ничего не подозревала? Даже после того времени, что вы провели вместе с ними?

— Никогда. — Я подношу руку к сердцу, словно потрясена.

— Посмотри на неё, — приказывает он. — Посмотри, Лира.

Сжав челюсти, я поворачиваюсь к ней. Нирида смотрит на меня, несмотря на побои, её взгляд остаётся ярким и полным огня. В нём есть злость, ярость, которую я уважаю.

— Как ты думаешь, что нам следует с ней сделать?

Я напоминаю себе, что сейчас я ничем не могу ей помочь, и холодно принимаю это, как меня учили.

— Показательное наказание, чтобы предостеречь других.

Улыбка удовлетворения расползается по лицу Эриса.

—Я думаю так же. Может, сделаем это в день нашей свадьбы? Что скажешь? Казним нескольких и помилуем мелких преступников в качестве подарка.

Ледяные когти сжимают мое горло, но теперь я знаю, что это не кошмар и не проделка Ингума.

Эта темница реальна, Эрис реален.

Мой голос звучит уверенно, когда я отвечаю:

—Это отличная идея.

—Превосходно.

Эрис кладет руку мне на поясницу. Я чувствую его прикосновение сквозь ткань платья, но тепло его пальцев совсем не вызывает приятных ощущений; наоборот, от него меня подташнивает, особенно когда его рука опускается чуть ниже, и он легонько подталкивает меня, заставляя пройти по ледяному коридору.

Мы едва успели сделать несколько шагов, плотно прижавшись друг к другу, как шум шагов и возбужденные голоса вынуждают нас остановиться.

Неужели привели ещё одного пленника? В сам дворец?

Я напрягаюсь, когда Эрис раздраженно отступает в сторону, а несколько солдат спускаются по лестнице, неся носилки и…

—Кириан!

С моих губ срывается крик, который я не в силах сдержать. Маска рушится, весь образ трещит по швам.

Кириан лежит без сознания на носилках, без рубашки, весь в крови. Я вижу множество повязок, пропитанных кровью, прикрывающих рану, вероятно, ужасающую.

На нём всё ещё кожаные брюки доспехов, но его разоружили. Ничто в его лице или в расслабленной позе не говорит о том, что он просто потерял сознание, но я цепляюсь за единственную мысль: если его принесли сюда, значит, он всё ещё жив.

— Что случилось? — требовательно спрашивает Эрис рядом со мной.

Его рука сильнее сжимается на моей спине.

Страх снова сшивает трещины маски. Стежок за стежком он восстанавливает её, возвращая мне достаточно самообладания, чтобы не броситься к груди Кириана, не закричать его имя снова и не умолять спасти его.

— Мы нашли его в городе, — объясняет один из стражников, — он серьёзно ранен, но дышит.

Моё сердце ускоряется, стучит так громко, что это почти оглушает.

— И вы несёте его в темницу? — спрашиваю я с возможно самым нейтральным тоном, на который способна.

Эрис бросает на меня оценивающий взгляд, затем поднимает голову к стражникам.

— Кто-нибудь видел его на месте восстания?

Леденящий страх пробегает по моей спине, пока я наблюдаю за тем, как солдаты отрицательно качают головами. Кириан в беспокойстве шевелится во сне. Его лицо искажает тяжёлая боль, от которой моё сердце сжимается. Мне хочется снять бинты,

понять, насколько серьёзна рана и есть ли другие. Я хочу пройтись взглядом по его телу и…

Земля под ногами уходит, когда я замечаю нечто, что при других обстоятельствах бросилось бы в глаза сразу же.

Я поднимаю лицо к Эрису.

— Это произошло не во время восстания, — спокойно говорю я. — Капитан Кириан пытался снять проклятие Тартало и, похоже, преуспел в этом.

Эрис хмурится и следует за моим взглядом, когда я указываю рукой.

Не представляю, как это случилось, но браслета больше нет. Он исчез.

— Принцесса, он сообщал вам о своих намерениях? — осторожно интересуется Эрис.

Я киваю, сохраняя хладнокровие и спокойствие.

— Я не знаю, когда он отправился, но он упоминал, что нашёл зацепку неподалёку от столицы. Полагаю, что раны — это цена, которую ему пришлось заплатить.

Эрис сверлит меня взглядом с такой яростью, словно едва сдерживается. Отсутствие веской причины, чтобы бросить его в темницу, должно бесить его до крайности.

— Поднимите его наверх, в его покои, — рявкает он. — И позовите лекаря, прежде чем он отдаст Богу душу, — добавляет с нескрываемым раздражением.

Колени подкашиваются, когда напряжение уходит, и я едва не падаю прямо там. Силы покидают меня, и я вынуждена схватиться за руку Эриса, который принимает мою ладонь с явным удовольствием.

— Жаль, что тебе пришлось видеть это, — мурлычет он, приближая губы к моему уху. Его тёплое дыхание вызывает у меня отвращение. — Не все зрелища подходят для глаз принцессы.

Я сглатываю, но не отвечаю.

Мы выходим первыми, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не обернуться и не убедиться, что Кириана поднимают наверх должным образом.

Эрис провожает меня до моих покоев, в которых Алии уже нет, и даёт указания двум своим стражникам.

— Охраняйте принцессу, — говорит он. — Никто не должен входить или выходить из этих покоев, кроме меня. Даже её личная служанка.

Беспомощность взбирается по моей спине, когда его рука касается моего лица, а большой палец скользит по нижней губе.

— Сейчас неспокойно, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось до нашей свадьбы.

Я сжимаю кулаки так, что костяшки белеют.

— Понимаю.

— При данных обстоятельствах тебе лучше оставаться здесь до свадьбы.

Желчь подступает к горлу.

— До каких пор?

Эрис одаривает меня змеиной улыбкой, полной яда.

— Ненадолго, обещаю. Сейчас попробуй отдохнуть. Я загляну к тебе позже.

Я остаюсь одна в своих покоях с мрачным предчувствием его возвращения и жуткой перспективой надвигающейся свадьбы.

У меня нет ответов и нет возможности их получить. Я не знаю, как схватили Нириду, что требовали мятежники — для Эриса это, по-видимому, было важно. Я

также не знаю, что делал Кириан, и как получилось, что браслет исчез. Это не произошло случайно, ведь мой по-прежнему здесь, сияющий, словно часть моей кожи.

Я провожу остаток дня, готовясь к визиту Эриса.

Если Алия в теле Лиры, дала ему то чего он хотел, он может подумать, что снова получит это.

Одна только мысль об этом пугает меня так сильно, что трудно осознать.

Однако, даже застывшая от страха, я понимаю, что это наименьшая из моих проблем. Кириан был тяжело ранен, а Нирида будет казнена в день, когда Эрис решит жениться на мне. Если капитан выживет… Я отгоняю эту мысль. Нет. Он должен выжить. И когда оправится, он найдёт способ помочь Нириде. А до тех пор мне нужно тянуть время, продумать план и воплотить его в жизнь.

Ночь длинная и тяжёлая, усталость одолевает меня, и я пару раз засыпаю в одном из кресел в гостиной, слишком нервная, чтобы попытаться уснуть на кровати.

Я жду и жду, но Эрис этой ночью не появляется.

На следующее утро его тоже нет, хотя приносят щедрый завтрак, а позже — обильный обед.

Я спрашиваю стражников, что им известно, но получаю лишь уклончивые ответы. Я умоляю привести мою служанку, но они отказываются нарушить приказы Эриса. Я не могу винить их.

Вторая ночь проходит в ещё более мучительных ожиданиях и кажется бесконечной.

Перед глазами вспыхивают образы безжизненного тела Кириана, снова и снова. Кошмары смешивают воспоминания о казни трёх ведьм, и искажают их, показывая смерть Ниридa в тысяче ужасных вариаций.

По-прежнему нет никаких вестей, Эрис всё ещё не появляется, и на утро я чувствую, что могу сойти с ума.

Два стука в дверь вырывают меня из полудрёмы на рассвете, и сами стражники вручают мне большой свёрток.

— Принц требует вашего присутствия.

Я беру свёрток трясущимися руками и возвращаюсь внутрь покоев, бросаю его на стол и разворачиваю.

Внутри — свадебное платье.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Глава 39

Лира

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

Свадебное платье идеально облегает тело Лиры.

Это уникальное изделие, украшенное изящными цветочными узорами по всей ткани. Без корсета, оно кажется немного более откровенным, наивно небрежным. Легкая ткань обнимает мою грудь, спускаясь глубоким V-образным вырезом, а затем обвивает талию в несколько слоев. Нет возможности спрятать амулет эгузкилоре, поэтому я снимаю его, делаю небольшой надрез в подушке и прячу внутри. Потом заберу его. А может, нет. Может быть, Эрис заберет меня в свои покои, и я не вернусь сюда. Если так, то кулон будет моей наименьшей заботой.

Пышная юбка, открывает бёдра с обеих сторон, обнажая мои ноги, так что спрятать кинжал там невозможно.

Рукава длинные, но ткань настолько тонкая, что мне приходиться перевязывать руку бинтом, скрывая браслет Тартало.

Я даже не пытаюсь уложить волосы. Надеваю туфли, которые прислал принц, и иду на встречу со своей охраной — без оружия и без плана.

По пути в тронный зал я обдумываю возможность оправдаться, притвориться больной или даже принять каплю яда Морного плюща, чтобы парализовать себя и выиграть время; но сомневаюсь, что Эриса остановит моя агония.

Меня удивляет, что он не празднует этот союз в банкетном зале, но еще больше поражает вид, который предстает за дверью, украшенный замысловатыми деталями..

Нет зрителей. Только несколько солдат по обе стороны зала, образующих коридор.

Это не большое помещение. Высокие окна впускают тусклый утренний свет, открывая вид на заснеженный сад, на который вновь начинает падать снег. В центре — трон.

После пяти ступеней из белого мрамора, как снег, возвышается трон, который когда-то, должно быть, принадлежал родителям Лиры.

Рядом с ним, на коленях и с кляпом во рту, находится Нирида.

Я глубоко вдыхаю, и один из стражников подталкивает меня вперед, когда я останавливаюсь. Не могу избавиться от ощущения, будто меня ведут, как послушную жертву, к эшафоту.

От Эриса ни следа, но, несомненно, он скоро появится.

Я медленно поднимаюсь по пяти ступеням, растягивая каждый момент, и бросаю Ниридe взгляд, полный понимания. Я помогу ей, хотя пока не знаю, как.

Страх проникает между моими пальцами, но колени не дрожат, когда я встаю между троном и Ниридой и сглатываю.

Секундой позже боковая дверь открывается, и из-за спин королевских солдат появляется принц, тоже одетый в белое, за ним идет старший священник в нескольких шагах позади.

Эрис сияет ослепительной улыбкой, которая не предвещает ничего хорошего, и идет ко мне, приложив руку к груди с показным обожанием.

— Ты восхитительна, — громко произносит он.

Его шаги эхом раздаются по всему залу.

Я замечаю, взглянув на другую сторону, что узнаю солдат в первом ряду — они в униформе, отличающейся от королевской, без видимого оружия, стоящие напряженно и неподвижно. Это люди Кириана и Ниридy, те самые, что сопровождали нас сюда: преданные солдаты, которые должны были знать, чем занимаются их капитаны. За ними стоит еще один ряд вооруженных стражников, следящих за каждым движением.

Привести их сюда, если он намерен казнить Ниридy, даже без оружия — это крайнее высокомерие, даже для него.

—Я думала, что это будет публичная церемония, — говорю я, нервничая.

Замечаю, что главный священник не подходит ближе. Он стоит в углу, рядом со стражниками, сжимая дрожащими, старыми руками тяжёлый том священных писаний.

—В нынешних обстоятельствах немного сдержанности — лучшее решение. Но не бойся, ты будешь окружена подходящими людьми. Самый важный еще не прибыл. — Эрис делает паузу, садится на трон и поворачивается к своим солдатам. — Стража! Приведите его!

Зловещее предчувствие пронизывает меня, пока я жду.

Та же дверь, через которую вошел Эрис, открывается, и двое стражников быстро входят.

Сердце замирает, когда я осознаю, кого они привели.

Кириан.

Его волосы растрепаны, он только в брюках. Рубашку с него сняли, и, вероятно, целитель перевязал его грудь, сначала горизонтально, затем по диагонали. На бинтах просачивается кровавая линия, где, кажется, открылась большая рана.

Каждый из стражников поддерживает его за плечи, практически волоча по мраморному полу, пока не бросают его у подножия лестницы, ведущей к трону, к ногам Эрису.

Кириан падает на одно колено. Его лицо искажено болью, когда он пытается подавить стон, и ему не хватает сил поднять голову.

Ощущение облегчения от того, что он жив, быстро сменяется горечью, зарождающейся в груди.

—Ах! Личный охранник моей невесты! Капитан Кириан! Теперь, полагаю, все в сборе.

—Эрис, — поворачиваюсь к нему, волнуясь. — Отпусти его. Посмотри на него. Он все еще ранен.

—Чепуха, — возражает он. — Капитан достаточно силен, чтобы выдержать это, правда же?

Кириан не отвечает. Он продолжает сидеть с опущенной головой, одной рукой упираясь в колено, а другой — в ступень перед собой, едва удерживаясь на ногах.

—Что здесь происходит? — напряженно спрашиваю я, стоя рядом.

Эрис вооружен, и я думаю, есть ли у меня шанс отобрать у него собственный меч раньше, чем он попробует добраться до меня.

В любом случае, его стража убьет меня за секунду.

Мне трудно дышать.

—Это, дорогая, наша свадебная церемония. — Он указывает на Ниридy, стоящую на коленях на полу, наблюдающую за происходящим с яростью. — А это — мой подарок. Ты всегда ревностно защищала интересы Львов, поэтому я решил, что это будет уместно. Как я и говорил, мы казним ее, но после церемонии, чтобы она могла стать свидетелем.

Кириан содрогается.

—Хотя идея хорошая, — медленно говорю я, прощупывая почву, — мне кажется, Моргане было бы больно это пропустить.

Эрис улыбается широкой, зубастой улыбкой.

—Моя мать будет рада узнать, что я уже женился. Она устроит торжество в нашу честь в Сирии, и все обиды будут заглажены. — Внезапно он хлопает в ладоши. — Ах! Чуть не забыл! Какой я невежливый! Стража! Оружие капитана!

Двое стражников снова исчезают и вскоре возвращаются с поясом Кириана, перевязью на грудь и несколькими ремнями и лентами.

Я не понимаю, зачем Эрису вооружать Кириана, пока один из стражников не передает пояс Эрису, а другие двое поднимают капитана на ноги.

— Позвольте, я помогу вам, — мурлычет он, медленно спускаясь по ступеням, чтобы закрепить сталь на его бедре.

Кириан едва держится на ногах. Двое других поддерживают его, не давая коленям подогнуться под тяжестью ремня.

Самое ужасное начинается потом. Эрис затягивает ремень на его раненой груди, и Кириан издает крик боли, разрывающий мое сердце и заставляющий некоторых из его людей обеспокоиться. Сам капитан замечает это и поднимает руку, чтобы никто не вмешивался. Кто знает, что мог бы сделать им Эрис.

Принц с удовольствием улыбается и похлопывает его по спине.

— Держись, друг. Мы же не хотим, чтобы ты предстал на церемонии безоружным и бесчестным. Если понадобится, тебя поддержат, чтобы ты оставался на ногах.

Эрис жесток и имеет свои причины желать унизить Кириана, но я думаю, что здесь дело не только в ревности, и эта мысль тревожит меня, пока я осторожно наблюдаю за каждым его нарочито медленным движением. Нашел ли он способ доказать, что Кириан был с Ниридой во время мятежа?

Он закрепляет каждую пряжку, затягивает каждый ремень на его обнаженной коже, и Кириан стойко это выносит, пока внезапно не вырывается из рук стражников резким движением, чуть не падая на землю.

Но он удерживается на ногах и поднимает голову.

Эрис смотрит на него сверху, вновь восседая на троне, и улыбается с истинным удовлетворением.

— Так-то лучше. Ты не согласна, Лира?

Сердце бьется так сильно, что мне требуется несколько мгновений, чтобы ответить.

— Я действительно считаю, что это…

— Тихо, — резко обрывает он, без малейшей улыбки. Принц вновь превращается в безжалостную холодную статую, полную лишь ярости. — Ты уже выяснила, чего требовали мятежники? Что они выкрикивали, пока мы их убивали?

Я сжимаю челюсти.

— Как я могла узнать, если ты держал меня взаперти в моих покоях два дня?

Принц одаривает меня презрительным взглядом и наклоняет голову.

— Позволь мне тогда просветить тебя, дорогая Лира. Или, может, это сделает твой капитан? Хотя, возможно, он слишком занят, проводя время у тебя в постели. — Он снова оборачивается ко мне после взгляда на него. — Мятежники умирали, выкрикивая твое имя.

Слова долго доходят до меня. Они висят в воздухе, без определенной цели, пока не оседают тяжестью на моих плечах.

Я открываю рот, но не могу ничего сказать.

— Язычники считают, что именно ты должна править, — смеется он презрительно, как безумец. — Они считают, по какой-то причине, что ты более достойна трона, чем я, чем Моргана, чем любой Лев. Они верят, что трон принадлежит тебе по праву и что ты поведешь их в завоевание, которое освободит все оккупированные земли.

Ледяной коготь скользит по моей спине. Я смотрю на Кириана, но его лицо — лишь красивый и побитый холст, не выражающий ничего, кроме ярости и гордости.

Мой взгляд невольно устремляется к Нириде, все еще стоящей на коленях рядом с троном, и я осознаю, что она смело улыбается поверх кляпа.

Это правда.

Клянусь всеми Воронами.

Эрис говорит правду. Мятежники кричали мое имя. Они хотят видеть меня королевой, и Нирида с Кирианом… они знали об этом.

В последнее время они не уставали повторять, что однажды я стану королевой. Холодный трепет пробегает по спине, когда я осознаю, что речь шла не о моем союзе с наследником Львов.

Солдаты капитанов уже не стараются сохранять спокойствие. Они обмениваются взглядами, затем смотрят на вооруженных стражников, чьи руки лежат на рукоятях мечей.

Кириан с трудом поднимает руку в их направлении, как будто всерьез считает, что они готовы ввязаться в бой столь неравный, что это стоило бы ему жизни.

Эрис медленно поднимается и подходит ко мне так близко, что нас разделяют лишь считанные сантиметры. В его взгляде отвращение.

Он слегка наклоняется ко мне, приближая свое лицо к моему. Я остаюсь твердой и стараюсь выпрямиться.

— Не думай ни на секунду, что я сомневаюсь в твоей причастности к этому позору. Я знаю, что ты мечтала о захвате трона и была достаточно глупа, чтобы поверить, будто шайка заблудших сможет даровать тебе победу. Но не беспокойся, дорогая, я не стану сообщать об этом Моргане. Украденная принцесса, предавшая свой народ, — это слишком легко и предсказуемо, и к тому же, что это оставит нам? Нет. Я не превращу тебя в жалкую мученицу или героиню трагической любовной истории. — Он поднимает руку и сжимает мою челюсть пальцами. — Твое наказание будет заключаться в том, что ты будешь видеть, как я правлю, находясь рядом каждый день, с короной, что не будет стоить и гроша на твоей голове, вечно запертая, лишенная всякой власти, и ночью…

Его презрительная улыбка вызывает у меня тошноту. Я яростно отталкиваю его руку.

Эрис отступает на шаг, смеется и смотрит на меня, словно на надоедливое насекомое. Он обнажает зубы в ухмылке и переводит взгляд на Кириана, стоящего у подножия лестницы, с рукой, опирающейся на согнутое колено, как будто он вот-вот упадет.

Он необычно молчалив. Раны, должно быть, причиняют ему невыносимую боль. Но у него все еще хватает сил встретить его взгляд с небывалой яростью. Его голубые глаза, обрамленные длинными ресницами, полны дикого гнева.

Эрис высокомерно поднимает подбородок.

— Тебе я прикажу отрубить голову, — обещает он, затем с темным наслаждением смотрит на меня. — А тебя буду избивать каждую ночь до тех пор, пока ты не пожелаешь занять его место.

Я не успеваю среагировать.

Открываю рот, чтобы ответить, но гнев застывает в горле, когда замечаю движение у подножия лестницы.

Кириан с трудом опирается на колено , и его волчья усмешка — единственное предупреждение о том, что должно произойти.

Обещание жестокой расплаты.

Он выпрямляется, делает два длинных шага и, взмахнув обеими руками, наносит точный удар мечом.

Это происходит быстро и смертоносно.

Одно мгновение — и принц стоит напротив меня, в следующее — я покрыта кровью. Кровь повсюду: на белом платье, на моих руках, на груди и лице. Я чувствую привкус железа во рту.

Голова Эриса падает к ногам Кириана, тяжело дышащего от усилий. Вся его фигура источает смертельную ярость.

Время словно останавливается.

Тело принца обрушивается на трон, на белый мрамор, теперь залитый кровью.

Шок парализует меня, и я наблюдаю, как будто это всего лишь часть кошмара, как Кириан, с усилием преклонив одно колено, снимает окровавленную корону с головы Эриса.

Он протягивает ее мне и смотрит на меня.

Все еще тяжело дыша и едва держась на ногах от усталости, он умудряется изобразить кривую улыбку.

Весь зал, кажется, охвачен тем же шоком, что и я, неспособный среагировать.

Сердце бьется с неистовой силой, пока я вспоминаю его слова, обещание, что однажды я стану королевой.

Его умелые пальцы протягивают мне золотую корону, которая еще несколько секунд назад покоилась на голове Эриса.

И я принимаю ее.

Я спускаюсь на одну ступень, чтобы достать до нее, хватаю обеими руками, и мир погружается в тишину, когда я водружаю ее на голову, а горячая кровь наследника стекает по моим вискам.

Кириан заговорил впервые.

Паула Гальего - Все Темные Создания
Paula Gallego - Todas las criaturas oscuras
Эпилог

Кириан

Территория Волков. Завоеванные земли. Королевство Эрея.

За несколько мгновений до церемонии…

Снаружи холодно. Я знаю это по ветру за окном, по запотевшим стеклам и снегу, принесенному на ботинках новоприбывших. Но здесь, внутри, тепло; тепло уютно и приятно.

Соргинак позаботились об этом.

Нирида помогает Одетте подойти ко мне, а затем отступает на шаг, как и остальные. Все окружают нас, но держатся на почтительном расстоянии, давая нам уединение.

Одетта улыбается мне. Ее щеки усеяны веснушками, которые от холода стали розовее, а в глазах заметен след усталости. И все же поверх него сияет еще более яркий огонь сдержанного волнения: страх, но также и надежда.

Я чувствую то же самое.

Обнимаю ее за плечи и прижимаю к себе крепче, словно так могу защитить ее навеки, словно так могу поклясться, что все будет хорошо, и она склоняет голову мне на плечо.

Мы оба замираем, полностью погруженные в происходящее, завороженные, пока наблюдаем за крошечным личиком, которое пытается открыть глаза в колыбели.

Я поднимаю руку, чтобы погладить его по щеке, и в этот самый момент мощный грохот пробуждает меня.

Тепло уходит, соргинак исчезают, как и крошечное чудо. От Одетт не осталось и следа.

Вдруг я оказываюсь в своих покоях во дворце Эреи. Стражники без церемоний врываются внутрь и вытаскивают меня из постели, несмотря на вскрик боли, вырвавшийся у меня.

Постепенно туман сна, который казался слишком реальным, покидает меня, и ясность возвращает воспоминания о случившемся во время мятежа и боль от ран.

Меня ведут в тронный зал, и там, на коленях, я вижу Ниридy рядом с Эрисом.

Стоит Одетт, напуганная и одетая в свадебное платье, в образе Лиры.

Боль становится невыносимой, когда меня швыряют на пол, мышцы налиты тяжестью, и все тело умоляет погрузиться в забытье и рухнуть прямо здесь. Но я не могу себе этого позволить.

Почти не осознаю происходящее, пока Эрис заставляет меня надеть пояс с моими оружиями, перевязь и ремни. Я терплю боль, жду. Все остальное застилает туман.

Наследник угрожает мне, а затем и Одетт.

Я опираюсь рукой на колено, проверяю свои силы и возношу молитву Мари а другую Гауэко. Обхватываю меч обеими руками, ведь силы почти не осталось, делаю два длинных шага к Эрису и, одним движением, срезаю его голову с плеч.

Я опускаюсь на колени, измученный. Одетта смотрит на меня с ужасом. Весь остальной мир погружается в тишину и исчезает для меня, пока не остается лишь она.

Я снимаю корону с головы принца и протягиваю ее Одетт, еще покрытую кровью.

Я не сомневаюсь ни на мгновение, что она примет ее. Несмотря на замешательство на ее лице, я знаю, что она это сделает. Я вижу это в этих глазах, которые могут принадлежать только ей, только Одетте; в глубоком, прекрасном зеленом цвете. Это проблеск сквозь магию, которая превращает ее в другого человека, нить, за которую можно ухватиться: дверь к надежде.

Я касаюсь ее пальцев, когда она берет корону, не отрывая от меня взгляда, и замирает, затаив дыхание, пока надевает ее на голову, не дрогнув рукой.

Только тогда я впервые произношу:

— Да здравствует королева королей.

• 1. **Аиде:** – дух бурь, которого можно успокоить с помощью небольших ритуалов и подношений.

• 2. **Эгузки:** – солнце. Дочь Мари.

• 3. **Эгузкилоре:** – цветок семейства чертополоховых, что буквально означает «цветок солнца», используемый для защиты от тьмы и её ужасов.

• 4. **Гальцагорри:** – маленькие духи Гауэко, которые работают неутомимо.

• 5. **Гауарги:**– ночные светлячки, которые появляются только в темное время суток. Их свет помогает найти путь заблудшим путникам.

• 6. **Гауэко:**– повелитель всех темных существ.

• 7. **Хиру:** – чудовищное существо, лишённое совести, которое убивает и пожирает своих жертв.

• 8. **Иларги:** – луна. Божественное существо, ведущее души мёртвых в загробный мир.

• 9. **Ламия:** – магическое существо удивительной красоты, обитающее в пещерах у источников воды.

• 10. **Мари:** – богиня и мать всех магических существ.

• 11. **Соргинак:** – ведьмы.

• 12. **Тартало:** – одноглазый великан и пастух, живущий в лесах.

Список действующих лиц

• **Аарон:** правитель Королевства Львов.

• **Алия:** член Ордена Воронов. Соперница Лиры.

• **Арлан:** брат истинной Лиры.

• **Аврора:** младшая сестра Кириана.

• **Бахам:** герцог Эрэа.

• **Бреннан:** наставник Лиры в Ордене.

• **Дана:** личная служанка Лиры.

• **Эдит:** старшая сестра Кириана.

• **Элиан:** член Ордена Воронов. Напарник Лиры.

• **Элие:** ведьма из Лиобе.

• **Эрис:** наследник Королевства Львов.

• **Кириан:** мальчик, похищенный двором Львов, ныне капитан Севера.

• **Лира (двор Львов):** похищенная принцесса, дочь прежних монархов Эрэа и законная наследница земель Волков. Ныне обручена с Эрисом, принцем Львов и будущим правителем.

• **Лира (Орден Воронов):** член Ордена Воронов, предназначенная для того, чтобы заменить настоящую наследницу.

• **Моргана:** правительница Королевства Львов.

• **Натаниэль:** капитан Львов.

• **Нирида:** девочка, похищенная двором Львов, ныне капитан Севера.

• **Тристан:** старший брат Кириана.

• **Заниа:** герцогиня Эрэа.

.